

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИЗВЕСТИЯ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Периодический научный журнал

№ 4 (136)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2022

Главный редактор

д-р экон. наук, проф. *И.А. Максимцев*

Заместители главного редактора:

д-р экон. наук, проф. *Е.А. Горбашко*, д-р экон. наук, проф. *В.А. Плотников*

Члены редакционной коллегии:

д-р филол. наук, проф. *О.В. Александрова*, д-р экон. наук, проф. *И.И. Антонова*,
д-р экон. наук, проф. *А.В. Бабкин*, д-р экон. наук, проф. *Г.Л. Багиев*, д-р экон. наук, проф. *В.Я. Белобрагин*,
д-р экон. наук, проф. *О.С. Белокрылова*, член-корр. РАН, д-р экон. наук, проф. *С.Д. Бодрунов*,
д-р экон. наук, проф. *Ю.В. Вертакова*, д-р психолог. наук, проф. *И.В. Грошев*,
д-р социол. наук, доц. *С.А. Давыдов*, член-корр. РАН, д-р экон. наук, проф. *И.И. Елисеева*,
д-р истор. наук, проф. *А.Ф. Завгородний*, д-р социол. наук, проф. *Н.Л. Захаров*,
д-р экон. наук, проф. *Н.Г. Иванова*, д-р экон. наук, проф. *А.Е. Карлик*, д-р экон. наук, проф. *К.Б. Костин*,
д-р экон. наук, проф. *Д.Ю. Миропольский*, д-р экон. наук, проф. *Л.А. Миэринь*,
д-р филол. наук, проф. *Г.Г. Молчанова*, д-р филол. наук, проф. *Е.А. Нильсен*,
академик РАН, д-р экон. наук, проф. *В.В. Окрепилов*, д-р экон. наук, проф. *А.Н. Петров*,
д-р социол. наук, проф. *Н.Н. Покровская*, д-р геогр. наук, проф. *В.М. Разумовский*,
д-р экон. наук, проф. *Т.А. Салимова*, д-р экон. наук, проф. *М.В. Сигова*,
д-р филол. наук, доц. *Ю.Г. Тимралиева*, д-р филол. наук, проф. *Т.П. Третьякова*,
академик РАН, д-р экон. наук, проф. *В.И. Трухачев*, д-р филол. наук, проф. *В.Е. Чернявская*,
д-р экон. наук, проф. *Н.И. Яшина*

Журнал входит в перечень изданий, публикации в которых учитываются Высшей аттестационной комиссией (ВАК) Министерства образования и науки Российской Федерации при защите диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

До 2013 года научный журнал «Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета» издавался под названием «Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов».

С 2014 года название журнала изменено в связи с реорганизацией университета-учредителя.

Преемственность выпуска и редакционной политики сохранены. Изменения коснулись лишь наименования журнала.

Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный в Интернете по адресу <http://www.elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). РИНЦ – база данных, содержащая библиографическую информацию, извлеченную из текста статей, а также приставных ссылок (списков литературы).

Точка зрения редакции может не совпадать с мнениями авторов статей.

Ответственность за достоверность приводимых статистических данных, фактов, ссылок на источники несут авторы статей. При перепечатке материалов ссылка на «Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета» обязательна.

Все публикуемые в журнале материалы проходят обязательное рецензирование. В публикации автору может быть отказано в случае отрицательной рецензии либо несоответствия материала профилю издания, что определяется отсутствием экспертов в предметной области статьи в составе рецензентов. В переписку с авторами отклоненных рукописей редакция не вступает, присланные материалы не возвращаются.

Подписные индексы по каталогу агентства «Роспечать» – **15395** и **37154**.

Условия подписки приведены на последней странице журнала.

Учредитель издания – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный экономический университет». Орган, зарегистрировавший средство массовой информации: Роскомнадзор. Свидетельство о регистрации средства массовой информации: ПИ № ФС 77-57287 от 17 марта 2014 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

Закондырин А.Е., Липина С.А. Экологические концепции: сравнительный анализ	7
Макеева Е.С. Марксистский подход к гуманизации экономики и современные концепции счастья	15
Пшеничникова С.Н., Романок И.Д. Характеристики рабочей силы в современной России: структура, динамика, последствия пандемии (тенденции и выводы)	22

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И МИРОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ

Дятлов С.А. Институциональные преобразования как фактор углубления интеграции евразийских стран в условиях усиления полифункциональной гиперконкуренции	30
Козьменко С.Ю. «Causus belli» – современные оттенки глобального противостояния.....	35

ФИНАНСОВЫЙ СЕКТОР ЭКОНОМИКИ

Черненко В.А., Резник И.А. Аспекты конкуренции российских коммерческих банков в концепции элементов ФОКУС.....	40
---	----

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ

Петров А.Н., Миэринь Л.А., Бородина Е.П. Система публичного (государственного) управления судами первой инстанции, рассматривающими экономические споры.....	47
Плотников В.А., Рогатин С.И. Перспективы развития системы государственных закупок и государственного оборонного заказа	61
Харламов А.В., Харламова Т.Л., Поняева И. Государственное управление инновационным развитием с использованием возможностей импортозамещения.....	69

ЭКОНОМИКА ПРЕДПРИЯТИЙ, РЕГИОНОВ И ОТРАСЛЕЙ

Бегалов Б.А., Жуковская И.Е. Развитие сферы услуг – результаты настоящего для перспектив в будущем	76
Айрапетова А.Г., Грега В.М., Соболев Р.К. Эколого-экономические проблемы «зеленого» финансирования предприятий Санкт-Петербурга и Ленинградской области.....	83
Гришков В.Ф. Воздействие политико-экономической турбулентности на экономику региона (на материалах Ленинградской области).....	88
Макеев М.В., Разумовская Д.В. Адресная инвестиционная программа как инструмент реализации проектов модернизации водоочистных систем предприятий целлюлозно-бумажной промышленности.....	96

Егорова Н.М. Цифровизация российского спорта: проблемы и перспективы	102
---	-----

МЕТОДОЛОГИЯ И ИНСТРУМЕНТАРИЙ УПРАВЛЕНИЯ

Жаринов И.О. Нисходящее проектирование в задаче параметрического синтеза системы экономического управления бизнесом Индустрии 4.0	107
Курьшева С.В., Батырова Д.К. Прогнозирование социально-экономических явлений в условиях цифровизации в экономике	113
Кострюкова О.Н., Озимица Л.А. Проблематика применения инструментов цифрового продвижения услуг въездного туризма в России.....	120
Николаев Н.А. Исследование влияния персонализированного подхода к управлению на эффективность деятельности работников производственных предприятий	126
Локтионова Е.В. Оценка эффективности выполнения логистических операций маркетплейсов.....	134

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ И ЭКОНОМИКИ

Марков А.А., Краснова Г.В., Марков А.А. Социальная адаптация в условиях геополитических противоборств	138
Тихомиров Д.В. Латиноамериканская теология освобождения: экономические предпосылки, состояние, опыт православной рефлексии.....	144
Растова Ю.И., Салимьянова И.Г., Растов М.А. Цифровая культура как antecedent успешной цифровой трансформации организации.....	156
Сметанина Т.В. Жизненные циклы социально-экономических систем и их взаимосвязь с социальным планированием и проектированием в условиях меняющейся реальности	161

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ И ТЕОРИИ КОММУНИКАЦИИ

Остякова-Почежерская Г.А. Речевое воздействие как объект исследования	168
--	-----

ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Васильченко Е.Е. Проблемы промышленной интеграции в условиях модернизации экономической системы ЕАЭС	178
Ильина А.А. Управленческие императивы процессов институционализации в сфере науки и образования	183
Лавченко С.П. Формирование умного локального рынка продовольствия с использованием информационно-коммуникационных технологий	188
Лагутин Ю.В. Развитие научно-технологических инноваций в современном мегаполисе.....	194
Мунасыпов А.М. Адаптация международного опыта формирования цен на газ к практике ценообразования российских экспортно-ориентированных газовых компаний	203
Цыбульский А.В. Факторы повышения конкурентоспособности производителей винной отрасли на мировом рынке.....	211

CONTENTS

THEORY AND PHILOSOPHY OF ECONOMY

Zakondyrin A.E., Lipina S.A. Environmental concepts: a comparative analysis.....	7
Makeeva E.S. The Marxist approach towards humanizing the economy and contemporary concepts of happiness.....	15
Pshenichnikova S.N., Romanyuk I.D. Characteristics of the labor force in modern Russia: structure, dynamics, consequences of the pandemic (trends and conclusions).....	22

GLOBALIZATION PROCESSES

Dyatlov S.A. Institutional transformations as a factor of deepening the integration of Eurasian countries in conditions of enhancing multifunctional hypercompetition.....	30
Kozmenko S.Yu. «Casus belli» – modern shades of global opposition».....	35

FINANCIAL SECTOR OF ECONOMY

Chernenko V.A., Reznik I.A. Aspects of competition of Russian commercial banks in the concept of FOCUS elements	40
--	----

STATE REGULATION OF ECONOMY

Petrov A.N., Mierin L.A., Borodina E.P. Public (state) management first instance court system considering economic disputes.....	47
Plotnikov V.A., Rogatin S.I. Prospects for the development of the state procurements and the state defense order systems.....	61
Kharlamov A.V., Kharlamova T.L., Ponyaeva I. State administration of innovative development using import substitution opportunities.....	69

ECONOMY OF ENTERPRISES, REGIONS AND BRANCHES

Begalov B.A., Zhukovskaya I.E. Development of the service sector – results of the present for the future perspective.....	76
Airapetova A.G., Grega V.M., Sobolev R.K. Ecological and economic problems of "green" financing of enterprises of St. Petersburg and Leningrad region	83
Grishkov V.F. Impact of political and economic turbulence on the regional economy (by the materials of the Leningrad region).....	88
Makeenko M.V., Razumovskaya D.V. Targeted investment program as a tool for the implementation of projects for the modernization of water purification systems in the pulp and paper industry	96

Egorova N.M. Digitalization of russian sports: problems and prospects	102
--	-----

MANAGEMENT

Zharinov I.O. Top-down design in the task of parametric synthesis of the management system of Industry 4.0 business.....	107
Kuryshcheva S.V., Batyrova D.K. Forecasting of socio-economic phenomena in the context of digitalization in the economy	113
Kostruykova O.N., Ozimina L.A. The problematics of applying digital promotion tools for inbound tourism services of Russia.....	120
Nikolaev N.A. Investigation of the influence of a personalized approach to management on the efficiency of employees of industrial enterprises	126
Loktionova E.V. Efficiency of logistics operations of marketplaces	134

SOCIOLOGICAL ASPECTS OF MANAGEMENT AND ECONOMY

Markov A.A., Krasnova G.V., Markov A.A. Social adaptation in conditions of geopolitical battlegrounds.....	138
Tikhomirov D.V. Latin American liberation theology: economic conditions, current state and orthodox reflection.....	144
Rastova Yu.I., Salimyanova I.G., Rastov M.A. Digital culture as antecedent of successful digital transformation of organization	156
Smetanina T.V. Life cycles of socio-economic systems and their interrelation with social planning and design in the conditions of a changing reality.....	161

PROBLEMS OF LINGUISTICS AND COMMUNICATIONS THEORY

Ostyakova-Potchesherskaya G.A. Speech impact as an object of research	168
Sanzharova O.N. The mistakes in differentiation of metaphor, metonymy and metaphonymy	127

YONG RESEARCHERS' WORKS

Vasilchenko E.E. Problems of industrial integration in the conditions of modernization of the economic system of the EAEU	178
Ilna A.A. Managerial imperatives of institutionalization processes in the field of science and education.....	183
Lavshenko S.P. Formation of a smart local food market using information and communication technologies	188
Lagutin Y.V. Development of scientific and technological innovations in a modern metropolis.....	194
Munasyrov A.M. Adaptation the international experience of forming natural gas prices to pricing practice of the Russian export-oriented gas companies	203
Tsybulsky A.V. Factors of increasing the competitiveness of wine industry producers in the world market.....	211

Закондырин А.Е., Липина С.А.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В статье на базе открытых источников научно-аналитического характера анализируются экологические концепции развития промышленного сектора и тенденции преобразований в экономике, ведущие к становлению эколого-ориентированной экономики. Рассматривается существующая терминология в части экологизации промышленного сектора. Акцентируется внимание на особенностях и уровнях различных природоохранных концепций. Указаны проблемы, препятствующие становлению низкоуглеродного развития и экономики замкнутого цикла.

Ключевые слова. Экологизация промышленности, устойчивое развитие, зеленая экономика, экономика замкнутого цикла, низкоуглеродное развитие.

Zakondyrin A.E., Lipina S.A.

ENVIRONMENTAL CONCEPTS: A COMPARATIVE ANALYSIS

Abstract. The article analyzes the environmental concepts of industrial sector development and trends of transformations in the economy leading to the formation of "green economy" on the basis of open sources of scientific and analytical nature. The directions of greening of the industrial sector are considered. Attention is paid to the features and levels of various environmental concepts. The problems hindering the formation of low-carbon development and closed-cycle economy are indicated.

Keywords. Greening of industry, sustainable development, green economy, circular economy, low-carbon development.

Введение

Промышленное развитие в современной экономике сопровождается бурным внедрением экологических инноваций и интенсификацией различных зеленых инициатив. Фактор преобразований эколого-ориентированного типа в экономике и обществе является глобальным, связан во многом с климатической повесткой в части борьбы с глобальным потеплением и снижением эмиссии техногенного углекислого газа. В мировой практике можно наблюдать создание эффективных институтов, механизмов, критериев ESG (Environmental – окружающая среда, Social – социальная сфера, Governance – управление) для поддержки экологических, климатических инновационных инициатив. Экологические при-

ГРНТИ 06.71.63

EDN AENKJJ

© Закондырин А.Е., Липина С.А., 2022

Александр Евгеньевич Закондырин – кандидат юридических наук, генеральный директор Ассоциации разработчиков природоохранных технологий и экологических инициатив.

Светлана Артуровна Липина – доктор экономических наук, заместитель председателя Совета по изучению производительных сил Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации.

Контактные данные для связи с авторами (Липина С.А.): 119285, Москва, Воробьевское ш., 6А (Russia, Moscow, Vorobyovskoye road, 6A). Тел.: 8 905 505 55 21. E-mail: s.lipina@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 27.06.2022.

ритеты в современном мировом хозяйстве определяют и большое количество экономических и управленческих задач. Безусловно, необходимо понимать, что баланс экономических, социальных и экологических целей представляется приоритетным при подготовке и дальнейшей реализации масштабных промышленных проектов [5].

Отдельно стоит отметить и климатическую политику, которая связана с устойчивым развитием и формированием низкоуглеродных производств. Необходимость оптимизации и диверсификации текущей климатической политики назрела еще в начале 21 века [18], однако, необходимые для этого действия так и не были приняты. Существующий дисбаланс финансовой поддержки климатических технологий не даст возможности выйти на целевые показатели удержания темпов роста температуры ниже 1.5°C, а, при наступлении неблагоприятного сценария, не позволит достичь и климатических целей в 2°C. Это связано с тем, что полное замещение углеводородных ресурсов возобновляемой энергетикой в обозримом будущем технически невозможно [22].

При переходе к эколого-ориентированным системам в промышленности важно внедрять в действующую систему государственного регулирования элементы управления качеством окружающей среды и природопользования, ориентированные, в том числе, и на низкоуглеродное развитие. Кроме того, целесообразно выстраивать научно-обоснованные технологические и управленческие системы функционирования промышленного сектора на основе понимания и использования концепций эколого-сбалансированного развития, в частности таких, как «зеленая» экономика, экономика замкнутого цикла, низкоуглеродная экономика с безусловным соблюдением принципов и требований устойчивого развития.

Наращение экологических рисков, включая климатические, по мере интенсивного развития промышленного производства предопределило значимость поиска путей и направлений нивелирования накопленного ущерба и противостояния новым негативным последствиям в сфере охраны окружающей среды (ОС). Впервые тезис о необходимости перехода от экстенсивного к интенсивному типу развития был высказан в рамках Римского клуба еще в 1972 году. Впоследствии данная проблематика получила широкое обсуждение в международных научных кругах [9]. Становление концепции устойчивого развития и заключение первых важнейших международных соглашений пришлось на последние десятилетия 20 века. Концепция устойчивого развития представляется как фундаментальная в части ориентации на промышленное развитие с одновременным снижением воздействия на природные системы. Остальные эколого-ориентированные концепции, по нашему мнению, видятся производными от парадигмы устойчивого развития.

Цель исследования: обобщить характерные черты и принципы экологических концепций и сформулировать ключевые особенности эколого-ориентированных концепций через призму промышленного развития. Задачи исследования: выполнить обзор понятий «устойчивое развитие», «зеленая экономика», «экономика замкнутого цикла», «низкоуглеродное развитие»; выявить соответствия и противоречия между экологическими концепциями; предложить критерии сравнения эколого-ориентированных концепций и определить их влияние на промышленное развитие.

Материалы и методы

Статья носит обзорный характер и направлена на изучение существующих теоретических исследований. В частности, рассматриваются принципы и подходы широко известных экологических концепций, оказывающих существенное влияние на развитие современного общества и промышленности. Материалами исследования выступали данные, представленные в открытых источниках.

Используя методы дивергенции, авторы обобщают существующую литературу и аналитическую информацию о проблеме устойчивого развития и тенденциях решения эколого-ориентированных проблем современной экономики. В статье осуществляется визуализация и обсуждение проблемы современной промышленности для целей достижения эффективности использования ресурсов при одновременном уменьшении воздействия на природные экосистемы. Также выполняется анализ формулировок и теоретических подходов к описанию достигнутого уровня и скорости перемен в части экологизации экономики.

Основные методы исследования: методы, сравнительного, критического и причинно-следственного анализа. Для решения частных задач использовались методы обобщения, типологии, декомпозиции, синтеза.

Результаты и их обсуждение

В 1987 году в рамках отчета Всемирной комиссии по окружающей среде и развитию «Наше общее будущее» впервые отражена концепция устойчивого развития (УР). При этом УР трактовалось как комплекс взаимосвязанных мероприятий, направленных на удовлетворение текущих потребностей человека и общества, без ущерба для будущих поколений [12]. На II Международной конференции ООН по окружающей среде «Концепция устойчивого развития» (1992 год) была официально утверждена первая программа, определившая ключевые направления международного сотрудничества в сфере охраны ОС [8]. С этого момента УР стало движущей силой, способствующей переходу на принципиально новый вектор развития для бизнеса, правительства, научных организаций, исследователей, и представляло собой принципиально новый подход, пришедший на смену техногенной экономике. УР ориентировалось, в первую очередь, на экологические требования по сохранению природных экосистем и улучшению условий человеческой жизнедеятельности.

Понятие «зеленая экономика» широко распространяется в последние годы. «Зеленая экономика» направлена на повышение благосостояния общества, эффективное использование ресурсов, рациональное природопользование. Она направлена на «социальную справедливость». При этом концепция зеленой экономики ориентирована на минимизацию экологических рисков и сохранение природного капитала [20]. На первый взгляд, устойчивое развитие и зеленая экономика – очень схожие концепции. Однако, как представляется авторам, устойчивое развитие – это общая философия устройства экономики и общества в современных условиях прогрессивного развития. То есть более обширная система взглядов, которую можно трактовать как парадигму современного общества.

«Зеленую экономику» также можно рассматривать и как механизм, объединяющий в одну систему разносторонний набор экономических инструментов, имеющих отношение к устойчивому развитию. Вопросы низкоуглеродного развития также рассматриваются в контексте «зеленой экономики» [21]. Концепция «зеленой» экономики, ее механизмы и инструменты обсуждаются не только в академических и экспертных кругах. Возможности и необходимые экономические, нормативные, правовые организационно-управленческие механизмы реализации зеленых проектов и зеленых инвестиций широко дискутируются и на политическом уровне. Терминология и концепция «зеленой экономики» давно вошла в употребление, став важной частью различных международных документов и программ [2].

Концепции «зеленой» экономики и УР не являются взаимозаменяемыми. «Зеленая» экономика является лишь составной частью устойчивого развития, дополняя направление устойчивого экономического роста. В целом зеленую экономику можно представить как инструмент устойчивого развития. Популярную сегодня модель циркулярной экономики можно также рассматривать как один из вариантов практической реализации зеленой экономики, направленный на создание замкнутых производственных цепочек.

Традиционная линейная модель использования ресурсов является нерациональной и не соответствует идее устойчивого развития. Такая система не дает производителям достаточных стимулов, чтобы выпускать продукцию, которую можно подвергнуть переработке. Большинство продуктов выходят из потребления слишком быстро, их нельзя переработать, а многие и вовсе предназначены только для одноразового использования. Такое потребление ведет к быстрому истощению доступных природных ресурсов, увеличению количества отходов и загрязнений, которые, как по количеству, так и по токсичности, превышают способность мировой экосистемы к самоочищению.

Экономика замкнутого цикла (или циркулярная экономика) – это тип экономики, предполагающий создание непрерывных производственно-технологических циклов и тем самым минимизирующий вероятность увеличения объемов промышленных отходов. Считается, что экономика замкнутого цикла минимизирует системные риски экономического и экологического характера за счет управления конечными запасами и возобновляемыми потоками [17]. В классическом варианте циркулярная модель действует на принципах «3R»: reduce (сокращение), reuse (повторное использование), recycle (переработка). Однако, на сегодняшний день в некоторых источниках принципы получили расширение до «9R» [3].

Согласно ГОСТ Р 57702-2017 «Ресурсосбережение и обращение с отходами» [7], создание замкнутых циклов в экономике и промышленности – это попытка воспроизведения циклов, функционирующих в природе. Соответственно, производство продукции в рамках промышленных (промышленно-сырьевых) систем должно перерабатываться с целью минимизации нарушения природных систем и более полно использовать ресурсы и природный капитал [1]. Например, прогнозируется, что при переходе к замкнутому циклу в производстве 4 ключевых промышленных материалов (цемент, сталь, пластик, алюминий) произойдет снижение уровня выбросов CO₂ на 40% к 2050 г. Сокращение техногенной эмиссии углерода

предполагается достичь путем существенного роста срока использования производственных фондов, таких как здания и транспортные средства. Также уменьшение выбросов может быть достигнуто с помощью повторного использования материалов в технологическом цикле. Это позволит снизить спрос на новое сырье, включая минеральные ресурсы, а также выбросы, связанные с производством сырья [6, 13].

Важным фактором при организации производственных схем замкнутого цикла является обеспечение взаимосвязанности и взаимодополняемости элементов, а также сведение к минимуму вероятности возникновения «узких мест». Организация производства на основе внедрения «безотходных технологий» замкнутого цикла предполагает минимизацию потерь сырьевых ресурсов на каждом из этапов и, как следствие, сокращение суммарных объемов промышленных отходов.

Последовательный переход от использования традиционных ресурсо- и материалоемких к безотходным (малоотходным, ресурсосберегающим) технологиям позволит уйти от открытых систем (свободный вход и выход материальных и ресурсных потоков) к системам полукрытого и закрытого типов, в которых все вторичные ресурсы и отходы подлежат переработке с целью сведения к минимуму объемов промышленных отходов [7]. Концепцию «экономики замкнутого цикла» можно представить как часть «зеленой экономики».

Концепция низкоуглеродной экономики впервые была предложена в 2003 году Правительством Великобритании. Она определена как экономика, основанная на идее получения большего экономического эффекта за счет повышения эффективности использования энергии и снижения выбросов CO₂ [19, 23]. Низкоуглеродная экономика, безусловно, связана и со снижением потребления ископаемого топлива. Например, к опциям снижения эмиссии углекислого газа можно отнести внедрение технологий, позволяющих осуществить в энергосистемах переход с угля на природный газ или на возобновляемые источники энергии. Энергоэффективность и использование ресурсосберегающих материалов, требующих меньшее количество энергии, тоже является опцией снижения эмиссии углекислого газа и отражает концепцию низкоуглеродного развития. В рамках низкоуглеродной экономики существуют такие технологии как улавливание, полезное использование и/или захоронение углекислого газа (технологии секвестрации, CC(U)S). Технологии секвестрации могут рассматриваться как производственные цепочки замкнутого цикла.

Процессы улавливания отделяют углекислый газ с помощью мембранных установок, аминных очистителей [14]. Затем его транспортируют по трубам до установок по закачке в пласт, чтобы изолировать его на длительный срок от атмосферы. Его также можно использовать для создания новых продуктов из CO₂ [16]. Уловленный CO₂ можно использовать как продукт, обладающий экономической ценностью. Возможно применение техногенного CO₂ в нефтяной промышленности для увеличения нефтеотдачи [10].

На настоящее время разработано около 50 технологий по использованию CO₂. Использование CO₂ делится на прямое использование, например, для производства карбамида или повышения урожайности, и преобразование CO₂ для производства сырья и продукции. Производство некоторых видов продуктов, таких как строительные материалы, уже достигло коммерциализации и широко распространено. Часто используют углерод в строительной отрасли, например для получения бетона с отверждением за счет CO₂ или производство заполнителей из природных минералов или отходов. В регионах с дешевой возобновляемой электроэнергией ряд технологических процессов, связанных с преобразованием CO₂ в метан и метанол, достигли ранней стадии коммерциализации. Остальные же варианты полезного использования CO₂ находятся пока что на начальных стадиях коммерциализации. Категории продуктов также различаются между собой размером потенциальных рынков, энергоемкостью преобразования и объемом поглощения CO₂. В целом низкоуглеродную экономику можно представить как часть «зеленой экономики».

Общее видение каждой из рассмотренных концепций представлено на рисунке. Рисунок отражает тот факт, что именно концепция устойчивого развития является основной идеей современной экономики и экологизации промышленности и включает в себя все важные направления, охватывающие все сферы современного общества и промышленности. Так, например, идея «зеленой экономики» констатирует, что основные изменения в направлении улучшения состояния природы и уменьшения воздействия на окружающую среду могут быть достигнуты за счет фундаментальных изменений в промышленности и других сферах деятельности через методологию и инструментарий реализации сложных организационно-экономических и управленческих процессов. Модели циркулярной экономики и низкоуглеродного развития можно рассматривать как варианты практической реализации «зеленой экономики», направленные на создание замкнутых технологических цепочек и технологий сокращения выбросов техногенного CO₂.

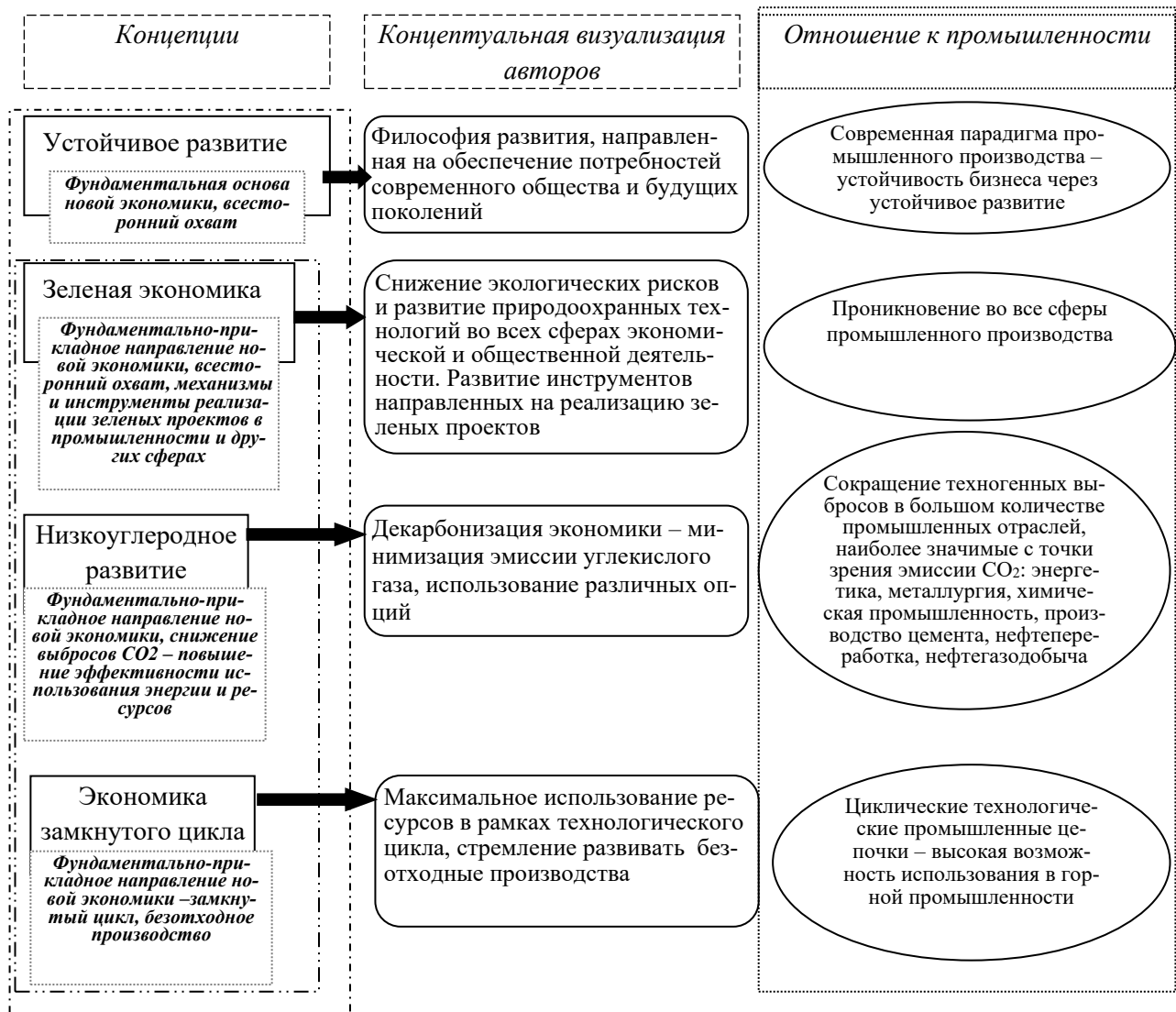

Рис. Визуализация эколого-ориентированных концепций: влияние на промышленное развитие

Ключевые характеристики эколого-ориентированных концепций через ряд выделенных автором критериев представлены в таблице. Поскольку все концепции носят эколого-ориентированный характер, соответственно отношение к окружающей среде в каждой из них подчеркнуто высокое, поэтому предлагаются критерии, отражающие отношение представленных концепций к экономике, эффективному использованию ресурсов, человеку, технологиям и управлению.

Модернизация экономики в направлении «экологизации» производства и потребления является обязательным условием устойчивого развития, так как глобальные экологические проблемы, такие как изменение климата, потребуют для своего решения управленческих и организационных механизмов предупредительного характера. Это означает потребность в фундаментальных изменениях в способах ведения бизнеса предприятиями во всем мире, развитии технологий в промышленном секторе и выборе среди них менее материалоемких и энергоемких, нежели существуют сейчас.

Во всем этом промышленность как движущая сила современного общества, обеспечивающая всем необходимым население, должна сыграть решающую роль. Производственные системы должны ориентироваться на экономию природного капитала, использование меньшего количества энергии, воды, минерального сырья, обеспечивая при этом экономический рост. В этом случае мы можем говорить про

устойчивое развитие. Сегодня все еще многие промышленные предприятия используют больше материалов и энергии, чем требуется их производственным процессам, поскольку они не могут принять новые схемы управления и продолжают использовать устаревшие и неэффективные технологии.

Таблица

Ключевые характеристики эколого-ориентированных концепций

Критерий сравнения	Устойчивое развитие	Зеленая экономика	Низкоуглеродное развитие	Экономика замкнутого цикла
Уровень глобального охвата в рамках мировой экономики	Мировая экономика и социум	Глобальный макроэкономический уровень, национальный	Отрасли промышленности, жилищно-коммунальное хозяйство, транспорт	Промышленные производства, жилищно-коммунальное хозяйство
Отношение к экономике	Экономика важна, но только в совокупности с достижением социальных и экологических целей	Институциональные аспекты – вопросы ответственного финансирования, развитие экономических механизмов стимулирования инвестиций в зеленые проекты	Поиск путей уменьшения затрат на использование новых технологий, способных снизить эмиссию CO ₂ . Превращение пилотных проектов в коммерческие	Постоянный поиск экономического эффекта вовлечения вторичных ресурсов в промышленный оборот. Экономическая эффективность управления отходами
Отношение к технологиям	Индустриализация через инновации. Технологичность и инновационность – важные критерии, но не являются фундаментальной основой	Зеленые технологии – большой перечень и глобальный контекст их оценки и последующего внедрения	Высокая технологичность – например сложные и дорогостоящие технологии секвестрации CO ₂ – возможность использования механизма (концепции) наилучших доступных технологий (НДТ)	Сложные технологии, поиск новых технологических решений рентабельного производства. Например, извлечение полезных компонентов из отходов горного производства. Использование НДТ
Отношение к эффективному использованию ресурсов	Повышение эффективности использования ресурсов в глобальном масштабе и сохранение природного капитала	Рост производства при одновременном снижении нагрузки на окружающую среду. Сохранение природного капитала	Энергоэффективность и ресурсосбережение, использование отходов, которые никогда раньше не использовались как ресурс – техногенный CO ₂	Использование техногенных ресурсов, которые раньше были экономически нерентабельными
Отношение к человеку	Важнейшая целевая установка – повышение качества жизни людей	Повышение благосостояния людей и снижение экологических рисков	Климатическая повестка во главе угла. Это, безусловно, важно для социума	Сокращение отходов и площадей нарушенных земель – влияние на качество жизни людей
Отношение к управлению	Высокий стратегический уровень – международные конвенции, госрегулирование, стратегический менеджмент компаний	Уровень национальной экономики, менеджмента компаний – развитие систем управления и ответственных руководителей с природоохранной философией ведения бизнеса	Эколого-ориентированный стиль управления в совокупности с инновационностью, обеспечивающий реализацию сложных граночно-рентабельных проектов	Инженерный стиль управления, решение сложных технологических задач

В новой экономике необходимо обеспечивать снижение воздействия на окружающую среду при одновременном развитии разных промышленных секторов. Одним из ключевых аспектов эколого-ориентированных концепций является формирование эффекта декаплинга (decoupling). Его суть состоит в обеспечении экономического роста, при снижении потребления ресурсов, таких как вода, энергия, сырье, и, как следствие, уменьшению нагрузки на природные системы [4, 11, 15].

Заключение

Таким образом, можно констатировать, что концепция или даже парадигма устойчивого развития в большей степени ориентируется на установление баланса между экономикой, социумом и экологией. При этом целесообразно отметить важность инновационно-технологических достижений при формировании социо-эколого-экономического баланса. Для будущих поколений важен не современный экономический результат, а сохранность и восстановление природных ресурсов в долгосрочной перспективе.

В рамках концепции зеленой экономики акцент смещен в пользу эффективного использования природного капитала, его воспроизводства и преумножения в условиях возрастающих потребностей рынков и увеличения вероятности возникновения экологических рисков. Зеленая экономика всесторонне охватывает механизм управления и его составляющие, такие как организация и планирование, с целью привлечения ресурсов в зеленые проекты и удовлетворения всех заинтересованных сторон.

Циркулярная экономика ориентирована на оптимизацию потребления первичных ресурсов и снижение объемов формируемых отходов. Также к ее главным задачам относятся сохранение и преумножение имеющегося природного капитала, оптимизация использования вовлекаемых в процессы производства и потребления ресурсов за счет циркуляции продуктов, повышение эффективности экономической системы путем исключения негативных внешних факторов.

Низкоуглеродное развитие ориентируется на минимизацию выбросов углекислого газа в промышленном секторе и других сферах экономики, при этом существует большое количество технологий снижения эмиссии, к которым относят различного рода мероприятия по повышению энергоэффективности, внедрению систем энергообеспечения, направленных на замену топлива, использованию более экологически чистого сырья, использованию технологий улавливания и захоронения углерода и др.

Национальная экономика России модернизируется, в этой связи требуется научное обоснование методологии, позволяющей выбирать и оценивать технологии, обеспечивающие рост и одновременное снижение воздействия на природные системы. Важно формировать стратегические программы развития различных секторов национальной экономики, которые должны всецело учитывать рассмотренные в исследовании концепции, совершенствовать стратегическое планирование в промышленности и выстраивать инновационные модели бизнеса, где социальная и экологическая ответственность промышленников, инвесторов, недропользователей существенно повышается.

Современный уровень технологического развития в промышленном секторе должен ориентироваться не только на производительность и способность наращивать объемы производства. Необходимо формировать стратегии эколого-ориентированного характера с целевой установкой: нарастить объемы производства, потратить оптимальное количество ресурсов и именно столько, сколько необходимо для восстановления природных систем, снизить экологические и климатические риски.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. *Александрова В.Д.* Современная концепция циркулярной экономики // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук.* 2019. № 5-1. С. 87-93.
2. *Бобылев С.Н., Соловьева С.В.* Методические подходы к разработке эколого-экономического индекса регионов РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://wwf.ru/upload/iblock/dc8/index.pdf> (дата обращения 15.05.2022).
3. *Гурьева М.А.* Теоретические основы концепта циркулярной экономики // *Экономические отношения.* 2019. Т. 9. № 3. С. 2311-2336.
4. *Забелина И.А.* Эффект декаплинга в эколого-экономическом развитии регионов-участников трансграничного взаимодействия // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз.* 2019. Т. 12. № 1. С. 241-255.

5. Зелёная экономика: управление развитием. Стратегия и тактика: монография / под ред. С.А. Липиной, Е.В. Кудряшовой. Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет, 2022. 263 с.
6. Кузнецова Е.А., Череповицына А.А. Утилизация углекислого газа и циркулярная экономика: мир, Россия, Арктика // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2021. № 4.
7. Национальный стандарт РФ «Ресурсосбережение и обращение с отходами». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rts-tender.ru/poisk/gost/r-57702-2017> (дата обращения 04.05.2022).
8. Официальный сайт ООН. Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml (дата обращения 05.06.2022).
9. Римский клуб: идея устойчивого развития // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2017. № 2 (30). С. 213-225.
10. Череповицын А.Е., Сидорова К.И., Смирнова Н.В. Целесообразность применения технологий секвестрации CO₂ в России // Нефтегазовое дело: электронный научный журнал. 2013. № 1. С. 459-473.
11. Assessing Global Resource Use: A Systems Approach to Resource Efficiency and Pollution Reduction. Nairobi, Kenya: International Resource Panel, United Nations Environment Programme. IRP. 2017.
12. Brundtland G.H. Our Common Future: Report of the World Commission on Environment and Development. United Nations. Geneva, 1987.
13. Completing the Picture: How the Circular Economy Tackles Climate Change. Ellen MacArthur Foundation. September, 2019.
14. Hasan M.M.F. [и др.]. A multi-scale framework for CO₂ capture, utilization, and sequestration: CCUS and CCU // Computers and Chemical Engineering. 2015. № 81. P. 2-21.
15. Hennicke P. Decoupling Economic Growth From Resource Consumption. A Transformation Strategy with Manifold Socio-Economic Benefits for India And Germany. 2014.
16. Hopkinson P. [и др.]. Managing a Complex Global Circular Economy Business Model: Opportunities and Challenges // California Management Review. 2018. № 3 (60). P. 71-94.
17. MacArthur E. Towards a circular economy: business rationale for an accelerated transition // Greener Manag International. 2015. Vol. 20.
18. Moss R.H., Edmonds J., Hibbard K. [и др.]. The next generation of scenarios for climate change research and assessment // Nature. 2010. Vol. 463. № 7282. P. 747-756.
19. Our energy future – Creating a low carbon economy. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/272061/5761.pdf (дата обращения 03.05.2022).
20. UNEP U. Towards a green economy: Pathways to sustainable development and poverty eradication. Nairobi, Kenya: UNEP. 2011.
21. UNDP China. China and Sustainable Development: Towards a Low-Carbon Economy and Society. Beijing: UNDP China, 2010.
22. Walsh B.J., Rydzak F., Palazzo A. [и др.]. New feed sources key to ambitious climate targets // Carbon balance and management. 2015. Vol. 10. № 1. P. 1-8.
23. Yuan H., Zhou P., Zhou D. What is low-carbon development? A conceptual analysis // Energy Procedia. 2011. Vol. 5. P. 1706-1712.

Макеева Е.С.

МАРКСИСТСКИЙ ПОДХОД К ГУМАНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ И СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ СЧАСТЬЯ

Аннотация. На базе современных концепций счастья в статье анализируется возможность использования идей К. Маркса (1818-1883) о творческо-общественной природе человека в качестве методологической основы исследования феномена гуманизации экономики. Делается вывод об их актуальности в XXI веке и при этом предлагается дополнительно включить в сферу рассмотрения моральные ограничения для объединения принципов гуманизма как антропоцентризма с принципами гуманности как этичности.

Ключевые слова. Марксизм, гуманизация экономики, счастье.

Makeeva E.S.

THE MARXIST APPROACH TOWARDS HUMANIZING THE ECONOMY AND CONTEMPORARY CONCEPTS OF HAPPINESS

Abstract. Using contemporary concepts of happiness, the author analyzes the applicability of K. Marx's (1818-1883) ideas about creative and social human nature as a possible methodological basis for studying the phenomenon of humanizing the economy. It is concluded that these ideas are relevant in the 21st century, but it is necessary to complete them with moral restrictions in order to unite the principles of humanism as anthropocentrism with those of humaneness as the primacy of ethics.

Keywords. Marxism, humanizing the economy, happiness.

Введение

Формулирование базовых положений гуманизации экономики вызывает повышенный интерес как с теоретической, так и с практической точек зрения из-за отсутствия в науке единого сущностного определения данного понятия, а также ввиду наличия в экономических системах многочисленных противоречий, серьезно подрывающих человеческое благополучие, благосостояние и процветание, выходящих за рамки частных хозяйственных проблем и по сей день требующих тщательного осмысления и нивелирования. Основываясь на идеях марксистской школы, покоящихся на глубоком философско-антропологическом анализе и в силу этого привлекающих своей фундаментальностью, можно предположить, что гуманна та экономика, которая способствует преодолению отчуждения и создает условия для реализации творческо-общественной природы человека [7, с. 168, 170-171; 11, с. 70-71; 19, с. 327-329, 347; 20, с. 107; 25, с. 190, 196; 27, с. 16-17; 28, с. 589]. В статье предпринимается попытка верифицировать и актуализировать модель человека К. Маркса как одну из возможных методологических предпосылок изучения феномена гуманизации экономики на базе современных концепций счастья междисциплинарного характера.

ГРНТИ 06.01.07

EDN CCTNBS

© Макеева Е.С., 2022

Елена Сергеевна Макеева – кандидат экономических наук, доцент, докторант кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Контактные данные для связи с автором: 191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21 (Russia, St. Petersburg, Sadovaya str., 21). E-mail: makeeva.e@unecon.ru.

Статья поступила в редакцию 14.06.2022.

Материалы и методы

В первом приближении счастье представляется абсолютно неуловимым и эфемерным явлением, не поддающимся объективизации и формализации. Тем не менее, все чаще и чаще оно рассматривается как альтернатива традиционным макроэкономическим показателям (например, ВВП или ВНП) [29, с. 27; 49, с. 8-9; 52, с. 27, 36, 44; 54, с. 14; 55, с. 75; 65; 79; 80]. В Бутане, Нигерии, Индии, Венесуэле и Объединенных Арабских Эмиратах (ОАЭ) созданы национальные или региональные министерства счастья [26, с. 79; 48, с. 232; 61], а различные аналитические центры и международные организации периодически рассчитывают композитные индексы счастья.

Так, Фонд новой экономики (New Economics Foundation, г. Лондон) с 2006 г. измеряет Индекс счастливой планеты (Happy Planet Index), а Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) с 2011 г. – Индекс лучшей жизни (Better Life Index). Организация Объединенных Наций (ООН) с 2012 г. публикует ежегодный Всемирный доклад о счастье (World Happiness Report) [2, с. 36-37; 13, с. 716-717; 52, с. 40-41; 72]. Об особом интересе широкой аудитории к указанной теме на рубеже XX-XXI вв. свидетельствуют заметное повышение спроса на книги со словом «счастье» в заголовке (сведения о продажах Интернет-магазина Амазон) и увеличение количества соответствующих постов в социальных сетях [39, с. 13]. Что касается современных психологических исследований счастья, их оригинальность и необходимость подтверждаются тем фактом, что с 1887 по 2003 гг. в мире было издано 70 856 научных статей, посвященных негативным эмоциям, и всего лишь 2 958 – позитивным, в т.ч. счастью [74, с. 159].

Важной вехой стало выявление американским экономистом Р. Истерлином (Easterlin) (род. в 1926) в 1974 г. парадокса, гласящего, что в долгосрочной перспективе рост доходов не делает людей более счастливыми [1, с. 46-50; 29, с. 28; 45, с. 11176; 46, с. 22463]. Бесспорно, подобная идея высказывалась и ранее (например, Ж. Алмейдой Гарретом (Almeida Garrett) (1799-1854) в романе «Путешествия по моей земле» («Viagens na Minha Terra») (1846) [50, с. 21]), однако новаторство Р. Истерлина состояло в проведении подробных эмпирических изысканий на базе экономических и социологических данных. Интересно, что, по своему собственному признанию, ученый употреблял термин «счастье» в качестве синонима благосостояния, благополучия, полезности и удовлетворенности жизнью [45, с. 11176] (эту точку зрения разделяют, например, российские психологи А.Л. Журавлев (род. в 1948) и А.В. Юревич (род. в 1957), полагая, что указанные понятия «покрывают одно онтологическое поле и тесно связаны друг с другом» [13, с. 722]).

В XXI столетии существование парадокса Р. Истерлина подтверждается тревожной статистикой совершения попыток суицидов и потребления антидепрессантов в передовых капиталистических государствах [41, с. 11-12; 48, с. 221; 54, с. 14, 53]. Каковы же причины этого? Проанализированные объяснения и комментарии экономистов О.Н. Антипиной, Р.С. Гринберга (род. в 1946), Г.Н. Цаголова (1940-2019), Г. Беккера (Becker) (1930-2014), Н. Бузу (Bouzou) (род. в 1976), Л. Давуан (Davoin), К. Сеник (Senik), Р. Скидельского (Skidelsky) (род. в 1939), Э. Феличе (Felice) (род. в 1977), психологов А.Л. Журавлева, Д.А. Леонтьева (род. в 1960), А.В. Юревича, Р. Вальдингера (Waldinger) (род. в 1951), Т. ВандерВееле (VanderWeele), Д. Павельски (Pawelski) (род. в 1967), М. Селигмана (Seligman) (род. в 1942), социологов З. Баумана (Bauman) (1925-2017), Р. Инглхарта (Inglehart) (1934-2021), Ж. Липовецкого (Lipovetsky) (род. в 1944), Г. Шёка (Schoeck) (1922-1993), философов А.Г. Деменева (род. в 1974), К.Л. Ерофеевой, Э. Морена (Morin) (род. в 1921), Ф. Саватера (Savater) (род. в 1947), Э. Скидельского (Skidelsky) (род. в 1973), Ж. де Фюнес (De Funès) (род. в 1979) и иных отечественных и иностранных исследователей перекликаются, с одной стороны, с реалиями наших дней, а с другой – с извечными проблемами человечества.

Во-первых, конец XX и начало XXI вв. ознаменовались серьезными технологическими шоками, повлекшими за собой ужесточение требований к качеству рабочей силы [64], ускорение ритма жизни [57, с. 26], возникновение у людей переизбытка свободного времени в отсутствие зрелой культуры его использования на фоне расцвета консьюмеризма [3; 18, с. 45; 29, с. 35; 35, с. 67; 54, с. 13-14; 74, с. 161]. Вкупе с нетворческим характером труда [9, с. 22] и доминированием патерналистских методов управления, принятых во многих западных компаниях и приводящих к быстрому профессиональному выгоранию персонала [38, с. 9-10], данные явления неизбежно провоцируют стрессы и фрустрации. Говоря философским языком, наблюдаются эфемерность гедонистического счастья и недостижимость эвдемонистического счастья, ассоциирующегося с самоактуализацией [10; 13, с. 721; 18, с. 45; 23, с. 43; 43, с. 11; 73, с. 8, 14].

Вероятно, эвдемонистические устремления и притязания, описанные еще Аристотелем (384-322 до н.э.) [23, с. 37; 24, с. 236; 73, с. 7; 77], а под его влиянием и, например, Б. Спинозой (1632-1677) [42, с. 26, 191, 295; 62; 77], всегда были свойственны человеку (хотя при этом справедливо подчеркнуть, что ни Аристотель, ни Б. Спиноза не отвергали и умеренный гедонизм [42, с. 296; 53, с. 31, 35-36, 38; 77, с. 537]). О важности реализации своего потенциала свидетельствуют упомянутые Дж.М. Кейнсом (Keynes) (1883-1946) в эссе «Экономические возможности для наших внуков» («Economic Possibilities for our Grandchildren») (1930) нервные срывы от праздности у женщин из богатых семей Великобритании и США [70] или проанализированные Д. Ариэли (Ariely) (род. в 1967) психологические особенности потребительского поведения американских домохозяек, не желавших покупать появившиеся в конце 1940-х гг. готовые смеси для пирогов с пометкой «просто добавить воды» по причине чрезвычайной незатейливости рецепта [69]. Интересен и тот факт, что среди наследников крупных состояний нередко оказывается меньше счастливых людей, чем среди тех, кто заработал деньги собственным трудом [38, с. 74; 76].

Второй пласт толкований и интерпретаций парадокса Р. Истерлина имеет отношение к феномену зависти и ревнивого сравнения своих доходов с доходами окружающих – друзей, коллег, соседей, родственников и пр. [2, с. 38; 15, с. 454; 37, с. 11; 39, с. 54; 41, с. 22-23; 45, с. 11182; 53, с. 71; 60, с. 8]. Это возможно ввиду относительной прозрачности информации о материальных благах [45, с. 11181] и их подчас не в меру активного демонстрирования в социальных сетях. Зависть не случайно строго порицается многими религиозными конфессиями [12, с. 330; 16, с. 210; 32, с. 42]. Чаще всего она либо вводит человека в уныние [31], либо подталкивает к совершению недостойных поступков и подрывает общественные связи. Вопрос же о ее созидательности пока что остается дискуссионным [12, с. 330; 16, с. 209; 17, с. 114].

Весьма любопытно, что памятник мировой культуры поэма «Лузиады» («Os Lusíadas») Л. Камознса (Camões) (1525-1580), посвященная эпическим страницам португальской истории, включая открытие Индии, заканчивается словом «зависть» (устар. порт. «enveja») [40, с. 285] (хотя, по мнению поэта В. Грасы Моуры (Graça Moura) (1942-2014), значение данного факта не нужно переоценивать [66]). Что касается экономического контекста, вспомним, что один из авторов «рейганомики» У. Нисканен (Niskanen) (1933-2011) называл зависть «уравняющим инстинктом» («levelling instinct»), полагая, что она явилась важной причиной поступательного ослабления западных экономик [58, с. 351]. Не исключено, что ученый имел в виду высокие налоги, поскольку, по утверждению Г. Шёка, при их введении «фактор зависти играет ... огромную роль» [32, с. 283].

Наряду с провоцированием зависти и сопутствующих конфликтных ситуаций рост доходов может и, наоборот, укрепить межличностные отношения. Так, Г. Беккером было отмечено, что обеспеченные люди реже разводятся и более терпеливы в общении друг с другом [33, с. 308; 36, с. 396]. В целом, идея первостепенности прочных и надежных социальных связей, преисполненных доверия, эмпатии и солидарности, лишенных зависти и злобы, красной нитью проходит через многие концепции счастья [2, с. 40-41; 4, с. 5, 7, 13; 14, с. 218; 35, с. 79, 103; 38, с. 43; 43, с. 92; 45, с. 11178, 11182; 47, с. 29; 48, с. 15-16, 242; 51, с. 322; 59, с. 162; 64; 67, с. 23, 26; 73, с. 31; 75, с. 30; 78, с. 8148-8149; 81; 82, с. 167]. Вероятно, как и в случае эвдемонизма, ее корни таятся в древнегреческой философии [24, с. 235; 42, с. 296; 48, с. 110-111, 171; 77, с. 555] (хотя, например, Б. Рассел (Russell) (1872-1970) подчеркивал, что «у Аристотеля почти полностью отсутствует то, что можно назвать благожелательством или филантропией ... Даже его оценка дружбы прохладна» [24, с. 239]).

Бесспорно, набор факторов счастья не ограничивается самореализацией и успешной социальной интеграцией. Он охватывает разнообразнейшие явления вплоть до природно-климатических условий проживания [67, с. 3-5] и врожденных особенностей психики [39, с. 92; 53, с. 9-11, 66, 68]. Однако указанные два фактора, во-первых, представляются общепризнанными и универсальными, во-вторых, довольно емко и исчерпывающе объясняют парадокс Р. Истерлина и, в-третьих, на удивление точно обосновывают модель человека К. Маркса как существа творческого и общественного, несмотря на кажущуюся немодность [9, с. 22] и немейнстримовость марксистского учения. Исходя из этого, можно сделать выводы, которые будут изложены далее.

Результаты и их обсуждение

Основой гуманизации экономики и преодоления отчуждения человека от своей истинной природы – процесса, названного философом Л.А. Булавкой-Бузгалиной «разотчуждением» [5, с. 158; 7, с. 170], –

должно стать, прежде всего, стимулирование творческой деятельности, воплощенной «в том или ином социальном, культурном или художественном феномене» [7, с. 170]. Ее уникальность кроется в том, что ее не отделить от человека, «как невозможно присвоить, например, художественную органику, талант и стиль фортепианной игры С. Рихтера» [там же, с. 171]. В СССР «разотчуждение проявило себя как мощный художественный тренд», затронувший искусство и кинематограф [там же, с. 175]. Вспомним также Великобританию времен тэтчеризма и зарождение там коллективистской клубно-танцевальной культуры в знак протеста против экономического либерализма и индивидуалистических ценностей [39, с. 22; 68; 71] или, например, США эпохи Великой Депрессии и возникновение в американском кинематографе той поры «новой волны социального реализма» («new tide of social realism») [83].

Размышляя о кинематографе, процитируем Э. Морена, утверждавшего, что просмотр фильмов помогает нам лучше понимать других людей [57, с. 64]. Аналогичная идея, касающаяся помимо кино еще и литературы, встречается у специалиста в области когнитивных наук Т.В. Черниговской (род. в 1947): «Почему классика так замечательна? Потому что это очень тонкий анализ того, что с людьми было. Искусство – это возможность прожить не свои жизни, еще жизни. Поэтому, когда ты смотришь сложный фильм, ты живешь другую жизнь» [63]. Вероятно, в результате окружающие становятся нам менее «чужими» и «посторонними» [28, с. 586]. А как отметил психолог С. Пинкер (Pinker) (род. в 1954), «чтение – это технология принятия перспективы другого. Когда в голове у тебя мысли, принадлежащие другому человеку, ты смотришь на мир его глазами» [22, с. 234].

Важная особенность искусства и культуры заключается в том, что они строятся «на равноправии неравенств», так как «в культуре никто никому не равен» [8, с. 54]. Это «мир отношений, свободных от подавления человека человеком» [6, с. 85], хотя даже «творческий потенциал» может «отчуждаться от его носителя» (в ситуации «присвоения интеллектуального продукта и интеллектуальной ренты не их создателем, а собственником корпорации» [5, с. 160]). На творческую активность могут повлиять «деньги, политико-идеологическое манипулирование, потребительский фетишизм» [7, с. 168]. Ж. Липовецкий не случайно констатировал укоренение потребительского, поверхностного восприятия искусства в наши дни, однако при этом обратил внимание на его демократизацию и все большую заинтересованность людей в реализации себя в нем (судя по кратному увеличению числа фотоателье, художественных и писательских мастерских, музыкальных и дизайнерских студий и т.д.) [54, с. 324-325]. Вместе с кинокритиком Ж. Серроем (Serroy) ученый охарактеризовал современный капитализм как «художественный» («capitalisme artiste»). Последний подчинил творчество цели извлечения прибыли [56, с. 12], породил потребителя, жаждущего все новых эстетических и эмоциональных впечатлений [там же, с. 61], и активно задействовал креативный потенциал людей в создании рекламы и поиске новых маркетинговых решений [там же, с. 27-28, 270] (вспомним знаменитого испанского художника-сюрреалиста С. Дали (Dali) (1904-1989), создавшего в 1969 г. логотип леденцов Чупа Чупс (Chupa Chups)).

Бесспорно, «интенции творчества» [6, с. 84] не всегда возникают сами по себе, «из абстрактной любви к креативности» [там же]. Соответствующие таланты и устремления необходимо выявлять, пестовать и развивать, подобно тому, как это делалось, например, в советские времена. Особенно это касается непривилегированных слоев населения, чье потребление искусства, равно как образования и здравоохранения, должно быть взято на поруки обществом, с тем чтобы помочь людям вырваться за пределы первичных потребностей [34, с. 55, 110; 41, с. 222-223; 44, с. 15]. Помимо художественных феноменов, разотчуждение может реализовываться и в иных культурных и социальных практиках. К ним относятся, например, наука, также придающая человеку «статус творца и создателя» [21, с. 29], или же «многообразные формы экономики солидарности и режим открытых источников» [5, с. 163]. Примечательно, что начиная с 1900 г. в мире стало существенно увеличиваться число гуманитарных движений и инициатив [55, с. 167, 169]. Кроме того, в Интернет-пространстве постоянно возникают новаторские формы взаимопомощи (сайты с wiki-технологиями, форумы), создаваемые анонимными добровольцами, не требующими за свой труд какого-либо вознаграждения [56, с. 470].

Заключение

Будучи верифицированными на базе современных концепций счастья, идеи К. Маркса о творческо-общественной природе человека могут быть положены в основу изучения феномена гуманизации эконо-

мики. Однако представляется необходимым ввести в сферу рассмотрения еще и моральные ограничения, отсутствующие в первоисточнике [25, с. 189, 192; 77, с. 529], и тем самым дополнить принципы гуманизма как антропоцентрического мировоззрения принципами гуманности как примата этических норм [30]. За свой антропоцентризм К. Маркс был подвергнут критике Б. Расселом: «Он чрезмерно практичен и слишком прикован к проблемам своего времени. Взгляд его ограничен этой планетой, и на ней – Человеком» [24, с. 912]. В отношении морали мы согласны с философом А.В. Прокофьевым (род. в 1972), подчеркнувшим, что даже «гениальные художники или исследователи» не заслуживают «индальгенции в случае пренебрежения интересами и потребностями других людей» [23, с. 47]. Также в ходе нашей дальнейшей работы будет крайне важно проанализировать вызовы трансгуманизма XXI столетия и оценить риски возможного «расчеловечивания» роботами экономики и всей общественной жизни.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. *Антипина О.Н.* Экономика и счастье: парадоксальная взаимосвязь // Труды Вольного экономического общества России. 2014. Т. 181. № 2. С. 45-60.
2. *Антипина О.Н.* Экономика, культура и счастье: есть ли взаимосвязь? // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 7. С. 35-44.
3. *Антониоли М.* Эстетическая стадия производства / потребления и «революция времени по выбору» // Логос. 2015. Т. 25. № 3 (105). С. 120-137.
4. *Бердяев Н.* О самоубийстве: психологический этюд. Paris: YMCA Press. 1931. 46 с.
5. *Бузгалин А.В.* Человек в мире отчуждения: к критике либерализма и консерватизма. Реактуализация марксистского наследия // Вопросы экономики. 2018. № 6. С. 155-166.
6. *Булавка-Бузгалина Л.А.* «Пролетарские массы» и культура: преодоление отчуждения // Философские науки. 2013. № 12. С. 74-88.
7. *Булавка-Бузгалина Л.А.* Разотчуждение: от философской абстракции к социокультурным практикам // Вопросы философии. 2018. № 6. С. 167-179.
8. *Булавка-Бузгалина Л.А.* Социокультурные измерения трансформаций XXI века: знание, творчество, субъектность // Экономическое возрождение России. 2019. № 4 (62). С. 52-55.
9. *Гринберг Р.С.* Экономика и счастье // Труды Вольного экономического общества России. 2014. Т. 181. № 2. С. 14-25.
10. *Деменев А.Г.* Эвдемонистические и гедонистические теории в современных исследованиях счастья // Вестник ВГУ. Серия: Философия. 2016. № 4. С. 15-23.
11. *Елисеев В.Н., Комарова А.В.* Гуманизация социально-экономического развития как системное проявление его всеобщего родового «начала». М.: Изд-во СГУ. 2009. 168 с.
12. *Ерофеева К.Л.* Зависть: философский аспект проблемы // Личность. Культура. Общество. 2008. Вып. 1 (40). С. 328-335.
13. *Журавлев А.Л., Юревич А.В.* Счастье как научная категория // Вестник Российской академии наук. 2014. Т. 84. № 8. С. 715-723.
14. *Изотова Н.Н.* Концепт «счастье» в религиозном и философском дискурсе: репрезентация буддийских ценностей в японском национальном сознании // Вестник МГИМО. 2012. № 2 (23). С. 213-219.
15. *Инглхарт Р.* Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Агентство электронных изданий «Интермедиа», 2020. 877 с.
16. *Исаченко Н.Н.* Зависть – один из факторов несовершенства мира // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. Т. 3. № 4 (60). С. 209-212.
17. *Кашина О.П.* Зависть как стимул развития современного человека // Гуманитарные науки. 2019. № 4. С. 113-114.
18. *Леонтьев Д.А.* К антропологии счастья: состояние благополучия и путь радости // Человек. 2011. № 5. С. 34-46.
19. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. М.: Академический проект, 2010. С. 303-358.
20. *Миропольский Д.Ю.* Капитал и план – противоположные формы отчуждения человека в эпоху разделения труда // Вопросы политической экономии. 2016. № 4. С. 106-116.
21. *Пахомов Ю.Н., Черняк В.К., Пильгуй Н.А.* Гуманизация социалистической экономики. Киев: Политиздат Украины, 1987. 125 с.
22. *Пинкер С.* Лучшее в нас. Почему насилия в мире стало меньше. М.: Альпина Нон-Фикшн, 2021. 952 с.

23. Прокофьев А.В. Обоснование морали в современной эвдемонистической этике // Этическая мысль. 2020. Т. 20. № 1. С. 32-51.
24. Рассел Б. История западной философии. СПб.: Азбука, 2001. 960 с.
25. Сушенцова М.С., Чаплыгина И.Г. Природа гуманизма и материализма в концепции человека К. Маркса // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 1 (53). С. 181-200.
26. Тетерятников К.С. Экономика счастья и системообразующие банки // Труды Вольного экономического общества России. 2014. Т. 181. № 2. С. 61-90.
27. Устинов О.А. Концепция человека в философии К. Маркса: опыт реконструкции // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 4 (28). С. 14-21.
28. Фромм Э. Концепция человека у Карла Маркса. Избранные главы // Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. М.: Академический проект, 2010. С. 576-605.
29. Цаголов Г.Н. Какая экономика ведет к счастью? // Труды Вольного экономического общества России. 2014. Т. 181. № 2. С. 26-39.
30. Чебунин А.В. Смысл и функции гуманизма // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2021. Вып. 2. С. 3-16.
31. Шамионов Р.М. Взаимосвязь завистливости и характеристик объективного и субъективного экономического благополучия личности // Экспериментальная психология. 2019. Т. 12. № 2. С. 87-97.
32. Шёк Г. Зависть: теория социального поведения. М.: ИРИСЭН, 2008. 544 с.
33. Banerjee A.V., Duflo E. Repenser la pauvreté. Paris: Éditions du Seuil, 2014. 464 p.
34. Barreto Xavier J. A cultura na vida de todos os dias. Porto: Porto Editora, 2016. 208 p.
35. Bauman Z. Les riches font-ils le bonheur de tous? Malakoff: Dunod, 2019. 120 p.
36. Becker G. Nobel Lecture: The Economic Way of Looking at Behavior // Journal of Political Economy. 1993. Vol. 101. № 3. P. 385-409.
37. Bond T.N., Lang K. The Sad Truth About Happiness Scales. Working Paper № 24853. Cambridge: NBER, 2018. 55 p.
38. Bouzou N., De Funès J. La comédie (in)humaine: Comment les entreprises font fuir les meilleurs. Paris: Éditions de l'Observatoire / Humensis, 2018. 189 p.
39. Cabanas E., Illouz E. A Ditadura da Felicidade – Como a Ciência da Felicidade Controla as Nossas Vidas. Lisboa: Temas e Debates – Círculo de Leitores, 2019. 304 p.
40. Camões L. Os Lusíadas. Porto: Porto Editora, 2012. 288 p.
41. Cohen D. Homo Economicus, Prophète (égaré) des temps nouveaux. Paris: Albin Michel, 2012. 236 p.
42. Damásio A. Au Encontro de Espinosa – As Emoções Sociais e a Neurologia do Sentir. Lisboa: Temas e Debates – Círculo de Leitores, 2012. 364 p.
43. Davoine L. Économie du bonheur. Paris: La Découverte, 2020. 127 p.
44. Duflo E. Le développement humain. Lutter contre la pauvreté (I). Paris: Éditions du Seuil et La République des Idées, 2010. 112 p.
45. Easterlin R.A. Explaining happiness // PNAS. 2003. Vol. 100. № 19. P. 11176-11183.
46. Easterlin R.A., Angelescu McVey L., Switek M., Sawangfa O., Smith Zweig J. The happiness-income paradox revisited // PNAS. 2010. Vol. 107. № 52. P. 22463-22468.
47. Felber C. A economia do bem comum. Barcarena (Lisboa): Editorial Presença, 2017. 232 p.
48. Felice E. Historia económica de la felicidad. Una nueva visión de la historia del mundo. Barcelona: Crítica, 2020. 352 p.
49. Frey B.S., Stutzer A. Should We Maximize National Happiness? (Working Paper № 306). Zurich: Institute for Empirical Research in Economics, University of Zurich, 2006. 24 p.
50. Garrett J. de Almeida. Viagens na Minha Terra. Porto: Porto Editora, 2016. 288 p.
51. Krekel C., De Neve J.-E., Fancourt D., Layard R. A local community course that raises wellbeing and pro-sociality: Evidence from a randomised controlled trial // Journal of Economic Behavior and Organization. 2021. № 188. P. 322-336.
52. Latouche S. L'abondance frugale comme art de vivre: Bonheur, gastronomie et décroissance. Paris: Éditions Payot & Rivages, 2020. 208 p.
53. Lenoir F. Du bonheur, un voyage philosophique. Paris: Le Livre de Poche (Fayard), 2015. 240 p.
54. Lipovetsky G. Le bonheur paradoxal. Essai sur la société d'hyperconsommation. Paris: Éditions Gallimard, 2006. 377 p.
55. Lipovetsky G., Serroy J. A cultura-mundo: resposta a uma sociedade desorientada. Lisboa: Edições 70, 2018. 243 p.
56. Lipovetsky G., Serroy J. L'esthétisation du monde. Vivre à l'âge du capitalisme artiste. Paris: Éditions Gallimard, 2013. 493 p.
57. Morin E. Enseigner à vivre: Manifeste pour changer l'éducation. Arles: ACTES SUD, 2020. 160 p.
58. Niskanen W. Policy Analysis and Public Choice: Selected Papers by William A. Niskanen. Cheltenham (UK), Northampton (MA, USA): Edward Elgar, 1998. 432 p.

59. *Savater F.* O Conteúdo Da Felicidade. Lisboa: Relógio D'Água Editores, 2018. 184 p.
60. *Senik C.* L'économie du bonheur. Paris: Éditions du Seuil et La République des Idées, 2014. 125 p.
61. *Ардовская А., Лозинская А.* Добры и веселы: где в мире есть министерства счастья. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gazeta.ru/lifestyle/style/2020/10/a_13275481.shtml (дата обращения 04.06.2022).
62. *Еникеев А.А., Гредасов А.М.* Этика Б. Спинозы: перспективы постмодернистской интерпретации // Молодой ученый. 2016. № 13 (117). С. 741-743.
63. Как понять самого себя. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=7wQO_x34h4Y (дата обращения 13.06.2022).
64. *Парфенов В.* Смерть от отчаяния и отсутствие высшего образования оказались тесно связаны. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://naked-science.ru/article/psy/smert-ot-otchayaniya-i-otsutstvie-vysshego-obrazovaniya-okazalis-tesno-svyazany> (дата обращения 07.06.2022).
65. *González Y.* Cuando el PIB no sirve para medir la felicidad. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.expansion.com/directivos/estilo-vida/tendencias/2019/02/07/5c5b448b22601dee158b45bd.html> (дата обращения 04.06.2022).
66. *Graça Moura V.* A desnecessidade da inveja. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.dn.pt/arquivo/2008/a-desnecessidade-da-inveja-1127578.html> (дата обращения 11.06.2022).
67. *Helliwell J.F.* Well-Being and Social Capital: Does Suicide Pose a Puzzle? Working Paper № 10896. Cambridge: NBER, 2004. 37 p.
68. *John H.R.L.* UK Rave Culture and the Thatcherite Hegemony, 1988-94 // Cultural History. 2015. Vol. 4. Issue 2. P. 162-186.
69. *Kaul V.* Behavioural economist Dan Ariely on the quirks of human nature. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://economictimes.indiatimes.com/behavioural-economist-dan-ariely-on-the-quirks-of-human-nature/articleshow/10504899.cms?from=mdr> (дата обращения 09.06.2022).
70. Keynes J.M. Economic Possibilities for our Grandchildren // Essays in Persuasion. New York: W.W. Norton & Co, 1963. P. 358-373.
71. *Levitt A.* «Finding Liberation Somewhere Else»: Acid House, Thatcherism and the Present-Day Parallels. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.stamphthewax.com/2018/11/27/finding-liberation-somewhere-else-acid-house-thatcherism-and-the-present-day-parallels> (дата обращения 13.06.2022).
72. OECD Launches Your Better Life Index. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.oecd.org/general/oecdlaunchesyoubetterlifeindex.htm> (дата обращения 04.06.2022).
73. *Pawelski J.O.* The Positive Humanities: Culture and Human Flourishing // Forthcoming in The Oxford Handbook of the Positive Humanities. Edited by L. Tay and J.O. Pawelski. Oxford: Oxford University Press. 42 p.
74. *Seligman M.E.P., Pawelski J.O.* Positive Psychology: FAQs // Psychological Inquiry. 2003. Vol. 14. № 2. P. 159-163.
75. *Skidelsky E.* What Can We Learn From Happiness Surveys? // Journal of Practical Ethics. 2014. Vol. 2. Issue 2. P. 20-32.
76. *Skidelsky R., Skidelsky E.* How Much Is Enough? London: Penguin UK, 2012. 272 p.
77. *Stolze T.* Beatitude: Marx, Aristotle, Averroes, Spinoza // Continental Thought & Theory: A Journal of Intellectual Freedom. 2017. Vol. 1. Issue 4. P. 527-565.
78. *VanderWeele T.J.* On the promotion of human flourishing // PNAS. 2017. Vol. 114. № 31. P. 8148-8156.
79. Veredas do Futuro – Carlos RAMOS. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=7XkjSSYN7cc> (дата обращения 04.06.2022).
80. Veredas do Futuro – Carlos RAMOS, Cristóvam BUARQUE, Elimar NASCIMENTO e Maurício AMAZONAS (parte 2). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=9tll_AzqGP8 (дата обращения 04.06.2022).
81. *Waldinger R.* What makes a good life? Lessons from the longest study on happiness. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.ted.com/talks/robert_waldinger_what_makes_a_good_life_lessons_from_the_longest_study_on_happiness?referrer=playlist-ted_starter_pack (дата обращения 09.06.2022).
82. *Węziak-Białowolska D.* Attendance of cultural events and involvement with the arts – impact evaluation on health and well-being from a Swiss household panel survey // Public Health. 2016. Vol. 139. P. 161-169.
83. *Whittington P.* How the Great Depression inspired Hollywood's golden age. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.independent.ie/entertainment/movies/how-the-great-depression-inspired-hollywoods-golden-age-26481978.html> (дата обращения 13.06.2022).

ХАРАКТЕРИСТИКИ РАБОЧЕЙ СИЛЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СТРУКТУРА, ДИНАМИКА, ПОСЛЕДСТВИЯ ПАНДЕМИИ (ТЕНДЕНЦИИ И ВЫВОДЫ)

***Аннотация.** Данная статья представляет собой продолжение материала, опубликованного в № 3 журнала «Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета» за 2022 г., и включает итоги исследования комплексных характеристик рабочей силы в России и других странах мира. Выявлено, что по таким характеристикам, как демографическая ситуация, половозрастной состав населения, численность занятых и экономическая активность населения, отечественная экономика показывает тенденции ухудшения в долгосрочном периоде. Текущий анализ включает исследование урона и структуры безработицы в исследуемых странах, уровня образования, уровня развития науки.*

***Ключевые слова.** Рабочая сила, базовые и пионерные работники, комплексные характеристики.*

Pshenichnikova S.N., Romanyuk I.D.

CHARACTERISTICS OF THE LABOR FORCE IN MODERN RUSSIA: STRUCTURE, DYNAMICS, CONSEQUENCES OF THE PANDEMIC (TRENDS AND CONCLUSIONS)

***Abstract.** This article is a continuation of the material published in No. 3 of the journal «News of the St. Petersburg State University University of Economics» for 2022 and includes the results of the author's research complex characteristics of the labor force in Russia and other countries of the world. It is revealed that according to such characteristics of the labor force production phase demographic situation, gender and age composition of the population, the number of employed and the economic activity of the population the domestic economy shows the trends of deterioration of these parameters in the long term. The current analysis includes a study of the level and structure of unemployment in the countries studied, the level of education, the level of development of science.*

***Keywords.** Labor force, basic and pioneer workers, comprehensive characteristics.*

Введение

Ранее проведенный анализ позволил выявить следующие особенности характеристик рабочей силы в российской экономике в сравнении с экономиками развитых стран: численность занятых в РФ

ГРНТИ 06.03.07

EDN СИКСЈУ

© Пшеничникова С.Н., Романюк И.Д., 2022

Светлана Николаевна Пшеничникова – доктор экономических наук, профессор кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли Санкт-Петербургского государственного экономического университета. Ирина Джамаловна Романюк – аспирант кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Контактные данные для связи с авторами (Пшеничникова С.Н.): 191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., 21 (Russia, St. Petersburg, Sadovaya str., 21). Тел.: +7 (812) 310-47-60. E-mail: fimec_oet@masil.ru.

Статья поступила в редакцию 20.05.2022.

Статья выполнена в рамках инициативной НИР Санкт-Петербургского государственного экономического университета «Формирование хозяйственных систем евразийского типа: динамика, противоречия, эффективность» (рег. № 121042600253-4).

(в 2021 году 71,5 млн чел) в два раза меньше численности занятых в американской экономике (164,6 млн чел.); уровень экономической активности населения в отечественной экономике в последние десятилетия снижается: с 70,3% в 1992 г. до 62,6% в 2021 г.; наблюдается отрицательный естественный прирост при одновременном росте уровня старения населения (15,5% людей в возрасте 65+), что приведет в будущем к уменьшению численности экономически активного населения; средняя продолжительность жизни в РФ (73,4 года) на десять и более лет ниже, чем в развитых странах [1; 2].

Уровень безработицы

Рассмотрим динамику не менее важных характеристик фазы производства рабочей силы: уровень безработицы, уровень образования и состояние научной сферы. Одним из показательных факторов эффективности использования рабочей силы является уровень безработицы. На воспроизводство рабочей силы безработица будет оказывать отрицательное воздействие, поскольку, находясь в состоянии безработного даже незначительное время, человек теряет возможность к количественному и качественному восстановлению своей способности к труду, а также снижаются его возможности по воспроизводству своих детей, которые являются резервом трудового потенциала нации.

Самый высокий процент безработных в отечественной экономике, например в 2006 г., был зарегистрирован среди лиц с полным средним образованием (33,9%), начальным профессиональным образованием (17,6%), средним профессиональным образованием (17,3%) и только потом – высшим профессиональным образованием (10,7%). Однако в 2019 г. картина структуры безработных существенно изменилась. Первое место по уровню безработицы приходилось на лиц со средним общим образованием (28,8%), на втором месте расположились лица с высшим профессиональным образованием (21,4%), далее равноценный уровень безработицы выявлен у лиц с начальным и средним профессиональным образованием (19,8%). Важно отметить возрастание уровня безработицы за период 1995–2019 гг. среди лиц с высшим профессиональным образованием в 2,4 раза: 9,2% в 1995 г. до 21,4% в 2019 г. (табл. 1).

Таблица 1

Распределение численности безработных по уровню образования в России (в процентах к итогу) [3; 7]

Год	Безработные, всего	В том числе имеют образование						
		высшее профессиональное	неполное высшее профессиональное	среднее профессиональное	начальное профессиональное	среднее общее	основное общее	нет основного общего образования
1995	100	9,2	2,3	28,7	–	41,8	16,7	1,3
2000	100	11,0	4,2	22,7	13,5	32,8	13,7	2,1
2005	100	10,1	2,9	18,8	18,3	33,4	16,4	1,1
2006	100	10,7	2,1	17,3	17,6	33,9	13,5	1,8
2008	100	12,3	3,3	19,3	20,6	33,3	10,9	1,4
2009	100	15,0	–	20,0	20,2	32,8	10,5	1,1
2010	100	15,0	–	20,8	20,8	32,4	9,9	1,0
2011	100	15,9	–	20,5	19,8	32,0	10,6	1,2
2012	100	16,4	–	19,3	20,3	32,8	10,1	1,1
2013	100	17,4	–	19,5	19,4	33,3	9,5	0,9
2019	100	21,4	–	19,8	19,8	28,8	9,3	0,9

В РФ в 2012 г. достигнут наименьший уровень безработицы за период 2005–2012 гг. В большинстве исследуемых стран за период 2005–2012 гг. наблюдалось снижение численности безработных. Наименьшие показатели в этих странах были отмечены в 2007–2008 гг. С 2008 г. снова наметилась тенденция роста общей численности безработных. Так, в США в 2009 г. число безработных увеличилось в 1,5 раза в сравнении с предыдущим годом (табл. 2).

Наибольший удельный вес в общей численности безработных занимают женщины в Италии. В Великобритании, Франции, Германии, США, Канаде, Японии и России наибольшая доля приходится на мужчин. В РФ удельный вес безработных в общей численности экономически активного населения

в среднем составляет 5,4%, что соответствует среднему значению по высокоразвитым странам. В 2020 году лидером по уровню безработицы являлась Италия (10,5%), на втором месте находились США и Франция (по 8,1%), на третьем месте Канада – 7,8%. В России отмечен средний уровень безработицы – 6,1%, а самый низкий в Японии – 2,8% (табл. 3).

Таблица 2

Численность безработных в развитых странах мира и России (тыс. чел.) [7-12]

Страна	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	январь 2021
Франция	2429	2435	2222	2064	2575	2640	2612	2824	3549
Германия	4583	4279	3608	3136	3228	2946	2501	2316	2752
США	7591	7001	7078	8924	14265	14825	13747	12506	10180
Италия	1889	1673	1506	1692	1945	2102	2108	2744	2435
Великобритания	1397	1649	1621	1753	2363	2440	2534	2511	2596
Япония	2940	2750	2570	2646	3356	3335	2912	2848	2030
Канада	1173	1108	1079	1117	1516	1484	1393	1368	2500
Россия	5242	5250	4519	4697	6284	5544	4922	4131	4321

Таблица 3

Удельный вес общей численности безработных в численности экономически активного населения за период, % [7-12]

Страна	1995	2000	2001	2004	2008	2009	2010	2013	2020
Франция	11,6	10,0	8,8	9,9	9,8	9,1	9,3	10,2	8,1
Германия	10,1	7,9	7,9	11,0	10,3	7,7	7,1	5,3	5,9
США	12,0	11,5	10,9	10,8	4,6	9,3	9,6	7,3	8,1
Великобритания	8,6	5,5	4,8	4,6	5,0	7,6	7,8	7,5	6,4
Италия	11,3	10,5	9,5	8,0	6,8	7,8	8,4	12,1	10,5
Канада	9,5	6,8	7,2	7,1	6,1	8,3	8,0	7,0	7,8
Япония	3,1	10,9	5,0	4,7	3,9	7,6	5,0	4,0	2,8
Россия	-	10,6	9,7	7,9	6,6	8,4	7,5	5,4	6,1

Анализ динамики уровня безработицы в исследуемых странах показал следующие особенности: если лидерами по данному параметру в 1995 г. были США (12%), Франция (11,6%), Италия (11,3%), то в 2020 г. четыре страны-лидера по уровню безработицы – это Италия (10,5%), США и Франция (по 8,1%), Канада (7,8%); в российской экономике уровень безработицы снижается с 2010 г., достигнув в 2020 г. 6,1%, однако сама структура безработных существенно изменилась, поскольку в 2,4 раза выросло число лиц с высшим профессиональным образованием; самый низкий уровень безработицы за период 2001-2020 гг. отмечается в Японии.

Образование и профессиональные навыки

Уровень образовательной и профессиональной подготовки относится к наиболее существенному фактору среди характеристик совокупной рабочей силы, поскольку напрямую отражается как на структуре экономики, так и на количественных и качественных параметрах национального производства. Данные статистики свидетельствуют о некотором сокращении государственных расходов на образование в 2020 г. (на 8,8%, составили 3697,2 млрд рублей), что отражено в табл. 4.

Всего количество педагогов (школа; профессиональное среднее и высшее образование) составило в 2020 году 1 418,9 тыс. чел. Одновременно с этим наблюдается снижение численности профессорско-преподавательского состава (ППС) со 100% до 97,3%. Из положительных тенденций необходимо отметить рост численности студентов по программам подготовки квалифицированных рабочих (576,5 тыс. чел.) и специалистов среднего звена (2 759,8 тыс. чел.), в сумме составивший 3 336,3 тыс. чел. При этом численность студентов вузов не намного превышает данный параметр и

в 2020 году составила 4 049,3 тыс. чел. В предыдущие периоды это соотношение было другим, а именно с существенным преобладанием студентов вузов.

Пандемия коронавируса повлияла на специфику образовательного процесса, усилив дистанционный формат обучения. Статистические данные показывают, что в течение 2020-2021 учебного года в дистанционном формате проходили обучение 15,6% школьников начального, основного и среднего общего образования, 43,5% студентов колледжей, 47,4% студентов вузов. Стоит отметить, что в организации высшего образования и научные организации России в 2020 г. на бюджетные места было принято студентов на 2,5% больше, чем в 2019 году.

Таблица 4

Отдельные показатели статистики образования в России [13, 14]

Показатели	2020 г.	В % к 2019 г.	Справочно	
			2019 г.	в % к 2018 г.
Численность обучающихся по образовательным программам начального, основного и среднего общего образования, тыс. человек	16893,2	102,0	16565,6	102,7
Численность обучающихся, получивших аттестат об основном общем образовании, тыс. человек	1473,6	104,4	1411,4	103,1
Численность обучающихся, получивших аттестат о среднем общем образовании, тыс. человек	687,6	104,3	659,1	103,4
Численность учителей, осуществляющих образовательную деятельность по общеобразовательным программам начального, основного и среднего общего образования, тыс. человек	1087,3	100,4	1083,3	100,0
Численность студентов, обучающихся по программам подготовки, тыс. человек:				
квалифицированных рабочих, служащих	576,5	106,1	543,4	100,3
специалистов среднего звена	2759,8	107,1	2576,2	104,5
Принято на обучение в образовательные организации по программам подготовки, тыс. человек:				
квалифицированных рабочих, служащих	213,8	102,0	209,7	101,2
специалистов среднего звена	900,2	108,1	832,4	106,3
Выпущено, тыс. человек:				
квалифицированных рабочих, служащих	142,5	86,1	165,5	98,1
специалистов среднего звена	552,8	102,4	539,8	101,6
Численность преподавателей в образовательных организациях, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам среднего профессионального образования, тыс. человек	108,5	102,3	106,0	107,1
Численность мастеров производственного обучения в образовательных организациях, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам среднего профессионального образования, тыс. человек	5,1	100,8	5,0	103,3
Численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, тыс. человек	4049,3	99,5	4068,3	97,8
Принято на обучение по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, тыс. человек	1093,3	96,8	1129,4	98,4
Выпущено бакалавров, специалистов, магистров, тыс. человек	849,4	93,5	908,6	97,4
Численность профессорско-преподавательского состава в образовательных организациях высшего образования и научных организациях, осуществляющих образовательную деятельность по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры, тыс. человек	223,1	97,3	229,3	97,2

Данные таблицы 5 свидетельствуют о том, что Россия занимает хорошие позиции по удельному весу населения с высшим образованием (30,2%), находясь в середине списка среди развитых стран и занимая 5 место после США (37,6%), Великобритании (37,2%), Канады (33,2%), Японии (31,3%), опередив Германию (29,3%), Францию (23,3%) и Италию (19,6%).

Таблица 5

**Удельный вес взрослого населения на различных ступенях образования в 2019 году
в развитых странах мира и России [4-6; 13-14]**

Уровень образования		Уд. вес населения в возрасте 25-64 года	Великобритания	Германия	США	Канада	Франция	Япония	Италия	Россия
Ступени 0, 1, 2 МСКО	Начальное, среднее	Удельный вес лиц в общей численности учащихся (%)	19,9	13,3	9,2	8,1	19,6	–	37,8	5,8
Ступени 6, 7, 8 МСКО	Высшее	Удельный вес лиц в общей численности студентов (%)	37,2	29,3	37,6	33,2	23,3	31,3	19,6	30,2

Развитие и поддержка научной деятельности

Исходя из мирового опыта, можно оценить параметры финансирования важнейших государственных функций, которые соответствуют современным требованиям. Так, расходы на здравоохранение должны составлять от 5% к ВВП (минимально допустимый уровень, рекомендуемый ВОЗ) до 10% (уровень наиболее благополучных стран). Расходы на науку должны быть на уровне от 1,5% до 3% к ВВП, на образование – от 5% до 7% к ВВП.

В американской экономике за счет государственных источников финансируется 0,9% от ВВП всех учреждений сферы образования, от учреждений дошкольного образования до вузов. Значительная доля учреждений образования поддерживается частным капиталом (корпорациями, частными фондами, отдельными лицами) (табл. 6). В России общие расходы на образование – 4,1% от ВВП, за счет государственного бюджета – 0,6% от ВВП.

Таблица 6

Общий объем расходов на образование в развитых странах мира и России в 2017 г. [3; 4; 5; 13; 14]

Страна	Расходы на образование, % от ВВП	Государственные расходы на образование, % от ВВП
Россия	4,1	0,6
Франция	6,0	0,9
Германия	5,2	1,0
США	6,1	0,9
Италия	4,4	0,5
Великобритания	6,7	0,5
Канада	5,9	0,9
Япония	4,0	0,4

В 2013 г. в США высшее образование получали 21 690 тыс. студентов, в то время как в РФ число студентов достигло лишь 5 647 тыс. чел., в 2020 г. – 4 049,3 тыс. чел., то есть наблюдается постоянное сокращение численности лиц, получающих высшее образование. Можно сравнить расходы на подготовку одного студента в США и России. Так, в 2013 г. в американской экономике на подготовку одного студента государство тратило 12,9 тыс. долл., что было ниже по сравнению с 2012 г. – 14,5 тыс. долл. В России расходы на обучение студентов вузов представлены в таблице 7. В России государственные

расходы на одного обучающегося в 2020 году составили: дошкольное образование – 135 тыс. руб., общее образование – 109 тыс. руб., среднее профессиональное – 135 тыс. руб., высшее – 393 тыс. руб. (примерно 5 100 долл.).

Относительно российской экономики можно отметить следующую специфику системы высшего образования: недостаточный объём средств (около 5100 долл.) на обучение одного студента, что составляет 2,5 кратный разрыв с объёмом средств на подготовку одного студента в США (12,9 тыс. долл.); невысокий уровень бюджетных расходов на образование в объеме ВВП (4,2%); с 2020 г. ситуация стала меняться в пользу подготовки специалистов среднего уровня профессиональной квалификации с одновременным снижением количества студентов вузов; сфера образования в США располагает хорошо подготовленными кадрами: суммарная численность педагогов в американской экономике составляет 6,1 млн чел. В России насчитывается 1,4 млн педагогов, из них 223 тыс. чел. – это преподаватели вузов; ежегодно в США присваивается более 50 тысяч докторских степеней: в 2009 г. – 49562, в 2014 г. – 67449. Следующие места в рейтинге занимают Германия (в 2014 г. присуждено 28147 докторских степеней), Великобритания (25020 степеней), Индия (24300 степеней). На пятом месте находится Япония (16039 степеней). Россия входит в состав пятнадцати лидирующих стран, занимая 14 место с количеством присужденных ученых степеней – 2223 чел. [3; 14].

Таблица 7

Государственные расходы в расчете на одного студента в России в год [4; 5; 6; 14]

Годы	Государственные расходы на высшее образование, млн руб.	Численность студентов, тыс. человек	Расходы на одного студента, руб.
2000	37,16	4271	8700
2004	123,06	5860	21000
2008	468,9	6012	78000
2012	448,13	6074	73757
2013	459,59	5647	81386

Еще один фактор, влияющий на качество совокупной рабочей силы, – это состояние фундаментальной науки. По данным ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, в 2019 году в России насчитывалось 348 тыс. исследователей, что меньше на 19% по сравнению с 2000 г. (426 тыс.). Однако по масштабам занятости в научной сфере страна уступает лишь Китаю, США и Японии [15]. По этому показателю Россия занимает четвертое место, уступая лишь США (22,8% научных сотрудников), Китаю (14,7%) и Японии (11,7%). Однако по степени финансирования Россия явно проигрывает. Она тратит на подготовку одного ученого 30 тыс. долл., в то время как США – 230 тыс. долл., Китай – 88,8 тыс. долл., Япония – 164,5 тыс. долл. [15].

Одновременно с этим Россия занимает девятое место в мире по объёму внутренних затрат на исследования и разработки. Самый существенный объём затрат приходится на технические науки (70%), далее следуют естественные науки (17,6%), на остальные виды научной деятельности приходится 13,4% затрат. Наименьшее финансирование получают гуманитарные (1,5%) и сельскохозяйственные (1,7%) науки.

Согласно рейтингу стран мира по уровню научно-исследовательской активности в зависимости от количества опубликованных статей в 2018 году в первую десятку входили такие страны, как Китай (528 263), США (422 808), Индия (135 788), Германия (104 396), Япония (98 793), Великобритания (97 681), Россия (81 579), Италия (71 240), Южная Корея (66 736), Франция (66 352) [16]. По состоянию на 2019 год (данные опубликованы в декабре 2020 года), согласно рейтингу стран мира по количеству патентов, первое место занимает Китай (всего 1400661 заявок), далее следуют США (621453), Япония (307969), Южная Корея (47372), Германия (67434), Индия (53627), Канада (36488), Россия (35511), Австралия (29758), Бразилия (25369) [16].

Первое место по объёму выделяемых средств на научные исследования занимает Северная Америка, на долю которой приходится более 37% от общего количества общих мировых расходов, на втором месте находятся азиатские страны (31,5%), на третьем месте расположились страны Европы с удельным весом данного вида расходов в объёме 27,3% [17].

Итак, Россия занимает достаточно высокие позиции в мире в сфере научной деятельности. Об этом свидетельствуют такие параметры как четвертое место в мире по количеству ученых. Также Россия входит в первую десятку стран по уровню научно-исследовательской активности в зависимости от количества опубликованных статей (7 место) и по количеству патентов (8 место), а также занимает девятое место в мире по объёму внутренних затрат на исследования и разработки. Таким образом, страна обладает мощным научным потенциалом, особое внимание уделяется развитию технических и естественных наук. Также Россия занимает четырнадцатое место в мире по количеству присужденных ученых степеней.

Заключение

Проведенный анализ по выделенным факторам совокупной рабочей силы в фазе её производства позволяет суммировать итоги исследования. Положительные значения и положительная динамика за довольно длительный период времени позволяют утверждать, что российская экономика показывает достаточно благоприятные позиции по таким параметрам, как уровень официальной безработицы, доля экономически активного населения, уровень занятости, наблюдается сбалансированное соотношение в численности студентов среднего и высшего профессионального образования, уровень развития науки. Проведем сравнение соответствующих факторов производства совокупной рабочей силы в России и развитых странах мира и представим эти результаты в табл. 8.

Таблица 8

Факторы производства рабочей силы в России и развитых странах мира

Страна	Демографическая ситуация	Экономическая активность	Уровень безработицы	Уровень образования	Состояние науки
Германия	–	+	+	+	+
Италия	+	+	–	+	+
Канада	+	+	–	+	+
Великобритания	+	+	–	+	+
США	+	+	–	+	+
Франция	+	+	+	+	+
Япония	–	–	+	+	+
Россия	–	+	+	+	+

Относительно качественных параметров совокупной рабочей силы на стадии её производства можно выделить те направления, по которым представляется необходимым улучшение значений параметров, к которым отнесем демографическую ситуацию, долю затрат на образование и науку в структуре ВВП, удельный вес специалистов со средним профессиональным образованием, величину затрат на подготовку одного студента и одного ученого, расширение системы подготовки и переподготовки кадров.

Улучшение обозначенных показателей позволит как в целом повысить уровень качественных характеристик совокупной рабочей силы, так и расширять объёмы и масштабы и базового (традиционного) и пионерного (инновационного) секторов экономики. Вследствие этого будет возможным изменение структуры экспорта-импорта, достижение экономического роста на качественной, инновационной основе и повышение уровня конкурентоспособности российской экономики в целом.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Влияние характеристик реального сектора на формирование противоположных типов хозяйственных систем / под ред. Д.Ю. Миропольского. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2021. 349 с.
2. Пшеничникова С.Н. Характеристики рабочей силы в современной России: структура, динамика, последствия пандемии (методы анализа и текущее состояние) // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 3.
3. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/komp-chisl.xls (дата обращения 29.03.2022).

4. Totalrating. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://total-rating.ru/2003-chislennost-naseleniya-stran-mirana-2020-god.html> (дата обращения 02.03.2022).
5. Country statistical profiles. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://stats.oecd.org/#> (дата обращения 11.02.2022).
6. Tradingeconomics. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.tradingeconomics.com/russia/unemployed-persons> (дата обращения 20.01.2022).
7. Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2020. Стат. сб. / Росстат. М., 2020. 145 с.
8. Organisation of economic co-operation and development. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://stats.oecd.org/#> (дата обращения 29.02.2022).
9. Население Японии – актуальная статистика и информация. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rosinfostat.ru/naselenie-yaponii/#i-5> (дата обращения 03.05.2022).
10. Население Франции на 2020 год. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://russinfo.net/otdyh/naselenie-emli/naselenie-francii-na-2017-god-sostavlyuet.html> (дата обращения 19.04.2022).
11. Население Великобритании. [Электронный ресурс]. Режим доступа: russinfo.net/otdyh/naselenie-https://adclick.g.doubleclick.net/aclk?sa=L&ai=CGtGh (дата обращения 29.03.2022).
12. Население Италии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://aspektcenter.ru/vozrastnoy-sostav-naseleniya-italii-tablitsa> (дата обращения 07.02.2022).
13. Минпросвещения России, Минобрнауки России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://edu.gov.ru> (дата обращения 29.02.2022).
14. Балтийский курс. Новости и аналитика. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.baltic-course.com/rus/_analytics/?doc=138785 (дата обращения 18.02.2022).
15. ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://issek.hse.ru/news/442044357.html> (дата обращения 19.02.2022).
16. Рейтинг стран мира по уровню научно-исследовательской активности. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gtmarket.ru/ratings/scientific-and-technical-activity> (дата обращения 07.02.2022).
17. Рейтинг стран мира по количеству патентов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gtmarket.ru/ratings/world-patent-ranking> (дата обращения 19.04.2022).

Дятлов С.А.

**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР
УГЛУБЛЕНИЯ ИНТЕГРАЦИИ ЕВРАЗИЙСКИХ СТРАН В УСЛОВИЯХ
УСИЛЕНИЯ ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГИПЕРКОНКУРЕНЦИИ**

***Аннотация.** Статья посвящена анализу новых институциональных преобразований в системе евразийской интеграции в условиях усиления полифункциональной гиперконкуренции. Впервые в экономической литературе водится в научный оборот понятие «полифункциональная гиперконкуренция», которая является базовым элементом неоинтеграционной концепции евразийского развития. Рассмотрены основные инструменты механизма реализации полифункциональной гиперконкуренции. Дана характеристика институциональных новаций в области цифровой трансформации, оборота и защиты данных, введения цифровых валют, технического регулирования, переход к взаиморасчетам в национальных валютах евразийских стран.*

***Ключевые слова.** Евразийская интеграция, институциональные преобразования, цифровые валюты, полифункциональная гиперконкуренция.*

Dyatlov S.A.

**INSTITUTIONAL TRANSFORMATIONS AS A FACTOR OF DEEPENING
THE INTEGRATION OF EURASIAN COUNTRIES IN CONDITIONS
OF ENHANCING MULTIFUNCTIONAL HYPERCOMPETITION**

***Abstract.** The article is devoted to the analysis of new institutional transformations in the system of Eurasian integration in the context of enhancing multifunctional hypercompetition. For the first time in the economic literature, the concept of "multifunctional hypercompetition" has been introduced into scientific circulation, which is a basic element of the neo-integration concept of Eurasian development. The main tools of the mechanism for implementing multifunctional hypercompetition are considered. The characteristics of institutional innovations in the field of digital transformation, data turnover and protection, the introduction of digital currencies, technical regulation, the transition to mutual settlements in the national currencies of Eurasian countries are given.*

***Keywords.** Eurasian integration, institutional transformations, digital currencies, multifunctional hypercompetition.*

Введение

Сегодня формируется и динамично развивается малое Евразийское партнерство, включающее страны ЕАЭС, и Большое Евразийское партнерство, включающее Россию, страны ЕАЭС, Китай, Индию, Иран и другие евразийские страны, входящие в ШОС, ОДКБ. Формирование и развитие малого и Большого

ГРНТИ 06.03.07

EDN DAVKBE

© Дятлов С.А., 2022

Сергей Алексеевич Дятлов – доктор экономических наук, профессор кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Контактные данные для связи с автором: 191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., 21 (Russia, St. Petersburg, Sadovaya str., 21). Тел.: +7 (812) 310-47-60. E-mail: oetdsa@yandex.ru.

Статья поступила в редакцию 20.06.2022.

Евразийского партнерства нуждается в переосмыслении сквозь призму новой геополитической ситуации, сложившейся в условиях санкционной войны, объявленной Западом России, а также ее союзникам и партнерам [1]. В современной сложной геополитической обстановке и геоэкономической фрагментации страны Евразийского союза начинают разрабатывать новые экономические стратегии и инструменты для противостояния возникшим западным санкциям, рискам и вызовам. В условиях жестких западных санкций усиливается евразийский вектор развития, углубляются связи и сотрудничество, протекционизм, импортозамещение, направленные на обеспечение военно-технической, политической, экономической безопасности и защиты интересов стран ЕАЭС.

Теоретические предпосылки исследования

Научное осмысление и анализ глубинных системных трансформаций, происходящих в последнее время в мировой и национальных экономиках, предполагает разработку новой «Неоинтеграционной концепции евразийского развития». Неоинтеграционная концепция евразийского развития включает комплекс новых инструментов и мер, направленных на проведение сопряженных структурных преобразований российской экономики и экономик других евразийских стран, на совершенствование модели евразийской интеграции в условиях санкционных ограничений, роста глобальной и региональной фрагментации, геоэкономической неустойчивости и усиления геополитической полифункциональной гиперконкуренции.

В научной литературе широко используются традиционные понятия «национальная конкурентоспособность», «конкурентные преимущества», включая использование этих понятий применительно к анализу процессов евразийской интеграции [2]. Особенностью нынешнего этапа развития мировой хозяйственной системы становится появление совершенно нового сложного и противоречивого явления – полифункциональной гиперконкуренции. В условиях наступления цифровой эпохи и глубинной трансформации всего индустриально-рыночного мирохозяйственного порядка появляется и становится господствующим новый вид конкуренции – глобальная инновационная гиперконкуренция [3]. Одновременно с этим усиливаются и получают развитие ресурсная, энергетическая, продовольственная, логистическая, идеологическая (мировоззренческая), управленческая и геополитическая гиперконкуренция. Системно трансформируемая мировая экономика становится по своему стратегическому целеполаганию и содержанию геополитической, полифункциональной и гиперконкурентной.

В рамках развиваемой нами концепции логично ввести в научный оборот понятие «геополитическая полифункциональная гиперконкуренция». К данному понятию близким по смыслу является термин «гибридная гиперконкуренция». На наш взгляд, понятие «полифункциональная гиперконкуренция» более широко и точно выражает суть происходящих противоречивых трансформационных процессов в мировой и национальных экономиках, чем понятие «гибридная гиперконкуренция». Инструментами механизма реализации полифункциональной гиперконкуренции являются пересмотр и нулификация действующих торгово-экономических соглашений и договоров, жесткие санкционные режимы, прямые административные конфискационные меры и запреты в ресурсно-энергетической, торгово-экономической и финансово-банковской сферах, которые в последнее время масштабно используют страны Запада против России, Китая и других евразийских стран. Базовым элементом неоинтеграционной концепции евразийского развития является понятие «полифункциональная гиперконкуренция».

Современный этап развития мировой, национальных и региональных экономик характеризуется их глубинной системной трансформацией, обусловленной усилением глобальной полифункциональной гиперконкуренции и глобальной неустойчивости, сломом старой финансово-долларовой системы мировой торговли, формированием новых региональных интеграционных объединений, институтов регулирования и новых центров ресурсного развития и экономического роста. Трансформация и ослабление старых, где доминируют США и западные страны, и формирование новых интеграционных торгово-экономических союзов, где ведущую роль играют Китай, Индия, Россия и другие евразийские страны, способствует переходу от однополярного мира к многополярному миру с новыми центрами принятия решений и динамичного экономического развития [9].

В современной полифункциональной гиперконкурентной экономике происходит трансформация традиционных институтов регулирования и возникают новые гибридные институты инновационного и ресурсного развития и управления, важнейшими характеристиками которых становится, наряду с цифровизацией, полифункциональность и гиперконкурентность. Это имеет большое значение для цифрового измерения и реализации интеграционных экосистемных проектов Евразийского экономического

союза (ЕАЭС). Организационно согласованная и законодательно гармонизированная структурно-технологическая модернизация экономик выступает важнейшим фактором повышения устойчивости и динамичности развития стран ЕАЭС в условиях санкционного давления и усиления геополитической полифункциональной гиперконкуренции.

Основные результаты

В России активно формируются и совершенствуются цифровые институты развития и управления. Федеральная программа России «Цифровая экономика» в 2021 году была скорректирована и дополнена рядом важных положений и новаций. Была изменена и расширена система целевых показателей цифровизации, которые используются для мониторинга достижения общественно-значимых результатов и решения основных задач национальной программы. Введены 22 новых целевых показателя. Также разработаны, скорректированы и утверждены методики расчетов этих новых показателей, более 90% из них рассчитываются ежемесячно. В 2021 году в паспорт программы «Цифровая экономика» было внесено 91 изменение, а в паспорта входящих в ее состав федеральных проектов – 264. Это должно обеспечить оперативный мониторинг и анализ ключевых показателей реализации федеральной программы и позволит Минцифры России оперативно принимать эффективные управленческие решения [4].

Правительство РФ приняло постановление, в котором уточнены цели и задачи госпрограммы «Информационное общество». В частности, уточнен подраздел «Задачи государственного управления и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, способы их эффективного решения в соответствующей отрасли экономики и сфере государственного управления Российской Федерации», в котором стратегические приоритеты учитывают ключевые цели и требования «Доктрины информационной безопасности РФ» [11].

На пленарном заседании IV Евразийского цифрового форума «ТИБО-2022» в Минске было заявлено, что от развития и регулирования «цифровой трансформации стран ЕАЭС зависит, насколько конкурентоспособной и привлекательной будет интеграция в будущем» [7]. Важнейшей задачей углубления евразийской интеграции является обеспечение соразмерной «цифровой зрелости» национальных сегментов цифровой трансформации стран ЕАЭС.

В ЕАЭС осуществляются институциональные преобразования, включающие разработку нормативно-правовых актов цифрового развития, обеспечивающих гармонизацию цифрового законодательства, создание общих цифровых стандартов, согласованность действий и интероперабельность цифровых проектов на евразийском пространстве. В настоящее время существующая законодательная база государств ЕАЭС в разной степени регулирует сферу оборота данных. В странах Союза сформированы требования по локализации данных в пределах одной страны, а используемые способы электронной идентификации имеют ряд ограничений. Евразийская Комиссия совместно с профильными структурами государств ЕАЭС приступила к разработке международного соглашения «Об обороте данных в ЕАЭС», включая вопросы сбора, анализа, передачи и защиты персональных данных. Данное соглашение предполагается принять до конца 2023 г. и ввести действие в 2024 г.

При этом нельзя забывать о цифровом суверенитете стран ЕАЭС, о необходимости развития национального и евразийского программного обеспечения. Необходимо выбирать лучшие мировые практики цифровизации. Дальнейшая цифровизация является ключевым фактором роста многих отраслей экономики, который позволит ускорить евразийскую интеграцию и повысить конкурентоспособность евразийских стран [8]. Важнейшим инструментом в решении практических задач евразийской интеграции и ее углубления является техническое регулирование на основе современных цифровых технологий. В настоящее время идет разработка проекта «Цифрового технического регулирования в рамках ЕАЭС», который создает современную цифровую среду для формирования полного набора обязательных требований к объектам технического регулирования. Реализация проекта должна дать «всем участникам рынка доступ к цифровым сервисам для обеспечения цифровизации процессов проектирования, производства и ускоренного вывода продукции на рынок» [13].

Российское правительство приняло «Концепцию законодательного регулирования оборота цифровых валют» [6]. Целью регулирования является интеграция механизма оборота цифровых валют в российскую финансовую систему и обеспечение контроля за денежными потоками кредитных организаций. Оборот цифровых валют будет регулироваться государством в лице ЦБ РФ и Минфина России. В Концепции защита прав граждан, помимо разделения инвесторов на квалифицированных и неквали-

фицированных, будет обеспечиваться за счёт требований по лицензированию криптовалютных площадок, которые обязаны иметь финансовые подушки безопасности по ликвидности и достаточности капитала. Реализация концепции позволит вывести из тени оборот цифровых валют [10].

В современной гиперконкурентной цифровой экономике важнейшим новым институтом и новым инструментом осуществления денежных функций, платежей и ускорения денежного оборота являются цифровые деньги (цифровая валюта, кибервалюта). В 2022 году в России началась апробация разработанного прототипа информационной платформы цифрового рубля, эмитентом и регулятором которого является Центральный банк России. В тестировании этой платформы на первом этапе принимают участие 12 ведущих российских банков. На следующем этапе предполагается к ИТ-платформе цифрового рубля подключить Казначейство России, а также осуществить интеграцию и подключение широкого круга бирж, брокеров, маркетплейсов, кредитных и страховых компаний. В дальнейшем предполагается запустить сервис конвертации цифрового рубля в иностранные валюты и открывать цифровые кошельки широкому кругу резидентов и нерезидентов. Цифровой рубль будет обращаться наравне с наличными и безналичными рублями, он сможет быть использован как в режиме онлайн расчетов, так и в режиме офлайн без использования интернета.

В последнее время пилотные проекты введения в финансово-экономический оборот цифровой национальной валюты реализуются в Китае (цифровой юань КНР), в США (цифровой доллар, Digital Dollar Project), в Сингапуре (сингапурский цифровой доллар) и других странах. Китай начал разрабатывать механизм внедрения цифровой валюты одним из первых в мире.

В 2020 году Центральный Банк КНР начал в тестовом режиме реализацию пилотного проекта по использованию для электронных платежей цифровой валюты (Digital Currency Electronic Payment) или электронного юаня (e-CNY). При этом тестирование e-CNY, которое проходило во всех регионах страны, активно поддерживалось коммерческими банками Китая. Цифровой юань, имеющий монетарную двухуровневую систему, был спроектирован для закрепления национальной валюты Китая на международном рынке, с целью повышения ее конкурентной способности и возможности быть полноценной альтернативой доллару США. С января 2021 года цифровой юань стал официально использоваться в платежной системе КНР, что значительно расширило возможности населения и бизнеса оплачивать цифровым юанем товары и услуги [5].

Китай и ЕАЭС начали консультации по созданию независимой международной валютно-финансовой системы. Стоимость новой валюты будет рассчитываться как индекс национальных валют стран-участниц и цен биржевых товаров. Министр по интеграции и макроэкономике ЕЭК С. Глазьев отметил, что «с учетом общих вызовов и рисков, связанных с замедлением мировой экономики и ограничительными мерами в отношении государств ЕАЭС и Китая, наши страны должны активизировать практическое сотрудничество» [12]. Особенно большие перспективы создания новой валютно-финансовой системы открываются вследствие расширения и реализации евразийского мегапроекта «Цифровой Шелковый путь», базовым элементом которого является сопряжение Евразийского экономического союза и проекта «Один пояс-Один путь» [15].

В целях расширения торгово-экономических связей Россия и Индии на уровне экспертного сообщества прорабатывается необходимость и возможность перейти при проведении торгово-экономических операций к расчетам в рублях и рупиях. Схема позволит российским и индийским экспортерам и импортерам получать оплату за свои товары в национальной валюте вместо долларов или евро. В перспективе аналогичные валютно-торговые соглашения могут быть заключены и с другими странами Большой Евразии.

Заключение

В новой «Стратегии национальной безопасности РФ», которая была принята в июле 2021 года, четко определено приоритетное направление и цели развития отношений России и евразийских стран – «обеспечение интеграции экономических систем и развитие многостороннего сотрудничества в рамках Большого Евразийского партнерства» [14]. Разрабатываемая нами неинтеграционная концепция формирует новый вектор стратегического евразийского развития, направленного на целевую трансформацию и модернизацию структуры экономик евразийских стран, а также позволит странам ЕАЭС и Большой Евразии реализовать свои конкурентные преимущества, обеспечить устойчивый экономический рост и экономическую безопасность, повысить полифункциональную гиперконкурентность и устойчивость в системе мировой экономики.

Большое Евразийское партнерство является ответом на глобальный вызов, который обусловлен сломом старой финансово-экономической долларовой системы и вводом со стороны западных стран жестких санкций против России и других дружественных ей евразийских стран. Углубление интеграционного сотрудничества, динамичное формирование институтов развития Большого Евразийского партнерства, в котором ведущую роль играют Китай и Россия, в условиях новой геополитической ситуации должно стать эффективным средством взаимовыгодного сотрудничества, обеспечения экономической безопасности и защиты общих экономических интересов России, стран ЕАЭС и Большой Евразии в условиях усиления геополитической полифункциональной гиперконкуренции.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00674.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Большое Евразийское партнерство: синергия политики и бизнеса. Что нужно сделать для формирования общего экономического пространства на континенте? Сессия Петербургского международного экономического форума, 2022.
2. Глазьев С.Ю. «Единство многообразия» как конкурентное преимущество ЕАЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. № 2. С. 9-11.
3. Дятлов С.А. Энейро-сетевая гиперконкурентная экономика. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2017. 133 с.
4. Данил Шилков: в 2021 году Минцифры исполнило ключевые рекомендации СП по нацпрограмме «Цифровая экономика». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ach.gov.ru/news/shilkov-natsprogramm-tsfrovaya-ekonomica> (дата обращения 09.06.2022).
5. Кононий А.С., Борисов Б.А. Правовая политика Российской Федерации и Китайской Народной Республики в сфере цифровизации национальной валюты // Право и политика. 2021. № 7.
6. Кузьмин В. Правительство утвердило концепцию оборота криптовалют в России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rg.ru/2022/02/08/pravitelstvo-utverdilo-konceptsiu-oborota-kriptovalidut-v-rossii.html?utm_source=uxnews&utm_medium=desktop (дата обращения 08.02.2022).
7. Министр ЕЭК Варос Симонян: «Темпы цифровизации будут определять конкурентоспособность и привлекательность нашей интеграции». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://eec.eaeunion.org/news/ministr-eek-varos-simonyan-tempy-tsifrovizatsii-budut-opredelyat-konkurentosposobnost-i-privlekateln> (дата обращения 07.06.2022).
8. Министр ЕЭК Варос Симонян: «Цифровизация ускорит евразийскую интеграцию и повысит конкурентоспособность стран ЕАЭС». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://eec.eaeunion.org/news/ministr-eek-varos-simonyan-tsifrovizatsiya-uskorit-evraziyskuyu-integratsiyu-i-povysit-konkurentosposobnost> (дата обращения 26.05.2022).
9. Миропольский Д.Ю., Селищева Т.А., Дятлов С.А. Российская экономика в евразийской интеграции: макроэкономический и региональный уровни. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2018. 180 с.
10. Правительство утвердило «Концепцию законодательного регулирования оборота цифровых валют». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://government.ru/news/44519> (дата обращения 08.02.2022).
11. Правительство уточнило цели и задачи госпрограммы «Информационное общество». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://d-russia.ru/pravitelstvo-utochnilo-celi-i-zadachi-gosprogrammy-informacionnoe-obshhestvo.html> (дата обращения 06.06.2022).
12. Россия и Китай задумались о единой валюте. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://lenta.ru/news/2022/03/14/ruschina/?utm_source=uxnews&utm_medium=desktop (дата обращения 14.03.2022).
13. Техническое регулирование ЕАЭС идет по пути цифровых преобразований. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://eec.eaeunion.org/news/tehnicheskoe-regulirovanie-eaes-idet-po-puti-tsifrovyykh-preobrazovaniy> (дата обращения 08.06.2022).
14. Указ Президента Российской Федерации «О стратегии национальной безопасности» № 400 от 2 июля 2021 года.
15. Чжан Ваньтин, Селищева Т.А., Дятлов С.А. Цифровой Шелковый путь как форма сопряжения Евразийского экономического союза и проекта «Один пояс-Один путь» // Проблемы современной экономики. 2021. № 1 (77). С. 14-19.

Козьменко С.Ю.

«CASUS BELLI» – СОВРЕМЕННЫЕ ОТТЕНКИ ГЛОБАЛЬНОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Аннотация. В статье показано значение политики ядерного сдерживания как основного императива, обеспечивающего исключение «casus belli» из военной сферы глобального противостояния; однако даже невоенные инструменты глобального прессинга (санкции) способны нанести противоборствующим сторонам неприемлемый ущерб. Выявлены возможные направления взаимодействия России и Китая при противодействии известным «украинским» антироссийским санкциям, а также возможным антикитайским санкциям при обострении геополитической обстановки вокруг Тайваня. Подтверждено сужение экспортно-импортной экономической деятельности двух стран в условиях санкционных ограничений США, а также расширения морского взаимодействия с использованием элементов ядерной триады воздушного и морского базирования.

Ключевые слова. Глобальное противостояние, «Большая игра», позиционирование и взаимодействие России и Китая в современных геополитических и экономических координатах.

Kozmenko S.Yu.

«CASUS BELLI» – MODERN SHADES OF GLOBAL OPPOSITION»

Abstract. The article shows the significance of the policy of nuclear deterrence as the main imperative that ensures the exclusion of «casus belli» from the military sphere of global confrontation; however, even non-military instruments of global pressure (sanctions) are capable of inflicting unacceptable damage on the opposing sides. Possible directions of interaction between Russia and China are identified in countering the well-known «Ukrainian» anti-Russian sanctions, as well as possible anti-Chinese sanctions in the aggravation of the geopolitical situation around Taiwan. The narrowing of the export-import economic activities of the two countries under the US sanctions restrictions, as well as the expansion of maritime cooperation using elements of the air- and sea-based nuclear triad, was confirmed.

Keywords. Global confrontation, "Great Game", positioning and interaction between Russia and China in modern geopolitical and economic coordinates.

Введение

Глобальное противостояние – непреодолимое противоречие двух мировых цивилизаций, в основе которого лежит противоборство с незапамятных времен между Российской и Британской империями, которое со временем превратилось в эпопею под названием «Большая игра». Состав участников «Большой игры» со временем изменялся, и к началу XXI века это – США и Великобритания, или англосаксы, ярые приверженцы так называемого глобального либерального проекта, с одной стороны, и Россия, с другой.

ГРНТИ 06.51.02

EDN DQIRYT ; DOI 10.6084/m9.figshare.21431991

© Козьменко С.Ю., 2022

Сергей Юрьевич Козьменко – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН (г. Апатиты Мурманской области).

Контактные данные для связи с автором: 184209, г. Апатиты Мурманской обл., ул. Ферсмана, д. 24а (Russia, Aratity, Fersmana str., 24a). E-mail: fregat306@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 01.07.2022.

Со временем образовалась группа, поддерживающая англосаксов, – это, как правило, страны Британского содружества (Канада, Австралия, Новая Зеландия и др.). Приоритетом геополитики и экономики этих стран является доминирование на мировом уровне. Практика взаимодействия с этими странами выражается емкой максимой, сформулированной более ста лет назад: «Хуже вражды с англосаксами может быть только дружба с ними» [1].

При построении геополитических конструкций считается очевидным тот непреложный факт, что источником глобального развития является динамика «Большой игры», которая оформилась на полях противостояния морской (талассократической) и континентальной (теллурократической) цивилизаций, или англосакского и русского миров. На линии соприкосновения «океан vis континент» формируется дисконтинуальный пояс, представляющие собой разорванные береговые зоны с неопределенной, вариабельной ориентацией, могущие повернуться как к теллурократическому континенту, так и к талассократическому морю. Драматизм сосуществования «властелинов моря» и «повелителей суши» в историко-геополитическом аспекте удачно показан в [3].

Глобальное противостояние «Россия – НАТО»

Два мира, две цивилизации дополняют друг друга до единого целого. Исчезновение с геополитического атласа современного мира одной из составляющих приведет к всемирному коллапсу, катастрофе глобального масштаба, в результате которой произойдет обнуление «Большой игры» целиком. Поэтому геополитическое давление компонентов системы «океан vis континент» друг на друга возможно до определенного предела. И это действительно так. История войн и военных конфликтов XX века наглядно свидетельствует о том, что в мирное время англосаксы являются для нас непримиримыми соперниками, однако в случае войны они становятся нашими союзниками.

А пока НАТО – организация, созданная для защиты Европы от советского вторжения [10], без внешне видимых причин продолжает расширение на восток. Пять известных за последние 25 лет (с 1997 г.) расширений НАТО на восток и привлечение сомнительных с позиций укрепления боевой готовности сил альянса стран в строгом соответствии с третьим законом Ньютона («сила действия равна силе противодействия») вызвали противоположное движение России на запад и юго-запад – это в недалеком будущем, по мнению автора, приведет баланс Россия – НАТО в исходное положение.

Расширения НАТО на восток были допущены во многом в виду невнятной позиции России в Прибалтике, Украине и Белоруссии, странах Варшавского договора и балканских странах бывшей Югославии в конце XX – начале XXI вв., что позволило НАТО практически вдвое (с 16 до 30) увеличить число стран-участниц в этот период. Чтобы предотвратить продвижение НАТО на восток, следует сформулировать альтернативную геополитическую стратегию. Россия должна выступить в качестве центра новой континентальной интеграции, обладающего современными средствами обороны на суше и на море.

За семьдесят с лишним лет своего существования при отсутствии явной военной угрозы с востока НАТО практически функционировала в комфортных условиях мирного времени, принимая участия лишь в региональных военных конфликтах низкой интенсивности (Югославия, Ливия, Сирия, Ирак, Афганистан). В этих конфликтах альянс не достиг желаемой цели и в результате выродился в некую неустойчивую структуру, которая неспособна гарантировать безопасность ни Европе в целом, ни странам ЕС в отдельности. В обеспечении безопасности до сих пор Европа полностью полагалась на США, которые, собственно, и обеспечивали паритет в стратегических ядерных силах (СЯС) при проведении «Большой игры».

Однако, в этой игре стороны стремятся развивать не столько наступательные вооружения, сколько средства ядерного сдерживания. Поскольку реальный военный конфликт принесет заранее неприемлемый (скорее всего катастрофический) ущерб, то угроза гарантированного взаимного уничтожения стала лучшим гарантом мира [4, с. 120-128]. При этом, заметим, что конкурентоспособность и привлекательность вооружений увеличиваются, когда они использованы в реальных боевых действиях. Поэтому ядерные державы предпочитают демонстрировать уровень средств неядерного сдерживания, то есть обычных вооружений, на территории третьих стран. В частности, на Украине.

Понимание этих особенностей «Большой игры» и современных оттенков глобального противостояния США и России, то есть осознание того факта, что военная поддержка США ограничена российскими «красными линиями», привело к тому, что сегодня Европа вообще и некоторые страны (в первую

очередь, Германия, континентальная держава), в частности, озабочены формированием собственных армий. То есть созданием вооруженных сил Европы взамен НАТО.

Однако за длительные мирные годы европейскими странами утрачены ряд значимых военных компетенций, главным образом, в области создания ядерной триады, а также систем ПВО и ПРО, не говоря уже о гиперзвуковых ракетных комплексах. А в целом в странах НАТО, включая США, практически утрачены компетенции проведения наступательных операций фронтового уровня с использованием обычных вооружений [7], поскольку в ходе таких операций потери в живой силе будут неприемлемого уровня и могут вызвать социальные коллизии. Это приводит к тому, что поиски «casus belli» переносятся к невоенной (гражданской) сфере; в таком случае результатом глобального противостояния становятся разрушения военного масштаба, достигнутые с применением невоенного инструментария (санкций).

После череды военных неудач последних лет в Сирии и Афганистане для сохранения конкурентных позиций на геополитическом и экономическом атласе современного мира и дальнейшего мирового доминирования США и НАТО надо отыграть репутационные потери в «Большой игре». Это должно привести к ослаблению основных соперников – России в геополитическом (военном) и Китая в экономическом смысле. С этих позиций полем глобального противостояния выбраны зона проведения специальной военной операции (СВО) России на Украине и линия Китай – Тайвань в формате нестабильности реализации принципа «одного Китая».

В первом случае, на Украине, в зоне транзита российского газа в Европу [9], нам есть чем ответить. Об этом свидетельствуют текущие результаты СВО, достигнутые даже без применения новейших видов вооружений: нового ракетного комплекса с тяжёлой межконтинентальной ракетой «Сармат»; новейшей крылатой ракеты Х-101 воздушного базирования; высокоточных гиперзвуковых ракетных комплексов воздушного («Кинжал»), наземного («Авангард») и морского («Циркон») базирования; боевых лазерных комплексов («Пересвет», «Задира»); крылатой ракеты глобальной дальности («Буревестник») и беспилотного подводного аппарата («Посейдон»), аналогов которым нет ни в одной армии мира [6].

Успешность проведения СВО также обеспечена боевым опытом проведения специальных операций в Сирии и в Крыму, а также единством всего российского общества в поддержке российской армии и флота. И если на Украине активность США в противостоянии с Россией ограничивается наличием у последней развернутой ядерной триады в совокупности, как минимум, сопоставимой или превосходящей стратегические ядерные силы США вместе с НАТО, то в противодействии с Китаем такой сдерживающий фактор практически отсутствует. Рассмотрим, в этой связи, «китайский фактор» более детально.

Оттенки развития НОАК

В Народно-освободительной армии Китая (НОАК), судя по открытым источникам, ситуация несколько иная. Ядерная триада не сформирована, хотя техники достаточно, новейшей, но спорного качества, которая представляет собой, подчас, результат переработки (модернизации) образцов еще советских времен.

Так, разработанный на базе советской модели Ту-16 (необходимая документация и два опытных образца были переданы Китаю в 1957-1959 гг.) первый китайский стратегический бомбардировщик Хian Н6 и созданная в дальнейшем целая линейка его модификаций сегодня составляет основу дальней авиации НОАК. Актуальной версией являются самолет Хian-Н6К («Бог войны»), принятый на вооружение в 2009 г., а также перспективные модификации Хian-Н6КН («Морской бог») и Хian-Н6N, стратегической боевой задачей которых является борьба с авианосными ударными группами вероятного противника и проведение боевого патрулирования морского пространства в мирное время.

Например, в конце мая 2022 г., в период проведения в Токио саммита Четырехстороннего диалога по безопасности (Quadrilateral Security Dialogue, Quad) с участием лидеров Японии, США, Индии и Австралии, авиагруппа в составе стратегических ракетоносцев Ту-95МС ВКС России (этот самолет является компонентом ядерной триады России) и Хian-Н6К ВВС НОАК провели уже четвертое боевое патрулирование в АТР в связи с ситуацией вокруг Тайваня, продемонстрировав возможность совместных действий и вероятность присутствия ВКС России в этом регионе [2] с использованием гиперзвуковых ракет системы «Кинжал», гарантированно преодолевающих все существующие и перспективные системы противовоздушной и противоракетной обороны, доставляя к цели на дальность более двух тысяч километров ядерные и обычные боезаряды.

Морская составляющая представлена шестью атомными подводными лодками с баллистическими ракетами (пларб) проекта 094 (постройки 1999-2020 гг.), созданными на основе технической документации советской пларб проекта 667А «Навага», которые можно отнести ко второму поколению. Эти лодки не выдерживают современные критерии шумности. Есть также одна модернизированная пларб проекта 094а (2020 г.), на которой ключевые проблемы с шумностью частично решены. Этого недостаточно для обеспечения боевого патрулирования в Тихом океане, а дальность действия ракет в 7200 км не позволяет поражать цели в глубине американского континента при стрельбе от пирса при дислокации пларб в пункте постоянного базирования.

По логике военной реформы, проводимой в Китае с 2015 г., изменился основной принцип построения НОАК: если раньше ставка делалась на сухопутные войска (по советскому и российскому образцу), то теперь основная роль отводится военно-морскому флоту, включая морскую пехоту, и авиации. Это говорит о том, что основным предназначением НОАК в современных условиях является оборона побережья в пространстве Великой китайской равнины с моря и воздуха. Это наиболее экономически развитые провинции Китая, расположенные на побережье Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей; там же сконцентрирован китайский стратегический резерв запасов нефти (порядка 90,0 млн т).

В общем, по мнению автора, если начнется военный конфликт в этом регионе, то противопоставить США Китаю будет нечего. Численность НОАК по многим открытым данным составляет порядка 3,5 млн чел. без резерва, в том числе сухопутные войска – порядка 2,0 млн чел. Положительный боевой опыт в локальных военных конфликтах (Индия, Вьетнам) и специальных войсковых операциях внутри Китая (Синьцзян-Уйгурский район, Внутренняя Монголия или Тибет) практически отсутствует, если не считать преимущества Китая в пограничном конфликте с Индией (1962 г.), в котором соотношение сил было 8 к 1 в пользу Китая.

В общем, если начнется региональный военный конфликт с США, то ответить, по сути, нечем: современная война – это противостояние качества вооружений, а не массовости армий. С 2022 г. к компетенции НОАК отнесены невоенные операции, которые, помимо помощи при стихийных бедствиях и гуманитарной помощи, включают сопровождение морских судов и проведение миротворческих миссий за рубежом. Таким образом, это может предотвратить влияние региональной нестабильности на Китай, обеспечить безопасность жизненно важных транспортных путей для стратегических материалов, таких как нефть, или защитить зарубежные инвестиции, проекты и персонал Китая [8]. Такие действия Китая могут свидетельствовать о подготовке к специальной операции на Тайване.

Заключение

Положительный российский опыт по возвращению Крыма не мог не сказаться на настроении китайского общества в контексте реализации принципа «одного Китая» по линии воссоединения Китай – Тайвань. Однако здесь возникают существенные ограничения деятельности Китая и совместного российско-китайского взаимодействия на современном геополитическом пространстве. У двух стран различная степень устойчивости к санкциям США.

Как известно, существуют технологии, называемые критическими макротехнологиями, обладание которыми гарантированно, априори, обеспечивает высокую конкурентную позицию, как в мировой экономике, так и на геополитическом поле. Такие технологии лежат в основе мобилизационной (то есть по существу военной) экономики и создают блок противодействия, как военного, так и невоенного (гибридного) характера.

Россия обладает критическими макротехнологиями в области гидро- и аэродинамики: это те же атомные подводные лодки с баллистическими ракетами и «Посейдонь», ракеты «Сармат», «Кинжал» и «Калибр», семейство комплексов «Фаворит», «Триумф», «Прометей» и многое другое. Это космические аппараты различного предназначения. Это лидирующие позиции России в ядерной энергетике, прежде всего, в строительстве стационарных и транспортных ядерных реакторов, выработке ядерного топлива, в том числе оружейного плутония.

К тому же Россия устойчиво занимает определенные рыночные ниши, которые некомпенсируемы другими странами. Это поставки природного газа, включая СПГ, сырой нефти, как легкой, так и тяжелой, для производства всего спектра нефтепродуктов, минеральных удобрений, зерна, урана, алюминия и титана, никеля и меди и т.д.

Но, самое главное, – в эпоху санкционного противостояния Россия может обеспечить себя самостоятельно продовольствием и энергией – основными компонентами жизнедеятельности населения. В целом воздействие совокупных западных санкций на экономику России чувствительно, однако не критично – то есть не представляет угрозы единству и территориальной целостности страны.

В области энергетики этого не скажешь о Китае, поскольку зависимость экономики Китая от морского импорта нефти (в среднем за 2020-2021 гг.) критична и составляет 63% (474 млн т) от общего потребления; зависимость от морского импорта СПГ – порядка 28,5% (94,0 млрд м³) от общего потребления.

Морской импорт энергетических ресурсов идет в Китай южным маршрутом по трассам «Южного шелкового пути» через Малаккский и Сингапурский проливы, последний шириной в 2,5 км легко перекрывается в случае необходимости. К тому же судоходные компании Китая не владеют достаточным количеством танкеров и газозавозов для транспортировки такого количества углеводородов; и неизвестно как поведут себя судовладельцы третьих стран при наложении санкций на страхование грузов, поставляемых в Китай. Россия не сможет компенсировать такие объемы нефти и газа ввиду недостатка ресурсов и транспортных коммуникаций, нефте- и газопроводов [5].

Только нарушение поставок энергетических ресурсов, не говоря уже о блокировании золотовалютных резервов в сумме 3,2 трлн долл. США, приведет к коллапсу китайской экономики. Угроза санкций является значимой для китайской экономики, как в случае поддержки российской СВО, так и при проведении СВО на тайваньском направлении.

Соперничество за контроль над тихоокеанскими архипелагами, которые представляют собой естественный разделительный барьер двух цивилизаций: морской (англосакской) и континентальной (азиатской) создают палитру оттенков глобального противостояния веера «casus belli» тихоокеанской версии «Большой игры». По существу «casus belli» – это только тень войны, но не сама война.

Благодарности

Работа выполнена в рамках темы № 0226-2019-0028 ИЭП «Взаимодействие глобальных, национальных и региональных факторов в экономическом развитии Севера и Арктической зоны Российской Федерации» по государственному заданию ФИЦ КНЦ РАН.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. *Вандам А.Е.* Наше положение. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1912. – Современное издание: Вандам А. Наше положение / Вандам А., Головин Н., Бубнов А. Неуслышанные пророки грядущих войн (Великие противостояния). М.: АСТ, Астрель, 2004. 368 с.
2. *Горевой Р.* Друг в спину // Версия. 2022. № 22. 13-19 июня.
3. *Ивашов Л.Г.* Геополитика русской цивилизации. М.: Институт русской цивилизации, 2015. 800 с.
4. *Ивашов Л.Г.* Геополитическая драма России. М.: Аргументы недели, 2021. 528 с.
5. Национальные экономические интересы и тенденции развития морских перевозок углеводородных ресурсов в Арктике / Высоцкая Н.А., Евдокимов Г.П., Емельянов М.Д., Ершов А.М. и др. Апатиты: КНЦ РАН, 2009. 163 с.
6. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному собранию Российской Федерации 01 марта 2018 г.
7. *Сивков К.* Скрежет НАТО // Завтра. 2022. № 23 (1484), июнь.
8. Си Цзиньпин разрешил армии Китая невоенные операции. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://news.mail.ru/politics/51755638> (дата обращения 20.06.2022).
9. *Щеголькова А.А.* Экономическая конъюнктура украинского газового транзита // Вестник МГТУ. Труды Мурманского государственного технического университета. 2015. Т. 18. № 3. С. 565-570.
10. Why it is more important than ever to invest in defense of democracy. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.telegraph.co.uk/news/uknews/defence/10748433> (дата обращения 09.06.2022).

Черненко В.А., Резник И.А.

**АСПЕКТЫ КОНКУРЕНЦИИ РОССИЙСКИХ КОММЕРЧЕСКИХ
БАНКОВ В КОНЦЕПЦИИ ЭЛЕМЕНТОВ ФОКУС**

Аннотация. В статье на базе данных официальной статистики Центрального Банка РФ анализируется конкуренция российских коммерческих банков в системной концепции ФОКУС. Рассматриваются основные ее позиции, такие как финансовая и информационная прозрачность, овладение информационными технологиями, капитал, успешность борьбы за клиента, степень риска. Определена двоякая роль конкуренции в совершенствовании банковских продуктов: с одной стороны как фактора, влияющего на развитие банковского продукта, с другой стороны, как функционирующей среды взаимодействия. Анализ конкуренции на депозитном, кредитном рынках, концентрации активов в РФ раскрыт с позиции концепции ФОКУС, позволяющей сделать вывод о преобладании высоко концентрированной конкуренции на банковском рынке.

Ключевые слова. Банки, конкуренция, инновации, элементы ФОКУС, информационные технологии.

Chernenko V.A., Reznik I.A.

**ASPECTS OF COMPETITION OF RUSSIAN COMMERCIAL
BANKS IN THE CONCEPT OF FOCUS ELEMENTS**

Abstract. The article analyzes the competition of Russian commercial banks in the FOCUS system concept on the basis of official statistics of the Central Bank of the Russian Federation. Its main positions are considered, such as financial and information transparency, mastery of information technologies, capital, the success of the struggle for the client, the degree of risk. The dual role of competition in improving banking products is determined: on the one hand, as a factor influencing the development of a banking product, on the other hand, as a functioning interaction environment. The analysis of competition in the deposit and credit markets, the concentration of assets in the Russian Federation is disclosed from the perspective of the FOCUS concept, which allows us to conclude about the predominance of highly concentrated competition in the banking market.

Keywords. Banks, competition, innovation, FOCUS elements, information technology.

Введение

Усиление процесса глобализации, переход к интегрированным технологическим решениям, блокчейн, появление криптовалют, диджитализация, выход на рынок FinTech способствуют ужесточению конкуренции между финансовыми посредниками. Конкуренция между игроками рынка определяет новые

ГРНТИ 06.73.55

EDN GEFTWQ

© Черненко В.А., Резник И.А., 2022

Владимир Анатольевич Черненко – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики, организации и управления производством Балтийского государственного технического университета «Военмех» им. Д.Ф. Устинова (г. Санкт-Петербург).

Инна Александровна Резник – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры банковского дела и страхования Оренбургского государственного университета.

Контактные данные для связи с авторами (Черненко В.А.): 190005, Санкт-Петербург, 1-я Красноармейская ул., д. 1 (Russia, St. Petersburg, 1st Krasnoarmeyskaya str., 1). Тел.: +7 921 989-95-29. E-mail: chernenko1003@yandex.ru.

Статья поступила в редакцию 06.06.2022.

формы взаимоотношения с потенциальными клиентами в экономических реалиях, применяя удаленную идентификацию, омниканальность, экстерриториальность онлайн-обслуживания. Здоровая конкуренция влияет на равновесие и стабильность банковской системы в целом, затрагивая интересы общества, где главенствующая роль отводится мегарегулятору.

Материалы и методы

Развитие информационных технологий, возросшие требования клиентов к доступности и качеству услуг, экстерриториальности обслуживания привели к тому, что конкуренция явилась наиболее эффективным рычагом, определяющим банковские стратегии в новых экономических реалиях. Методологической основой исследования послужили: системный подход, методы анализа, группировки, сравнения, аналитических выборок. Практический аспект исследования опирается на официальные статистические данные Банка России. Предметом исследования выступает конкуренция на банковском рынке в России.

Результаты и их обсуждение

Исследование теоретических основ дефиниции «конкуренция» потребовало обобщить разнообразные подходы к данному термину. У.Ж. Алиев, Ж.Е. Шимшиков расценивают термин «конкуренция» в смысле «равнение на других», т.е. как соревнование, состязание. Это – атрибутивное свойство «сталкиваться» и всеобщее условие выживания любого организма: биологического и социального [1]. Представители американской школы экономики К. Макконнелл, С. Брю раскрывают сущность данного понятия, не затрагивая взаимоотношения участников рынка [6]. Общественная роль конкуренции отражается в работах Г.Ф. Шершеневича, где идея конкуренции состоит в том, что обеспечение личного существования со стороны каждого хозяйства ведет к наилучшему обеспечению интересов общества [14]. М.Г. Ермолов, Р.А. Набиев выделяют условие: соперничество организаций на рынке приводит к постоянному изменению условий хозяйствования и состояния рынка, и для ведения достойной конкурентной борьбы организации вынуждены приспосабливаться к сложившимся условиям [2].

Проанализировав понятие «конкуренция», можно заметить, что разные школы рассматривают этот термин, выделяя ту или иную грань: поведенческую, функциональную, структурную. Н.К. Савельева отмечает, что конкуренция – элемент рыночного механизма, который реализуется в виде взаимодействия между участниками рынка и борьбы между ними за самые благоприятные условия для капитальных вложений. Конкуренция на рынке вносит свой вклад в формирование экономических пропорций и оздоровление экономики [9]. Подводя итог и обобщая, можно констатировать отсутствие единого мнения в понимании данного термина в силу одностороннего подхода к рассмотрению различными направлениями экономической мысли. В разрезе представленных определений можно выделить три авторских подхода: этимологический, маркетинговый и институциональный. На их основе в дальнейшем сформируем дефиницию «конкуренция».

1. Этимологический подход определяет конкуренцию (с латинского «concurrentia» – столкновение, сбегание) как соперничество, борьбу за достижение наивысших выгод, преимуществ. Лексическое значение данного термина в экономической энциклопедии определяется, с одной стороны, как противостояние, а, с другой, как существование на рынке множества продавцов и покупателей и возможность их свободного входа и выхода на рынок.

2. Сторонники маркетингового подхода (Ю.И. Коробов, Э.А. Уткин, Е.В. Егоров, П.С. Завьялов), направленного на совокупное представление комплекса «4Р» и его дальнейшую модификацию в более расширенную модель (товар, цена, место на рынке, продвижение, прибыль и др.), рассматривают конкуренцию, как соперничество между производителями на рынке за более выгодные условия производства и сбыта продукции для получения на этой основе максимально возможной прибыли [3]. Мегарегулятор России в подходах к развитию конкуренции на финансовом рынке придерживается клиентского подхода, трактуя ее как соперничество между поставщиками финансовых услуг за потребителя. Своей целью ЦБ РФ видит создание условий для функционирования проконкурентной среды с возможностью появления новых игроков на финансовом рынке при повышении доступности, качества отношений с клиентурой [7].

3. Представитель институционального подхода Дж. Синки понимает конкуренцию в индустрии банковских услуг, как противоборство компаний, предоставляющих финансовые услуги с учетом цены, удобства для потребителя, доверия клиентов [15]. Х.У. Деринг, Ф. Мишкин, Р.Л. Миллер, Э.Дж. Долан,

Д.Д. Ван-Хуз, Ж. Матук рассматривают банки в качестве финансовых посредников и поставщиков банковских услуг [8]. Конкуренция на рынке банковских услуг отлична спецификой банковской продукта: неосязаемого, абстрактного, обезличенного, который имеет договорной характер, множественность каналов доступа, объектом здесь являются денежные средства [13]. Широки и позиции конкурентов на рынке банковских услуг, ими являются не только коммерческие банки, но и страховые компании, инвестиционные компании, пенсионные фонды, телекоммуникационные фирмы, Финтех-компании.

Обобщая вышеприведенные мнения ученых, отметим, что в нашем понимании конкуренция на банковском рынке – это состязание в виде соперничества или борьбы за ограниченные ресурсы в результате привлечения средств, а в дальнейшем и их размещения, направленное на достижение целей предпринимательской деятельности, с целью удовлетворения потребностей клиентов и достижения доступности услуг. На современном этапе конкуренция приобрела некоторую форму рыночного взаимодействия на взаимовыгодных условиях финансовых посредников. Это саморегулирующий процесс, где движущей силой являются современные технологии, которые позволяют расширить доли и открыть новые ниши на рынке.

Рассмотрим конкуренцию коммерческих банков в системной концепции ФОКУС (акроним от: финансовая и информационная прозрачность, овладение информационными технологиями, капитал, успешность борьбы за клиента, степень риска) [15].

Первый компонент – финансовая и информационная прозрачность – проявляется через асимметрию информации. В условиях цифровизации асимметричность информации банков-лидеров проявляется в создании собственных технологических экосистем, формируя монополизацию банковского рынка, что приводит к обеспокоенности ЦБ РФ относительно создания неблагоприятных условий для здоровой конкуренции. В целях обеспечения доступа к финансовым продуктам клиентов, ЦБ РФ реализует комплекс программ: СБП (система быстрых платежей), удаленная идентификация, создание цифрового профиля, маркетплейс и др.

Фактор пандемии для участников рынка стал решающим в продвижении информационных технологий, например в формате онлайн открытия счетов, в том числе инвестиционных, виртуальной карты, онлайн-кредитования, онлайн-бухгалтерии. Если ранее очная встреча для личной идентификации была обязательна, то впоследствии стала возможна удаленная идентификация, к которой банки уже готовились задолго до пандемии, собирая банк биометрических данных клиентов. Совершенство качества банковского продукта направлено на небанковские сервисы, такие как контроль финансовой дисциплины клиента, онбординг, онлайн-чаты, маркетплейсы и нефинансовые сервисы.

В современных условиях конкуренции и усиления Финтех-компаний в целях освоения информационных технологий – элемента концепции ФОКУС, крупные финансовые посредники стали активно внедрять IT-технологии, создавая вокруг себя экосистемы. Зарубежный опыт распространения экосистем формируется на базе уже действующих, таких как Alibaba, Tencent, JD.com [10]. Технологические аспекты внедрения информационных технологий оказывают влияние на качество современного финансового рынка [11].

Российский опыт демонстрирует конкурентные позиции банков и Финтех-компаний. Сбер, Тинькофф, ВТБ, Газпромбанк, Альфа-банк, Россельхозбанк продолжают создавать свои экосистемы, а Финтех-компаниями пытаются войти в рыночное окно и отвоевать нишу на рынке финансовых услуг. Диджитализация бизнеса и смещение общества в цифровое пространство способствует модификации новых коммуникационных отношений внутри организации с усилением роли человеческого капитала, цифровых объектов интеллектуальной собственности, цифровых активов [4]. Наблюдается конкурентное соперничество, где нужно оценить свои финансовые возможности, во-первых, для региональных банков, во-вторых, сопоставить цель такой IT-инновации и искать формы сотрудничества с Финтех-компаниями, оценивая преимущество такого взаимодействия и распределяя затраты, уровень риска, как элемент ФОКУС-анализа [16].

Рассмотрим следующий элемент концепции ФОКУС – капитал (его адекватность) и отдельные показатели деятельности кредитных организаций в России, сгруппированных по величине активов-нетто по состоянию на 01.02.2022 г. В Группе 1-5 банков, ранжированных по величине активов (по убыванию) сконцентрировано капитала (собственные средства) 8 531 839 млн руб., что составляет 69% от капитала всего банковского сектора (12 437 107 млн руб.). Концентрация капитала (собственные средства) в Группе 1-10 банков составляет 10 343 541 млн руб., что представляет 83% капитала всего банковского сектора [7].

Наблюдается неравномерная концентрация и централизация банковского капитала на территории России. Наибольшая часть активов-нетто действующих кредитных организаций приходится на Центральный федеральный округ (79%), в столице сосредоточено активов кредитных организаций на 93 978 148 млн руб. Количество кредитных организаций, составляющих 80% активов, в данном округе: Сбербанк, Газпромбанк, Альфа-Банк, Россельхозбанк, Московский Кредитный Банк, Банк Открытие, Росбанк, Тинькофф Банк и др.

Оценивая долю вложений Топ-15 коммерческих банков и других банков по активам-нетто из данных таблицы 1, произведя расчеты с использованием индекса Херфиндаля – Хиршмана (НН), можно сделать вывод, что конкуренция на этом рынке умеренно-концентрированная, данный индекс составил 1 446,49.

Таблица 1

Топ-15 российских банков на объем активов-нетто, вкладов физических лиц и их доли по состоянию на 01.02.2022 г. [7]

Ранг	Топ-15 банков по активам-нетто, (тыс. руб., %)			Топ-15 банков по вкладам физических лиц, (тыс. руб., %)		
	Банк	Активы-нетто	Доля	Банк	Вклады	Доля
1	Сбербанк	39 109 367 769	32,18	Сбербанк	14 748 349 627	43,89
2	ВТБ	19 825 106 187	16,31	ВТБ	5 043 217 339	15,01
3	Газпромбанк	8 934 718 940	7,35	Альфа-Банк	1 827 474 630	5,44
4	Нац. Клир. Центр	6 215 472 254	5,11	Газпромбанк	1 513 853 362	4,51
5	Альфа-Банк	6 141 402 076	5,05	Россельхозбанк	1 356 189 971	4,04
6	Россельхозбанк	4 219 609 693	3,47	Банк Открытие	879 479 013	2,62
7	Московский Кредитный Банк	3 670 971 328	3,02	Тинькофф Банк	683 510 206	2,03
8	Банк Открытие	3 414 829 360	2,81	Райффайзенбанк	655 388 553	1,95
9	Совкомбанк	1 988 001 169	1,64	Московский Кредитный Банк	520 420 305	1,55
10	Райффайзенбанк	1 625 463 058	1,34	Совкомбанк	510 536 167	1,52
11	Росбанк	1 572 439 546	1,29	Почта Банк	344 188 232	1,02
12	Тинькофф Банк	1 269 767 136	1,04	Росбанк	332 720 545	0,99
13	ЮниКредит Банк	1 224 676 668	1,01	СМП Банк	293 205 233	0,87
14	Россия	1 212 197 343	1,00	ЮниКредит Банк	287 016 645	0,85
15	Всероссийский Банк Развития Регионов	1 205 474 258	0,99	Банк «Санкт-Петербург»	260 686 051	0,78
Всего по Топ-15		101 629 496 785	83,62	Всего по Топ-15	29 256 235 879	87,07
Остальные банки		19 904 163 907	16,38	Остальные банки	4 345 560 720	12,93
ИТОГО		121 533 660 692	100,00	ИТОГО	33 601 796 599	100,00

Далее для оценки уровня концентрации рынка рассчитаем индекс обратных величин долей:

$$k = \frac{n^2}{\sum_{i=1}^n \frac{1}{S_n}}$$

где S_n – доля n-го банка на рынке, %.

Величина этого параметра оказалась равна 0,292.

Интерпретация полученного расчетного значения обозначает для активов-нетто, что для исследованного рынка характерна олигополистическая конкуренция.

Коэффициент относительной концентрации демонстрирует, что в Топ-5 банков сконцентрировано 66% активов-нетто банковского сектора, а на Топ-10 банков приходится 78,28%, что свидетельствует о высокой степени концентрации активов-нетто.

Успешность борьбы за клиента (как элемент концепции ФОКУС) приобрела особое значение в пандемийный период. Количество открытых счетов в дистанционном доступе увеличилось, положительная

динамика наблюдается как в отношении юридических, так и физических лиц за исследуемый период. На 01.01.2021 года количество счетов с дистанционным доступом, открытых в кредитных организациях, составило 285 563 ед., что на 28 250 ед. больше, чем было на 01.01.2020 года. На 01.01.2022 года количество счетов с дистанционным доступом, открытых в кредитных организациях, составило уже 321 182 ед., что на 63 869 ед. больше, чем на 01.01.2020 года. В период пандемии сказался фактор самоизоляции, тенденция распространения доступа через сеть Интернет, а для физических лиц еще и доступ посредством сообщений с использованием абонентских устройств мобильной связи, количество активных пользователей которых увеличилось в 1,3 раза в период с 01.01.2019 по 01.02.2022 г. (с 178 174 по 230 661 ед.) [7].

Определив долю вложений Топ-15 коммерческих банков и других банков по показателю «вклады физических лиц», и произведя расчеты с использованием индекса Херфиндаля – Хиршмана (НИ), можно сделать вывод, что конкуренция на депозитном рынке высоко концентрированная, значение индекса составило 2241,5.

Рассчитывая индекс обратных величин долей, получаем численное значение 0,25, что свидетельствует о монополии на российском депозитном рынке и указывает на преобладание на нем банков-лидеров. Так, доля Сбербанка на 01.02.2022 г. составляет 43,89% депозитного рынка, что почти в три раза больше, чем у ВТБ, который сосредоточил около 15% рынка. На третьем месте по данному показателю – Альфа-Банк (5,44%), далее следуют Газпромбанк (4,51%), Россельхозбанк (4,04%), Тинькофф Банк (2,03%).

Таблица 2

Топ-15 российских банков по объему кредитного портфеля, вложений в ценные бумаги и их доли по состоянию на 01.02.2022 г. [7]

Ранг	Топ-15 банков по кредитному портфелю, (тыс. руб., %)			Топ-15 банков по вложениям в ценные бумаги, (тыс. руб., %)			
	Банк	Сумма	Доля	Банк	Сумма	Доля	
1	Сбербанк	27 246 939 295	37,3	Сбербанк	5 140 581 385	32,3	
2	ВТБ	11 819 101 275	16,2	ВТБ	3 269 886 801	20,5	
3	Газпромбанк	5 786 245 247	7,9	Газпромбанк	673 121 785	4,2	
4	Альфа-Банк	3 905 649 652	5,3	Альфа-Банк	572 039 095	3,6	
5	Россельхозбанк	2 931 610 624	4,0	Банк Открытие	518 330 585	3,3	
6	Московский Кредитный Банк	2 689 770 535	3,7	Россельхозбанк	473 828 292	3,0	
7	Банк Открытие	1 981 656 341	2,7	Московский Кредитный Банк	382 544 004	2,4	
8	Нац. Клир. Центр	1 845 240 064	2,5	Совкомбанк	312 109 460	2,0	
9	Совкомбанк	1 347 786 482	1,9	Россия	253 705 954	1,6	
10	Райффайзенбанк	1 032 574 329	1,4	Московский Областной Банк	253 632 609	1,6	
11	Траст	942 988 238	1,3	Нац. Клиринг. Центр	236 348 266	1,5	
12	Росбанк	937 217 486	1,3	Тинькофф Банк	229 274 465	1,4	
13	ЮниКредит Банк	644 405 863	0,9	Ак Барс	195 666 756	1,2	
14	Тинькофф Банк	638 579 705	0,9	Банк Уралсиб	171 006 049	1,1	
15	Банк ДОМ.РФ	617 088 275	0,8	Райффайзенбанк	152 714 272	1,0	
Всего по Топ-15		64 366 853 411	88,0	Всего по Топ-15		12 834 789 778	80,6
Остальные		9 373 550 459	12,0	Остальные		3 093 259 170	19,4
ИТОГО		73 740 403 870	100,00	ИТОГО		15 928 048 948	100,00

Оценивая долю вложений Топ-15 коммерческих банков и других банков по показателю кредитного портфеля из представленных данных таблицы 2 и произведя расчеты с использованием показателя НИ, можно сделать вывод, что конкуренция на кредитном рынке близка к высоко концентрированной, значение индекса составило 1798,67. Рассчитывая индекс обратных величин долей, получаем показатель 0,28, что обозначает наличие олигополии на российском кредитном рынке. Позиция Сбербанка в кредитном сегменте рынка на 01.02.2022 г. – 37,3%, на второй позиции ВТБ – 16,2%, на третьем месте Газпромбанк – 7,9%, показатель которого в 4,7 раза меньше показателя Сбербанка.

Рассчитав долю Топ-15 коммерческих банков и других банков по вложениям в ценные бумаги, можно сделать вывод, что конкуренция на этом рынке еще умеренно-концентрированная, индекс Херфиндаля – Хиршмана составил 1536,77. Рассчитывая индекс обратных величин долей, получаем показатель 0,299, характеризующий ситуацию как олигополию на брокерском рынке, при этом четверть доли рынка еще является не занятой нишей, по сравнению с депозитным и кредитным рынками.

В то же время, доля лидера по обороту на брокерском рынке представляет положительную динамику с 18,1 до 21,3% за три предыдущих года. Широкое распространение получает эмиссия «зеленых» облигаций ввиду негативных последствий изменения климата [12]. Индекс относительной концентрации вложений в ценные бумаги на 01.02.2022 г. свидетельствует о консолидации у двух банков – Сбербанка (32,3%) и ВТБ (20,5%) – более половины доли рынка (52,8%). Этому способствует построение экосистем и кросс-продаж, которое позволило войти на нишу ОСАГО, где доля рынка лидера также увеличивается с 15,7 до 17,4%, а доля Топ-5 банков – с 57,7 до 64,2%.

Заключение

В процессе исследования, обобщив опыт российских и зарубежных ученых о теоретических положениях дефиниции «конкуренция», авторы обосновывают этимологический, маркетинговый, институциональный подходы к пониманию сущности конкуренции на банковском рынке, как состязания в виде соперничества или борьбы за ограниченные ресурсы в результате привлечения средств, а в дальнейшем и их размещения, направленного на достижение целей предпринимательской деятельности, с целью удовлетворения потребностей клиентов и доступности услуг. Основываясь на предложенных авторских подходах, рассмотрение данной дефиниции многогранно и подчеркивает вклад авторов в развитие экономической науки.

Практический аспект исследования опирается на статистические данные Банка России и отражает комплексный анализ конкуренции российских коммерческих банков в концепции элементов ФОКУС, позволяющий сделать вывод об умеренной олигополии на российском кредитном рынке и монополии на депозитном рынке. Таким образом, на российском финансовом рынке преобладают несколько ключевых игроков, которые сохраняют рыночные доли в сегментах привлечения вкладов, кредитования, а также предоставления карточных продуктов. Один из сегментов финансового сектора, рынок ценных бумаг, на протяжении десяти лет характеризуется изменчивостью при прогнозировании рисков инвесторов. Волатильность российского рынка ценных бумаг, как турбулентный фактор, еще не привела к высоко концентрированной конкуренции на данном сегменте, что дает возможность занять этот рынок другими игроками.

Перспектива дальнейшего изучения тематики состоит в детализации факторов, отражающих состояние конкуренции на рынке банковских услуг.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Алиев У.Ж., Шимишков Ж.Е. Понятийно-категориальный строй общей теории конкуренции // Теоретическая экономика. 2014. № 1 (19). С. 13-20.
2. Ермолов М.Г., Набиев Р.А. Теоретические аспекты понятия «конкуренция» // Вестник Удмуртского университета. 2014. № 4. С. 37-41.
3. Завьялов П.С. Формула успеха: маркетинг: сто вопросов – сто ответов о том, как эффективно действовать на внешнем рынке. М.: Международные отношения, 2008. 416 с.
4. Лосева О.В., Тазихина Т.В., Федотова М.А. Трансформация корпоративного управления и отношений собственности в цифровом обществе // Управленческие науки. 2020. № 10 (1). С. 55-67.
5. Лукаевич И.Я. Оценка и моделирование волатильности на российском фондовом рынке: эмпирическое исследование // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2022. № 1. С. 134-149.
6. Макконнелл К.Р. Экономикс: принципы, проблемы и политика. Баку: Азербайджан, 1992. 400 с.
7. Официальный сайт Центрального Банка Российской Федерации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cbr.ru/statistics/bank_sector/pdtko_sub (дата обращения 05.06.2022).
8. Парусимова Н.И. Развитие форм взаимодействия с банками и страховыми компаниями // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2017. № 2 (66). С. 72-75.
9. Савельева Н.К. Этимология и эволюционирование понятия конкуренция // Теоретическая экономика. 2020. № 3. С. 11-21.

10. *Сахаров Д.М.* Конкуренция резервных валют в условиях полицентрического развития мировой финансовой системы // *Финансы: теория и практика.* 2022. № 26 (1). С. 6-23.
11. *Рубцов Б.Б., Анненская Н.Е.* Влияние информационных технологий на качество современного финансового рынка // *Банковские услуги.* 2017. № 12. С. 14-23.
12. *Рубцов Б.Б., Анненская Н.Е., Шайдунова А.А.* Перспективы развития рынка «зеленых» облигаций в России // *Банковские услуги.* 2019. № 9. С. 7-15.
13. *Черненко В.А., Резник И.А.* Электронные банковские услуги: зарубежный опыт и отечественная практика: монография. СПб.: Инфо-да, 2007. 144 с.
14. *Шершеневич Г.Ф.* Курс торгового права. М.: Юрайт, 2020. 480 с.
15. *Sinkey J.F.* Commercial bank financial management in the Financial-Services Industry. New Jersey, DC: Prentice Hall Upper Saddle River, 2002. 1018 p.
16. *Zver'kova T.N.* Regional banks and fintech: a standoff or partnership? // *Digest Finance.* 2019. № 1 (249). P. 13-20.

Петров А.Н., Миэринь Л.А., Бородина Е.П.

**СИСТЕМА ПУБЛИЧНОГО (ГОСУДАРСТВЕННОГО) УПРАВЛЕНИЯ
СУДАМИ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ, РАССМАТРИВАЮЩИМИ
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СПОРЫ**

Аннотация. Система управления арбитражными судами в России определяет арбитражный суд как государственный, систему управления арбитражными судами как часть системы публичного (государственного) управления. В статье обосновывается, что данная система состоит из двух взаимосвязанных элементов: собственно государственного управления, с одной стороны, и как общественных, так и частных институтов, необходимых для обеспечения удовлетворения публичных интересов, с другой стороны. Соответственно применительно к разрешению экономических споров в качестве первого будет выступать сформированная система государственных арбитражных судов, а второго – формируемая динамичная система третейских судов. Третейские суды могут в значительной степени уменьшить нагрузку на арбитражные суды первой инстанции и мотивировать стороны к добровольному исполнению как судебного решения, так и мирового или медиативного соглашения.

Ключевые слова. Публичное (государственное) управление, теория управления, экономические системы, экономические споры, суд первой инстанции.

Petrov A.N., Mierin L.A., Borodina E.P.

**PUBLIC (STATE) MANAGEMENT FIRST INSTANCE COURT SYSTEM
CONSIDERING ECONOMIC DISPUTES**

Abstract. The arbitration court management system in Russia defines the arbitration court as a state court, the arbitration court management system as part of the public (state) administration system. The article substantiates that this system consists of two interrelated elements: the state administration itself, on one hand, and both public and private institutions necessary to ensure the fulfilment of public interests, on the other hand. Accordingly, in relation to the resolution of economic disputes, the first will be the established system of state arbitration courts, and the second — the emerging dynamic system of non-state arbitration courts. Non-state arbitration courts can significantly reduce the burden on state arbitration courts of first instance and motivate the parties to voluntarily comply with both a court decision and a settlement or mediation agreement.

Keywords. Public (state) administration, management theory, economic systems, economic disputes, court of first instance.

ГРНТИ 06.77.02

EDN GZIQWL

© Петров А.Н., Миэринь Л.А., Бородина Е.П., 2022

Александр Николаевич Петров – доктор экономических наук, профессор, первый проректор, заведующий специализированной кафедрой ПАО «Газпром» Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Лариса Александровна Миэринь – доктор экономических наук, профессор, профессор специализированной кафедры ПАО «Газпром» Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Екатерина Павловна Бородина – аспирант специализированной кафедры ПАО «Газпром» Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Контактные данные для связи с авторами (Бородина Е.П.): 191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., 21 (Russia, St. Petersburg, Sadovaya str., 21). E-mail: ekaterina_borodina1994@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 24.06.2022.

Введение

Система управления арбитражными судами в России принципиально отличается от большинства стран с развитой рыночной экономикой (более подробно в [1]) в первую очередь в части того, что сложившаяся за более чем триста лет традиция однозначно определяет арбитражный суд как государственный, систему управления арбитражными судами как часть системы публичного (государственного) управления [2].

Уже в 1996 году существовало 82 арбитражных суда первой инстанции в России, 10 – Федеральных арбитражных судов и Высший Арбитражный Суд Российской Федерации, который действовал до его упразднения в 2014 году. Позднее вносились некоторые изменения, например, в 2011 году был внедрен в систему арбитражных судов суд по интеллектуальным правам, который занимается специфическими спорами в области интеллектуальных прав, в том числе связанных с публикациями в информационно-коммуникационной сети «Интернет» [3], менялось количество арбитражных судов в связи с изменением количества субъектов федерации. Но в целом система государственного управления арбитражными судами России сформирована.

Система публичного (государственного) управления органами судебной власти при рассмотрении экономических споров

В соответствии с Конвенцией Организации Объединенных Наций против коррупции [4] (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций [5] и ратифицирована Россией Федеральным законом РФ от 8 марта 2006 года № 40-ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции» [6]) в статье 2 Термины дается определение публичного должностного лица для целей настоящей Конвенции: «а) "публичное должностное лицо" означает: i) любое назначаемое или избираемое лицо, занимающее какую-либо должность в законодательном, исполнительном, административном или судебном органе Государства-участника на постоянной или временной основе, за плату или без оплаты труда, независимо от уровня должности этого лица; ii) любое другое лицо, выполняющее какую-либо публичную функцию, в том числе для публичного ведомства или публичного предприятия, или предоставляющее какую-либо публичную услугу, как это определяется во внутреннем законодательстве Государства-участника и как это применяется в соответствующей области правового регулирования этого Государства-участника; iii) любое другое лицо, определяемое в качестве "публичного должностного лица" во внутреннем законодательстве Государства-участника» [4]. В развитие данной конвенции многие страны, в том числе Россия, совершенствуют свое законодательство в части публично-правового регулирования – предотвращения коррупции (более подробно, например в [7, 8, 9]).

Именно данное определение, являющееся частью системы международного права и признанное на уровне федерального закона в России, дает возможность говорить о законодательном закреплении термина «публичное должностное лицо», в том числе выполняющее «какую-либо публичную функцию», в том числе функцию управления, или «занимающее какую-либо должность в законодательном, исполнительном, административном или судебном органе». Таким образом, косвенно введено понятие публичного управления, в том числе для судебного органа.

Чаще всего публичное управление в России определяют как государственное и муниципальное управление. Например, М.В. Пронский отмечает: «Публичная служба занимает особое место в историческом, юридическом и культурном наследии России. На протяжении всего своего существования этот институт обеспечивал исполнение полномочий субъектов государственного и муниципального управления: делал его реально существующим и функционирующим» [10]. В таком же ключе высказывается Э. Маркварт: «Под эффективностью публичной власти в широком смысле понимается достижение в процессе управления поставленных общественно значимых целей при наименьших затратах. В известной мере можно говорить, что эффективность государственного и муниципального управления – это результат управления (точнее, "вмешательства" в ключевые процессы), предполагающий изменение формы, свойств и характера условий, которые обеспечивают формирование, наращивание и реализацию потенциала социума как объекта управления, отнесенный к затратам на достижение такого результата» [11].

О равнозначности государственного и муниципального управления как публичного управления в части ответственности речь идет в статье С.В. Запольского: «Иными словами, оценка соблюдения условий предоставления субсидий должна осуществляться через призму реализации принципов целевого и эффективного использования бюджетных средств. При этом возврат необоснованно использованных субсидий обеспечивается межотраслевой юридической конструкцией возмещения ущерба, порядок применения которой определен в ст. 270.2 БК РФ. В соответствии с указанной статьей в случае установления факта нарушения нормативных правовых актов, регулирующих бюджетные правоотношения, органами государственного (муниципального) финансового контроля составляется предписание с требованием о возмещении причиненного ущерба публично-правовому образованию» [12]. Ряд специфических вопросов финансовой ответственности органов публичного (государственного и муниципального) управления рассмотрен в [2, 13, 14, 15].

В дальнейшем исследовании, посвященном публичному управлению арбитражными судами первой инстанции, мы будем рассматривать публичное управление как государственное управление, так как арбитражные суды первой инстанции являются частью государственной судебной системы.

Проведя анализ нормативных правовых актов, следует согласиться с точкой зрения А.В. Безрукова, О.А. Кожевникова и В.А. Мещерягиной, что «юридическая конструкция "публичное управление" еще не распространена в качестве общепризнанного термина в науке и требует существенного анализа. Это связано и с тем, что упомянутая дефиниция пока не находит своего должного отражения ни на уровне законодательства Российской Федерации, ни на уровне подзаконных актов» [16]. Подтверждая данную точку зрения, считаем необходимым сослаться на статью профессора кафедры теории и методологии государственного и муниципального управления МГУ им. М.В. Ломоносова Г.Л. Купряшина «Публичное управление» [17]. Принципы публичного управления, на которые мы опираемся в исследовании, сформулированы И.В. Понкиным в [18].

Публичное управление, как любое управление, реализуется через органы управления. Так П.Е. Спиридонов полагает, что «в Российской Федерации начинает формироваться следующая система органов публичного управления:

I. Президент Российской Федерации как глава государства.

II. Государственные органы, осуществляющие организацию, координацию в установленных сферах деятельности (Государственный Совет Российской Федерации, Совет безопасности Российской Федерации, Национальный антитеррористический комитет, Государственный антинаркотический комитет, различные межведомственные, правительственные и т.п. комиссии).

III. Органы законодательной власти.

IV. Органы исполнительной власти.

V. Органы судебной власти.

VI. Государственные органы, наделенные правоприменительными, властными полномочиями (Генеральная прокуратура Российской Федерации и ее органы, Следственный комитет Российской Федерации и его органы, Центральный банк Российской Федерации и его органы).

VII. Органы публичной власти на федеральных территориях.

VIII. Органы местного самоуправления.

IX. Организации, которым делегированы публично-властные полномочия» [19].

Аналогичное мнение высказывают В.Н. Цыгичко и А.Ю. Попович [20]. В отношении интересующего нас объекта исследования интересно мнение М.А. Положихиной: «Еще в 1970 г. на втором совещании экспертов ООН государственное управление было определено как административно-государственная деятельность, или "процесс достижения национальных целей и задач через государственные организации". При этом подчеркивалось, что это понятие распространяется на администраторов службы исполнительных, законодательных и судебных органов» [21]. Таким образом, еще раз подтверждается точка зрения ряда ученых, совпадающая с Конвенцией Организации Объединенных Наций против коррупции, что органы судебной власти являются частью органов публичного (государственного) управления.

Подходя к вопросу государственного управления, рассматриваемого нами как основная составляющая публичного управления, считаем необходимым привести совпадающее с нашим мнением Э.В. Талапиной: «Необходимо отметить, что систематизация и тем более кодификация в сфере государственного управления в России почти не имеют истории» [22]. Вопросы государственного управления, в том

числе его эффективности, на сегодня требуют не просто нормативного правового оформления, но и научной дискуссии, выработки комплексных подходов. Это отмечают многие ученые. Например, А.С. Домченко пишет: «Вопрос определения критериев эффективности системы публично-правовой регламентации является на сегодняшний день одним из актуальных в свете происходящих конституционно-правовых изменений, а также модернизации действующего административного законодательства. Между тем указанному вопросу и возникающим в связи с оценкой эффективности норм публичного управления и нормативных административно-правовых актов проблемам посвящено недостаточно научных исследований, направленных на критическое переосмысление складывающейся практики правового регулирования в сфере публичного управления и оценки его результатов» [23]. Аналогичного мнения придерживается Ю.Н. Мильшин: «Организация публичного управления предполагает определенную структурную оптимизацию государственных органов, включенных в систему публичного управления, а также четкое соответствие государственного органа своему функциональному предназначению. Проводимая оптимизация должна устранить дублирующие полномочия и возможное нефункциональное соответствие государственных органов, а также создать эффективную систему связей между ними» [24]. Придерживаются аналогичной точки зрения также другие авторы, рассматривая различные аспекты государственного управления, в том числе связанные с цифровой трансформацией [25, 26, 27, 28, 29, 30, 31].

Вопрос о функциях государственного управления также имеет широкую дискуссию, которая без сомнения необходима для законодательного закрепления функций государственного управления и контроля его эффективности. Так, к примеру, Г.В. Атаманчук отмечает: «В теории государственного управления выделяются такие общие функции управления, как организация, планирование, регулирование, кадровое обеспечение, контроль» [32]. По мнению П.Н. Бирюкова: «Иногда к таким функциям относят: информационное обеспечение деятельности государственных органов, прогнозирование и моделирование, планирование, организацию, распорядительство, руководство, координацию, контроль, регулирование, учет, государственное гарантирование, а к функциям исполнительной власти отнесены: исполнительная (правоприменительная), правозащитная, социально-экономическая, обеспечение законности, регулирующая, нормотворческая, охранительная» [33]. Наша точка зрения основана на системном подходе к государственному управлению, базирующемся на определении управления в Философском энциклопедическом словаре: «Управление – элемент, функция организованных систем различной природы (биологических, социальных, технических), обеспечивающая сохранение их определенной структуры, поддержание режима деятельности, реализацию программы, цели деятельности. Социальное управление как воздействие на общество с целью его упорядочения, сохранения качественной специфики, совершенствования и развития есть свойство любого общества, вытекающее из его системной природы, общественного характера труда, необходимости общения людей в процессе труда и жизни, обмена продуктами их материальной и духовной деятельности» [34].

Общие вопросы теории управления экономическими системами, на которых базируется настоящее исследование, заложены в трудах ученых Санкт-Петербургского государственного экономического университета, таких как Иван Михайлович Сыроежин, Дмитрий Викторович Соколов, Александр Николаевич Петров (например [35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45]) и многих других. Исходя из последних исследований в области теории управления экономическими системами в [46] на базе исследования большого массива публикаций, в том числе монографий в области теории управления экономическими системами [47, 48, 49, 50, 51, 52, 53], дано определение процессов управления наукоемкими производствами. Фактически процессы управления в нем определены как непрерывные логические последовательности воздействий органа управления экономической системы на ее подсистемы для сведения множества состояний экономической системы к подмножеству состояний, удовлетворяющих цели управления, что, по нашему мнению, верно.

Отдельно необходимо рассмотреть вопрос системы публичного (государственного) управления. Сегодня вовлечение населения в управление государством является не только возможностью граждан влиять на принимаемые решения, как совершенно справедливо отмечает А.В. Губницын: «Органы власти осуществляют свою деятельность на средства граждан, их функционирование касается прав, свобод и законных интересов людей, а значит, общество должно принимать активное участие в деятельности по публичному управлению» [54]. Реализация государственной политики невозможна без активной гражданской позиции – по мнению И.В. Погодиной, «вовлеченность населения в принятие решений должна

изменить качество управления, повысить гражданскую активность, сделать принятие государственных решений прозрачным, а государственных служащих - реально подотчетных гражданам» [55]. Соглашаясь с данной точкой зрения, считаем необходимым отметить, что исторически так было не всегда.

Так, к примеру, А.В. Аверин, И.В. Погодина, Д.А. Авдеев считают необходимым различать на основании ретроспективного изучения отношений между гражданами и администрацией «ряд сменяющих друг друга парадигм управления: от беспристрастного применения правил администрацией для осуществления своей власти над гражданами (бюрократическая парадигма), через предоставление государственных услуг администрацией для удовлетворения потребностей граждан (потребительская парадигма) до разделения ответственности между администрацией и гражданами за процессы управления (парадигма участия). Видно, что изменения в коммуникации между властью и обществом связаны с расширением прав и возможностей граждан (а также других негосударственных субъектов) в сфере участия в публичном управлении» [56]. И.В. Погодина также рассматривает вопросы адаптивности современного государственного управления в [57].

Таким образом вовлечение граждан в управление государством предполагает не только прямое воздействие на органы государственного управления, но и такой его вид как формирование негосударственных структур и реализацию своих интересов в форме управляющих воздействий через них. В этой связи считаем необходимым привести точку зрения Л.В. Сморгунова: «В современных условиях управленческие отношения усложняются за счет включения в них не только традиционных государственных органов, но и создания специальных государственных органов, не относящихся ни к одной из существующих ветвей государственной власти, а также вовлечения в систему публичного управления негосударственных структур, т.е. осуществление публичного управления будет происходить через совокупность государственных, общественных и частных институтов, необходимых для обеспечения удовлетворения публичных интересов и решения возникающих проблем» [58].

Применительно к нашему объекту исследования такими органами выступают третейские суды, создание которых поощряется государством с целью, с одной стороны, добровольного вовлечения граждан и юридических лиц в негосударственную систему судопроизводства, а, с другой стороны, с целью снижения нагрузки на арбитражные суды, ускорения процессов судопроизводства. По данному вопросу наше мнение отражено автором Бородиной Е.П. в [1].

В итоге необходимо подчеркнуть, что система публичного (государственного) управления состоит с нашей точки зрения из двух взаимосвязанных элементов: собственно государственного управления с одной стороны и как общественных, так и частных институтов, необходимых для обеспечения удовлетворения публичных интересов, с другой стороны. Соответственно, применительно к разрешению экономических споров в качестве первого будет выступать сформированная система государственных арбитражных судов, а второго – формируемая динамичная система третейских судов. В связи с этим ключевым является позиция высшего органа судебной власти.

Анализ разрешения экономических споров на примере Группы Компаний Газпром

Позиция Верховного суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) по вопросу законности выносимых третейскими судами решений представлена в Определении Верховного суда Российской Федерации от 24.02.2015 г. по делу № 304-ЭС14-495 [59], основные выводы по которому следующие:

1. Вынесенное решение Третейским судом при ОАО «Газпром» о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения Третейского суда при ОАО «Газпром» от 28.02.2014 г. по делу № 13/84 о взыскании с ООО «Газпром инвест Восток» (Томская область, г. Томск; далее – общество «Газпром инвест Восток»; ответчик) в пользу общества «Геотрест» (Хабаровский край г. Хабаровск; далее – общество «Геотрест», заявитель) ... законно вопреки определению Арбитражного суда Томской области от 07.05.2014 г. № А67-1587/2014 и постановлению Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 10.07.2014 г. по тому же делу.

2. Отказывая в удовлетворении заявления общества «Геотрест» о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, суды исходили из того, что третейский суд не имел права рассматривать спор по существу между обществами, аффилированным лицом одного из которых он является, поскольку рассмотрение спора третейским судом, аффилированным с одной из сторон спора, приведет к нарушению принципа объективной беспристрастности третейского суда. Между тем при вынесении судебных актов по настоящему делу суды не учли следующее. Стороны,

участвующие в настоящем деле, включили в свой договор третейскую оговорку о разрешении споров из договора в постоянно действующем третейском органе – Третейском суде при ОАО «Газпром». Как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, Конституция Российской Федерации, гарантируя государственную, в том числе судебную, защиту прав и свобод человека и гражданина, одновременно закрепляет право каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (статья 45, часть 2). К числу таких общепризнанных в современном правовом обществе способов разрешения гражданско-правовых споров, проистекающих из свободы договора, которой наряду с автономией воли участников предпринимательской и иной экономической деятельности обуславливаются диспозитивные начала гражданско-правовых и гражданско-процессуальных отношений, относится обращение в третейский суд.

3. Компетенция третейского суда, в отличие от государственного правосудия, основана на автономной (свободной и независимой) воле сторон. Автономия воли сторон является основополагающим принципом третейского разбирательства и компетенции третейского суда. Соблюдение вышеуказанного принципа при выборе компетентного третейского (арбитражного) органа означает, что стороны свободно и сознательно, по собственной воле, во-первых, выразили согласованное желание на отказ от государственного правосудия в пользу такого альтернативного средства разрешения спора как третейский суд (арбитраж), во-вторых, сформулировали согласованную волю на выбор конкретного третейского суда (арбитражного органа). Свое волеизъявление на выбор третейского суда стороны формулируют посредством заключения третейского соглашения ... стороны настоящего дела предусмотрели, что в случае недостижения соглашения путем переговоров все споры, разногласия или требования, касающиеся исполнения, нарушения, прекращения или недействительности названного договора, подлежат разрешению в третейском суде «Газпром» в соответствии с его регламентом. Решение третейского суда «Газпром» является окончательным.

4. Судами установлено и сторонами спора не оспаривалось, что общество «Газпром инвест Восток» является лицом, аффилированным с ОАО «Газпром», учредившим третейский суд, выбранный сторонами и вынесший решение, исполняемое в рамках настоящего дела. Общество «Геотрест» относится к сторонним по отношению к ОАО «Газпром» организациям. Таким образом, участники настоящего спора выразили свою волю на отказ от государственного правосудия и разрешение споров из договора между ними посредством третейского разбирательства в определенном третейском органе, аффилированном с одной из сторон спора. Стороны избрали указанный третейский суд несмотря на то, что одна из сторон спора учреждена юридическим лицом, создавшим, финансирующим и контролирующим третейский суд, то есть является аффилированным лицом одной из сторон рассмотренного в этом суде спора. Правовая природа третейского разбирательства в экономических отношениях основана на сложившемся исторически понимании третейского суда как органа разрешения споров при объединениях предпринимателей между участниками такого объединения (палаты, ассоциации, гильдии и т.п.), как суда третьей стороны, но такой же профессиональной, по отношению к двум другим спорящим. В таком случае третейский суд будет всегда аффилированным с обеими спорящими сторонами. Гарантия беспристрастности третейского суда в данном случае обеспечивается через беспристрастность конкретного состава арбитров, которая предполагается, если не доказано иное, и достигается за счет того, что третейский суд равно связан с обеими сторонами, каждая сторона может выбрать своего арбитра из списка или представить своего арбитра за пределами списка, либо стороны могут согласовать кандидатуру единственного арбитра, которому обе они доверяют.

(Текст пунктов 1, 2, 3, 4 является дословным цитированием Определения Верховного суда Российской Федерации от 24.02.2015 г. по делу № 304-ЭС14-495 [59].)

Таким образом, с точки зрения ВС РФ, Третейский суд при ОАО «Газпром» (ныне ПАО «Газпром») является беспристрастным, действует законно. Видимо, это явилось одним из оснований открытия в 2021 году (после реформы третейских судов 2016-2017 годов) Арбитражного центра при Автономной некоммерческой организации «Национальный институт развития арбитража в топливно-энергетическом комплексе» (далее – Арбитражный центр при АНО НИРА ТЭК), который является постоянно действующим арбитражным учреждением, что должно позволить снизить нагрузку на арбитражные суды первой инстанции. Рассмотрим статистику судебных процессов аффилированных организаций ПАО «Газпром» в арбитражных судах первой инстанции.

В соответствии с Положением о закупках товаров, работ, услуг ПАО «Газпром» и Компаний Группы Газпром, утвержденным Решением Совета директоров ПАО «Газпром» от 19.10.2018 г. № 3168 (ред. от 18.01.2022 г.): «Компании Группы Газпром – в целях применения настоящего Положения к Компаниям Группы Газпром относятся следующие общества и организации: дочерние общества ПАО «Газпром»; дочерние общества дочерних обществ ПАО «Газпром»; общества и организации, в уставном капитале которых ПАО «Газпром» совместно со своими дочерними обществами и/или дочерними обществами дочерних обществ ПАО «Газпром», владеют более 50% долей (акций); общества и организации, не являющиеся дочерними, финансовая отчетность которых входит в консолидированную финансовую отчетность ПАО «Газпром» по международным стандартам финансовой отчетности (МСФО)» [60].

Была изучена статистика рассмотренных в России дел части крупных Компаний Группы Газпром, действующих на федеральном уровне, а также 18 организаций, имеющих в названии слова «Газпром трансгаз» и входящих в Компании Группы Газпром (номера с 182 по 199 в Приложении 1 [60], фактически это региональные и межрегиональные организации, ответственные за транспортировку газа), за период 2014-2021 гг., по которым арбитражными судами первой инстанции приняты конечные судебные акты, то есть не учитывались иски, по которым принято решение об отказе в принятии или возвращении искового заявления, а также связанные с банкротством, как невозможные к рассмотрению в третейских судах. Данные по годам представлены в таблицах 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 для одних и тех же организаций.

В качестве характерных примеров можно привести Решение Арбитражного суда города Москвы по административному делу № А40-68742/21-17-505 от 12.07.2021 г. [61] и Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области по гражданскому делу № А56-36434/2019 от 19.12.2019 г. [62], причем последнее является характерным, связанным со взысканием убытков из-за некачественной очистки тары, в данном случае – вагонов для транспортировки нефтепродуктов.

Представленный аналитический материал позволяет сделать ряд выводов:

1. Несмотря на значительные колебания данных по годам в среднем из организаций части крупных Компаний Группы Газпром сравнимое число судебных дел у ПАО «Газпром» и совместно АО «Газпромбанк» и ПАО «Газпром нефть». Данными по остальным организациям в списке можно пренебречь.

2. Доля дел, в которых ПАО «Газпром» выступает ответчиком, стабильно высока, в то время как у остальных организаций доля дел, в которых они участвуют в качестве истца, ответчика или третьего лица варьируется.

3. Число судебных дел части крупных Компаний Группы Газпром в 2014, 2015 и 2021 годах значительно меньше, чем в 2016-2020 годах, причем максимальное количество наблюдается (со значительным отрывом) в 2017 году, на который приходится основная часть реформы третейских судов, то есть минимальное их число. Таким образом подтверждается гипотеза о том, что третейские суды могут в значительной степени уменьшить нагрузку на арбитражные суды первой инстанции.

4. Число судебных дел 18 организаций, имеющих в названии слова «Газпром трансгаз» и входящих в Компании Группы Газпром, значительно варьируется по всем параметрам анализа. Можно заключить что региональные и межрегиональные Компании Группы Газпром могли бы рассматривать возможность перенесения части судебных дел в третейские суды, в том числе Арбитражный центр при АНО НИРА ТЭК. На сайте Арбитражного центра при АНО НИРА ТЭК особо отмечено: «Принятие арбитражных решений ведущими специалистами – избранными сторонами арбитража арбитрами – формирует уверенность в справедливости этих решений и мотивирует стороны к добровольному их исполнению. Регламент Арбитражного центра при АНО НИРА ТЭК имеет общую направленность на урегулирование разногласий сторон арбитража посредством заключения мирового или медиативного соглашения/вынесения арбитражного решения на согласованных условиях» [63]. Необходимо отметить, что именно формирование уверенности сторон в справедливости решений, заключение мирового или медиативного соглашения мотивируют стороны к добровольному исполнению, что, собственно, и является формой обеспечения удовлетворения публичных интересов с помощью как общественных, так и частных институтов.

Таблица 1

Количество рассмотренных дел части крупных федеральных компаний группы Газпром и Газпром трансгаз Санкт-Петербург за 2014 год, по которым арбитражными судами первой инстанции приняты конечные судебные акты

Наименование организации	Количество рассмотренных дел, где истец	Количество рассмотренных дел, где ответчик	Количество рассмотренных дел, где третье лицо	Всего рассмотренных дел с участием в арбитражных судах
ПАО «Газпром» (ИНН 7736050003)	49	305	18	372
ООО «Газпром инвест РГК» (ИНН 7751001106)	0	0	0	0
ООО «Газпром инвестгазификация» (ИНН 7810170130)	1	0	0	1
АО «Газпромбанк» (ИНН 7744001497)	40	19	15	74
ПАО «Газпром нефть» (ИНН 5504036333)	69	16	4	89
ООО «Газпром социнвест» (ИНН 7736077414)	6	0	0	6
ООО «Газпромбанк-инвест» (ИНН 7612031791)	0	0	0	0
Итого	165	340	37	542
<i>Справочно: усредненные данные 18 компаний группы Газпром (в названии трансгаз)</i>	<i>14</i>	<i>5</i>	<i>2</i>	<i>21</i>

Составлено автором Бородиной Е.П. на основании базы данных ВС РФ.

Таблица 2

Количество рассмотренных дел части крупных федеральных компаний группы Газпром и Газпром трансгаз Санкт-Петербург за 2015 год, по которым арбитражными судами первой инстанции приняты конечные судебные акты

Наименование организации	Количество рассмотренных дел, где истец	Количество рассмотренных дел, где ответчик	Количество рассмотренных дел, где третье лицо	Всего рассмотренных дел с участием в арбитражных судах
ПАО «Газпром» (ИНН 7736050003)	61	200	62	323
ООО «Газпром инвест РГК» (ИНН 7751001106)	0	0	0	0
ООО «Газпром инвестгазификация» (ИНН 7810170130)	1	1	0	2
АО «Газпромбанк» (ИНН 7744001497)	56	25	24	105
ПАО «Газпром нефть» (ИНН 5504036333)	103	23	9	135
ООО «Газпром социнвест» (ИНН 7736077414)	0	1	1	2
ООО «Газпромбанк-инвест» (ИНН 7612031791)	0	0	0	0
Итого	221	250	96	567
<i>Справочно: усредненные данные 18 компаний группы Газпром (в названии трансгаз)</i>	<i>19</i>	<i>5</i>	<i>3</i>	<i>27</i>

Составлено автором Бородиной Е.П. на основании базы данных ВС РФ.

Таблица 3

Количество рассмотренных дел части крупных федеральных компаний группы Газпром и Газпром трансгаз Санкт-Петербург за 2016 год, по которым арбитражными судами первой инстанции приняты конечные судебные акты

Наименование организации	Количество рассмотренных дел, где истец	Количество рассмотренных дел, где ответчик	Количество рассмотренных дел, где третье лицо	Всего рассмотренных дел с участием в арбитражных судах
ПАО «Газпром» (ИНН 7736050003)	57	162	31	250
ООО «Газпром инвест РГК» (ИНН 7751001106)	0	0	0	0
ООО «Газпром инвестгазификация» (ИНН 7810170130)	0	4	1	5
АО «Газпромбанк» (ИНН 7744001497)	27	43	22	92
ПАО «Газпром нефть» (ИНН 5504036333)	207	21	59	287
ООО «Газпром социнвест» (ИНН 7736077414)	1	1	1	3
ООО «Газпромбанк-инвест» (ИНН 7612031791)	0	0	0	0
Итого	292	231	114	637
<i>Справочно: усредненные данные 18 компаний группы Газпром (в названии трансгаз)</i>	19	5	3	27

Составлено автором Бородиной Е.П. на основании базы данных ВС РФ.

Таблица 4

Количество рассмотренных дел части крупных федеральных компаний группы Газпром и Газпром трансгаз Санкт-Петербург за 2017 год, по которым арбитражными судами первой инстанции приняты конечные судебные акты

Наименование организации	Количество рассмотренных дел, где истец	Количество рассмотренных дел, где ответчик	Количество рассмотренных дел, где третье лицо	Всего рассмотренных дел с участием в арбитражных судах
ПАО «Газпром» (ИНН 7736050003)	88	263	77	428
ООО «Газпром инвест РГК» (ИНН 7751001106)	1	0	0	1
ООО «Газпром инвестгазификация» (ИНН 7810170130)	6	0	0	6
АО «Газпромбанк» (ИНН 7744001497)	82	53	23	158
ПАО «Газпром нефть» (ИНН 5504036333)	98	39	40	177
ООО «Газпром социнвест» (ИНН 7736077414)	5	2	1	8
ООО «Газпромбанк-инвест» (ИНН 7612031791)	0	1	0	1
Итого	280	358	141	779
<i>Справочно: усредненные данные 18 компаний группы Газпром (в названии трансгаз)</i>	22	6	4	32

Составлено автором Бородиной Е.П. на основании базы данных ВС РФ.

Таблица 5

Количество рассмотренных дел части крупных федеральных компаний группы Газпром и Газпром трансгаз Санкт-Петербург за 2018 год, по которым арбитражными судами первой инстанции приняты конечные судебные акты

Наименование организации	Количество рассмотренных дел, где истец	Количество рассмотренных дел, где ответчик	Количество рассмотренных дел, где третье лицо	Всего рассмотренных дел с участием в арбитражных судах
ПАО «Газпром» (ИНН 7736050003)	112	235	49	396
ООО «Газпром инвест РГК» (ИНН 7751001106)	0	0	0	0
ООО «Газпром инвестгазификация» (ИНН 7810170130)	4	6	2	12
АО «Газпромбанк» (ИНН 7744001497)	45	39	24	78
ПАО «Газпром нефть» (ИНН 5504036333)	85	32	39	156
ООО «Газпром социнвест» (ИНН 7736077414)	1	1	1	3
ООО «Газпромбанк-инвест» (ИНН 7612031791)	2	0	1	3
Итого	249	313	116	678
<i>Справочно: усредненные данные 18 компаний группы Газпром (в названии трансгаз)</i>	25	4	3	32

Составлено автором Бородиной Е.П. на основании базы данных ВС РФ.

Таблица 6

Количество рассмотренных дел части крупных федеральных компаний группы Газпром и Газпром трансгаз Санкт-Петербург за 2019 год, по которым арбитражными судами первой инстанции приняты конечные судебные акты

Наименование организации	Количество рассмотренных дел, где истец	Количество рассмотренных дел, где ответчик	Количество рассмотренных дел, где третье лицо	Всего рассмотренных дел с участием в арбитражных судах
ПАО «Газпром» (ИНН 7736050003)	97	272	29	398
ООО «Газпром инвест РГК» (ИНН 7751001106)	3	1	0	4
ООО «Газпром инвестгазификация» (ИНН 7810170130)	16	14	6	36
АО «Газпромбанк» (ИНН 7744001497)	40	52	23	115
ПАО «Газпром нефть» (ИНН 5504036333)	63	24	44	131
ООО «Газпром социнвест» (ИНН 7736077414)	11	0	1	12
ООО «Газпромбанк-инвест» (ИНН 7612031791)	1	0	0	1
Итого	231	363	103	697
<i>Справочно: усредненные данные 18 компаний группы Газпром (в названии трансгаз)</i>	9	7	4	20

Составлено автором Бородиной Е.П. на основании базы данных ВС РФ.

Таблица 7

Количество рассмотренных дел части крупных федеральных компаний группы Газпром и Газпром трансгаз Санкт-Петербург за 2020 год, по которым арбитражными судами первой инстанции приняты конечные судебные акты

Наименование организации	Количество рассмотренных дел, где истец	Количество рассмотренных дел, где ответчик	Количество рассмотренных дел, где третье лицо	Всего рассмотренных дел с участием в арбитражных судах
ПАО «Газпром» (ИНН 7736050003)	69	248	49	366
ООО «Газпром инвест РГК» (ИНН 7751001106)	0	1	0	1
ООО «Газпром инвестгазификация» (ИНН 7810170130)	2	6	6	14
АО «Газпромбанк» (ИНН 7744001497)	45	49	21	115
ПАО «Газпром нефть» (ИНН 5504036333)	107	30	46	183
ООО «Газпром социнвест» (ИНН 7736077414)	3	2	0	5
ООО «Газпромбанк-инвест» (ИНН 7612031791)	0	1	0	1
Итого	226	337	122	685
<i>Справочно: усредненные данные 18 компаний группы Газпром (в названии трансгаз)</i>	20	5	4	29

Составлено автором Бородиной Е.П. на основании базы данных ВС РФ.

Таблица 8

Количество рассмотренных дел части крупных федеральных компаний группы Газпром и Газпром трансгаз Санкт-Петербург за 2021 год, по которым арбитражными судами первой инстанции приняты конечные судебные акты

Наименование организации	Количество рассмотренных дел, где истец	Количество рассмотренных дел, где ответчик	Количество рассмотренных дел, где третье лицо	Всего рассмотренных дел с участием в арбитражных судах
ПАО «Газпром» (ИНН 7736050003)	84	235	18	337
ООО «Газпром инвест РГК» (ИНН 7751001106)	0	0	0	0
ООО «Газпром инвестгазификация» (ИНН 7810170130)	8	2	3	13
АО «Газпромбанк» (ИНН 7744001497)	58	37	21	116
ПАО «Газпром нефть» (ИНН 5504036333)	36	17	25	78
ООО «Газпром социнвест» (ИНН 7736077414)	1	4	1	6
ООО «Газпромбанк-инвест» (ИНН 7612031791)	0	0	0	0
Итого	187	295	68	550
<i>Справочно: усредненные данные 18 компаний группы Газпром (в названии трансгаз)</i>	21	6	6	33

Составлено автором Бородиной Е.П. на основании базы данных ВС РФ.

Заключение

Можно заключить, что система публичного (государственного) управления состоит из двух взаимосвязанных элементов: собственно государственного управления, с одной стороны и как общественных, так и частных институтов, необходимых для обеспечения удовлетворения публичных интересов, с другой стороны. Соответственно, применительно к разрешению экономических споров в качестве первого выступает сформированная система государственных арбитражных судов, а второго – формируемая динамичная система третейских судов.

На основании анализа судебных дел в арбитражных судах первой инстанции части крупных Компаний Группы Газпром установлено, что в 2014, 2015 и 2021 годах число дел значительно меньше, чем в 2016 – 2020 годах, причем максимальное количество со значительным отрывом в 2017 году, на который приходится основная часть реформы третейских судов, то есть минимальное их число. Таким образом подтверждается гипотеза о том, что третейские суды могут в значительной степени уменьшить нагрузку на арбитражные суды первой инстанции. Также подтверждено, что третейские суды с высококвалифицированными арбитрами формируют уверенность сторон в справедливости решений, в том числе при заключении мирового или медиативного соглашения, мотивируют стороны к добровольному исполнению, что, собственно, и является формой обеспечения удовлетворения публичных интересов с помощью как общественных, так и частных институтов.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Аркин П.А., Иванов М.Б., Бородин Е.П. Методические подходы совершенствования институциональных механизмов государственной экономической политики в части развития системы третейских судов при разрешении экономических споров // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2019. № 2 (116). С. 39-46.
2. Бородин Е.П. Историческое развитие управления российским арбитражным судопроизводством // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 3 (135). С. 146-153.
3. Аркин П.А., Иванов М.Б., Бородин Е.П. Методические вопросы управления интеллектуальной собственностью, публикуемой на сайтах в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 1 (109). С. 75-82.
4. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) (вступила в силу для Российской Федерации 8 июня 2006 года) // Собрание законодательства РФ. 26.06.2006. № 26. Ст. 2780.
5. Устав Организации Объединенных Наций (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) (с изм. и доп. от 20.12.1971) (Документ вступил в силу 24 октября 1945 года) (СССР ратифицировал данный документ: Указ Президиума ВС СССР от 20.08.1945) // Действующее международное право. Т. 1. М.: Московский независимый институт международного права, 1996. С. 7-33.
6. О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции: Федеральный закон РФ от 8 марта 2006 года № 40-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 20.03.2006. № 12. Ст. 1231.
7. Беляева О.А., Трунцевский Ю.В., Цириц А.М. Правовые механизмы противодействия коррупции в сфере корпоративных закупок. М.: ИЗиСП, Юридическая фирма «КОНТРАКТ», 2019. 160 с.
8. Автономов А.С., Голованова Н.А., Гриб В.В., Семькина О.И. Юридические и организационные антикоррупционные меры: сравнительное исследование. М.: Юрист, 2017. 132 с.
9. Трунцевский Ю.В., Севальнев В.В. Перспективы международного сотрудничества Российской Федерации и Китайской Народной Республики в сфере противодействия коррупции // Международное публичное и частное право. 2016. № 6. С. 30-34.
10. Пронский М.В. Правовой статус специального органа по управлению публичной службой Российской Федерации // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2020. № 2. С. 12-15.
11. Маркварт Э. Эффективность управления публичной собственностью: понятие, подходы, критерии // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2018. № 2. С. 22-34.
12. Запольский С.В., Васянина Е.Л. Промышленные субсидии – публично-правовой инструмент управления // Право и экономика. 2020. № 10 (392). С. 22-31.
13. Васянина Е.Л. Государственное управление публичными доходами на современном этапе // Государственная власть и местное управление. 2017. № 9. С. 61-64.
14. Агапов А.Б. Публичные процедуры управления государственным и муниципальным имуществом // Lex russica. 2020. № 1. С. 9-27.

15. *Поветкина Н.А.* Специфика правовой идентификации финансов: видовые противоречия // *Финансовое право.* 2020. № 12. С. 17-20.
16. *Безруков А.В., Кожевников О.А., Мецерагина В.А.* Конституционная реформа 2020 года как основа построения устойчивой и эффективной системы публичного управления в России // *Конституционное и муниципальное право.* 2021. № 9. С. 28-32.
17. *Купряшин Г.Л.* Публичное управление // *Political science (RU).* 2016. № 2. С. 101-131.
18. *Понкин И.В.* Принцип справедливости публичного управления // *Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал.* 2018. № 1. С. 99-105.
19. *Стиридонов П.Е.* Особенности системы публичного управления в Российской Федерации и ее влияние на развитие административного права // *Административное право и процесс.* 2021. № 8. С. 29-34.
20. *Цыгичко В.Н., Попович А.Ю.* Синтез иерархических систем управления: теория и практики. М.: КРАСАНД, 2012. 256 с.
21. *Положихина М.А.* Организация государственного управления в современной России: структура, технологии, оценки. М.: ИНИОН РАН, 2012. 296 с.
22. *Талатина Э.В.* Перспективы правового регулирования качества публичного управления // *Административное право и процесс.* 2021. № 11. С. 33-36.
23. *Домченко А.С.* Критерии оценки эффективности правовых норм и нормативных правовых актов органов публичного управления // *Государственная власть и местное самоуправление.* 2020. № 5. С. 36-40.
24. *Мильшин Ю.Н.* Оптимизация управленческой деятельности в современных условиях // *Административное право и процесс.* 2020. № 3. С. 10-12.
25. *Токарев О.В.* Административные акты: юридическое значение в системе публичного управления и обеспечение их законности // *Государственная власть и местное самоуправление.* 2020. № 5. С. 29-35.
26. *Ушакова А.П.* Государственное управление на стадии установления публичного сервитута // *Правовые вопросы недвижимости.* 2021. № 2. С. 12-15.
27. *Ноздрачев А.Ф., Мамедов А.А.* Международное административное право // *Административное право и процесс.* 2021. № 9. С. 4-10.
28. *Тимонин Р.В.* Публичное управление как механизм безопасности в экономике региона // *Российская юстиция.* 2018. № 6. С. 29-31.
29. *Григорьев А.В.* Реализация конституционного права граждан на управление делами государства в условиях цифровизации // *Журнал российского права.* 2020. № 2. С. 45-57.
30. *Погодина И.В., Авдеев Д.А.* Состояние правового регулирования электронного участия граждан в публичном управлении в Российской Федерации // *Административное право и процесс.* 2021. № 12. С. 31-35.
31. *Затулина Т.Н., Левченко И.А.* Цифровая трансформация защиты персональных данных в сервисном публичном управлении // *Государственная власть и местное самоуправление.* 2021. № 11. С. 38-41.
32. *Атаманчук Г.В.* Теория государственного управления. М.: Омега-Л, 2006. 525 с.
33. *Бирюков П.Н.* Общее административное право: в 2 ч. Ч. 1. Воронеж: Изд. дом ВГУ, 2016. 760 с.
34. *Философский энциклопедический словарь.* М.: Советская энциклопедия, 1983. 839 с.
35. *Сыроеждин И.М.* Очерки теории производственных отношений. М.: Экономика, 1970. 247 с.
36. *Сыроеждин И.М.* Совершенствование системы показателей эффективности и качества. М.: Экономика, 1980. 192 с.
37. *Соколов Д.В.* Теоретические и методические предпосылки моделирования организационно-экономических структур хозяйственных систем. Л.: ЛГУ, 1986. 136 с.
38. *Аронов А.М., Петров А.Н.* Современные проблемы стратегического менеджмента. СПб., 2015.
39. *Петров А.Н.* Менеджмент: в 2 ч. Часть 2. М., 2020.
40. *Петров А.Н.* Менеджмент: в 2 ч. Часть 1. М., 2020.
41. *Петров А.Н.* Теория стратегического менеджмента. СПб., 2020.
42. *Петров А.Н., Петрова И.И.* Портфельное управление проектами как механизм реализации стратегии // *Современный менеджмент: проблемы и перспективы. Сборник статей по итогам XVI международной научно-практической конференции.* СПб., 2021. С. 243-252.
43. *Петров А.Н., Петрова И.И.* Современный кризис классических теорий менеджмента // *Вестник факультета управления СПбГЭУ.* 2022. № 11. С. 4-13.
44. *Петров А.Н.* Стратегический менеджмент: в поисках новой парадигмы. СПб., 2022.
45. *Петров А.Н., Мизринь Л.А.* Формирование эффективной стратегии инновационного развития предприятия и стратегические риски в новых социально-экономических условиях // *Управление инновационными и инвестиционными процессами и изменениями в условиях цифровой экономики. Сборник научных трудов по итогам IV международной научно-практической конференции.* СПб., 2021. С. 237-245.
46. *Соловейчик К.А., Микитась А.В., Аркин П.А.* Методические подходы к определению процессов управления наукоёмкими производствами в соответствии с новой номенклатурой научных специальностей // *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета.* 2022. № 1 (133). С. 114-123.

47. Аркин П.А. Организационно-экономический механизм экономической координации: логистический подход. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 1998. 159 с.
48. Алипрантис К., Браун Д., Беркенио О. Существование и оптимальность конкурентного равновесия. М.: Мир, 1995.
49. Аркин П.А., Соловейчик К.А. Методологические предпосылки применения экономической координации в хозяйственных системах. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004.
50. Аркин П.А., Рогова Е.М., Соловейчик К.А. Управление развитием технологических ресурсов хозяйственных систем: монография. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. 174 с.
51. Алексеев А.А., Аркин П.А., Богданова Е.Л., Соловейчик К.А., Ткалич В.Л., Васильев В.Н. Инновационное развитие промышленного комплекса: методология управления / Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики. СПб., 2013.
52. Алексеев А.А., Аркин П.А., Богданова Е.Л., Васильев В.Н., Гатчин Ю.А., Титов А.Б. Методология моделирования инновационного процесса на базе теории систем и теории сетей / Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики. СПб., 2013.
53. Соловейчик К.А., Салкуцан С.В., Аркин П.А. Процессы управления наукоемкими производствами в машиностроении. СПб: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2018. 438 с.
54. Губницын А.В. От консультаций к диалогу: опыт Канады по участию граждан в государственном управлении // Вопросы государственного и муниципального управления. 2009. № 3. С. 155-166.
55. Погодина И.В. Вовлеченность граждан в государственное управление или "совместное руководство": методы и формы // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 4. С. 6-8.
56. Аверин А.В., Погодина И.В., Авдеев Д.А. "Совместное публичное управление": дефиниция для отечественной теории и практики // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 3. С. 49-52.
57. Погодина И.В. Адаптивность как принцип публичного управления в современном государстве // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 5. С. 35-38.
58. Сморгунюв Л.В. Государственная политика и управление: в 2 ч. Ч. 1. Концепции и проблемы государственной политики и управления. М.: Российская политическая энциклопедия, 2006. 384 с.
59. Определение Верховного суда Российской Федерации от 24.02.2015 г. по делу № 304-ЭС14-495.
60. Положение о закупках товаров, работ, услуг ПАО «Газпром» и Компаний Группы Газпром, утвержденное Решением Совета директоров ПАО «Газпром» от 19.10.2018 г. № 3168 (ред. от 18.01.2022).
61. Решение Арбитражного суда города Москвы по делу № А40-68742/21-17-505 от 12.07.2021 г.
62. Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области по делу № А56-36434/2019 от 19.12.2019 г.
63. Арбитражный центр при Автономной некоммерческой организации «Национальный институт развития арбитража в топливно-энергетическом комплексе». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.arbitration-nirategs.ru> (дата обращения 15.05.2022).

Плотников В.А., Рогатин С.И.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК И ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБОРОННОГО ЗАКАЗА

Аннотация. Государство в современной экономике играет важную роль, причем с течением времени и по мере роста уровня социально-экономического развития уровень государственного вмешательства в экономику возрастает. Особое значение это государственное вмешательство приобретает в кризисные периоды развития. Ключевым инструментом государственного влияния на экономику (как косвенного, так и прямого) являются государственные закупки. В современных условиях наблюдается тенденция роста их императивности. Это приводит к миграции от концепции «государственных закупок» к концепции «государственных заказов». В свете этих обстоятельств в статье проанализированы перспективы развития системы государственных закупок и государственного оборонного заказа в современной России.

Ключевые слова. Государственные и муниципальные закупки, государственный оборонный заказ, система государственного управления, закон Вагнера, государственное вмешательство в экономику, экономические санкции, экономические интересы, трансфер институтов.

Plotnikov V.A., Rogatin S.I.

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE STATE PROCUREMENTS AND THE STATE DEFENSE ORDER SYSTEMS

Abstract. The state in the modern economy plays an important role, and over time and as the level of socio-economic development grows, the level of state intervention in the economy increases. This state intervention acquires special significance in crisis periods of development. The key instrument of state influence on the economy (both indirect and direct) is public procurement. In modern conditions, there is a tendency to increase their imperativeness. This leads to a migration from the concept of "public procurement" to the concept of "state orders". Under these circumstances, the article analyzes the prospects for the development of the public procurement system and the state defense order in modern Russia.

Keywords. State and municipal procurement, state defense order, public administration system, Wagner law, state intervention in the economy, economic sanctions, economic interests, transfer of institutions.

Введение

Государство в современной экономике играет важную роль, не только устанавливая макропропорции в хозяйственном комплексе [1], регулируя направления предпринимательской активности [2], особенно в инновационной сфере [3, 4], в частности – в связи с цифровизацией социально-экономической си-

ГРНТИ 82.13.01

EDN HGUUFL

© Плотников В.А., Рогатин С.И., 2022

Владимир Александрович Плотников – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Сергей Иванович Рогатин – кандидат экономических наук, директор по экономике Ижевского радиозавода.

Контактные данные для связи с авторами (Плотников В.А.): 191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., 21 (Russia, St. Petersburg, Sadovaya str., 21). E-mail: Plotnikov.v@unecon.ru.

Статья поступила в редакцию 15.07.2022.

стемы [5, 6], занимаясь индикативным планированием [7] и т.д., но и напрямую участвуя в хозяйственной жизни. Иными словами, помимо косвенных методов государственного регулирования экономики правительства различных стран активно участвуют в прямом регулировании и даже управлении хозяйственной жизнью страны.

Вопреки часто озвучиваемому в либерально-экономической и публицистической литературе мнению о том, что для стимулирования экономического роста необходимо снижать долю государства в экономике, на долгосрочном временном интервале наблюдается обратное явление: по мере развития экономики доля государства в ней возрастает. Например, по данным Е. Гайдара [8], в период 1831-1900 гг. соотношение государственных расходов и ВВП Англии колебалось в диапазоне от 6.3% до 10.7%. Но уже к 1913 году эта доля возрастает до 11.2%, а за период 1990-1999 гг. аналогичный показатель для Великобритании составил 40.6%. Эта зависимость получила название закона Вагнера.

Применительно к современным условиям этот закон Е.В. Балацкий предлагает сформулировать следующим образом: «Рост валового внутреннего продукта (национального дохода) сопровождается ускоренным ростом государственных расходов» [9, с. 80]. То есть рост госсектора в экономике на современном этапе общественного развития если не несомненен, то должен происходить с весьма высокой вероятностью, и это не приводит к угнетению экономического роста, а стимулирует его. Напротив, «уход» государства из экономики (что мы наблюдали в России в период радикальных фундаментально-рыночных реформ 1990-х гг.) способен привести к драматическим последствиям в виде экономического спада и деградации социально-экономической системы [10, 11].

Промежуточную, сдержанную позицию занимают Г. Идрисов и С. Синельников-Мурылев, которые отмечают: «Результаты эмпирических исследований не дают однозначного ответа на вопрос о том, стимулируют ли совокупные государственные расходы долгосрочный экономический рост. Более того, существует важная обратная зависимость: с ростом дохода у индивидуумов растет относительная ценность потребления общественных благ по отношению к частным. Поэтому по мере экономического развития доля государства в экономике обычно растет» (цит. по: <https://www.iep.ru/ru/publikacii/publication/6047.html>).

Из проанализированных точек зрения вытекает ряд выводов:

- во-первых, рост государственного присутствия в экономике не должен расцениваться как однозначное явление, дать этому факту оценку в упрощенных координатах «хорошо – плохо» нельзя, всё определяется конкретными обстоятельствами, уровнем социально-экономического развития страны, ее институциональным устройством и т.д.;
- во-вторых, на современном этапе развития российской экономики (оцениваемом с фундаментальных позиций эволюции социально-экономической системы страны, что сделано в упомянутой выше работе Е.В. Балацкого, в которой построены экономико-математические модели, расчеты по которым подтверждают данный вывод) рост государственного участия в экономике является благоприятным для ее успешного развития фактором;
- в-третьих, сегодня российская экономика стоит перед довольно серьезными вызовами, обусловленными внешним санкционным давлением, которые требуют быстрой и целенаправленной перестройки ее институциональной структуры [12], что невозможно сделать без концентрации в руках государства не только административных и политических рычагов управления, но и экономической власти, что неизбежно связано с ростом прямого вмешательства государства в экономику.

Конечно, этими рассуждениями мы не отвергаем часто повторяемую в общественном дискурсе фразу о необходимости оптимизации государственного участия в экономике. Напротив, мы предлагаем проводить именно «оптимизацию» (вопрос строгого выбора критериев оптимизации – отдельный, он требует самостоятельного анализа), а не вульгарное «сокращение» (вульгарное потому, что в современном управленческом лексиконе, будь то управление в бизнесе или в публичном секторе, оптимизацией расходов, персонала и т.д. часто называют их банальное сокращение). Необходимо приведение размеров госсектора в соответствии с объективными требованиями сложившейся в России и проектируемой на перспективу хозяйственной системы.

Одним из основных каналов влияния государства на экономику является его участие в сделках в качестве покупателя товаров, работ, услуг, т.е. выполнение закупок для государственных и муниципальных нужд. Рассмотрению именно этой составляющей посвящена данная статья.

Государственные закупки и государственный заказ

Государственные (строго говоря – «государственные и муниципальные», но для некоторого упрощения восприятия текста статьи в дальнейшем от оборота «и муниципальные» мы откажемся, что нисколько не влияет на общность рассмотрения) закупки играют важную роль в экономиках большинства стран мира [13, 14]. Система государственных закупок «основывается на экономической деятельности государства как субъекта рыночных отношений. Данная система призвана выполнять не только функции обеспечения общественных потребностей, но и функции государственного регулирования, направленные на поддержание равновесия вокруг определенных заданных макроэкономических, финансовых, социальных и экологических параметров и индикаторов» [15, с. 79].

Важно подчеркнуть двоякую роль государственных закупок, которые, как отмечено в процитированном фрагменте статьи И. Смотрицкой и С. Черных, с одной стороны, решают задачу удовлетворения части совокупного спроса, предъявляемого обществом в целом либо его обширными и значимыми социальными группами (например, детьми, посещающими детские сады; лицами, пребывающими в местах лишения свободы; гражданами, проходящими действительную военную службу по призыву, и др.), а, с другой стороны, через предъявляемые специальные требования к участникам и самой процедуре закупок, влияют на организацию хозяйственной жизни, ее структуру и направления развития.

Следует отметить тесную связь категорий «государственные закупки» и «государственный заказ», которые зачастую и совершенно справедливо рассматриваются совместно. Проанализируем их взаимосвязь через экономическую категорию «спрос», под которым, как известно из учебников по основам экономической теории, понимается способность и готовность покупателей совершить торговую сделку и приобрести на рынке те или иные, необходимые им для удовлетворения потребностей, товары, работы, услуги.

«Государственные закупки» обозначают процесс заключения таких сделок купли-продажи, в которых в качестве покупателя выступает государство в широком его понимании – в виде совокупности всех его органов и организаций, а также формально негосударственных (не 100% государственных), но находящихся в ведении государства, кроме того, в роли покупателя от имени государства могут выступать независимые от него организации, действующих по поручению и от имени государства при заключении торговых сделок. Концепция государственных закупок базируется на теоретическом представлении о рынке совершенной конкуренции, где присутствует изобилие благ, и главным дефицитным ресурсом являются деньги.

Иными словами, концепция государственных закупок неявно базируется на идеологеме: «На рынке, имея деньги, можно купить всё». Но жизнь, особенно реалии 2022 года, когда доселе скрытое противостояние России и коалиции стран Запада при ведущей роли США перешло в открытую форму, итогом чего стали многочисленные меры внешнего политико-экономического давления на Россию, опровергает справедливость этой идеологемы. Выяснилось, что в новых условиях основным фактором в экономике является не денежный, а фактор наличия ресурсов в натуральном виде (металлов, нефти и газа, микроэлектронных компонентов, продовольствия, промышленного оборудования, транспортных средств и др.).

В условиях физического отсутствия на рынке необходимых для государства товаров, работ, услуг или желающих их продавать, совершить государственную закупку невозможно, даже при наличии значительных запасов денег. Товары и деньги трансформируются друг в друга лишь в условиях достаточности и сбалансированности количеств и первых, и вторых. Если же товарная масса сжалась (в нашем случае – вследствие разрыва производственных и торговых цепочек из-за санкций), закупку становится невозможно совершить.

И здесь логичным выглядит переход к категории «государственный заказ». Заказ – это артикулированная потребность покупателя, который озвучивает не только потенциальному или реальному продавцу, но и производителю (если на рынке соответствующий предмет заказа не представлен) свое желание что-либо приобрести, а также готовность оплатить это приобретение. Иными словами заказ – с позиции теории спроса – это потенциальный, будущий спрос, подтверждаемый документально зафиксированным намерением рыночного субъекта совершить сделку. Государственный заказ, таким образом, является более общей категорией, по сравнению с государственной закупкой, т.к. из заказа вытекает закупка, обратное же – неверно.

С учетом тех изменений, которые происходят в современной экономике, приоритет следует отдавать государственным заказам, взамен государственных закупок, что, возможно, потребует некоторых поправок в законодательстве. Напомним, что в настоящее время основными актами, регламентирующими госзакупки (в широком смысле) в РФ являются: Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ и Федеральный закон «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» от 18.07.2011 г. № 223-ФЗ, в наименованиях которых речь идет именно о «закупках».

При этом в акте, касающемся сферы военной безопасности государства, где риск рыночных несовершенств может оказаться фатальным для страны, в названии реализован предлагаемый нами подход, акцентирующий внимание на «заказе». Это – Федеральный закон «О государственном оборонном заказе» от 29.12.2012 г. № 275-ФЗ. Нам представляется возможным и перспективной имплементация некоторых положений, описанных в этом законе, в российское законодательство о государственных закупках.

Государственный оборонный заказ: особенности осуществления

В упомянутом ранее федеральном законе о государственном оборонном заказе (ГОЗ) дается такая трактовка самой этой категории (п. 1 ст. 3): «Государственный оборонный заказ – установленные нормативным правовым актом Правительства Российской Федерации задания на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для федеральных нужд в целях обеспечения обороны и безопасности Российской Федерации, а также поставки продукции в области военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами в соответствии с международными обязательствами Российской Федерации». Как следует из этого определения, особой спецификой, на первый взгляд, ГОЗ не обладает.

В то же время, эта специфика имеется, она заключена в слове «задания». Каков лексический смысл этого слова? Если обратиться к интернет-версиям популярных словарей русского языка (см.: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/59690>), то можно отметить сходство трактовок этого слова. Например:

- задание – то, что назначено для выполнения, поручение (Толковый словарь Ожегова);
- задание – возложенная на кого-нибудь задача, поручение (Толковый словарь Ушакова);
- задание – вопрос, задача, урок, поручение, цель, запрос, миссия, штраф, план, нагрузка, упражнение, тест, фант, мечта идея (Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / под. ред. Н. Абрамова. М.: Русские словари, 1999).

То есть, выдача государством задания в рамках ГОЗ не предполагает сугубо рыночного, то есть паритетного, равноправного характера сделки. Покупатель в данном случае не делает запрос продавцу о наличии, количестве и качестве того или иного товара, чем выражает заинтересованность в его приобретении, а дает поручение обеспечить наличие этого товара в требуемом количестве, требуемого качества и в установленные сроки, обещая взамен совершить сделку по приобретению, выручка от которой покрывает затраты поставщика (производителя) по ГОЗ.

То есть возникает интересный феномен: в рыночной в целом российской экономике имеется полурыночный сегмент, связанный с отношениями по ГОЗ. Конечно же, такая ситуация порождает «функциональные институциональные пустоты» [16, с. 27], заполняемые неформальными отношениями, которые являются предпосылкой для коррупции (хотя и не приводят с неизбежностью к ее появлению). В целом, вопрос изучения коррупции в государственных заказах и закупках заслуживает отдельного исследования, его мы касаться в данной статье не будем, т.к. ему посвящена отдельная, достаточно обширная, литература [17, 18, 19]).

Но экономические процессы являются многоуровневыми, поэтому может сложиться ситуация, когда в силу высокой императивности требований обеспечения военной безопасности страны, государство выдаст задание по ГОЗ и в достаточно жесткой форме потребует его исполнения. Но любое предприятие промышленности – особенно оборонно-промышленного комплекса, где производится технически очень сложная, инновационная и высокотехнологичная продукция [20, 21, 22], существенно зависит от своих поставщиков, поэтому может не справиться с выданным ему заданием вследствие невозможности в предписанные ГОЗ сроки организовать эффективную кооперацию с деловыми партнерами.

Для устранения этой проблемы в рамках Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон "О государственном оборонном заказе" и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 29.06.2015 г. № 159-ФЗ в ФЗ-275 внесено следующее дополнение: «Для выполнения государственного оборонного заказа устанавливаются квоты обязательных поставок (государственное бронирование) важнейших видов материально-технических ресурсов государственному заказчику, главному исполнителю, исполнителю организациями-поставщиками, организациями-изготовителями независимо от их организационно-правовых форм. Порядок установления этих квот и формирования утверждаемых в составе государственного оборонного заказа перечня и объема указанных материально-технических ресурсов, порядок установления государственных регулируемых цен в пределах этих квот на указанные материально-технические ресурсы определяются Правительством Российской Федерации».

То есть, возникнув в сфере конечных поставок оборонной продукции, административный, а не экономический тип взаимодействия государства и бизнеса, изначально в формате выдачи заданий на поставку в рамках ГОЗ, неизбежно распространился и на дальнейшие звенья отраслевых цепочек создания ценности. То есть, по сути, мы видим здесь некий аналог восстановления в новой институциональной форме функционирования системообразующих институтов советской экономики, действовавших в тесной связке: Госплан + Госснаб [23]. Планирование (функция Госплана) осуществляется при размещении ГОЗ, а организация полудирективного материально-технического снабжения (функция Госснаба) – при квотировании поставок «важнейших видов материально-технических ресурсов» по «государственным регулируемым ценам».

Мы не случайно упомянули здесь два этих советских органа управления экономикой. Они были организационно обособлены, действовали под эгидой правительства (Совета министров СССР), обладали существенными материальными, людскими, специальными (в частности – вычислительными мощностями) ресурсами, имели реальные полномочия распоряжения финансовыми средствами. С позиций теории управления, эти органы были дееспособны, а экономическая история СССР подтверждает высокую эффективность их деятельности. В приведенных выше законодательных формулировках и их авторских трактовках именно этого компонента – управленческой дееспособности выстраиваемых в рамках ГОЗ институциональных конструкций, на наш взгляд, не хватает.

По нашему мнению, целесообразным было бы, особенно с учетом современных реалий, возрождение в том или ином виде упомянутой связки «Госплан + Госснаб» не в общестрановом масштабе, а в рамках функционирования оборонно-промышленного комплекса и осуществления ГОЗ. Для этого необходимо организационное обособление соответствующих управленческих структур, что может быть сделано и без изменения действующего законодательства, в рамках подзаконных актов. О том, что в условиях проведения специальной военной операции российскими армией и флотом требуется повышение четкости и слаженности в работе оборонной промышленности с учетом всей ее многоуровневой кооперации, свидетельствуют факты, косвенно указывающие на возрастание потребности вооруженных сил в вооружении и военной технике, а также в иной конечной военной продукции.

Так, в интервью газете «Московский комсомолец», данном 23.06.2022 г., военный эксперт А. Леонков (см.: <https://www.mk.ru/politics/2022/06/23/kalibry-u-rossii-skoro-zakonchatsya-leonkov-otvetil-na-slukh.html>) приводит следующие данные: с начала специальной военной операции уже израсходовано свыше 2 тыс. высокоточных ракет, для сравнения – за период с 1991 по 2018 гг. американцы использовали 2520 высокоточных ракет «Томагавк», то есть показатели расхода ракет сопоставимы, но периоды, для которых приводятся эти количества, существенно различаются. «Для этого [российские] заводы работают в постоянном режиме. А сейчас вообще в три смены. «Калибры» делаются и будут делаться. Их производство не останавливается».

В то же время, для предприятий народнохозяйственного комплекса, еще не исполняющих ГОЗ и не включенных в сводный реестр предприятий оборонно-промышленного комплекса (его ведение предусмотрено п. 2 ст. 21 Федерального закона «О промышленной политике в Российской Федерации» от 31.12.2014 г. № 488-ФЗ), имеется возможность полного или частичного отказа от выполнения ГОЗ, если такое предложение им поступит. Конечно, в рамках сугубо рыночной модели удовлетворения государственных потребностей через «государственные закупки» предложение со стороны государства в адрес предприятия о поставках продукции (работ, услуг) имеет спорную легитимность. Но если мы говорим о переходе к концепции «государственных заказов», то ситуация изменяется.

Понятно, что в данном случае речь не идет о специализированных предприятиях ОПК, которые критически зависят от поставок по ГОЗ. Речь идет о предприятиях ОПК сильно дифференцированных, которые, помимо военной, производят и гражданскую продукцию, маржинальность которой может быть выше, чем при поставках по ГОЗ. Естественно, что такому предприятию экономически невыгодно работать в рамках системы ГОЗ, это наносит ущерб его экономическим интересам. И тем более такая ситуация характерна для предприятий, успешно работающих с гражданскими рынками, вовсе не производящих военную продукцию, но имеющими такую производственно-технологическую возможность.

Здесь налицо конфликт общественных интересов, выразителем которых является государство, и интересов частнопредпринимательских, связанных с извлечением прибыли и ее максимизацией. В результате этого конфликта государство сталкивается с проблемой в реализации своей защитной функции: оно четко осознает свои потребности, располагает необходимыми для производства и поставок соответствующих видов продукции (вооружения и военной техники или иного имущества специального назначения) деньгами, но не может свой потенциальный спрос трансформировать в спрос реальный, рыночный, т.к. на рынке отсутствуют продавцы, а те рыночные игроки, которые могли бы выступить в этой роли, отказываются от этого по экономическим, прежде всего, причинам.

В условиях стабильной ситуации эти противоречия могут быть разрешены с течением времени путем ведения переговоров, уторговывания, взаимного сближения позиций продавца (производителя) и покупателя (государства), создания государством условий (например, путем субсидирования производства и обучения персонала, введения налоговых льгот и проч.), которые делают исполнение ГОЗ экономически целесообразным. Но в ситуациях кризисных, критичных для страны, времени на подобные переговоры может не быть. Затягивание времени может привести к срывам в обеспечении государственных нужд, следствием которых будет существенное снижение общественного благосостояния.

Отсюда закономерно вытекает идея о необходимости расширения функционала государства по принуждению (формы принуждения могут быть различными, даже весьма мягкими, основанными на создании экономических стимулов, но от этого данное действие не перестает быть принуждением, т.к. в нем присутствует элемент давления со стороны государства) предприятий к участию в проектах по исполнению ГОЗ. Но так как границы между закупками (заказами) оборонного и гражданского назначения достаточно условны (например, информационные системы государственного управления, навигации и т.д. могут использоваться и в оборонных, и в гражданских целях), подобные нормы, связанные с «миграцией» институциональных правил из сферы ГОЗ в сферу закупок для государственных и муниципальных нужд – вопрос времени.

То есть, по мнению авторов, мы в ближайшее время можем стать свидетелями «обратного трансфера институтов». На протяжении практически всего постсоветского времени (начиная с пионерного документа – Указа Президента РФ от 08.04.1997 г. № 305 «О первоочередных мерах по предотвращению коррупции и сокращению бюджетных расходов при организации закупки продукции для государственных нужд» (вместе с «Положением об организации закупки товаров, работ и услуг для государственных нужд»)), удовлетворение государственных нужд выстраивалось на рыночной основе, а правовые нормы в сфере ГОЗ калькировались с аналогичного гражданского законодательства, т.е. осуществлялся «прямой трансфер институтов» из гражданской в оборонную сферу. Сегодня же, в силу описанных в статье обстоятельств, возможен запуск обратного процесса.

Его результатом может стать большая императивность федеральной контрактной системы, привнесение в нее элементов, присущих на сегодняшний день государственному оборонному заказу. И здесь вновь встает вопрос о необходимости создания некоего органа, имитирующего работу советских Госплана и Госснаба. Если выше мы говорили о целесообразности его создания в рамках ГОЗ, то распространение «заказного» подхода на сферу гражданских государственных «закупок» потребует расширения полномочий, изменения статуса подобных органов. Безусловно, эти вопросы требуют дальнейших исследований, но ставить их на сегодняшний день, по мнению авторов, уже вполне правомерно.

Заключение

Современная Россия стоит перед новыми вызовами в своем развитии, обусловленными политико-экономическими изменениями, которые наблюдаются в мире. Это порождает необходимость пересмотра и корректировки подходов к выстраиванию национальной экономической политики, одним из важных

направлений которой является осуществление регулирования через государственные закупки и заказы. Как показано в статье, это направление требует дальнейшего развития и усиления государственного присутствия в экономике, что вытекает из одного из объективных экономических законов – закона Вагнера.

В статье обоснован вывод о необходимости трансформации системы государственных закупок путем привнесения в нее элементов концепции государственных заказов, реализованной в настоящее время в законодательстве о государственном оборонном заказе. Помимо правовых, экономических, организационных и иных изменений, реализация авторских предложений потребует трансформаций в структуре государственного управления. Возникает необходимость формирования специальных органов (сначала отраслевых – в сфере ГОЗ, а затем и общесистемных), в чем-то повторяющих функционал советских Госплана и Госснаба.

Конечно, мы не призываем возродить эти органы в том виде, в котором они существовали в СССР, они вступят в противоречие с современной российской институциональной средой. Мы говорим о необходимости создания неких их аналогов, с точки зрения выполняемых в системе государственного заказа функций. Эти вопросы требуют дальнейших углубленных исследований.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. *Плотников В.А.* Понятие смешанной экономики: эволюция развития и современная трактовка // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8. № 2 (27). С. 8-16.
2. *Колтакиди Д.В.* Современные инструменты развития малого и среднего предпринимательства в России: особые экономические зоны // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2019. № 3 (117). С. 57-64.
3. *Вертакова Ю.В., Алеева Е.А., Рябцева И.Ф.* Прогресс и инновации: анализ системной взаимообусловленности. М.: ИНФРА-М, 2013. 137 с.
4. *Вертакова Ю.В., Плотников В.А.* Стратегия инновационного развития России: управленческие проблемы реализации // Друкерровский вестник. 2020. № 1 (33). С. 5-20.
5. *Плотников В.А.* Цифровизация как закономерный этап эволюции экономической системы // Экономическое возрождение России. 2020. № 2 (64). С. 104-115.
6. *Рукинов М.В.* Векторы технологических трансформаций и перспективы безопасного развития экономики России в условиях нового технологического уклада // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2020. № 1 (121). С. 7-15.
7. *Вертакова Ю.В., Борисова М.С., Борисов А.М.* Оценка эффективности публичного управления в России на региональном уровне: проблема выбора индикаторов развития // Известия Юго-Западного государственного университета. 2014. № 4 (55). С. 27-38.
8. *Гайдар Е.* Государственная нагрузка на экономику // Вопросы экономики. 2004. № 9. С. 4-23.
9. *Балацкий Е.В.* Закон Вагнера, кривая Арми–Рана и парадокс богатства // Общество и экономика. 2010. № 9. С. 80-97.
10. *Рязанов В.Т.* Экономическое развитие России: реформы и российское хозяйство в XIX-XX вв. СПб.: Наука, 1998. 796 с.
11. *Холодков В.Г.* Кризис 1990-х гг. как форма становления новой экономической системы в России // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2008. № 6. С. 152-168.
12. *Гришков В.Ф., Плотников В.А., Фролов А.О.* Мобилизационная экономика в современной России: теоретические аспекты // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 3 (135). С. 7-13.
13. *Дёгтев Г.В.* Международный опыт государственных закупок // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. С. 409.
14. *Семенова Ф.З., Борлакова М.Б., Боташева Л.С.* Зарубежный опыт организации государственных закупок // Фундаментальные исследования. 2016. № 6-2. С. 465-469.
15. *Смотрницкая И., Черных С.* Государственные закупки в системе взаимоотношений государства и рынка // Общество и экономика. 2010. № 1. С. 78-87.
16. *Курбанов А.Х., Плотников В.А.* Направления развития институционального регулирования государственных закупок // Известия Юго-Западного государственного университета. 2011. № 2 (35). С. 22-30.
17. *Белокрылова О.С.* Методы снижения рисков коррупции в системе государственных и муниципальных закупок // Journal of Economic Regulation. 2015. Т. 6. № 4. С. 140-146.

18. *Бочуров А.А., Курбанов А.Х., Литвиненко А.Н., Шильников В.Г.* Программа сбора и анализа статистической информации для организации противодействия теневым экономическим процессам на предприятиях оборонно-промышленного комплекса // Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ RU 2020611533, 04.02.2020. Заявка № 2020610428 от 21.01.2020.
19. Противодействие криминализации и коррупции в системе обеспечения экономической безопасности государства: монография. СПб., 2020. 216 с.
20. *Князьнеделин Р.А.* Механизм устойчивого развития оборонно-промышленного комплекса в условиях трансформации национальной промышленной политики: дис. ... д-ра экон. наук. Курск, 2021. 373 с.
21. *Курбанов А.Х., Шахян И.А.* Особенности функционирования международных оборонно-промышленных цепочек поставок // Экономический вектор. 2021. № 1 (24). С. 35-41.
22. *Рогатин С.И.* Оборонно-промышленный комплекс и потенциал его влияния на инновационное развитие экономики // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2021. № 4 (50). С. 5-9.

Харламов А.В., Харламова Т.Л., Поняева И.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ИННОВАЦИОННЫМ РАЗВИТИЕМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ

Аннотация. В статье анализируется потенциал импортозамещения, выступающего как инструмент противодействия экономическим санкциям. На основе выявления его преимуществ и недостатков формулируются задачи по корректировке государственной системы управления, как в краткосрочном периоде, так и на долгосрочную перспективу. Целевая функция управленческих действий связывается с необходимостью противодействия санкциям, введенным против российской экономики, и обеспечения перехода к ее устойчивому инновационному развитию. Авторами статьи делается вывод о том, что меры, осуществляемые в области импортозамещения, наполняют новым содержанием теорию и практику управления, особенно – с позиций развития инновационного и государственного менеджмента. Это, в свою очередь, предполагает следование тенденциям, характерным для современной национальной и глобальной экономики, а также учет интересов широкого круга хозяйствующих субъектов.

Ключевые слова. Экономические санкции, инновации, импортозамещение, государственное управление, экономические интересы, глобализация, устойчивое развитие.

Kharlamov A.V., Kharlamova T.L., Ponyaeva I.

STATE ADMINISTRATION OF INNOVATIVE DEVELOPMENT USING IMPORT SUBSTITUTION OPPORTUNITIES

Abstract. The article analyzes the potential of import substitution, which acts as a tool to counter economic sanctions. Based on the identification of its advantages and disadvantages, the tasks to adjust the state management system are formulated, both in the short term and in the long term. The target function of managerial actions is associated with the need to counter the sanctions imposed against the Russian economy and ensure the transition to its sustainable innovative development. The authors of the article conclude that the measures taken in the field of import substitution fill the theory and practice of management with new content, especially from the standpoint of the development of innovation and state management. This, in turn, implies following the trends characteristic of the modern national and global economy, as well as taking into account the interests of a wide range of economic entities.

Keywords. Economic sanctions, innovations, import substitution, state administration, economic interests, globalization, sustainable development.

Введение

Экономическая и политическая реальность второго и третьего десятилетия XXI-го века сопряжена с действием санкций, которые становятся уже привычным элементом межгосударственных отношений,

ГРНТИ 06.39.31

EDN IHMDSR

© Харламов А.В., Харламова Т.Л., Поняева И., 2022

Андрей Викторович Харламов – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Татьяна Львовна Харламова – доктор экономических наук, профессор, профессор Высшей школы производственного менеджмента Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Ирина Поняева – аспирант Высшей школы производственного менеджмента Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Контактные данные для связи с авторами (Харламов А.В.): Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 30-32 лит. А (Russia, St. Petersburg, Griboedov canal, 30-32 A). Тел.: 8 (812) 310-47-60. E-mail: Kharlamov_2000@list.ru.

Статья поступила в редакцию 01.08.2022.

как двухстороннего, так и многостороннего формата. Сегодня по отношению к нашей стране отдельными государствами и их объединениями продолжают вводиться все новые санкции, расширяющиеся по масштабу и сфере действия. На этом фоне современная теория и практика менеджмента претерпевает существенные изменения, особенно – если речь идет об управлении инновациями и государственном регулировании.

Анализ многочисленных современных научных и аналитических публикаций демонстрирует обоюдный характер санкционного давления, когда его негативное воздействие распространяется и на государства, вводящие санкции, а также затрагивает третьи страны, изначально не заинтересованные в присоединении к данному процессу [5, 6, 7 13]. Вполне ожидаемой реакцией на это является нарастание контрсанкций, что становится дополнительным фактором глобального противостояния. Его эскалация, как нам кажется, сегодня все больше теряет политический и экономический смысл, что только усложняет поиск удовлетворяющего всех компромиссного решения [15]. Тем не менее, мы далеки от мысли, что санкционная война затянется на несколько десятилетий, несмотря на имеющиеся исторические прецеденты, включая экономическую блокаду Кубы, начавшуюся в 1960 г. и продолжающуюся по сей день (с отдельными смягчениями с 2009 г.) [10]. Однако в ближайшие годы, по всей видимости, полного разрешения геополитического противостояния не произойдет. Реалистичная оценка сложившейся ситуации актуализирует проблему обеспечения устойчивости в самом широком ее понимании, прежде всего – за счет активизации инновационного процесса. В данной статье мы сосредоточимся на рассмотрении управленческих аспектов инновационного развития на базе использования собственного потенциала и организации эффективного импортозамещения. С этих позиций действующие санкции следует рассматривать не только как инструмент ограничений, но и как действенный стимул инновационного развития российской экономики.

Материалы и методы

Обеспечение инновационного типа развития экономики предполагает расширенное воспроизводство инноваций, как в реальном секторе и секторе услуг, так и в управлении, включая государственный менеджмент. В этой связи инновации следует рассматривать как движущую силу современной экономики и управления, что предполагает настройку хозяйственной системы на их широкое использование. Способность к генерированию, внедрению и коммерциализации инноваций формирует наиболее устойчивые конкурентные позиции страны на глобальном рынке высокотехнологичной продукции [18]. Что касается России, то сегодня, к сожалению, сохраняется высокий уровень ее зависимости от мирового рынка инноваций, что в период действия санкций делает отечественные компании достаточно уязвимыми и нуждающимися в дополнительных мерах поддержки. Следовательно, решение задач, связанных с переходом и закреплением нашей страны на инновационном пути развития, невозможно без эффективного государственного менеджмента, в рамках которого должны осуществляться меры по поддержке импортозамещения, значимость которого в условиях санкций резко возрастает.

По сути дела, обеспечивая противодействие санкциям, комплексная поддержка инноваций и импортозамещения должна способствовать выходу нашей страны на траекторию устойчивого экономического развития. Осуществление связанных с этим действий должно быть методологически увязано с ключевыми ориентирами действующей «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». В этом документе, наряду с характеристиками ряда национальных интересов, сформулировано требование к «устойчивому развитию российской экономики на новой технологической основе», а также указан перечень задач, среди которых обращает на себя внимание «преодоление критической зависимости российской экономики от импорта технологий, оборудования и комплектующих за счет ускоренного внедрения передовых российских технологических разработок, локализации производства на территории России» [14]. Из данного материала следует, что на государственном уровне импортозамещение рассматривается еще и как инструмент обеспечения экономической безопасности, а также национальной безопасности в целом. Это служит дополнительным аргументом в поддержку стимулирования импортозамещения в условиях санкций.

Импортозамещение следует рассматривать как институт, обеспечивающий дополнительные возможности для развития национального производства в условиях повышенного риска, формируемых не только введенными санкциями, но и рядом критических факторов глобальной нестабильности. В целом

реализация мер в области импортозамещения может оказать положительное воздействие, как на зрелость национального рынка инновационной продукции, так и на конкурентоспособность российских производителей на мировом рынке.

Несмотря на то, что вопрос об увеличении объема собственного производства в различных отраслях экономики поднимался еще в 90-х годах прошлого века, заметные результаты стали появляться только в последние годы, да и то - только в области производства продовольственных товаров и в оборонном секторе. Тем не менее, после начала действия санкционных ограничений в 2013-2014 гг. стало возможным говорить об активизации этого процесса и по более широкому спектру товарных групп, включая инновационные товары.

Сегодня мероприятия в рамках импортозамещения осуществляются в рамках утвержденной соответствующей Государственной программы, направленной на сокращение зависимости российских производителей от иностранных поставщиков технологий, оборудования и комплектующих. За период ее реализации эта программа неоднократно дополнялась и уточнялась, наполняясь новым содержанием, отражающим изменения, происходящие на геополитической арене (последние изменения были приняты 04.07.2022 г.) [11].

В целом картина зависимости российского валового производства и потребления от наиболее значимых иностранных производителей (без учета Китая, не вводившего экономические санкции против России) представлена на рисунке 1.

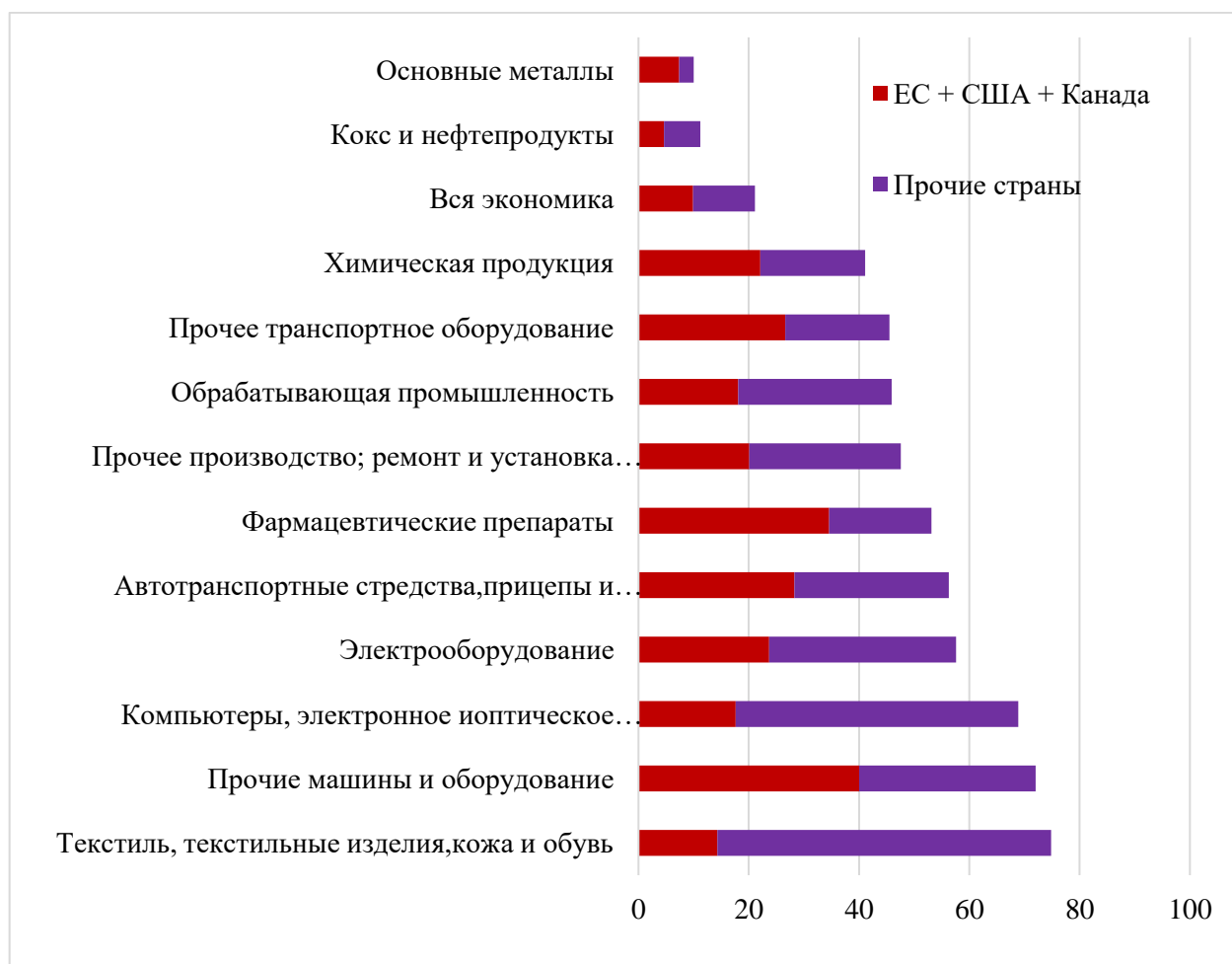

Рис. 1. Доля иностранной добавленной стоимости в валовом конечном потреблении РФ, 2021 г. [19]

Как видно из схемы на рисунке 1, в структуре российской экономики выделяются несколько критически важных отраслей, обладающих чрезмерной зависимостью от импортных поставок, что не позво-

ляет им активно развиваться в условиях нарастающих санкций. На сегодняшний день это следует рассматривать как значимую проблему государственного управления, требующую принятия системных решений и действенных мер поддержки на институциональном уровне. Одним из направлений такой поддержки должен стать учет экономических интересов бизнес-структур, занятых в машиностроительных отраслях, производстве компьютеров, маши и оборудования и др.

Нами предлагается при построении управленческих моделей инновационной поддержки, как отдельных отраслей, так и всей российской экономики, выявлять и систематизировать потребности хозяйствующих субъектов в тех или иных мерах связанных, со стимулированием инноваций и инвестиций. На рис. 2 приведены результаты опроса, проведенного Союзом промышленников и предпринимателей, ранжирующие возможные методы стимулирования инвестиционной деятельности.

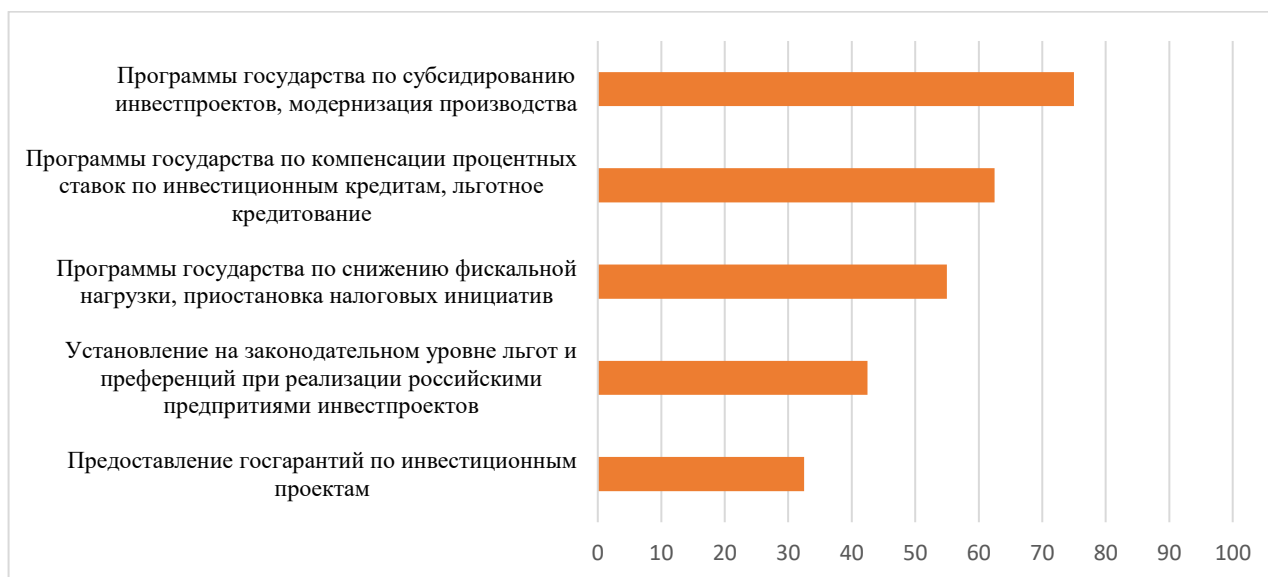

Рис. 2. Систематизация представлений российского бизнеса о действенных инструментах, стимулирующих инвестиционный процесс (с возможностью выбора респондентами нескольких ответов) [12]

Приведенная на рис. 2 диаграмма демонстрирует, что абсолютное большинство опрошенных (75%) считают, что без государственных средств им будет крайне сложно осуществлять эффективные инвестиционные проекты. Очевидно, что в условиях действующих санкций количество подобных оценок будет возрастать. Второй по популярности ответ, по своей сути, близок к первому, или служит его логическим продолжением. В целом весь набор упомянутых респондентами инструментов отражает преимущественно позитивное отношение бизнеса к возрастанию роли государства в развитии национальной экономики в сложившейся ситуации. Это может свидетельствовать о значительном сдвиге экономики, а также настроений бизнес-среды, в сторону административного регулирования при решении извечного вопроса «план или рынок» [1]. Более того: в отечественном научном и бизнес-сообществе уже начата дискуссия о применении модели мобилизационной экономики в современных российских реалиях [3, 8, 9, 17].

Итак, вернемся к проблеме импортозамещения. При ее решении органы государственного управления могут столкнуться с необходимостью выбора одного из двух вариантов стимулирующих действий:

1. Стимулирование развитых отраслей, способных производить конкурентоспособные инновационные товары и технологии. Центральной задачей при этом становится увеличение объема и повышение уровня конкурентоспособности собственного производства до пределов, необходимых для принципиального удовлетворения спроса национальных хозяйствующих субъектов;

2. Стимулирование слабо развитых отраслей и производств. В этом случае усилия должны быть направлены на развитие собственного производства широкого спектра товаров, ориентированных на внутренний рынок. Это позволит в значительной мере сократить спрос на зарубежные аналоги, в том

числе - и те, которые уже давно вошли в привычную потребительскую корзину российских домашних хозяйств.

В современной научной литературе можно встретить и другие подходы к осуществлению мер государственной поддержки. К наиболее известным из них относятся:

а) создание не только отдельных новых, инновационно ориентированных производств, но и целых отраслей, если такие до сих пор отсутствовали в национальной экономике;

б) практически полный запрет на ввоз импортных товаров, за исключением тех, которые, по тем или иным причинам (экономическим, геополитическим, климатическим), не могут производиться в стране;

с) стимулирование работы существующих успешных производств и отраслей, способных производить товары для внутреннего рынка в широком ассортименте [2].

Независимо от того, какой из вариантов или их комбинаций будет выбран для практической реализации, здесь существуют определенные опасения. Как ни парадоксально, резкая активизация импортозамещения может привести к еще большей зависимости национальных производителей от мирового рынка. Это связано с потребностью в дополнительном оборудовании и технологиях, которые в условиях санкций не всегда оказываются доступными, даже с использованием параллельного импорта. Не исключены ситуации, при которых производство импортозамещающих товаров окажется сопряжено с более высокими издержками, притом, что их потребительские свойства будут уступать зарубежным аналогам. Очевидно, что это не только не позволит обеспечить желаемый уровень удовлетворения существующих потребностей, но и поставит под сомнение результативность решения стратегических задач инновационного развития.

Существует и еще ряд возможных негативных последствий активного импортозамещения. По мнению авторов, их уточненный перечень выглядит следующим образом:

- значительное увеличение бюджетных и внебюджетных затрат на стимулирование определенных производств и отраслей. Это несет в себе риск снижения активности бизнес-субъектов вследствие появления у них реальной возможности «переложить» часть своих функций на государство;
- ослабление конкуренции между хозяйствующими субъектами за рынки сбыта при одновременном возрастании заинтересованности в получении государственной поддержки;
- рост цен на конечную продукцию для всех видов потребителей, в том числе – и в результате снижения конкуренции;
- снижение качества выпускаемой продукции, по сравнению с ранее поставляемыми импортными аналогами;
- закрепление отставания от глобальных инновационных лидеров в силу сокращения международных обменов знаниями и информацией и др.

Принимая это во внимание, в первую очередь следует сконцентрироваться на поддержке производств и отраслей, способных в краткосрочный период времени обеспечить выпуск товаров, которые смогут достойно конкурировать с зарубежными аналогами (исключением при этом являются товары, связанные с обеспечением военной безопасности). Только после этого можно будет расширять импортозамещение, распространяя имеющийся положительный опыт на другие отрасли и сферы экономики.

Результаты

По нашему мнению, приведенные аргументы свидетельствуют о том, что, с учетом отраслевой и территориальной специфики российской экономики (особенно – в краткосрочной перспективе), импортозамещение не следует рассматривать как единственный и безальтернативный путь решения проблемы санкционного давления. Производство импортозамещающих товаров может лишь в ряде случаев смягчить кризисную ситуацию, что не означает сохранения их преимуществ в долгосрочной перспективе, особенно – если речь идет о производстве инновационно ориентированной продукции. Отчасти это подтверждается опытом стран Западной Африки, столкнувшихся с провалом политики импортозамещения в 70-80-е гг. XX-го века [4]. При этом мы должны ориентироваться на достижение положительных результатов при сочетании разумной государственной политики в области импортозамещения с мерами поддержки бизнес-инициатив и удовлетворения интересов бизнеса в инновационной сфере. Это особенно актуально для высокотехнологичных областей, в которых уже сформированы конкурентные

преимущества, позволяющие нашей стране в перспективе занять более значимое место на мировом рынке инновационных товаров, при усилении тенденции перехода к новому этапу глобализации – регионализации рынков [16].

Для повышения эффективности государственного менеджмента следует выявлять и минимизировать действие негативных факторов, препятствующих развитию импортозамещения и проявляющихся на различных уровнях взаимодействия участников этого процесса. Среди наиболее значимых, системных факторов, создающих барьеры для развития импортозамещения и в целом – для устойчивости российской экономики, необходимо выделить:

- затянувшееся технологическое отставание отечественной индустрии и ее зависимость от импорта, о чем шла речь выше;
- недостаточную развитость промышленной инфраструктуры, что усложняет производство импортозамещающей продукции;
- вынужденное использование импортной продукции, произведенной в третьих странах, не являющихся мировыми лидерами на конкретном рынке;
- несоответствие рабочих и инженерных кадров требованиям ускоренного импортозамещения;
- недостаточную связь между вузовской наукой, инновационными разработками и производством, порождающую проблемы в области генерирования и коммерциализации инноваций.

Наличие подобных факторов затрудняет процесс эффективного импортозамещения, особенно – в краткосрочной перспективе, и требует организации управленческой деятельности государственных органов с учетом отраслевой и территориальной специфики для адаптации и корректировки применяемых мер и инструментов воздействия. Это позволит:

- а) обеспечить обратную связь между бизнесом, государственными структурами и потребителями;
- б) активизировать работу технопарков, инновационных центров и бизнес-инкубаторов;
- с) расширить возможности поиска альтернативных вариантов решения той или иной задачи в области импортозамещения.

Заключение

В сложившихся условиях беспрецедентного санкционного давления на нашу страну усиливаются требования к государству, как направляющему и регулирующему институту, способному осуществить организацию и поддержку импортозамещения для наиболее полной реализации потенциала, которым обладает этот инструмент. Управленческие действия при этом должны быть направлены на комплексное решение задач по противодействию санкциям и активизации инновационного развития с позиций обеспечения устойчивости национальной экономики. При этом импортозамещение не следует рассматривать как безальтернативный способ решения всех имеющихся проблем, поскольку в процессе его реализации возникают определенные сложности и риски, а наибольший эффект от его внедрения достигается только в долгосрочном периоде.

Это позволяет сделать вывод о необходимости поиска компромисса между усилением роли государственного регулирования инновационного развития национальной экономики и поддержкой рыночных методов хозяйствования в целях усиления национальной и глобальной конкурентоспособности отечественных хозяйствующих субъектов и максимального удовлетворения их экономических интересов.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Влияние характеристик реального сектора на формирование противоположных типов хозяйственных систем / Монография под ред. Д.Ю. Миропольского. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2022. 353 с.
2. *Гатиятулин Ш.Н.* Импортозамещение как фактор стимулирования развития отечественной экономики // Форум. Серия: Гуманитарные и экономические науки. 2022. № 3(26). С. 3-8.
3. *Гришков В.Ф., Плотников В.А., Фролов А.О.* Мобилизационная экономика в современной России: теоретические аспекты // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 3(135). С. 7-13.
4. *Доссу И.Л.* Теоретический анализ препятствий для промышленной политики Западной Африки // Приоритетные направления инновационной деятельности в промышленности: сборник научных статей третьей международной научной конференции. Часть 2. Казань: ООО «Конверт», 2020. С. 94-96.

5. Зарубина Ю.В. Россия в условиях новых экономических санкций // Современные технологии и научно-технический прогресс. 2022. № 9. С. 343-344.
6. Иваев М.И., Филиппова Д.Н., Карягина М.В. Влияние санкций на российский бизнес и экономику страны // Индустриальная экономика. 2022. Т. 8. № 3. С. 726-729.
7. Минаков А.В., Лапина С.Б. Обеспечение экономической безопасности государства в условиях санкций западных стран // Вестник экономической безопасности. 2021. № 2. С. 305-312.
8. Митяков С.Н. Модель мобилизационной экономики // Развитие и безопасность. 2022. № 1(13). С. 16-33.
9. Михадов С.С. О формировании мобилизационной экономики России в условиях новой экономической реальности // Актуальные вопросы современной экономики. 2022. № 5. С. 486-490.
10. Нагучев М.М. Экономическая блокада Кубы. Эффект долгосрочных санкций // Актуальные проблемы экономической теории и практики. Выпуск 24. Краснодар: Изд-во КГУ, 2018. С. 51-59.
11. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 года №328 «Развитие промышленности и повышение её конкурентоспособности» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm> (дата обращения 05.07.2022).
12. Результаты опроса «Последствия введения санкций для российского бизнеса» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rspp.ru/activity/analytics/rezultaty-oprosa-posledstviya-vvedeniya-sanktsiy-dlya-rossiyskogo-biznisa/?ysclid=l67lgjie5f241824919> (дата обращения 12.05.2022).
13. Тимофеев И.Н. Сомнительная эффективность? Санкции против России до и после февраля // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. № 4(116). С. 136-152.
14. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://base.garant.ru/401425792/?ysclid=l66iq8p4h6190572154> (дата обращения 18.05.2022).
15. Харламов А.В. Санкции как фактор усиления нестабильности современной мировой экономики // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 3: Экономические, гуманитарные и общественные науки. 2022. № 2. С. 18-23.
16. Харламова Т.Л., Кузнецов Д.А. Проблемы инновационной политики в контексте экономического развития России // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2020. Т. 10. № 4. С. 64-76.
17. Цакаев А.Х. Централизация государственного регулирования как основа мобилизационной экономики современной России // Страховое дело. 2022. № 4(349). С. 22-30.
18. de la Poza E., Barykin S.E. Global challenges of digital transformation of markets // Global Challenges of Digital Transformation of Markets. "Economic Issues, Problems and Perspectives" New York, 2021. P. 1-626.
19. Trade in Value Added [Электронный ресурс]. <https://www.oecd.org/sti/ind/measuring-trade-in-value-added.htm#access> (дата обращения 08.06.2022).

Бегалов Б.А., Жуковская И.Е.

**РАЗВИТИЕ СФЕРЫ УСЛУГ – РЕЗУЛЬТАТЫ НАСТОЯЩЕГО
ДЛЯ ПЕРСПЕКТИВ В БУДУЩЕМ**

***Аннотация.** В настоящей статье на основе анализа научной литературы, специальных методических материалов, статистических данных, полученных на основе применения передовых технологических решений, проанализировано развитие сферы услуг в Республике Узбекистан. Авторами показано, что в условиях цифровой трансформации в отраслях и сферах национальной экономики Узбекистана развиваются новые виды услуг, целью которых является повышение конкурентоспособности экономики и качества жизни населения страны.*

***Ключевые слова.** Услуги, передовые технологические решения, инновации, эффективность, конкурентоспособность, качество жизни населения.*

Begalov B.A., Zhukovskaya I.E.

**DEVELOPMENT OF THE SERVICE SECTOR - RESULTS OF THE PRESENT
FOR THE FUTURE PERSPECTIVE**

***Abstract.** In this article, based on the analysis of scientific literature, special methodological materials, statistical data obtained using advanced technological solutions, the development of the service sector in the Republic of Uzbekistan is analyzed. The authors show that in the context of digital transformation, new types of services are developing in the sectors and areas of the national economy of Uzbekistan, the purpose of which is to increase the competitiveness of the economy and the quality of life of the country's population.*

***Keywords.** Services, advanced technological solutions, innovations, efficiency, competitiveness, quality of life of the population.*

Введение

В условиях формирования цифровой экономики в мировом масштабе большое внимание уделяется поступательному развитию сферы услуг. Как показывает современная практика, основными факторами, влияющими на развитие сферы услуг, являются быстрота получения оплаты за оказываемые услуги в различных отраслях экономики, взаимодействие между различными видами деятельности внутри самой сферы услуг, что способствует, в конечном итоге, росту валового внутреннего продукта. Большое значение в этом процессе играет применение передовых технологических механизмов, позволяющих получить качественные научные достижения в фундаментальных и прикладных науках, направленных

ГРНТИ 06.71.51

EDN IZGSFF

© Бегалов Б.А., Жуковская И.Е., 2022

Баходир Абдусаломович Бегалов – доктор экономических наук, профессор, Председатель Государственного комитета Республики Узбекистан по статистике (г. Ташкент, Узбекистан).

Ирина Евгеньевна Жуковская – доктор экономических наук, профессор департамента «Бизнес-информатика» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (г. Москва).

Контактные данные для связи с авторами (Жуковская И.Е.): 125993, г. Москва, Ленинградский пр., 49 (Russia, Moscow, Leningradsky av., 49). Тел.: +7 910-941-21-75. E-mail: irishka.165@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 18.07.2022.

на развитие промышленного производства, сельского хозяйства, образования, здравоохранения, сервиса, создание новых рабочих мест, защиту окружающей среды и совершенствование социальной сферы в условиях формирования цифровой экономики.

Целью настоящей статьи является статистический анализ развития сферы услуг в Республике Узбекистан на основе применения цифровых технологических решений, выявление положительных и отрицательных тенденций в развитии сферы услуг для ее дальнейшего совершенствования и формирования конкурентоспособной экономики.

Анализ литературных источников по теме

В современной научной литературе большое внимание уделяется правовым основам развития сферы услуг, анализу перспективных направлений ее развития, статистической оценке. К числу работ по данной тематике можно отнести труды таких ученых, как Аганбегян А. [1], Агеев А.И. [2], Асадуллина А.В. [3], Балацкий Е.В., Екимова Н.А. [4], Беликова К.М., Бабич А.М., Бегалов Б.А. [5], Волгин Н.А., Восколович Н.А. [6], Гаджиева А.Г. [7], Гербина Т., Горбашко Е.А. [8], Елохов А.М., Александрова Т.В. [9], Егоров Е.В., Жильцов Е.Н., Жуковская И.Е. [10], Зуев В.М., Лapidус Л.В. [11], Молчанов И.Н., Полякова В.В. [12], Понкин И.В., Редькина А.И., Руденко М.Н. Грибанов Ю.И. [13], Санникова Т.Д., Богомолова А.В., Жигалова В.Н. [14], Сидоров А.А. [15], Смелов П.А., Егорова Е.А., Прохоров П.Э. [16], Соколин В.Л. [17], Федорков А.А., Бирюков О.А. [18], Халин В.Г., Чернова Г.В. [19], Шестопалова А.Н. [20], Шинкевич А.И., Кудрявцева С.С. [21] и др.

В связи с тем, что в настоящей работе производится статистическая оценка сферы услуг национальной экономики Республики Узбекистан, авторами были изучены нормативно-правовые документы в данной сфере, в частности: Распоряжение от 12 сентября 2017 года «О мерах по обеспечению открытости и прозрачности экономических и финансовых показателей в Республике Узбекистан», Указ Президента Республики Узбекистан от 5 февраля 2019 года № УП-5655 «Об утверждении Концепции переписи населения Республики Узбекистан в 2022 году», Закон Республики Узбекистан «О переписи населения» [23], Постановление от 9 апреля 2019 года № ПП-4273 «О дополнительных мерах по обеспечению открытости и прозрачности государственного управления и повышению статистического потенциала страны», Постановление от 3 августа 2020 года № ПП-4796 «О мерах по дальнейшему совершенствованию и развитию национальной статистической системы Республики Узбекистан» [23] и т.д.

Анализ литературных источников показал, что сфера услуг на сегодняшний день исследуется учеными различных стран. В настоящее время разработаны разноплановые методики для оценки ее деятельности. На основе проведенного анализа, изучения современных программных продуктов, применяемых для оценки функционирования сферы услуг, была поведена статистическая оценка с использованием программных продуктов, применяемых в деятельности Государственного комитета Республики Узбекистан по статистике. Статистические данные были получены и обработаны на основе использования автоматизированной информационной системы получения статистической отчетности в электронном виде (eStat-4.0) на базе современных веб-технологий.

Кроме того, анализ специальной литературы показал, что в условиях цифровой трансформации необходимо дальнейшее развитие статистической сферы на основе оптимизации технических и технологических решений. В частности, следует более эффективно применять технологии, позволяющие использовать инфографику, видео- и аудиоформаты данных. Вместе с тем, авторами выявлено, что такие цифровые технологии, как интернет вещей (IoT), использование различных мобильных устройств меняют современные экономические отношения, влекут за собой новые формы социального взаимодействия, что требует постоянного повышения квалификации сотрудников, осуществляющих свою трудовую деятельность на экономических объектах.

Методика исследования

При написании настоящей статьи были использованы как общепризнанные научные методы, к которым относятся анализ, синтез, наблюдение, сравнение, обобщение, так и положения специальных методик, принятых в Республике Узбекистан, применяемых в деятельности Государственного комитета Республики Узбекистан по статистике.

В частности, нами были использованы «Методические положения по статистическому учету произведенных (оказанных) услуг, включая услуги, оказанные в сельской местности, утвержденные По-

становлением Государственного комитета Республики Узбекистан от 28 сентября 2021 года № 38, целью которых является формирование системы статистических показателей по сфере услуг для достижения их сопоставимости на международном уровне. Кроме того, была учтена разработанная в соответствии с международными стандартами и Законом Республики Узбекистан «Об официальной статистике» «Методика по формированию показателей статистики транспорта», которая определяет базовые положения и методы получения статистической информации о деятельности юридических и физических лиц в сфере транспорта, при осуществлении статистических наблюдений органами государственной статистики для предоставления достоверной официальной информации о текущем состоянии и развитии транспортного комплекса страны.

Учтены такие методические материалы, как «Порядок организации и проведения обследования физических лиц, оказывающих рыночные услуги в сфере информационно-коммуникационных технологий», утвержденный Постановлением Государственного комитета Республики Узбекистана по статистике от 30 июля 2021 года № 71, «Порядок организации и проведения выборочного обследования перевозочной деятельности индивидуальных владельцев транспорта», «Порядок организации и проведения выборочного обследования физических лиц, оказывающих рыночные услуги», «Методические рекомендации по организации и проведению выборочного обследования зарегистрированных физических лиц, оказывающих рыночные услуги», «Методические положения по статистическому учету произведенных услуг, включая услуги, оказанные в сельской местности», «Методические положения по расчету индексов тарифов на услуги по перевозке и связи», «Методические положения по организации статистического учета внешней торговли услугами», утвержденные Постановлением Государственного комитета Республики Узбекистан по статистике 28 января 2022 г. № 7 и т.д. [23].

Анализ и результаты

Анализ литературных источников, сбор и обработка статистических данных с помощью специальных методических материалов и средств передовых информационно-коммуникационных и цифровых технологий, применение специальных программных продуктов позволили представить результаты, изложенные в статье. На рисунке проиллюстрирована структура услуг по видам экономической деятельности в Республике Узбекистан, выраженная в процентах, за период январь – май 2022 года.

Рис. Структура услуг по видам экономической деятельности в Республике Узбекистан, %, за период январь – март 2022 года (составлено авторами на основе данных Государственного комитета Республики Узбекистан по статистике)

Как явствует из рисунка, максимальный удельный вес в структуре оказанных рыночных услуг по видам экономической деятельности за период с января по май 2022 года занимают услуги торговли (25,0%). Их структура выглядит следующим образом: услуги по розничной торговле, кроме торговли

автомобилями и мотоциклами – 65,8%; услуги по оптовой торговле, кроме торговли автомобилями и мотоциклами – 26,6%; услуги по оптовой и розничной торговле автомобилями и мотоциклами, включая услуги по их ремонту – 7,6% [22].

Высокие показатели имеют также финансовые услуги (23,0%) и транспортные услуги (22,0%). Наименьший процент составляют услуги по ремонту компьютеров (1,7%). В свою очередь, услуги связи и информатизации за указанный период составили 6,4%, Услуги в сфере образования – 4,1%, услуги по проживанию и питанию – 3,1%. На прочие услуги приходится 14,7% [22].

Структура финансовых услуг за январь – май 2022 года в Республике Узбекистан следующая: услуги финансовые, кроме услуг по страхованию и пенсионному обеспечению – 88,2%; услуги по страхованию – 6,6%; вспомогательная финансовая деятельность – 5,2%. А структура транспортных услуг по видам транспорта выглядит следующим образом: автомобильный транспорт – 54,6%; воздушный транспорт – 12,3%; железнодорожный транспорт – 12,2%; трубопроводный транспорт – 11,2%; вспомогательная транспортная деятельность – 9,7% [22].

Исследования авторов, проводимые с помощью информационной системы e-stat- 4.0 и специальных веб-сервисов, показали, что на 1 июня 2022 года число предприятий и организаций, функционирующих в сфере услуг, составило 366 881 единица. По сравнению с прошлым годом наблюдается стабильный рост – темпы роста составили 110,7%. В ходе настоящего исследования была изучена также динамика производства услуг по видам экономической деятельности (таблица 1).

Данные таблицы 1 свидетельствуют, что темпы роста производства услуг в Республике Узбекистан имеют устойчивую динамику к увеличению. Данная тенденция прослеживается и в ежемесячном росте оказанных услуг на душу населения. Данные Государственного комитета Республики Узбекистан по статистике показывают, что за период январь – май 2022 года рассматриваемый показатель составил 3722,8 тыс. сум. Темпы роста по сравнению с показателями аналогичного периода прошлого года составили 113,4% [5, 22].

Применение современных методик, инновационных технологических подходов, информационных систем, применяемых в сфере статистики Республики Узбекистан и специализированных веб-сервисов, позволили выявить динамику по данному показателю во многих разрезах. Например, в областном разрезе динамика по данному показателю приведена в таблице 2. Как видно, самый большой объем оказываемых услуг приходится на город Ташкент – 17 363,4 тыс. сум, а минимальный отмечается в Сурхандарьинской области – 1750,1 тыс. сум.

Таблица 1

Основные показатели производства услуг по видам экономической деятельности (январь – май 2022 года) [22]

Основные показатели производства услуг	Объем, млрд сум	Темп роста к 2021 г., %
Услуги – всего, в том числе:	131 608,6	115,8
услуги связи информатизации	8 388,2	124,2
финансовые услуги	30 239,1	130,4
транспортные услуги	28 960,6	114,6
в том числе услуги автотранспорта	15 800,3	107,8
услуги по проживанию и питанию	4 125,5	114,6
услуги торговли	32 885,6	108,6
услуги, связанные с недвижимым имуществом	3 662,8	110,7
услуги в сфере образования	5 473,6	102,8
услуги в сфере здравоохранения	2 379,7	109,4
услуги аренды и проката	2 487,4	110,4
услуги по ремонту компьютеров и бытовой техники	2 210,7	107,6
индивидуальные услуги	3 284,5	106,9
услуги в области архитектуры, инженерных изысканий, технических испытаний и анализа	2 637,3	110,0
прочие услуги	4 873,6	112,2

Таблица 2

**Основные показатели производства услуг на душу населения по регионам Республики Узбекистан
(январь – май 2022 года) [22]**

Регионы	Объем услуг, тыс. сум	Темпы роста, %
Республика Каракалпакстан	1 980,6	114,9
Андижанская область	2 031,1	109,1
Бухарская область	2 993,7	112,2
Джизакская область	2 091,5	111,1
Кашкадарьинская область	1 758,6	109,7
Навийская область	3 384,6	115,1
Наманганская область	1 930,9	115,4
Самаркандская область	2 102,1	109,9
Сурхандарьинская область	1 750,1	110,1
Сырдарьинская область	2 179,9	108,7
Ташкентская область	3 321,4	115,0
Ферганская область	2 166,5	114,7
Хорезмская область	1 999,1	110,8
Ташкент	17 363,4	110,9

Вместе с тем, в ходе исследования была выявлена структура действующих предприятий и организаций сферы услуг по видам экономической деятельности по состоянию на 1 июня 2022 года (без фермерских и дехканских хозяйств). Данная структура имеет вид: предприятия торговли – 45,9%; предприятия, осуществляющие услуги по проживанию и питанию – 9,4%; предприятия, предоставляющие услуги по перевозке и хранению товаров – 5,2%; предприятия, обеспечивающие информационные услуги и услуги связи – 3,0%; предприятия, оказывающие услуги здравоохранения – 3,0%; предприятия, обеспечивающие другие виды услуг – 33,5%.

Отдельно следует отметить предприятия малого бизнеса и предпринимательства, функционирующие в сфере услуг. Их количество на 1 июня 2022 года составило 300 958 единиц, удельный вес в общем количестве – 61,8% [22].

Данные показатели были достигнуты за счет всестороннего развития и расширения сферы услуг на основе применения инновационных технологий и платных услуг, развития сферы услуг не только в городе, но и в сельской местности, развития туристической сферы, дополнительных образовательных услуг, финансовой сферы, аудита, маркетинга, консалтинга и т.д. Большое значение в развитии сектора услуг играет постоянное совершенствование нормативно-правовой базы, подготовка высококвалифицированных кадров для различных отраслей и сфер экономики, учет передового опыта зарубежных стран и выработка собственных моделей развития услуг в отраслях и сферах национальной экономики [5].

При развитии сектора услуг в Республике Узбекистан большое внимание уделяется экосистеме высокотехнологичных производств. Большое распространение получают в стране «умные производства», объединения предприятий промышленности, НИИ, инновационные компании [10, 11]. Кроме того, развитию сектора услуг способствует развитие цифровой экосистемы. Как показывает практика, в стране все больше и больше получают свое развитие виртуальные площадки взаимодействия участников различных отраслей и сфер экономики, внедряются цифровые сервисы, внедряются разнообразные инновационные инструменты развития услуг в промышленности, сельском хозяйстве, здравоохранении, образовании, туризме и т.д.

В условиях цифровой трансформации необходимо обратить внимание на тот факт, что различные виды услуг получают свое развитие на основе создания кросс-отраслевых экосистем, базирующихся на функционировании цифровых платформ, развитии международной кооперации, учете всех видов рисков и т.д. [15]. Развитие инновационных услуг основывается на принципах кросс-отраслевого взаимодействия, сетевого взаимодействия на основе вертикальных и горизонтальных связей, взаимовыгодности отношений, цифровой прозрачности процессов и субъектов цифровых платформ, самоорганизации и саморазвития. Особый интерес представляет сектор услуг ИКТ, контента и СМИ (табл. 3).

Таблица 3

**Альтернативная совокупность секторов услуг ИКТ, контента и средств массовой информации
(январь – май 2022 года) [22]**

Альтернативная совокупность секторов услуг ИКТ, контента и СМИ	Объем, млрд сум	Удельный вес в общем объеме, %
Всего, в том числе:	8 846,1	100,0
сектор услуг ИКТ	8 074,3	91,3
сектор контента и средств массовой информации	771,8	8,7
Сектор услуг ИКТ		
Сектор услуг ИКТ, в том числе:	8 074,3	100,0
услуги по изданию программного обеспечения	214,7	2,7
услуги телекоммуникационные	5 599,0	69,3
услуги по компьютерному программированию, консультационные и другие сопутствующие услуги	1 351,3	16,7
услуги по обработке данных, их размещению и взаимосвязанные услуги, web-порталы	451,5	5,6
услуги по ремонту компьютеров и оборудования связи	457,8	5,7
Сектор контента и средств массовой информации		
Сектор контента и средств массовой информации, в том числе:	771,8	100
услуги по изданию книг, периодических изданий и прочие издательские услуги	174,6	22,6
услуги по производству кино-, видеофильмов и телевизионных программ, услуги по звукозаписи изданию музыкальных произведений	70,8	9,2
услуги по составлению программ и телерадиовещанию	315,0	40,8
прочие информационные услуги	211,4	27,4

Как видно из приведенной таблицы, в условиях цифровой трансформации и активного использования передовых технологических решений, услуги в отраслях и сферах экономики автоматизируются и цифровизируются, что в конечном итоге способствует их эффективному применению во всех сферах экономической деятельности и социальных отношений.

Заключение

Проведенное исследование показало, что в настоящее время в национальной экономике Республики Узбекистан при активной поддержке государства активно развивается сектор услуг в отраслях и сферах экономики, базирующийся на передовых инновационных решениях. Данная тенденция направлена на повышение качества жизни населения и на повышение конкурентоспособности страны на мировом рынке.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. *Аганбеян А.* Как подстегнуть ВВП: ставка на «умную экономику» ускорит рост экономики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.forbes.ru/biznes/349545-kak-podstegnut-rost-vvp-stavka-na-umnuyu-ekonomiku-uskorit-rost-economiki> (дата обращения 01.07.2022).
2. *Агеев А.И., Логинов Е.Л.* Формирование организационных и информационных механизмов управления построением в России цифровой экономики // Экон. стратегии. 2018. № 3 (153). С. 56-67.
3. *Асадуллина А.В.* Цифровая экономика в России: текущий статус и проблемы развития // Рос. внешнеэкон. вестн. 2018. № 6. С. 98-112.
4. *Балацкий Е.В., Екимова Н.А.* Инновационно-технологические матрицы и национальные стратегии экономического развития // Управленец. 2019, Т. 10. № 5. С. 9–19.
5. *Бегалов Б.А., Жуковская И.Е.* Оценка развития малого бизнеса и частного предпринимательства в Республике Узбекистан на основе цифровых технологических решений // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2022. № 1 (57). С. 122-133.
6. *Восколович Н.А.* Измерение влияния цифровой трансформации сферы услуг на качество жизни населения // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. № 75. С. 6-23.
7. *Гаджиева А.Г.* Цифровизация и занятость: роль отраслей сектора услуг // Инновации. 2018. № 2 (232). С. 61-70.

8. Горбашко Е.А. Влияние цифровизации на качество жизни с позиций устойчивого экономического развития // Сборник статей по итогам XIV международной научно-практической конференции «Современный менеджмент: проблемы и перспективы». СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2019.
9. Елохов А.М., Александрова Т.В. Подходы к оценке результатов цифровой трансформации экономики России // Учет. Анализ. Аудит. 2019. № 6 (5). С. 24-35.
10. Жуковская И.Е. Основные направления совершенствования методологии применения передовых информационно-коммуникационных технологий в статистической деятельности Республики Узбекистан в условиях формирования цифровой экономики // Статистика и экономика. 2020. № 17 (5). С. 68-80.
11. Латидус Л.В. Цифровая экономика: управление электронным бизнесом и электронной коммерцией. М.: ИНФРА-М, 2017. 281 с.
12. Полякова В.В. Основы теории статистики. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 148 с.
13. Руденко М.Н., Грибанов Ю.И. Тенденции цифровизации и сервисизации экономики // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2019. № 2 (40). С. 5-8.
14. Санникова Т.Д., Богомолова А.В., Жигалова В.Н. Зарубежные модели цифровой трансформации и перспективы их использования в российской практике // Экономические отношения. Т. 9, № 2. С. 482-494.
15. Сидоров А.А. Развитие сферы услуг в условиях цифровой трансформации национальной экономики // Теоретическая и прикладная экономика. 2021. № 1. С. 39-47.
16. Смелов П.А., Егорова Е.А., Прохоров П.Э. Современные ИКТ в статистике в эпоху цифровой экономики // Материалы международной научно-практической конференции «Статистика в цифровой экономике: обучение и использование» (Санкт-Петербург, 1-2 февраля 2018 г.). СПб.: Изд. СПбГЭУ, 2018. С. 140-141.
17. Соколин В.Л. Статистика СНГ: 30 лет общей работы // Вопросы статистики. 2022. № 29 (1). С. 5-19.
18. Федорков А.А., Бирюков О.А. Цифровая экономика: особенности управления и тенденции развития // Петербургский экономический журнал. 2017. № 3. С. 60-66.
19. алин В.Г., Чернова Г.В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. 2018. № 10 (118). С. 46-63.
20. Шестопалова А.Н. Стратегические ориентиры развития сферы услуг в цифровой экономике // Цифровая наука. 2020. № 9. С. 24-32.
21. Шинкевич А.И., Кудрявцева С.С. Управление открытыми национальными инновационными системами в экономике знаний. Казань, 2014.
22. Официальный портал Государственного комитета по статистике Республики Узбекистан. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.stat.uz> (дата обращения 01.07.2022).
23. База данных нормативно-правовых актов Республики Узбекистан. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lex.uz> (дата обращения 01.07.2022).

Айрапетова А.Г., Грега В.М., Соболев Р.К.

ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ «ЗЕЛЕНОГО» ФИНАНСИРОВАНИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются эколого-экономические вопросы управления и финансирования предприятий Санкт-Петербурга и Ленинградской области на основе механизмов и ключевых принципов формирования природоохранных мер в сфере возобновляемых источников энергии. Для данной сферы важны вопросы как общего менеджмента производственной структуры, так и финансирования данных процессов в новой парадигме ESG-технологий и формирования новых стандартов экологической политики.

Ключевые слова. Природоохранная деятельность, управление и «зеленое» финансирование, ESG-технологии, возобновляемая энергетика.

Airapetova A.G., Grega V.M., Sobolev R.K.

ECOLOGICAL AND ECONOMIC PROBLEMS OF "GREEN" FINANCING OF ENTERPRISES OF ST. PETERSBURG AND LENINGRAD REGION

Abstract. The article deals with ecological and economic issues of management and financing of enterprises of St. Petersburg and Leningrad region on the basis of mechanisms and key principles of formation of environmental protection measures in the field of renewable energy sources. The issues of both general management of the production structure and financing of these processes in the new paradigm of ESG technologies and the formation of new standards of environmental policy are characteristic features for this sphere.

Keywords. Environmental protection, management and "green" financing, ESG technologies, renewable energy.

Введение

В условиях трансформации социально-экономического пространства, сегодня основными приоритетами выступают промышленное развитие и минимизация вредных выбросов в окружающую среду. Два этих вектора имеют высокую корреляцию в силу того, что при промышленном развитии идет увеличение энергопотребления, в том числе потребления углеводородов, которые в процессе сжигания загрязняют окружающую среду, тем самым оказывают негативное воздействие на экологию. В этой связи,

ГРНТИ 87.51.91

EDN KCHUPK

© Айрапетова А.Г., Грега В.М., Соболев Р.К., 2022

Ануш Генриховна Айрапетова – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и управления предприятиями и производственными комплексами Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Василий Михайлович Грега – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления предприятиями и производственными комплексами Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Роман Константинович Соболев – аспирант кафедры экономики и управления предприятиями и производственными комплексами Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Контактные данные для связи с авторами (Айрапетова А.Г.): 191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21 (Russia, St. Petersburg, Sadovaya str., 21). Тел.: +7 812 310 4083. E-mail: anush@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 10.07.2022.

сформировалось одно из наиболее быстроразвивающихся направлений модернизации топливно-энергетического комплекса – возобновляемая энергетика.

Сущность возобновляемой энергетики

Возобновляемая энергетика является тем уникальным видом промышленности, который включает в себя как формирование нового промышленного кластера, так и минимизацию, а зачастую и полное избавление от вредных выбросов в окружающую среду. Тем самым возобновляемая энергетика в XXI веке стала одним из основных направлений в развитии социально-экономического пространства многих стран мира. Возобновляемая или как ее еще называют «зеленая» энергия – это вид энергии, который производится из энергоресурсов, способных к постоянному возобновлению. Основной принцип возобновляемой энергетики заключается в использовании постоянно происходящих в окружающей среде процессов и дальнейшем их преобразовании в виде энергии без существенного влияния на окружающую среду.

Возобновляемая энергетика базируется на использовании возобновляемых источников энергии (ВИЭ) (см. рис.). При этом, следует отметить интересный момент: сторонники «зеленой энергетики» неоднозначно относятся к ГЭС. Они разделяют ГЭС на: микро (до 100 кВт), малые (от 100 кВт до 30 Мвт) и крупные станции (свыше 30 Мвт). По мнению «зеленых», наличие крупных ГЭС приводит к проблемам развития водной экосистемы, что вредит окружающей среде. В этой связи, с позиции «зеленой энергетики» необходимо рассматривать только микро- и малую гидроэнергогенерацию, с учетом этого обстоятельства и построен рисунок.

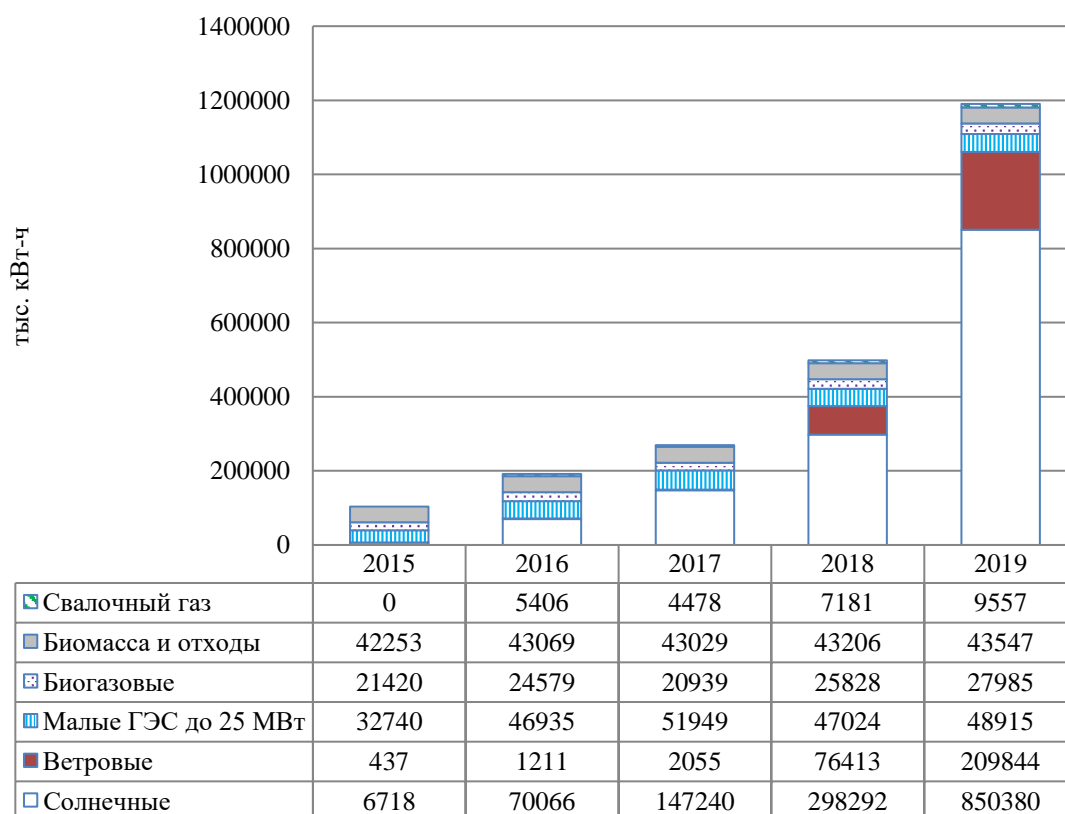

Рис. Объем выработки электроэнергии из ВИЭ в России, тыс. кВт/ч (построено по данным Минэнерго России)

Как мы можем заметить из данного графика, темпы прироста в натуральном выражении на малых ГЭС существенно ниже, чем темпы прироста в солнечной и ветряной энергетике. Приоритетными направлениями в развитии ВИЭ, как и во всем мире, в России остаются солнечная и ветряная генерация, однако их суммарная мощность и доля в общей структуре малы. По данным Министерства энергетики

РФ, на 1 января 2020 года в России суммарная мощность солнечных и ветряных энергетических установок составляет 1,55 ГВт (0,62% от общей величины установленных мощностей). Т.е. данный показатель демонстрирует крайне низкую степень присутствия возобновляемых источников энергии в общей структуре энергогенерации в нашей стране.

Развитие возобновляемой энергетики в России

Из государственной программы Российской Федерации «Развитие энергетики» сроком до 2024 года мы можем увидеть, что доля установленных мощностей генерирующих объектов, функционирующих на основе использования возобновляемых источников энергии, к концу 2024 года должна составлять 4,5%. В данный момент, если не считать мощности крупных гидроэнергетических станций, которые по данным МЭА были увеличены только за счет внутренней модернизации оборудования, достигнуть запланированного показателя в размере 4,5% фактически невозможно.

Из рисунка мы можем заметить, что суммарная генерация электроэнергии из ВИЭ по итогам 2019 года составляла порядка 1,2 млрд кВт-ч, в то время как по данным Министерства энергетики РФ общий баланс сгенерированной электроэнергии оставил 1080,6 млрд кВт-ч, то есть в 2019 году на генерацию из ВИЭ приходилось порядка 0,1% от общей энергогенерации, а это существенно отличается с плановым значением в размере 0,39% по итогам года.

Основным преимуществом в развитии возобновляемой энергетики в России являются ее климатические и географические особенности. Россия является уникальной страной по имеющемуся потенциалу в рамках развития возобновляемой энергетики. Теоретический потенциал солнечной энергии в России оценивается более чем в 2300 млрд т.у.т., а экономически выгодный к использованию потенциал (на данный период развития технологий) составляет 12,5 млн т.у.т. Среднегодовой уровень солнечной радиации в стране различается для разных территорий: от 810 кВт-ч на м² до 1400 кВт-ч на м².

Технический потенциал ветроэнергетики в России составляет 80 тыс. ТВт-ч в год, из которых на сегодняшний день экономически выгодными являются 6,2 тыс. ТВт-ч в год. Потенциал геотермальной энергетики значительно превышает запасы имеющегося органического топлива, в частности ископаемого топлива. Это превышение – в десятки раз. Выявленные в России запасы геотермальной энергии составляют порядка 30 млн т.у.т.

Развитие биоэнергетического сектора России невозможно без совместной работы и формирования целевых программ в агропромышленном комплексе. Биотопливо (биоэтанол и биодизель) на основе растительных масел можно производить при помощи переработки масличных культур. Помимо этого, оно производится также из отходов лесопереработки. Россия обладает большим потенциалом в развитии данного сектора энергетики в связи со значительным количеством сельскохозяйственных угодий, развитым лесозаготовительным производством и деревообрабатывающей промышленностью. С 1 га пашни возможно собирать до 350 литров биотоплива, себестоимость которого в разы ниже текущей рыночной цены на бензин и дизель.

По данным Министерства энергетики России, объем потребления в сельском хозяйстве бензина и дизеля составляет порядка 6,5 млн т, а электричества – 60 млрд кВт-ч. Рост цен, как на транспортное топливо, так и на электроэнергию в нашей стране в последние несколько лет опережает темпы инфляции. В этой связи доля прямых затрат на энергию в производстве сельскохозяйственной продукции постоянно растет. Производители переносят эти затраты на потребителя вместе с ростом цены на конечный продукт.

Данное негативное влияние можно компенсировать развитием децентрализованного энергообеспечения при использовании ВИЭ, в частности биоэнергетики в сельском хозяйстве. При посеве, например, рапса, с 1 га можно получить до 1,5 т семян, из которых можно получить до 450 кг рапсового масла (400 литров биодизельного топлива), 150 кг глицерина, который активно применяется в медицине, ветеринарии и парфюмерии, и 670 кг жмыха, являющегося высококалорийной добавкой в животных кормах.

В рамках развития производства биогаза, необходимо учесть, что ежегодно на предприятиях сельского хозяйства скапливается порядка 150 млн т отходов животноводства. Беря во внимание, что отходы жизнедеятельности животноводческих предприятий, а именно навоз и куриный помет, входят в третью категорию опасности и их утилизация требует вывоза за счет предприятия на специальные полигоны, переработка данных отходов жизнедеятельности существенно снизит как нагрузку на само

предприятие, путем получения биогаза и его внутреннего использования, так и возможностью создания сопутствующего продукта – органических удобрений.

В качестве примера развития данного направления у нас в стране можно обратить внимание на АО «Птицефабрика Синявинская» в Ленинградской области. В 2015 году между ГК «ГазЭнергоСтрой» и АО «Птицефабрика Синявинская» было подписано соглашение на строительство первого блока биогазовой станции мощностью 1,4 МВт, а общая мощность всей станции должна составить 8 МВт. Данная станция сможет генерировать до 60 млн кВт-ч. Вопрос строительства данной станции возник не в силу необходимости самообеспечения электроэнергией, а в силу необходимости переработки продуктов жизнедеятельности животных и снижения уровня затрат на утилизацию данных «продуктов». По оценкам экспертов, при выходе биогазовой станции на полную мощность, она сможет удовлетворять как внутренний энергетический спрос, так и внешний, обеспечивая около 4,5 тыс. квартир возобновляемой энергией.

Основная проблема развития возобновляемой энергетики у нас в стране заключается в том, что мы не обладаем полным набором собственных технико-технологических решений для производства солнечных, ветряных, геотермальных и биогазовых станций, используя иностранные технологии, что дополнительно вызывает вопрос о зависимости развития данного сектора энергетики от других стран.

Предпринимателям необходимо ответить на вопрос, насколько дороже обычно обходится «зеленая» энергия для промышленного предприятия по сравнению с обычной, и как это влияет на себестоимость продукции. Безусловно, дороже, и себестоимость такой энергии будет значительно выше. В настоящее время ВИЭ неконкурентоспособны, так как по ряду причин условия для различных технологий производства электрической энергии оказываются неравноценными. Из-за значительных субсидий традиционной энергетике (построенной на использовании ископаемых видов топлива), технологиям ВИЭ очень трудно быть конкурентоспособными на российском энергетическом рынке. Цены на природный газ в России исторически всегда поддерживались ниже общемирового рыночного уровня. Внутренние продажи субсидировались перекрестным образом за счет экспорта газа; более того, продажа газа населению субсидировалась за счет более высоких цен на газ для промышленности. Субсидирование и перекрестное субсидирование применяются и в электроэнергетическом секторе, хотя осуществляемая в настоящее время реформа нацелена на их значительное сокращение.

Здесь очень важно понимать всю совокупность будущих затрат и экономические механизмы при их возникновении. При принятии решения о типе и уровне поддержки производства электроэнергии на основе ВИЭ, необходимо понимать, что общий объем произведенной энергии всегда равен объему потребления (за вычетом технологических потерь) и, следовательно, увеличение/уменьшение объемов производства энергии на основе ВИЭ должно автоматически вести к уменьшению/увеличению объемов производства электроэнергии от не-ВИЭ источников.

Вторым важным аспектом проблемы соотношения объемов электроэнергии от ВИЭ и не-ВИЭ источников является отнесение и учёт тех или иных видов затрат на производство этих видов энергии (на самом деле это одна и та же энергия только из разных первичных источников). Например, если мы говорим об общественных результатах деятельности энергокомпаний, то следует учитывать также и тот вред окружающей среде, который они наносят (конечно в том объеме и того типа, который присутствует в работе станций определённого типа) и который может быть количественно оценен. Для энергии ВИЭ таким отрицательным экономическим результатом могут быть дополнительные маргинальные затраты, необходимые для увеличения объемов производства этого типа энергии.

От степени решения этих вопросов будет зависеть и скорость внедрения принципов ESG, как в страновом, так и региональном аспектах. Набор мер поддержки ВИЭ, принятых правительством, в том числе меры на рынке мощности, применяется только к участникам оптового рынка электроэнергии и мощности в его ценовых зонах, т.е. в той части рынка и энергосистемы, в которой применяются механизмы конкурентного ценообразования на электроэнергию и мощность.

Как правило, сегодня «зеленую» энергию стараются использовать либо иностранные компании, работающие на территории Ленобласти, либо компании-экспортеры. Директивы о возобновляемых источниках энергии требуют от стран-членов ЕС «предпринимать соответствующие шаги для развития сетевой инфраструктуры, чтобы обеспечить безопасное функционирование энергосистемы по мере дальнейшего увеличения объемов электроэнергии, вырабатываемой с использованием возобновляемых источников энергии, включая объединенные мощности энергосистем стран-членов ЕС и других стран».

Российский потенциал в области ВИЭ может быть, например, реализован в рамках проекта «Балтийское энергетическое кольцо», связанного с интеграцией энергосистем стран Балтии, России и других стран ЕС. Роль возобновляемых источников энергии в контексте проекта «Балтийское энергетическое кольцо» было отмечено в документе 2006 года — TEN-Energy Guidelines. Однако на практике вместо признания потенциальных возможностей ВИЭ все внимание сегодня уделяется инвестициям в сетевую инфраструктуру, необходимую для экспорта электроэнергии. Кроме того, негативное влияние на этот проект, безусловно, оказывают масштабные антироссийские санкции.

Российский потенциал в области ВИЭ может использоваться для повышения экологической безопасности за счет поставок за рубеж электроэнергии, выработанной с использованием ВИЭ на Северо-Западе России. Однако организации Евросоюза в основном игнорируют эту возможность и концентрируют свое внимание на проекте DESERTEC. Учитывая «углеродную стоимость» безопасности поставок энергии в Европу, европейско-российский проект WINDTEC способен помочь ЕС продвигаться к экологически более безопасным поставкам энергии быстрее и с меньшими затратами.

Заключение

По мнению ряда экспертов, российские предприятия вполне могут зайти на рынок с конкурентоспособной продукцией в соответствии с новыми трендами глобального энергетического рынка. В противном случае мы упускаем экономические выгоды от развития смежных отраслей и налаживания партнерских отношений с новыми игроками данного рынка, что в условиях сложившейся геополитической обстановки необходимо для развития экономики России.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Айрапетова А.Г., Ластовка И.В. Возобновляемые источники энергии как новый тренд развития мирового энергетического рынка // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2019. № 5 (119). С. 70-74.
2. Айрапетова А.Г., Корелин В.В., Ластовка И.В. Развитие отечественного производства товаров и услуг в условиях импортозамещения // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2016. № 6 (102). С. 52-56.
3. Бучиев А.О. Инновационное развитие возобновляемой энергетики: дис. ... канд. экон. наук / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. М., 2016. 181 с.
4. Копылов А.Е. Методологические и методические аспекты формирования национальной системы поддержки ВИЭ в России. М., 2016. 43 с.
5. Кириченко А. «Синявинская» прекратит портить экологию. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/2946225> (дата обращения 14.06.2020).
6. Прогноз научно-технологического развития отраслей топливно-энергетического комплекса России на период до 2035 года / Министерство энергетики Российской Федерации. М., 2016. 111 с.
7. Справочник по возобновляемой энергетике Европейского союза. Аналитические обзоры института энергетики. М., 2016. 96 с.

ВОЗДЕЙСТВИЕ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ НА ЭКОНОМИКУ РЕГИОНА (НА МАТЕРИАЛАХ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)

***Аннотация.** Введение и наращивание антироссийских санкций правительствами недружественных стран имеет целью ослабление экономического потенциала России и снижение уровня жизни россиян. Действия российских властей и на федеральном, и на региональном, и на муниципальном уровнях должны быть направлены на то, чтобы эти цели не были достигнуты. При этом, в современной литературе влияние санкций на региональном уровне экономики является недостаточно исследованным. В статье предпринята попытка устранить этот «пробел». Авторское исследование выполнено на материалах Ленинградской области. Выявлены, на основе количественного и качественного анализа, направления влияния политико-экономической турбулентности на экономику Ленинградской области. Предложены рекомендации по снижению негативного влияния экономических санкций.*

***Ключевые слова.** Экономические санкции, региональная экономика, устойчивость экономики, государственная поддержка предприятий и населения.*

Grishkov V.F.

IMPACT OF POLITICAL AND ECONOMIC TURBULENCE ON THE REGIONAL ECONOMY (BY THE MATERIALS OF THE LENINGRAD REGION)

***Abstract.** The introduction and escalation of anti-Russian sanctions by the governments of unfriendly countries is aimed at weakening the economic potential of Russia and reducing the standard of living of Russians. The actions of the Russian authorities at the federal, regional, and municipal levels should be aimed at ensuring that these goals are not achieved. At the same time, in modern literature, the impact of sanctions on the regional level of the economy is not sufficiently studied. The article attempts to fill this "gap". The author's research was carried out on the materials of the Leningrad region. Identified, based on quantitative and qualitative analysis, the direction of the influence of political and economic turbulence on the economy of the Leningrad region. Recommendations are proposed to reduce the negative impact of economic sanctions.*

***Keywords.** Economic sanctions, regional economy, economic stability, state support for enterprises and the population.*

Введение

Современные условия отличаются высоким уровнем неопределенности экономического развития, что вызвано значительным влиянием на экономические процессы политического фактора. Традиционно в экономической науке, при рассмотрении процессов взаимодействия государства и бизнеса, в качестве

ГРНТИ 06.03.15

EDN KJCUMS

© Гришков В.Ф., 2022

Вадим Федорович Гришков – кандидат экономических наук, доцент, профессор базовой кафедры антикризисного управления и финансового оздоровления Международного банковского института имени Анатолия Собчака (г. Санкт-Петербург).

Контактные данные для связи с автором: 191023, Санкт-Петербург, Малая Садовая ул., 6 (Russia, St. Petersburg, Malaya Sadovaya str., 6). Тел.: +7 812 571-65-55. E-mail: vxxxvfv@gmail.com.

Статья поступила в редакцию 25.07.2022.

непреложного принципа предполагается, что в современных экономических системах государство действует экономически рационально. В этом состоит важное отличие экономик рыночного типа (и различных вариантов смешанных экономик с выраженным рыночным сектором) от экономик традиционных и командно-административных [1, 2, 3]. В то же время, сегодня мы имеем возможность наблюдать, как правительства стран Запада с «классическими» рыночными экономиками отказываются от принципа экономической рациональности в реализации своей экономической политики, по крайней мере в тех сферах, которые прямо или косвенно связаны со взаимоотношениями с Российской Федерацией. Это создает новые макроусловия для функционирования и развития российской экономики.

Безусловно, эти новые вызовы требуют адекватного ответа. Одним из вариантов этого ответа выступает возможная корректировка сложившейся в России модели хозяйствования, на чем мы останавливались ранее [4]. Направления и способы этой корректировки еще требуют детальной проработки. Мало того, представления об этих направлениях и способах еще могут измениться, причем в краткосрочной перспективе в силу того, что динамика политико-экономических изменений достаточно высока. С одной стороны, против России вводятся новые санкции. Так, например, с конца февраля 2022 года Евросоюз ввел против России уже шесть пакетов санкций, последний из них – в начале июня. На момент подготовки данной статьи (20-е числа июля 2022 года), был анонсирован седьмой пакет санкций, но он пока еще не вступил в силу, т.к. соответствующая информация не была официально опубликована.

С другой стороны, наблюдается некоторое смягчение ранее введенных ограничений. В рамках все того же седьмого пакета санкций ЕС «смягчил запрет на поставки товаров и оказание услуг для российской авиационной отрасли... Техническая поддержка в этой области будет разрешена «в той мере, в которой это необходимо, чтобы обеспечить работу ИКАО по разработке технических стандартов»... запрет на транзакции с российскими бюджетными структурами будет скорректирован, «чтобы предоставить доступ к правосудию». Кроме того, Брюссель разрешил вести дела с некоторыми российскими государственными учреждениями, если речь идет о поставках сельскохозяйственной продукции или транспортировке нефти в третьи страны». (цит. по: <https://www.rbc.ru/politics/21/07/2022/62d937909a7947da844dcde>).

Но в любом случае, независимо от направления развития политико-экономической ситуации, требуется проведение тщательного анализа влияния новых макроусловий на экономику, без этого учета реализация тех или иных мер может оказаться неэффективной. В данной статье мы сделаем попытку такого анализа на материалах Ленинградской области.

Материалы и методы

Проведение систематического научного исследования в сфере экономики, по нашему мнению, невозможно без количественных оценок. Мы не отрицаем этой фразой возможности качественных, концептуальных исследований. Но эти исследования, как правило, строятся, в том числе, на обобщении количественных, измеримых экономических показателей. Т.е. при концептуальных обобщениях, по известному диалектическому закону, происходит переход количества в качество. В частности, такого рода исследования, основанные на неявном обобщении количественных данных о российской экономике, характерны для исследования процессов преодоления кризисов и посткризисного экономического развития [5, 6, 7, 8].

В то же время, необходимо отметить, что количественных данных, особенно данных официальной статистики, по вопросу воздействия макрошока, вызванного санкциями, на российскую экономику, в частности – на региональном уровне хозяйствования, пока еще явно недостаточно. Превалируют отдельные, несистематизированные сообщения в СМИ, которые, зачастую, имеют довольно сильную эмоциональную составляющую, что затушевывает суть приводимых в них фактов и затрудняет их содержательную научную интерпретацию.

Тем не менее, некоторые данные по Ленинградской области уже имеются. Они напрямую не связаны с рассматриваемым макрошоком, но оценивают ситуацию в региональном хозяйственном комплексе по состоянию на истекший период 2022 года. На основании их анализа уже можно делать некоторые оценки. В частности, при подготовке нашего исследования были использованы количественные данные, представленные Петростатом и на Интернет-портале мониторинга экономических показателей Ленинградской области (<http://monitoring.lenreg.ru/pokazateli-razvitiya-regiona>). Этим данным была дана

содержательная интерпретация с использованием методов сравнения, анализа, синтеза, обобщения, экспертного оценивания.

Результаты и обсуждение

Ленинградская область является достаточно развитым в экономическом отношении субъектом Российской Федерации, входящим в Северо-Западный федеральный округ (СЗФО). По ряду показателей экономического развития Ленинградская область имеет высокие позиции, превышающие средние значения для СЗФО и страны в целом (таблица 1). В Ленобласти (по состоянию на 2021 год) наблюдалась повышенная инвестиционная активность, была низкой официальная безработица, отмечался высокий уровень бюджетной обеспеченности и т.д. Это свидетельствует о том, что вхождение в санкционный макрошок происходило для данного региона в благоприятных условиях.

Таблица 1

Экономические показатели в 2021 году (в расчете на 1 000 человек населения): Ленинградская область, СЗФО, РФ

Показатель	Ленинградская область	СЗФО	Российская Федерация
Объем продукции сельского хозяйства, млн руб.	56,9	22,7	51,9
Инвестиции в основной капитал, млн руб.	232,8	165,1	157,3
Оборот розничной торговли, млн рублей	298,4	292,5	270,6
Поступление налогов и сборов в бюджетную систему РФ, млн руб.	218,2	217,1	196,0
Удельный вес убыточных организаций, %	24,4	23,7	24,9
Численность безработных, зарегистрированных в государственных учреждениях службы занятости населения (на конец года), человек	2,3	5,3	5,3

Составлено автором по [9, с. 15].

В частности, по имеющимся данным Петростата [10], рассматриваемый макрошок пока еще не оказал существенного влияния на экономику Ленинградской области. Соответствующие данные представлены в таблице 2. Мы можем дать этому факту ряд объяснений.

Таблица 2

Экономические показатели Ленинградской области в январе-мае 2022 года

Показатель	В % к соответствующему периоду предыдущего года		Справочно: январь-май 2021 в % к январю-маю 2020
	май	январь-май	
Оборот организаций (в действующих ценах)	109,9	124,8	124,3
Индекс промышленного производства, %	94,9	102,4	107,3
Объем работ по виду деятельности «строительство»	110,5	107,7	84,1
Объем услуг по транспортировке и хранению (без субъектов малого предпринимательства, в действующих ценах)	122,5	114,7	107,3
Объем услуг в сфере телекоммуникаций (без субъектов малого предпринимательства, в действующих ценах)	124,1	118,3	96,1
Объем продукции сельского хозяйства	104,3	103,4	102,1
Оборот оптовой торговли	84,6	98,2	122,9
Оборот розничной торговли, в том числе:	99,4	104,9	107,8
пищевыми продуктами, включая напитки, и табачными изделиями	110,6	107,5	96,4
непродовольственными товарами	90,1	102,8	119,2
Оборот общественного питания	79,6	99,3	123,7
Объем платных услуг населению	106,7	105,8	115,9
Индекс потребительских цен, %	114,9	112,3	103,5

Составлено автором по [10, с. 7].

Во-первых, экономические процессы инерционны. Время, прошедшее за период с объявления первых «новых санкций» (под «старыми санкциями» в данном контексте мы понимаем те, которые были введены после воссоединения Крыма с Россией в 2014 году), составило около трех месяцев. Кроме того, между объявлением и фактическим введением санкций также существует временной лаг. За это время многие предприятия не успели «почувствовать» санкционных ограничений.

Во-вторых, ряд предприятий, имеющих головные управленческие структуры в недружественных странах, анонсировали свой уход из России. Даже в тех случаях, когда за этим анонсом произошла фактическая приостановка деятельности, персонал не сокращался, заработная плата за работниками сохранялась. Кроме того, «выпадающие» объемы выпуска быстро могли суметь возместить отечественные предприятия, что определяется низкой степенью загрузки их производственных мощностей – некоторые показатели, подтверждающие этот факт, представлены в таблице 3.

В-третьих, следует обратить внимание на временной лаг между моментом объявления санкций и их введением. Это в краткосрочном периоде оказывает стимулирующее влияние на экспорт из России. Например, «владельцы танкеров в Европе увеличили отгружаемые объемы российской нефти перед вступлением в силу ограничительных мер против топлива из России, греческие суда перевозят рекордные объемы... Греческие владельцы танкеров, которые контролируют около трети от их глобального числа, перевезли около половины объемов российской нефти в мае и июне. За эти два месяца греческие суда 151 раз зашли в российские порты Черного и Балтийского морей, тогда как годом ранее за этот же период было совершено только 89 заходов». (цит. по: <https://www.rbc.ru/business/18/07/2022/62d4cb5a9a7947cfc3c39f04>).

Таблица 3

Уровень использования среднегодовой производственной мощности организаций РФ по выпуску отдельных видов продукции, %

Вид производственной деятельности	2017	2018	2019	2020
Добыча полезных ископаемых				
Пески природные	53	53	51	49
Галька	2	0,5	0,3	19
Гравий	30	22	18	21
Щебень	66	65	64	62
Обработка древесины и производство изделий из дерева				
Лесоматериалы, продольно распиленные или расколотые, разделенные на слои или лущеные, толщиной более 6 мм; деревянные железнодорожные или трамвайные шпалы, непропитанные	57	57	56	56
Плиты древесностружечные и аналогичные плиты из древесины или других одревесневших материалов	80	84	80	83
Производство машин и оборудования, электрооборудования, электронного и оптического оборудования, транспортных средств и оборудования				
Турбины на водяном паре и прочие паровые турбины	22	18	5,8	23
Турбины газовые, кроме двигателей турбореактивных и турбовинтовых	21	19	26	21
Подшипники шариковые или роликовые	27	24	22	17
Краны мостовые электрические	25	29	22	20
Тракторы для сельского хозяйства прочие	16	15	19	33
Станки металлорежущие	20	27	23	27
Машины кузнечно-прессовые	14	13	16	7
Экскаваторы	19	22	34	21
Бульдозеры и бульдозеры с поворотным отвалом	18	22	30	33
Холодильники и морозильники бытовые	47	51	54	51
Электродвигатели переменного и постоянного тока универсальные мощностью более 37,5 Вт	33	26	30	28

Окончание табл. 3

Вид производственной деятельности	2017	2018	2019	2020
Автомобили легковые	47	55	56	51
Средства автотранспортные грузовые	41	44	48	44
Автобусы	20	28	22	19

Выборка сделана автором по данным Росстата, см.: https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial.

В то же время, обращает на себя внимание существенное снижение оборота торговли, как оптовой, так и розничной. Наиболее сильно снизились розничные продажи (в стоимостном выражении) пищевых продуктов, включая напитки, и табачных изделий. Если учесть при этом еще и скачок инфляции (индекс потребительских цен, за январь-май, год к году составил в 2022/2021 гг. – 112,3% по сравнению с 103,5% в 2021/2020 гг.), то можно говорить о еще большем сокращении покупательской активности населения Ленинградской области в натуральном выражении.

По нашему мнению, это снижение связано с ростом неопределенности ожиданий населения относительно перспектив дальнейшего развития. Так, выросла официально зарегистрированная безработица. Если в апреле 2021 года официально в Ленинградской области в качестве безработных было зарегистрировано 39,4 тыс. человек, то в 2022 году это количество возросло 51,6 тыс. человек [10, с. 9], то есть более чем на 30%. Кроме того, на фоне роста номинальной заработной платы из-за инфляции произошло ее сокращение в реальном исчислении. Средняя начисленная заработная плата одного работника (реальная) в январе-апреле 2022 года относительно аналогичного периода 2021 года составила 99,1% [там же]. Можно предположить, что это обеспечено ростом реальной оплаты труда в досанкционный период (январь-февраль), т.к. аналогичный показатель в апреле 2022 года относительно апреля 2021 года составил лишь 96,4% [там же].

Динамика реальной и номинальной заработной платы в Ленинградской области за январь-март приведена на рисунке 1. Этот рисунок подтверждает сделанное нами выше предположение. При этом обращает на себя внимание тот факт, что уровень средней заработной платы в различных отраслях существенно дифференцирован (рисунок 2). Для Санкт-Петербурга, например, это не является существенной проблемой, т.к. возможен переток трудовых ресурсов из отрасли в отрасль, что, в перспективе, может способствовать выравниванию уровней оплаты труда.

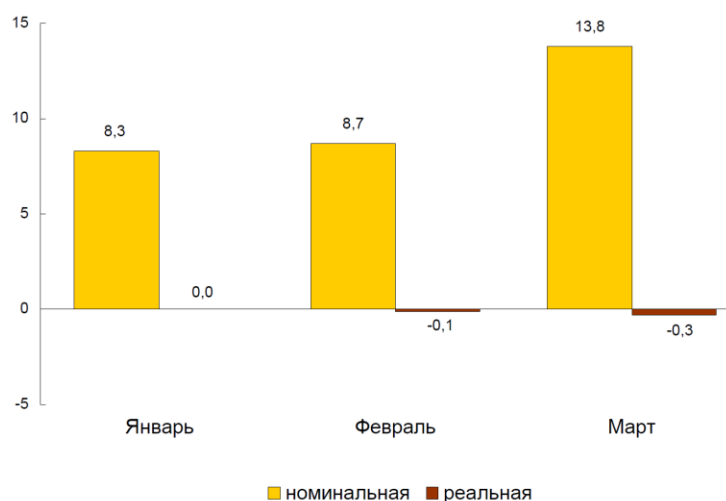

Рис. 1. Прирост (снижение) средней номинальной и реальной начисленной заработной платы в январе – марте 2022 года в Ленинградской области (в % к соответствующему месяцу предыдущего года) [11, с. 21]

В том числе, здесь следует принимать во внимание семейный статус занятых. Довольно распространенной в России является ситуация, когда работающие члены одной семьи имеют различные уровни личных трудовых доходов, которые затем перераспределяются внутри домохозяйства. В России преоб-

ладает патриархальная модель семьи, когда доходы работающего мужчины (супруга) превышают доходы работающей женщины (супруги). Так, по данным, приводимым в [12, с. 30], по состоянию на 2016 год, доля доходов женщин в семейных бюджетах в РФ составляла 36.0%, мужчин – 54.1% (еще 9.9% составили так называемые надындивидуальные, т.е. совместные, доходы).

Поэтому в крупных городах возможна ситуация высокой востребованности рабочих мест с более низкой, чем средняя, оплатой труда, что связано с некоторыми преимуществами для работников (удобный график работы, близкое расположение места работы, легкие условия труда и др.). Такие низкооплачиваемые работники соглашаются с этой низкой оплатой добровольно, т.к., во-первых, для них важны указанные преимущества, во-вторых, они рассчитывают на более высокие доходы членов своей семьи, занятых в других видах экономической деятельности. В Ленинградской области, где экономическая активность, как и численность населения, является более распределенной по большой территории, возможности получения альтернативных доходов не всегда имеются.

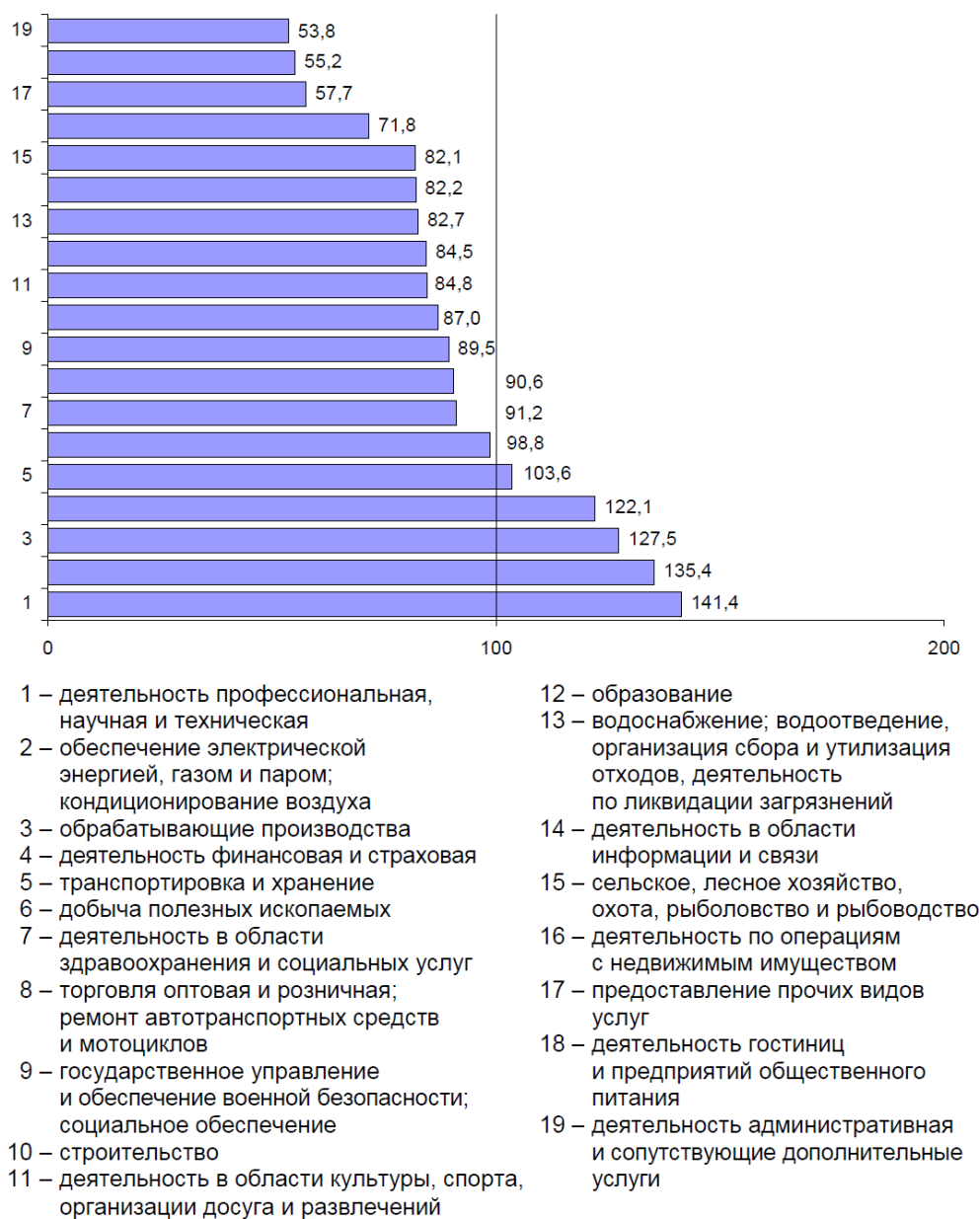

Рис. 2. Отношение среднемесячной номинальной начисленной заработной платы к среднему уровню по Ленинградской области за январь – март 2022 года, % [11, с. 30]

В частности, распоряжением Правительства РФ от 29.07.2014 г. № 1398-р утвержден список моногородов РФ, распределенных на три категории в зависимости от степени ухудшения складывающейся в них социально-экономической ситуации. В Ленинградской области расположено три моногорода (см.: <https://lenoblinvest.ru/monogoroda-leningradskoj-oblasti>):

- Пикалёво (1 категория – моногорода с наиболее сложным социально-экономическим положением);
- Сланцы (2 категория – моногорода, имеющие риски ухудшения социально-экономического положения);
- Сясьстрой (3 категория – моногорода со стабильной социально-экономической ситуацией).

Ситуация в моногородах является наиболее тревожной, т.к. в случае развития вызванного санкциями макрошока и приостановки деятельности градообразующих предприятий там может произойти существенное ухудшение социально-экономической обстановки. Следовательно, можно рекомендовать властям региона и соответствующих муниципалитетов усилить мониторинг ситуации именно в моногородах с тем, чтобы своевременно оказать их предприятиям и населению необходимую поддержку.

Заключение

Итак, проведенный анализ показал, что негативное влияние политико-экономической турбулентности на развитие регионального хозяйственного комплекса Ленинградской области, несмотря на тревожные ожидания, пока что не является значительным. Сравнение по данным официальной статистики ситуацию первой половины 2022 года с аналогичным периодом 2021 года показывает, что кардинальных изменений в большинстве экономических показателей пока что не наблюдается. Возможно, это связано с недостатком фактических данных, которые на момент подготовки статьи распространялись лишь до марта-мая 2022 г. И в дальнейшем негативные последствия санкций, возможно, проявятся более отчетливо: «По ожиданиям Минэкономразвития и Минфина, ВВП России сократится более чем на 10% в 2022 году... Международный валютный фонд 19 апреля указывал, что прогнозирует сокращение российского ВВП на 8,5% в 2022 году. До начала 2022 года экономисты, как правило, оценивали потенциальный рост российской экономики в 1,5–2%» (цит. по: <https://www.rbc.ru/newspaper/2022/04/21/625fc6c59a794785048b117f>).

В то же время, уже сегодня можно выявить две «зоны уязвимости»: во-первых, это сжатие реальных доходов населения, которое происходит на фоне роста неопределенности и зафиксированного весной 2022 г. скачка инфляции, который обесценил не только сбережения населения, но и снизил реальные текущие доходы; во-вторых, ситуация в региональных моногородах, которая в любой момент может начать развиваться по негативному сценарию. В этих сферах необходим специальный мониторинг ситуации, базирующийся не на официальной статистике, которая публикуется со значительным опозданием, а на основе опросов, мониторинга социальных сетей и иных методов, позволяющих получать данные оперативнее.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Бодрунов С.Д. О некоторых вопросах эволюции экономико-социального устройства индустриального общества новой генерации // Экономическое возрождение России. 2016. № 3 (49). С. 5-18.
2. Вертакова Ю.В., Симоненко Е.С. Проблемы становления и развития методологии индикативного управления: монография. Курск: Изд. КГТУ, 2009.
3. Плотников В.А. Понятие смешанной экономики: эволюция развития и современная трактовка // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8. № 2 (27). С. 8-16.
4. Гришков В.Ф., Плотников В.А., Фролов А.О. Мобилизационная экономика в современной России: теоретические аспекты // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 3 (135). С. 7-13.
5. Волкова А.А. Особенности планирования деятельности предприятий сферы услуг в посткризисный период // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2013. № 3. С. 111-116.
6. Плотников В.А. Изменения глобальных институтов управления под влиянием национальных экономических интересов (по материалам XII Петербургского международного экономического форума) // Экономика и управление. 2008. № 3 (35). С. 7-9.

7. Черникова А.А., Вертакова Ю.В., Плотников В.А. Импортзамещение как инструмент экономической политики управления рисками импортозависимости: выбор подходов // Экономика и управление. 2016. № 10 (132). С. 28-39.
8. Шиндикова И.Г. Современная строительная деятельность: анализ с позиций угроз и рисков экономической безопасности // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2021. № 1 (127). С. 201-206.
9. Ленинградская область'2021: краткий статистический сборник / Петростат. СПб., 2022. 98 с.
10. Социально-экономическое положение Санкт-Петербурга и Ленинградской области в январе–мае 2022 года (экономический доклад в таблицах) / Петростат. СПб., 2022. 175 с.
11. Оплата труда в Санкт-Петербурге и Ленинградской области в январе–марте 2022 года: статистический бюллетень / Петростат. СПб., 2022. 34 с.
12. Черкашина Т.Ю. Личные доходы супругов в структуре бюджетов российских семей в 1990–2010-е гг. // Экономическая социология. 2019. № 2. С. 14-50.

АДРЕСНАЯ ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПРОГРАММА КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТОВ МОДЕРНИЗАЦИИ ВОДООЧИСТНЫХ СИСТЕМ ПРЕДПРИЯТИЙ ЦЕЛЛЮЛОЗНО-БУМАЖНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Аннотация. В целях обеспечения развития предприятий целлюлозно-бумажной промышленности (ЦБП) в статье предлагается использовать адресную инвестиционную программу для реализации проектов модернизации водоочистных сооружений. Особое внимание уделяется критериям отбора промышленных предприятий, которые могут принять участие в данной программе, а значит и получить необходимую поддержку со стороны государства. Целесообразность применения предлагаемой адресной инвестиционной программы обосновывается теми результатами и эффектами, которые могут быть достигнуты для всех акторов, заинтересованных в результатах хозяйственной деятельности предприятия ЦБП.

Ключевые слова. Целлюлозно-бумажная промышленность, модернизация водоочистных систем, адресная инвестиционная программа.

Makeenko M.V., Razumovskaya D.V.

TARGETED INVESTMENT PROGRAM AS A TOOL FOR THE IMPLEMENTATION OF PROJECTS FOR THE MODERNIZATION OF WATER PURIFICATION SYSTEMS IN THE PULP AND PAPER INDUSTRY

Abstract. In order to ensure the development of pulp and paper industry enterprises, the article proposes to use a targeted investment program for the implementation of projects for the modernization of water treatment facilities. Particular attention is paid to the selection criteria for industrial enterprises that can take part in this program, and therefore receive the necessary support from the state. The expediency of applying the proposed targeted investment program is justified by the results and effects that can be achieved for all actors interested in the results of the economic activity of the pulp and paper enterprise.

Keywords. Pulp and paper industry, modernization of water treatment systems, targeted investment program.

Введение

В России в качестве одной из стратегически важных отраслей для развития экономики страны выступает целлюлозно-бумажная промышленность (ЦБП). На текущий момент стратегическая значимость ЦБП и ключевые направления ее развития определяются «Стратегией развития лесного комплекса Рос-

ГРНТИ 06.71.05

EDN KKPFTX

© Макеенко М.В., Разумовская Д.В., 2022

Мария Владимировна Макеенко – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления предприятиями и производственными комплексами Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Дарья Владимировна Разумовская — кандидат экономических наук, руководитель отдела тестирования ООО «Цифровая индустриальная платформа».

Контактные данные для связи с авторами (Макеенко М.В.): 191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21 (Russia, St. Petersburg, Sadovaya str., 21). Тел.: +7 812 310-40-83. E-mail: keiup2074@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 27.06.2022.

сийской Федерации до 2030 года», утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2018 г. № 1989-р [2]. Данная стратегия нацелена на увеличение объемов производства продукции предприятий ЦБП, прежде всего – за счет строительства новых целлюлозно-бумажных комплексов (ЦБК), что по своей сути является достаточно крупным инвестиционным проектом. Увеличение количества предприятий ЦБП влечет за собой увеличение нагрузки не только на водоемы страны, но и в целом на экологическую ситуацию в регионах их размещения [3]. Данный аспект актуализирует необходимость применения современных технологий не только в процессе производства основной продукции, но и в целом при обеспечении функционирования хозяйственных субъектов. Создание новых ЦБК и обеспечение функционирования уже действующих ЦБК без ущерба для экологии страны требует поддержки государства и требует разработки возможных вариантов данной поддержки.

Методика исследования

При написании статьи применялись общенаучные и логико-аналитические методы проведения научных исследований, а именно методы системного анализа, приемы логического анализа и синтеза, которые позволили изучить и обобщить результаты деятельности предприятий ЦБП, а также возможные варианты финансирования инвестиционных проектов. Применение данных методов научного исследования позволило сформулировать предложения по осуществлению проектов модернизации водоочистных систем.

В процессе производства для получения конечной продукции предприятия ЦБП подвергают первоначальное сырье – древесину – глубокой термической и химическое переработке [4]. Это влечет за собой большую нагрузку на водоочистные системы предприятий, от качества которых зависит и состояние окружающей среды. Кроме этого, в условиях ориентированности России на экологичность производства [5], количественные и качественные характеристики сбрасываемых с предприятия сточных вод выступают одним из значимых факторов, влияющим на формирование имиджа «социально-ориентированного предприятия».

Основные результаты

Учитывая стратегическую значимость предприятий ЦБП и их ориентир на экологичность производства, требуется научно обоснованный, комплексный подход к модернизации их водоочистных систем, как значимого инструмента развития промышленных предприятий. На текущий момент можно выделить следующие наиболее распространенные источники финансирования инвестиционных проектов, позволяющие реализовать проекты модернизации во всех сферах хозяйствования: собственные средства предприятия, получение государственной поддержки и дополнительная прибыль предприятия от основной деятельности.

Реализация проектов модернизации водоочистных систем на предприятиях ЦБП не является исключением. Однако, стоит отметить, что получение государственных субсидий, как один из вариантов финансирования, на текущий момент не является достаточно доступным для предприятий ЦБП, так как действующие на данный момент государственные программы не предусматривают выделение средств непосредственно для реализации проектов модернизации водоочистных сооружений.

Учитывая важность и необходимость модернизации водоочистных систем для предприятий ЦБП и для развития регионов, в которых эти предприятия располагаются, а также учитывая возрастающий интерес со стороны многих хозяйствующих субъектов и государства к переходу к «зеленой» экономике или экономике, учитывающие экологические принципы хозяйствования, предлагается разработать адресную инвестиционную программу (далее – Программу) [1]. Стоит отметить, что инициатором данной Программы будет выступать государство, а предприятия ЦБП будут являться основными участниками в ходе ее реализации.

Для того, чтобы обосновать целесообразность последующей детальной разработки и реализации предлагаемой Программы, были выявлены и определены основные эффекты от ее реализации для всех заинтересованных лиц, а именно для государства (в том числе и региона, где размещается то или иное предприятие ЦБП), а также для предприятий. Однако, прежде чем перейти к раскрытию эффектов от предлагаемой адресной инвестиционной программы, необходимо раскрыть ее суть.

Суть выдвигаемой Программы состоит в том, чтобы создать выгодные и прозрачные для предприятий ЦБП условия для проведения модернизации водоочистных систем на государственном уровне с равной степенью доступности для предприятий с разной схемой производства [1]. В качестве возмож-

ных способов предоставления средств для предприятий ЦБП, заинтересованных в модернизации водоочистных систем и принимающих участие в предлагаемой Программе, может выступать как предоставление кредитов под низкие проценты, так и предоставление субсидий. Учитывая многолетний опыт реализации различных государственных программ, а также опыт работы предприятий оборонно-промышленного комплекса, представляется целесообразным выделение отдельных целевых счетов для корректности и прозрачности поступлений и расходов средств, выделяемых предприятиям для реализации проектов модернизации.

В качестве участников предлагаемой адресной инвестиционной программы могут выступать предприятия целлюлозно-бумажной промышленности, расположенные на территории Российской Федерации, заинтересованные в получении поддержки со стороны государства для проведения модернизации водоочистных систем. Для прозрачности процедуры включения предприятий ЦБП в Программу необходимо четко определить критерии отбора. Предлагаемые критерии отбора заявок для включения в Программу представлены на рисунке 1.

Рис. 1. Критерии отбора заявок предприятий ЦБП для включения в Программу

Учитывая тот факт, что ЦБК распределены неравномерно по территории России (что обусловлено спецификой технологического процесса производства продукции предприятий ЦБП [3; 4]), можно рекомендовать формировать и реализовывать Программу не по всей стране сразу, а начать с отдельных

регионов, которые демонстрируют наибольшую концентрацию предприятий и с наиболее плохим состоянием поверхностных вод, а значит и большим загрязнением сточными водами от данных предприятий. Стоит отметить, что на рисунке специально не указывается последовательность или взаимосвязь показателей между собой в целях обоснования того, что с учетом хода реализации Программы, а также по результатам того или иного этапа, возможно изменение весовых коэффициентов или значимости представленных критериев в зависимости от достигнутых результатов и совокупной эффективности в целом как для программы, так и для предприятия.

В целях обоснования целесообразности реализации предлагаемой Программы были определены ожидаемые результаты (эффекты) от реализации предлагаемой Программы для государства и для предприятий ЦБП (выступающих ключевыми акторами рассматриваемого процесса), что отражено на рисунках 2 и 3, соответственно.

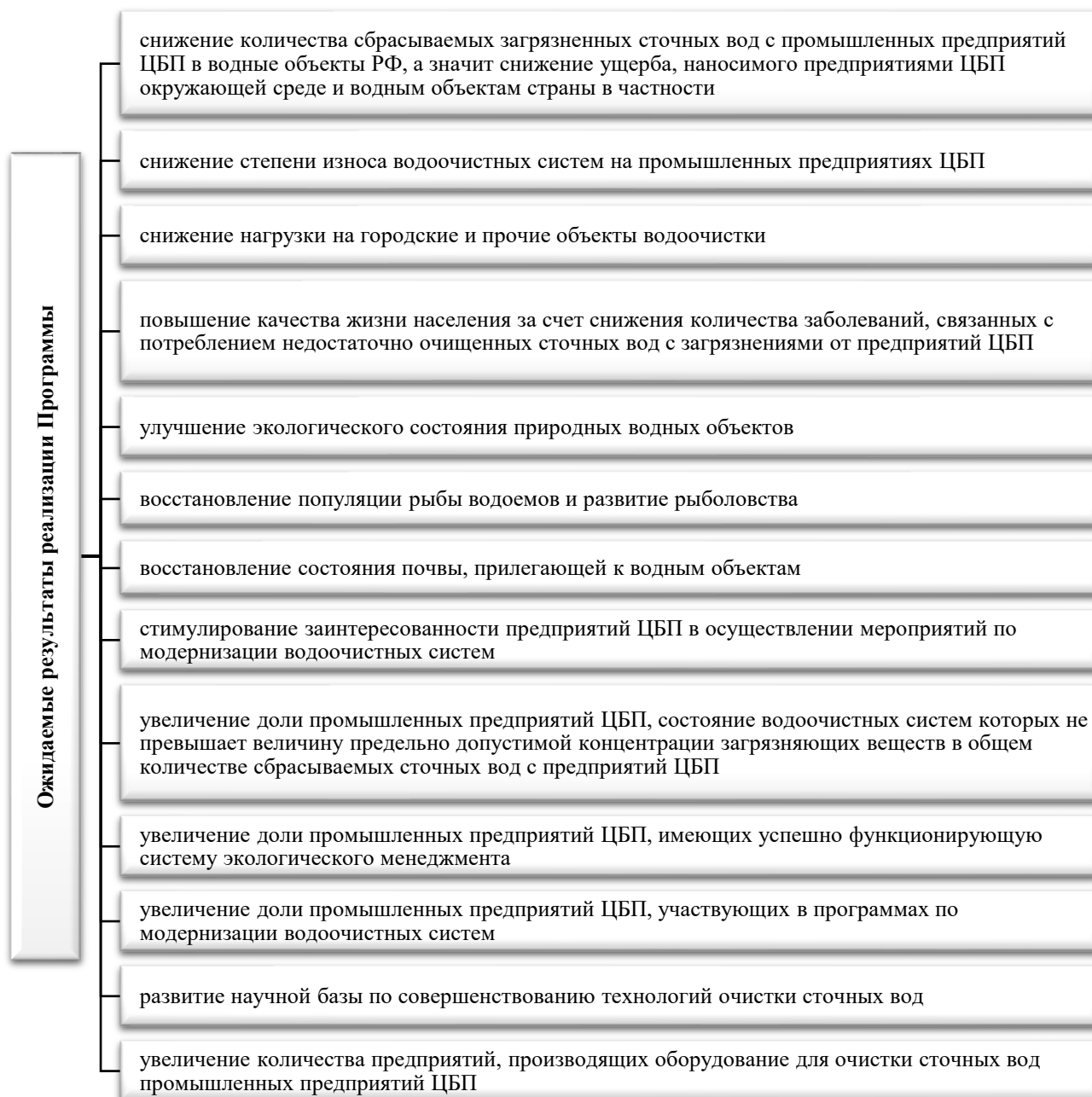

Рис. 2. Ожидаемые результаты реализации Программы

Выявленные результаты и эффекты от реализации предлагаемой адресной инвестиционной программы актуальны не только для нее, но и в целом при осуществлении проектов модернизации водоочистных систем ЦБК, независимо от того – принимают ли они участие в Программе.

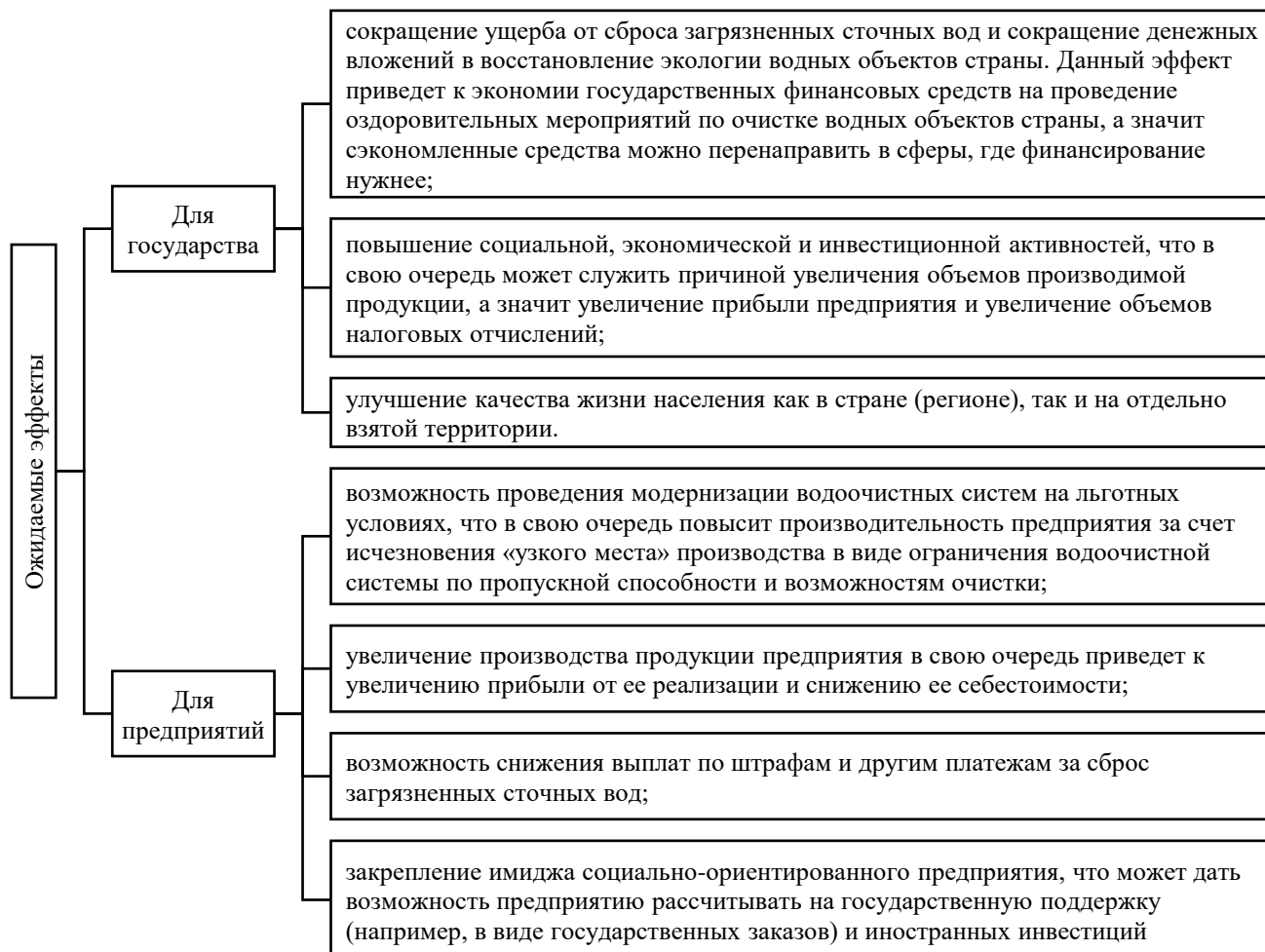

Рис. 3. Ожидаемые эффекты от реализации предлагаемой адресной инвестиционной программы для ключевых акторов рассматриваемого процесса

Заключение

Таким образом, в статье предлагается создание и использование адресной инвестиционной программы как инструмента развития предприятий ЦБП. В целях обоснования целесообразности реализации предлагаемой Программы были выявлены ожидаемые результаты и эффекты от ее осуществления. Важным аспектом данного исследования выступает разработка критериев отбора заявок предприятий ЦБП для включения в адресную инвестиционную программу, направленную на обеспечение реализации проектов модернизации водоочистных систем.

Для получения положительных результатов от проведения модернизации водоочистных систем предприятий ЦБП требуется вовлеченность широкого круга заинтересованных участников на всех уровнях хозяйствования и этапах жизненного цикла осуществления проекта (начиная от формирования научной базы и инструментов для реализации модернизации водоочистных систем с учетом направленности импортозамещения оборудования, заканчивая выявлением дополнительных источников финансирования рассматриваемых проектов). Особую значимость для успешной реализации данных проектов имеет степень вовлеченности государства.

В целях обеспечения взаимодействия предприятий ЦБП и государства предлагается адресная инвестиционная программа, которая также направлена на повышение экологической и социальной ответственности хозяйствующих субъектов отрасли. В рамках методического обеспечения реализации Программы разработаны критерии отбора заявок предприятий ЦБП для включения в нее. Представленные критерии отбора заявок в полной мере отражают значимость предприятий для экономики страны и нацеленность на поддержание развития отечественных ЦБК. Предложенная систематизация и группировка ожидаемых результатов и эффектов от реализации предлагаемой Программы позволяет получить комплексное представление о необходимости осуществления модернизации водоочистных систем на предприятиях целлюлозно-бумажной промышленности.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. *Разумовская Д.В.* Организационно-экономическое обеспечение проведения модернизации водоочистных систем предприятий целлюлозно-бумажной промышленности и оценка его эффективности // *Фундаментальные исследования*. 2020. № 6. С. 118-130.
2. Стратегия развития лесопромышленного комплекса Российской Федерации до 2030 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.static.government.ru/media/filts/cA4eYSe0MObgNpm5hSavTdlxID77KCTL.pdf> (дата обращения 27.06.2022).
3. *Тюрин Е.Т.* Проблемы развития ЛПК России, риски, решения. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://sbo-paper.ru/upload/pdf/2.1._Research_Institute_Tyurin.pdf (дата обращения 27.06.2022).
4. Целлюлозно-бумажная промышленность, что это такое и зачем она нужна. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://programlesprom.ru/cellyulozno-bumazhnaya-promyshlennost-cto-eto-takoe-i-zachem-ona-nuzhna> (дата обращения 27.06.2022).
5. Экологическая политика современной России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://vuzlit.ru/1400889/ekologicheskaya_politika_sovremennoy_rossii (дата обращения 27.06.2020).

ЦИФРОВИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО СПОРТА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. В статье анализируются проблемы и перспективы развития цифровых технологий в сфере спорта. Акцентируется внимание на кризисных явлениях в сфере цифровой трансформации российского спорта. Указаны проблемы, препятствующие развитию цифровизации спортивной сферы в Российской Федерации.

Ключевые слова. Цифровизация, цифровые технологии, цифровая трансформация.

Egorova N.M.

DIGITALIZATION OF RUSSIAN SPORTS: PROBLEMS AND PROSPECTS

Abstract. The article analyzes the problems and prospects of the development of digital technologies in the field of sports. Attention is focused on the crisis phenomena in the field of digital transformation of Russian sports. The problems hindering the development of digitalization of the sports sphere in the Russian Federation are indicated.

Keywords. Digitalization, digital technologies, digital transformation.

Введение

Важным направлением развития, имеющим существенное значение в государственной политике нашей страны на сегодняшний день, становится развитие цифровых технологий во многих сферах производственной деятельности, таких как медицина, культура, образование, спорт, физическая культура и пр. Президент Российской Федерации В.В. Путин ещё в 2017 году говорил о том что «цифровая экономика – это не отдельная отрасль, по сути, это основа, которая позволяет создавать качественно новые модели бизнеса, торговли, логистики, производства, изменяет формат образования, здравоохранения, госуправления, коммуникаций между людьми, а, следовательно, задает новую парадигму развития государства, экономики и всего общества» [3].

Необходимость цифровой трансформации в различных сферах обуславливается стремительным развитием массовой информационной коммуникации и глобализации информационного общества. В настоящее время в Российской Федерации успешно осуществляется целый ряд важнейших национальных проектов. К таким проектам относится проект «Цифровая экономика» и «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы». В данных проектах обозначены ключевые векторы развития цифровых технологий в рамках нашей страны.

Цифровые преобразования: сущность и значение

Применение цифровых технологий всегда тесно связывалось с понятием «цифровизация», которое предполагало применение инновационных технологий в рамках бизнес-процессов, в результате которых наблюдалось существенное сокращение трудозатрат и времени на ведение рутинных операций в компании. Цифровая трансформация является следующим этапом развития. В рамках данного этапа

ГРНТИ 06.71.55

EDN KLXWZQ

© Егорова Н.М., 2022

Нина Михайловна Егорова – доцент кафедры менеджмента и экономики спорта Национального государственного университета имени П.Ф. Лесгафта (г. Санкт-Петербург).

Контактные данные для связи с автором: 190124, Санкт-Петербург, ул. Декабристов, д. 35 (Russia, St. Petersburg, Dekabristov str., 35). Тел.: +7 911 280-70-82. E-mail: ninelle68@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 27.06.2022.

предполагается комплексное преобразование в рамках самой организации. Под комплексным преобразованием понимается смена существующей бизнес-модели, изменение принципов работы организации. Кроме того, меняется бизнес-культура организации.

В данном случае основой такого изменения выступают технологические новшества и инновационные решения. То есть, в отличие от цифровизации, предусматривающей экономию, ИТ-директора и внедрение программного обеспечения, цифровая трансформация – это глобальное явление, затрагивающее государственное управление. Оно формирует инновационные для организации методы ведения бизнеса. Кроме того, меняются повседневные практики индивидуумов [5].

Результаты исследования и их обсуждение

Еще недавно, к числу основных технических новинок, менявших спорт, относились электронное табло, хронометраж, фотофиниш, искусственный лед и др. В настоящее время, среди основных направлений использования цифровых технологий в спорте можно выделить: профессиональные; любительские; рекламно-визуализационные [1]. В июле 2021 года Институтом статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ был представлен рейтинг наиболее перспективных информационных технологий в спорте (таблица). Все расчеты производились с помощью системы iFORA, в которой содержатся различные данные из научных публикаций, рыночной аналитики, материалов международных организаций и др.

Первое место в рейтинге перспективных цифровых технологий в спорте занимают системы поддержки принятия решения. Они базируются на технологиях искусственного интеллекта. Данные технологии дают возможность проводить анализ выступлений команд или спортсменов. На основе этих данных вырабатываются оптимальные планы тренировочного процесса. Благодаря данным технологиям появляется возможность вносить корректировки в тактические действия спортсменов и команд в режиме онлайн. Например, в таких игровых видах спорта как футбол, хоккей, баскетбол искусственный интеллект используется для поиска новых талантов и справедливой оценки трансферной стоимости игроков.

Вторая позиция в рейтинге принадлежит технологии показа спортивных соревнований на основе технологий 5G, которые создают ощущения полного присутствия и вовлечения болельщиков. И, наконец, тройку лидерства замыкает виртуальная реальность, являющаяся в настоящее время очень популярным инструментом. Благодаря данным технологиям становится возможным контролировать уровень функционального состояния спортсменов во всех периодах тренировочно-соревновательного цикла.

Примером любительского направления использования информационных технологий в спорте может служить московский проект в рамках программы «Лидеры цифровой трансформации 2021», который подразумевает создание цифровой карты загруженности спортивных площадок, обновляемой в режиме реального времени. Согласно этому проекту, технология с помощью машинного зрения позволит оценить загруженность спортплощадок и стадионов. Технология такого плана предполагает установку специальных датчиков, отслеживающих движение и тепло. Данные передаются в специальную информационную систему. Система, в свою очередь, будет визуализировать данные в виде карт, графиков и таблиц. Данная система выступает более эффективной по сравнению с системами, применяющими видеокамеры и контактные датчики. Основное преимущество в том, что данная система является более дешевой, а видеокамеры и контактные датчики предполагают дополнительные затраты со стороны потребителя [8].

Развитие цифровизации в спортивных экипировке и снаряжении ассоциируется в сознании потребителей с такими известными компаниями как Nike, Adidas, Radiate Athletics и др. Эти компании создают свои модели в специальных лабораториях. Все материально-технические решения тестируются в лабораторных условиях в соответствии с персональными характеристиками. Результатом таких исследований стало то, что в настоящее время кроссовки с сенсорными датчиками – это уже обычное явление для профессиональных спортсменов. В качестве примера применения цифровых технологий в спортивном снаряжении может выступать AdidasMiCoach. Данный проект предполагает разработку тренировочного плана, а также применение специализированной обуви с чипами. Данная обувь собирает данные о владельце. Кроме того, в рамках данного проекта разработаны часы «FitSmart». Часы помогают повысить эффективность тренировочного процесса. Все перечисленные

устройства оперативно в режиме онлайн собирают все данные об активности спортсменов и передают информацию на главный компьютер [2].

Таблица

Перспективные цифровые технологии в индустрии спорта

Ранг	Технологии	Области применения	Индекс значимости
1	Системы поддержки принятия решений	Улучшение результатов команд и спортсменов, «умные» спортивные сооружения, цифровой опыт болельщиков	1,0
2	Технологии 5G	Трансляция соревнований, «умные» спортивные сооружения	0,69
3	Виртуальная реальность (VR)	Улучшение результатов команд и спортсменов, трансляция соревнований, цифровой опыт болельщиков, «умные» спортивные сооружения	0,49
4	Анализ данных в режиме реального времени	Улучшение результатов команд и спортсменов	0,33
5	Технологии персонализации	Цифровой опыт болельщиков, трансляция соревнований, «умные» спортивные сооружения	0,18
6	Дополненная реальность (AR)	Улучшение результатов команд и спортсменов, цифровой опыт болельщиков, «умные» спортивные сооружения, трансляция соревнований	0,17
7	Блокчейн-платформы управления мероприятиями	«Умные» спортивные сооружения	0,13
8	Носимые устройства	Улучшение результатов команд и спортсменов	0,12
9	Редактирование генома	Улучшение результатов команд и спортсменов	0,08
10	Геймификация	Цифровой опыт болельщиков	0,04
11	Сенсорные технологии	Улучшение результатов команд и спортсменов, «умные» спортивные сооружения	0,03
12	Сервисы потокового медиа	Трансляция соревнований, цифровой опыт болельщиков	0,03
13	Интеллектуальная сегментация клиентов	«Умные» спортивные сооружения, трансляция соревнований, цифровой опыт болельщиков	0,02
14	Цифровые билеты	«Умные» спортивные сооружения	0,02
15	Когнитивные тренировки	Улучшение результатов команд и спортсменов	0,02

Примечание. Индекс значимости технологии показывает ее относительную встречаемость в массиве источников, при этом 1 – максимальное число упоминаний. При расчете учитывается частота встречаемости термина, его специфичность и векторная центральность, которая отражает степень его связи с другими направлениями научного поиска [6].

В настоящее время данные бренды спортивной индустрии решили покинуть российский рынок из-за введенных санкций против Российской Федерации. И тут возникает вопрос, что будет с цифровизацией в российском спорте, если западные компании, которые являлись основными поставщиками цифровых технологий в спорте, больше не намерены работать с российскими спортсменами и командами? Есть ли в России подобные цифровые технологии в сфере спорта, разработчиками которых являются отечественные производители?

При анализе открытых источников информации, автором было отмечено, что еще в 2018 году на московском форуме SportInnovations были представлены новейшие достижения спортивной отечественной науки и технологий. Так, например компания «АйБрейн» представила разработку «Нейротренировка на базе нейроинтерфейса с искусственным интеллектом». Интересен тот факт, что изначально технология предназначалась для постинсультной реабилитации с помощью неинвазивного нейроинтерфейса. Данный интерфейс позволяет человеку, который не имеет возможности двигаться, осуществлять

управление различными устройствами, такими как, например, протез или игровые приложения. Управление осуществляется с помощью сигналов мозга. Однако, эту технологию возможно использовать и в спортивной отрасли. В данном случае применение данных технологий будет эффективно в период реабилитации после перенесенных травм. Кроме того, можно использовать эти технологии как основу тренажера для развития способностей.

В качестве примера инновационной технологии можно назвать *BD-Sport*. Он представляет собой сервис, основной принцип работы которого – идентификация спортивных движений. Разработчиком данного сервиса является пермская компания. Для захвата спортивных движений используется специализированная видеокамера, которая фиксирует их и формирует виртуальное изображение спортсмена без маркеров, зафиксированных на теле. За счет данных технологий происходит дополнение технологии компьютерного зрения биомеханикой. Данная технология позволяет распознать и определить уровень точности выполнения различных спортивных техник, как в тренировочном, так и в соревновательном процессе. Данные технологии позволяют оценить техничность выполнения упражнений, что важно при судействе соревнований [7].

Все эти примеры достижений отечественной спортивной науки и технологий отчетливо показывают, что цифровизация российского спорта имеет все шансы на свое развитие, но при этом существуют серьезные проблемы с импортозамещением.

Известно, что в последнее время сектор информационных технологий в России растет опережающими темпами. Однако в то же время наблюдался и рост зависимости от импорта. В последние годы в нашей стране наблюдается импорт компьютерных услуг и софта преимущественно из западных стран. Крупнейшими поставщиками выступают Германия, США и Нидерланды. Доля Германии – 16,4%, США – 9,6% и Нидерландов – 9,1%. Отметим, тот факт, что лидерами в импорте электроники, оборудования и ИКТ-товаров в последние годы выступают страны Азии. На долю этих стран приходится 85% импорта. Из них 65% принадлежат Китаю. Отметим, однако, что основой большого количества оборудования и электроники, указанных стран являются технологии и интеллектуальная собственность западных стран. Данные страны имеют право наложить ограничения на экспорт данного оборудования и электроники в нашу страну.

Согласно мнению экспертов НИУ ВШЭ, технологические санкции, с которыми сталкивается наша страна, несут в себе угрозу, направленную на развитие триады сквозных технологий, которые лежат в основе цифровой трансформации. К данным технологиям относятся искусственный интеллект, интернет вещей и сети связи пятого поколения, то есть 5G. Кроме того, технологические санкции способны поставить под угрозу планы, направленные на достижение национальных целей нашей страны. В частности, под угрозой – национальные цели по цифровой трансформации до 2030 года [9].

Заключение

Масштабное внедрение новейших отечественных цифровых технологий в индустрию спорта в настоящее время находится под угрозой. Поэтому необходимо выработать механизм по предотвращению последствий технологических санкций в отношении России. Прежде всего, производителям необходимо перенести разработки на доступные технологические платформы, выстроить надежные производственные цепочки и обновить партнерства, например со странами Азии и всего «глобального Юга». И наконец, следует отметить, что одной из существующих проблем цифровизации российского спорта является недостаточная цифровая культура в спортивных предприятиях.

Цифровая культура выступает незримым элементом, который лежит в основе и способен определять успех крупных системообразующих проектов, рассчитанных на массовую аудиторию [4]. Для того, чтобы минимизировать эту проблему и реализовать переход спортивной организации в новое состояние, необходимо обратить внимание на три составляющие:

- люди. Введение в организациях сферы физической культуры и спорта должностей, которые отвечали бы за цифровую трансформацию;
- бизнес-процессы. Представляется необходимым снизить постепенно государственное финансирование, выделяемое на профессиональный спорт. В то же время, надо оказывать методическую помощь при переходе на самофинансирование. Реализовать это целесообразно посредством спонсорской помощи и привлечения коммерческих партнеров;

- технологии. Необходимо вводить жесткие требования по применению цифровых технологий. Данный шаг позволит повысить эффективность принятия решений. Кроме того, повысится уровень прозрачности и возрастет качество.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. *Гахария Т.Н.* Цифровые технологии в спорте: состояние и перспективы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rep.bntu.by/bitstream/handle/data/40494/Cifrovye_tekhnologii_v_sporte_sostoyanie_i_perspektivy.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения 16.06.2022).
2. *Жапаров Е.С., Ляшенко А.А.* Цифровизация в спорте: состояние и перспективы // Молодой ученый. 2020. № 48 (338). С. 462-463.
3. *Петров П.К.* Цифровые информационные технологии как новый этап в развитии физкультурного образования и сферы физической культуры и спорта // Современные проблемы науки и образования. 2020. № 3.
4. *Рындин И.* Стратегия цифровизации спорта 2030. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://medium.com/digital-sports> (дата обращения 16.06.2022).
5. *Рындин И.* Цифровая трансформация – часть I. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://medium.com/digital-sports> (дата обращения 20.06.2022).
6. Топ-15 технологий в индустрии спорта. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://issek.hse.ru/news/484743102.html> (дата обращения 24.06.2022).
7. Технологии рекордов: 5 российских стартапов в индустрии спорта. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.forbes.ru/forbeslife/369727-tehnologii-rekordov-pyat-rossiyskih-startapov-v-industrii-sporta> (дата обращения 16.06.2022).
8. Цифровизация спорта. Tadviser. Государство. Бизнес. Технологии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.tadviser.ru/index> (дата обращения 23.06.2022).
9. Эксперты оценили угрозу санкций для цифровой трансформации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.comnews.ru/content/220022/2022-04-27/2022-w17/eksperty-ocenili-ugrozu-sankciy-dlya-cifrovoy-transformacii-rossii> (дата обращения 25.06.2022).

Жаринов И.О.

**НИСХОДЯЩЕЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ
В ЗАДАЧЕ ПАРАМЕТРИЧЕСКОГО СИНТЕЗА СИСТЕМЫ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ БИЗНЕСОМ ИНДУСТРИИ 4.0**

***Аннотация.** Рассматривается задача параметрического синтеза системы экономического управления производственным бизнесом Индустрии 4.0. Предлагается методика синтеза, основанная на методе нисходящего проектирования и позволяющая количественно оценивать коэффициенты сквозных балансовых уравнений, описывающих на физическом уровне хозяйственные практики в корпоративных бизнес-системах. Методика ориентирована на использование в отраслевых экономических системах, имеющих иерархически-гетерархическую внутреннюю организационную структуру субъектно-объектных экономических отношений менеджмента и искусственного интеллекта, размещенного в виртуальной среде.*

***Ключевые слова.** Индустрия 4.0, нисходящее проектирование, система экономического управления, параметрический синтез.*

Zharinov I.O.

**TOP-DOWN DESIGN IN THE TASK OF PARAMETRIC SYNTHESIS
OF THE MANAGEMENT SYSTEM OF INDUSTRY 4.0 BUSINESS**

***Abstract.** The problem of parametric synthesis of the management system of industrial business Industry 4.0 is considered. The synthesis method based on the method of top-down design and allowing to quantify the coefficients of end-to-end balance equations describing at the physical level of business practices in corporate business systems is proposed. The methodology is focused on the use of subject-object economic relations of management and artificial intelligence placed in a virtual environment in industrial economic systems having a hierarchically heterarchical internal organizational structure.*

***Keywords.** Industry 4.0, correlated equilibrium, economic management system, production Industry 4.0, top-down design, economic management system, parametric synthesis.*

Введение

С позиции экономической теории внутрифирменная среда высокотехнологичного бизнеса, трансформированного под концепты Индустрии 4.0, представляет собой [1, 3] совокупность субъектов (управляющие подсистемы) и объектов (управляемые подсистемы) экономического управления, механизмы взаимодействия которых комплексно описываются вычислительными и социально-экономическими процессами.

ГРНТИ 06.81.12

EDN LMWMTU

© Жаринов И.О., 2022

Игорь Олегович Жаринов – Заслуженный машиностроитель Российской Федерации, доктор технических наук, профессор, руководитель учебно-научного центра – ученый секретарь научно-технического совета ОКБ «Электроавтоматика» (г. Санкт-Петербург).

Контактные данные для связи с автором: 198095, Санкт-Петербург, ул. Маршала Говорова, 40 (Russia, St. Petersburg, Marshal Govorov str., 40). Тел.: 8 (812) 252-20-37. E-mail: mpbva@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 05.07.2022.

Управляющие воздействия субъектов основаны на управленческих решениях естественного и искусственного (сильного по J. Searle [17]) интеллектов и направлены на поддержание экономических объектов управления (цифровая (ЦФ), умная (УФ) и виртуальная (ВФ) фабрики Индустрии 4.0, объединенные в корпоративную бизнес-систему (БС) [7, 8]) в требуемом состоянии или на перевод экономических объектов управления в новые состояния, адекватные изменяющимся институциональным и инфраструктурным условиям выполняемой корпоративной бизнес-системой производственной задачи. Совокупность состояний внутрифирменных объектов является, таким образом, предметом экономического управления, непрерывно осуществляемого в динамике высокотехнологичного производства продукции.

Современные экономические объекты управления характеризуются сложной функциональной и структурной организацией, имеющей иерархически-гетерархическую по W.S. McCulloch [16] схемную реализацию, в связи с чем, принимаемые естественным и искусственным субъектами управления решения должны быть основаны на управленческих процедурах стратегического планирования бизнес-процессов, сбора внутрифирменных балансовых данных, их анализа (интеллектуальной обработки) и синтеза управляющих воздействий, целевым образом обеспечивающих экономическую координацию сложного взаимодействия (на уровне информационного и материального обменов) групп производственных сил и производственных отношений ЦФ, УФ, ВФ в корпоративной бизнес-системе. Информационный обмен является компонентом внутрифирменной среды и предназначен для синхронизации бизнес-процессов изготовления продукции, осуществляемой на уровне финансово-технологических данных. Материальный обмен в производственной среде реализуется на уровне внутрифирменного движения товарных ценностей, представленных компонентами незавершенного производства или конечной продукцией.

Специфической проблемой экономического управления высокотехнологичным бизнесом Индустрии 4.0 выступает [2, 11] пониженное в сравнении с существующими в компаниях Индустрии 3.0 (научно-исследовательские институты, опытно-конструкторские бюро, серийные заводы) участие интеллектуальных ресурсов менеджмента в формировании управленческих решений, т.е. имеет место реализация парадигмы «безлюдного производства», в связи с чем, основным субъектом управления в производстве продукции по концептам Индустрии 4.0 следует рассматривать искусственный интеллект, позиционируемый в качестве внутрифирменной ценности, интегрированный в замкнутые физический и виртуальный контуры экономического управления бизнесом, действующие комплементарно. Делегирование субъектных управленческих полномочий искусственному интеллекту, в свою очередь, актуализирует задачу выбора новых архитектурных признаков внутренней физической инфраструктуры системы экономического управления корпоративным бизнесом, по своим свойствам адекватно описывающих бизнес-процессы экономического взаимодействия квазиавтономных субъектов и объектов управления ЦФ, УФ, ВФ, задействованных в изготовлении высокотехнологичной продукции.

Методы и методология исследования

Решение задачи выбора новых внутрифирменных архитектурных признаков физического контура системы экономического управления корпоративным бизнесом выполняется в рамках процедуры проектного параметрического синтеза бизнес-системы и основано на конкретизации и развитии базовых идей концепции информационно-коммуникационного менеджмента (инфоком-менеджмента), предложенного Мартыновым Л.М. [9].

В результате проектирования с использованием приемов A.-W. Scheer [15] система экономического управления обретает свойство структуризации, при котором упорядочиваются субъектно-объектные отношения бизнеса по принципам прямого и обратного управленческого действия (замкнутая система), а также устанавливаются параметрические взаимосвязи, количественно обуславливающие внутрикорпоративные движения экономических ресурсов, т.е. для заданного концептуальным каркасом класса иерархически-гетерархических структур систем экономического управления создается процессно-ориентированная [5] модель реализации системы с оценочными параметрами.

Универсального алгоритма синтеза систем экономического управления бизнесом до настоящего времени не предложено, однако на практике применяются различные авторские методики, основанные на общих принципах построения информационно-управляющих систем в экономике. Известные подходы [4, 6] к проектированию систем экономического управления бизнесом исходят из понимания фрагментарного представления проблем управления хозяйствующими объектами Индустрии 4.0, предполагающего синтез частных структур систем, отвечающих за внутрифирменное регулирование функциональных или обеспечительных процессов бизнеса в одном или нескольких аспектах хозяйствования.

Развиваемый автором подход к параметрическому синтезу систем управления бизнесом заключается в использовании технологии идентификации [12] и инструментов нисходящего проектирования [13, 14], позволяющих математически строго обосновывать оптимальные по МНК (метод наименьших квадратов) оценочные значения коэффициентов сквозных балансовых уравнений корпоративного бизнеса с иерархически-гетерархической структурой, представленной автором в [7, 8], нацеленного на достижение в будущем требуемых топ-менеджменту мультипликаторов результативности, устанавливаемых в бизнес-стратегии [10]. Таким образом, в предлагаемой ниже методике параметрического синтеза выполняется системообразующий постулат А.Д. Chandler: «Структура следует за стратегией».

Методика параметрического синтеза структуры системы экономического управления

В соответствии с принципами нисходящего проектирования параметрический синтез системы экономического управления (СЭУ) хозяйствующим объектом Индустрии 4.0 мезоуровня экономики РФ (холдинговая бизнес-структура холонического по А. Koestler [18] типа) осуществляется по следующей методике (см. рис., а), характеризующей повышенной размерностью проектной задачи:

1. Вводится набор из ζ сквозных балансовых уравнений, связывающих входы $\mathbf{X}^{ЦФ}$, $\mathbf{X}^{УФ}$, $\mathbf{X}^{ВФ}$ и выходы $\mathbf{Y}^{BC} = [y_1^{BC}, y_2^{BC}, \dots, y_\zeta^{BC}]^T$ экономической системы через ее внутренние структурные параметры $\mathbf{A}_p^{ЦФ}$, $\mathbf{B}_p^{ЦФ}$, $\mathbf{A}_p^{УФ}$, $\mathbf{B}_p^{УФ}$, $\mathbf{A}_p^{ВФ}$, $\mathbf{B}_p^{ВФ}$, подлежащие МНК-оценке, и ее ресурсное обеспечение $\mathbf{U}_p^{ЦФ}$, $\mathbf{U}_p^{УФ}$, $\mathbf{U}_p^{ВФ}$:

$$\mathbf{Y}^{BC} = (\mathbf{A}_p^{ЦФ} \mathbf{X}^{ЦФ} + \mathbf{B}_p^{ЦФ} \mathbf{U}_p^{ЦФ}) + (\mathbf{A}_p^{УФ} \mathbf{X}^{УФ} + \mathbf{B}_p^{УФ} \mathbf{U}_p^{УФ}) + (\mathbf{A}_p^{ВФ} \mathbf{X}^{ВФ} + \mathbf{B}_p^{ВФ} \mathbf{U}_p^{ВФ}) + \mathbf{Q},$$

или:

$$y_i^{BC} = a_{i,1}^{ЦФ} x_1^{ЦФ} + \dots + a_{i,N_a^{ЦФ}}^{ЦФ} x_{N_a^{ЦФ}}^{ЦФ} + b_{i,1}^{ЦФ} u_1^{ЦФ} + \dots + b_{i,N_b^{ЦФ}}^{ЦФ} u_{N_b^{ЦФ}}^{ЦФ} + a_{i,1}^{УФ} x_1^{УФ} + \dots + a_{i,N_a^{УФ}}^{УФ} x_{N_a^{УФ}}^{УФ} + b_{i,1}^{УФ} u_1^{УФ} + \dots + b_{i,N_b^{УФ}}^{УФ} u_{N_b^{УФ}}^{УФ} + a_{i,1}^{ВФ} x_1^{ВФ} + \dots + a_{i,N_a^{ВФ}}^{ВФ} x_{N_a^{ВФ}}^{ВФ} + b_{i,1}^{ВФ} u_1^{ВФ} + \dots + b_{i,N_b^{ВФ}}^{ВФ} u_{N_b^{ВФ}}^{ВФ} + q_i^{BC}, i=1, 2, \dots, \zeta,$$

т.е. рассматриваются аддитивно-сепарабельные мультипликаторы y_i бизнес-системы, где $\mathbf{Q} = [q_1, q_2, \dots, q_\zeta]^T$ – вектор параметров неопределенности в достижении бизнесом желаемых мультипликаторов y_i^* , значения которого q_i обусловлены внешним влиянием (вызовами) рынка на экономическую систему и глубиной финансового прогноза результативности (стратегии бизнеса), выполненного менеджментом.

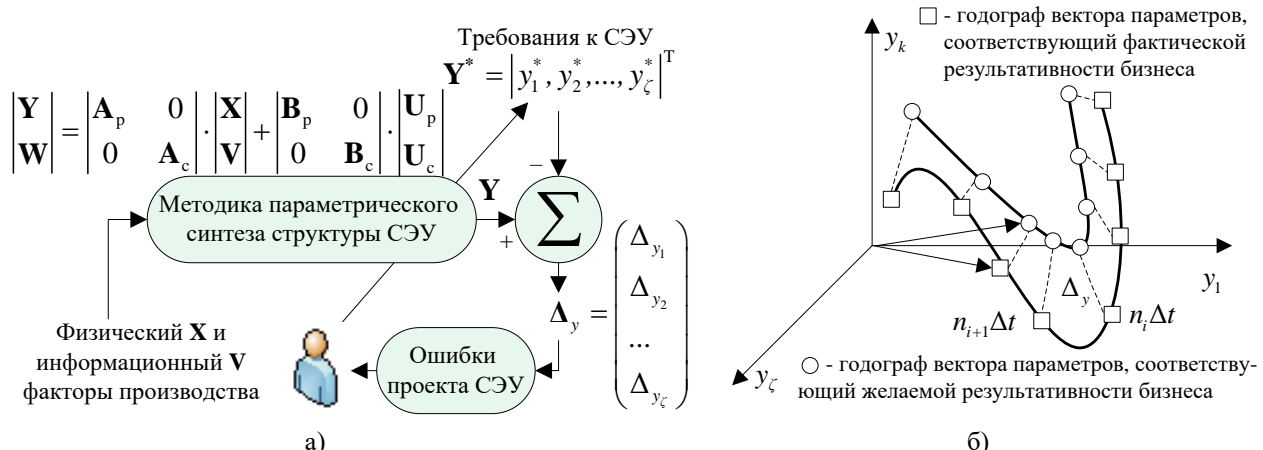

Рис. Принцип параметрического синтеза системы экономического управления бизнесом (а – схема генерации решения; б – траекторная динамика мультипликаторов в экономической стратегии формирования $\Delta t \in [0, T_1)$, развития $\Delta t \in [T_1, T_2)$ и стабилизации $\Delta t \in [T_2, T_3]$ бизнеса)

Использование в методике синтеза сквозных балансовых уравнений основано на подходе J.F. Schär, согласно которому всякая хозяйственная операция бизнеса может быть определена счетным образом посредством сгруппированного по обязательствам и календарным срокам сопоставления имущества и капитала, взаимно увязывающего прибыль, выручку, издержки, себестоимость продукции и др. экономические категории.

2. Фиксируется желаемая менеджментом траекторная результативность бизнеса в дискретные моменты времени $n_i \Delta t$ (см. рис., б), установленная в стратегии формирования (на интервале $\Delta t \in [0, T_1)$), развития (на интервале $\Delta t \in [T_1, T_2)$) и стабилизации (на интервале $\Delta t \in [T_2, T_3]$) экономической системы Индустрии 4.0 наборами опорных прогнозируемых значений контролируемых мультипликаторов:

$$y_i^{BC*} = \{y_i^{BC*} [n_1 \Delta t], y_i^{BC*} [n_2 \Delta t], \dots, y_i^{BC*} [n_r \Delta t]\}, \quad n_1 \Delta t < n_2 \Delta t < \dots < n_r \Delta t, \\ i = 1, 2, \dots, \zeta, r \geq \left(N_a^{II\Phi} + N_b^{II\Phi} + N_a^{V\Phi} + N_b^{V\Phi} + N_a^{B\Phi} + N_b^{B\Phi} \right), \Delta t \in [0, T_3].$$

3. Путем замены переменных уравнения преобразуются к дискретному виду:

$$y_i^{BC*} [n_j \Delta t] = c_{i,1} z_1 [n_j \Delta t] + \dots + c_{i, N_a^{II\Phi} + N_b^{II\Phi}} z_{N_a^{II\Phi} + N_b^{II\Phi}} [n_j \Delta t] + c_{i, N_a^{II\Phi} + 1} z_{N_a^{II\Phi} + 1} [n_j \Delta t] + \dots + \\ + c_{i, N_a^{II\Phi} + N_b^{II\Phi} + 1} z_{N_a^{II\Phi} + N_b^{II\Phi} + 1} [n_j \Delta t] + \dots + \\ + c_{i, N_a^{II\Phi} + N_b^{II\Phi} + N_a^{V\Phi} + N_b^{V\Phi}} z_{N_a^{II\Phi} + N_b^{II\Phi} + N_a^{V\Phi} + N_b^{V\Phi}} [n_j \Delta t] + c_{i, N_a^{II\Phi} + N_b^{II\Phi} + N_a^{V\Phi} + 1} z_{N_a^{II\Phi} + N_b^{II\Phi} + N_a^{V\Phi} + 1} [n_j \Delta t] + \dots + \\ + c_{i, N_a^{II\Phi} + N_b^{II\Phi} + N_a^{V\Phi} + N_b^{V\Phi} + 1} z_{N_a^{II\Phi} + N_b^{II\Phi} + N_a^{V\Phi} + N_b^{V\Phi} + 1} [n_j \Delta t] + \dots + \\ + c_{i, N_a^{II\Phi} + N_b^{II\Phi} + N_a^{V\Phi} + N_b^{V\Phi} + N_a^{B\Phi}} z_{N_a^{II\Phi} + N_b^{II\Phi} + N_a^{V\Phi} + N_b^{V\Phi} + N_a^{B\Phi}} [n_j \Delta t] + \dots + \\ + c_{i, N_a^{II\Phi} + N_b^{II\Phi} + N_a^{V\Phi} + N_b^{V\Phi} + N_a^{B\Phi} + 1} z_{N_a^{II\Phi} + N_b^{II\Phi} + N_a^{V\Phi} + N_b^{V\Phi} + N_a^{B\Phi} + 1} [n_j \Delta t] + q_i^{BC} [n_j \Delta t].$$

или в векторно-матричной форме:

$$y_i^{BC*} [n_j \Delta t] = \mathbf{c}_i^T \mathbf{z} [n_j \Delta t] + q_i^{BC} [n_j \Delta t],$$

где

$$\mathbf{c}_i^T = \left| c_{i,1}, c_{i,2}, \dots, c_{i,k}, \dots, c_{i, N_a^{II\Phi} + N_b^{II\Phi} + N_a^{V\Phi} + N_b^{V\Phi} + N_a^{B\Phi} + N_b^{B\Phi}} \right|, \\ \mathbf{z} [n_j \Delta t] = \left| x_1^{II\Phi} [n_j \Delta t], \dots, x_{N_a^{II\Phi}}^{II\Phi} [n_j \Delta t], u_1^{II\Phi} [n_j \Delta t], \dots, u_{N_b^{II\Phi}}^{II\Phi} [n_j \Delta t], x_1^{V\Phi} [n_j \Delta t], \dots, x_{N_a^{V\Phi}}^{V\Phi} [n_j \Delta t], \right. \\ \left. u_1^{V\Phi} [n_j \Delta t], \dots, u_{N_b^{V\Phi}}^{V\Phi} [n_j \Delta t], x_1^{B\Phi} [n_j \Delta t], \dots, x_{N_a^{B\Phi}}^{B\Phi} [n_j \Delta t], u_1^{B\Phi} [n_j \Delta t], \dots, u_{N_b^{B\Phi}}^{B\Phi} [n_j \Delta t] \right|^T.$$

4. Вводится система квадратичных критериев оптимизации проектной процедуры по каждому из контролируемых экономических мультипликаторов бизнеса в виде математических функций Лагранжа:

$$\Delta_{y_i}^{BC} (y_i - y_i^*) = \sum_{j=1}^r \left(y_i^* [n_j \Delta t] - \underbrace{\hat{\mathbf{c}}_i^T \mathbf{z} [n_j \Delta t]}_{k \in [1, \dots, N_a^{II\Phi} + N_b^{II\Phi}]} - \underbrace{\hat{\mathbf{c}}_i^T \mathbf{z} [n_j \Delta t]}_{k \in [N_a^{II\Phi} + N_b^{II\Phi} + 1, \dots, N_a^{II\Phi} + N_b^{II\Phi} + N_a^{V\Phi} + N_b^{V\Phi}]} - \underbrace{\hat{\mathbf{c}}_i^T \mathbf{z} [n_j \Delta t]}_{k \in [N_a^{II\Phi} + N_b^{II\Phi} + N_a^{V\Phi} + 1, \dots, N_a^{II\Phi} + N_b^{II\Phi} + N_a^{V\Phi} + N_b^{V\Phi} + N_a^{B\Phi} + N_b^{B\Phi}]} \right)^2 - \lambda_i^T (\mathbf{H}^{BC} \hat{\mathbf{c}}_i - \mathbf{L}^{BC}) \rightarrow \min,$$

где $\lambda_i^T = |\lambda_{i1}, \lambda_{i2}, \dots, \lambda_{i2\zeta}|$ - вектор неопределенных множителей.

Неопределенные множители Лагранжа используются в проектной задаче синтеза при контроле мультипликаторов y_i экономической системы, связанных отношениями $\mathbf{H}\mathbf{c}_i = \mathbf{L}$, что справедливо для бизнеса, обладающего ограниченными экономическими ресурсами и рядом в общем случае взаимозависимых выходных экономических параметров (бизнес-кейс АО «КРЭТ», ГК «Ростех»): выручка по

сегментам рынка; выручка по дивизионам бизнес-структуры; выручка по экономическим отраслям деятельности концерна и др.

5. Экстремумы критериев количественной оценки параметров бизнес-системы $\Delta_{y_i}^{BC} (y_i - y_i^*) \rightarrow \min$ являются решением математической системы, одновременно объединяющей векторные дифференциальные уравнения $\partial \Delta_{y_i}^{BC} / \partial \hat{c}_i = 0$ и $\partial \Delta_{y_i}^{BC} / \partial \lambda = 0, i = 1, 2, \dots, \zeta$:

$$\hat{c}_i = \left| \sum_{j=1}^r (\mathbf{z} [n_j \Delta t] \mathbf{z}^T [n_j \Delta t]) \right|^{-1} \sum_{j=1}^r (y_i^* [n_j \Delta t] \mathbf{z} [n_j \Delta t]) +$$

$$+ \left| \sum_{j=1}^r (\mathbf{z} [n_j \Delta t] \mathbf{z}^T [n_j \Delta t]) \right|^{-1} \mathbf{H}^T \left| \mathbf{H} \left| \sum_{j=1}^r (\mathbf{z} [n_j \Delta t] \mathbf{z}^T [n_j \Delta t]) \right|^{-1} \mathbf{H}^T \right|^{-1} \times$$

$$\times \left(\mathbf{L} - \mathbf{H} \left| \sum_{j=1}^r (\mathbf{z} [n_j \Delta t] \mathbf{z}^T [n_j \Delta t]) \right|^{-1} \sum_{j=1}^r (y_i^* [n_j \Delta t] \mathbf{z} [n_j \Delta t]) \right).$$

6. В результате обратной замены переменных (см. п. 3) искомые МНК-оценки элементов структурных матриц $\mathbf{A}_p^{II\Phi}, \mathbf{B}_p^{II\Phi}, \mathbf{A}_p^{V\Phi}, \mathbf{B}_p^{V\Phi}, \mathbf{A}_p^{B\Phi}, \mathbf{B}_p^{B\Phi}$ в системе экономического управления корпоративной бизнес-структурой Индустрии 4.0 имеют вид:

$$\hat{\mathbf{A}}_p^{II\Phi} = [\hat{a}_{ik}] = [\hat{c}_{ik}], i = 1, 2, \dots, \zeta, k = 1, 2, \dots, N_a^{II\Phi},$$

$$\hat{\mathbf{B}}_p^{II\Phi} = [\hat{b}_{ik}] = [\hat{c}_{ik}], i = 1, 2, \dots, \zeta, k = N_a^{II\Phi} + 1, \dots, N_a^{II\Phi} + N_\delta^{II\Phi},$$

$$\hat{\mathbf{A}}_p^{V\Phi} = [\hat{a}_{ik}] = [\hat{c}_{ik}], i = 1, 2, \dots, \zeta, k = N_a^{II\Phi} + N_\delta^{II\Phi} + 1, \dots, N_a^{II\Phi} + N_\delta^{II\Phi} + N_a^{V\Phi},$$

$$\hat{\mathbf{B}}_p^{V\Phi} = [\hat{b}_{ik}] = [\hat{c}_{ik}], i = 1, 2, \dots, \zeta, k = N_a^{II\Phi} + N_\delta^{II\Phi} + N_a^{V\Phi} + 1, \dots, N_a^{II\Phi} + N_\delta^{II\Phi} + N_a^{V\Phi} + N_\delta^{V\Phi},$$

$$\hat{\mathbf{A}}_p^{B\Phi} = [\hat{a}_{ik}] = [\hat{c}_{ik}], i = 1, 2, \dots, \zeta, k = N_a^{II\Phi} + N_\delta^{II\Phi} + N_a^{V\Phi} + N_\delta^{V\Phi} + 1, \dots, N_a^{II\Phi} + N_\delta^{II\Phi} + N_a^{V\Phi} + N_\delta^{V\Phi} + N_a^{B\Phi},$$

$$\hat{\mathbf{B}}_p^{B\Phi} = [\hat{b}_{ik}] = [\hat{c}_{ik}], i = 1, 2, \dots, \zeta, k = N_a^{II\Phi} + N_\delta^{II\Phi} + N_a^{V\Phi} + N_\delta^{V\Phi} + N_a^{B\Phi} +$$

$$+ 1, \dots, N_a^{II\Phi} + N_\delta^{II\Phi} + N_a^{V\Phi} + N_\delta^{V\Phi} + N_a^{B\Phi} + N_\delta^{B\Phi}.$$

При решении задачи параметрического синтеза системы экономического управления корпоративным бизнесом Индустрии 4.0 введен ряд допущений:

- предполагается, что элементы структурных матриц $\mathbf{A}_c, \mathbf{B}_c$ киберуровня экономического управления известны и определены на этапе обучения искусственного интеллекта, как это сегодня реализуется в бизнес-кейсе ПАО «Объединенная авиастроительная корпорация» (ГК «Ростех»), т.е. виртуальный контур экономического управления в методике позиционируется как «неизменяемая часть» экономической системы, функционирующая в облачной среде в соответствии с уравнением: $\mathbf{W} = \mathbf{A}_c \mathbf{V} + \mathbf{B}_c \mathbf{U}_c$ с постоянными коэффициентами бизнес-процессов;
- предполагается, что ресурсное обеспечение $\mathbf{U}_p, \mathbf{U}_c$ выполняемой экономической системой производственной задачи известно и задано собственными или заемными средствами бизнеса по имеющимся или вновь заключаемым контрактам;
- предполагается, что разработана и внедрена в практики хозяйствования экономической системы стратегия ее формирования, развития и стабилизации, содержащая программу действий менеджмента и желаемые (ожидаемые) значения $\mathbf{Y}^* = [y_1^*, y_2^*, \dots, y_\zeta^*]^T$ мультипликаторов бизнеса, дискретно распределенные в моменты времени $n_j \Delta t, j = 1, 2, \dots, r$ на горизонте планирования результативности.

Заключение

Предложенная методика синтеза системы экономического управления бизнесом обладает достаточным уровнем качества создаваемого параметрического описания организационных структур (модель реализации), т.к. позволяет сохранять предусмотренные изначально в проектных процедурах формы, методы

и инструменты экономического управления бизнесом при постоянном совершенствовании технических, программных и информационных аспектов хозяйствования, т.е. той производственной основы бизнеса, с использованием которой сегодня создается и распределяется ценность для конечного потребителя.

Решение задачи параметрического синтеза системы экономического управления имеет важное значение для общеэкономических исследований (развитие теории и методологии менеджмента «в собственном смысле» на основе теории систем), поскольку является демонстрацией единства и противоречивости формы и содержания, а именно: структурного и функционального начал бизнеса. С одной стороны, в параметрическом синтезе системы управления бизнесом участвует современная геометрия (топология экономической системы), а с другой, – математическая экономика [13].

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. *Арсимерзуева З.А., Тасуева Т.С.* Сущность и роль экономических инструментов управления предприятием // Вестник Комплексного научно-исследовательского института им. Х.И. Ибрагимова РАН. 2020. № 2 (2). С. 153-158.
2. *Бамбуров В.А.* Применение технологий искусственного интеллекта в корпоративном управлении // Государственная служба. 2018. № 3. С. 23-28.
3. *Брянцева Т.А., Иващенко Н.Ю.* Система внутреннего контроля как основа управления экономическим субъектом // Белгородский экономический вестник. 2020. № 4 (100). С. 152-157.
4. *Буреш О.В., Жук О.В.* Интеллектуальные информационные системы управления социально-экономическими объектами. М.: Издательство «Красанд», 2012. 192 с.
5. *Дорошенко М.В., Кудряшова И.А.* Процессный подход в управлении предприятием как фактор повышения его экономической устойчивости // Мир экономики и управления. 2020. Т. 20. № 1. С. 67-85.
6. *Ермишина Е.Б., Макурина А.А.* Организационно-экономический механизм управления интеллектуальным капиталом предприятия // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2020. № 1 (39). С. 33-37.
7. *Жаринов И.О.* Регулирование экономических отношений в иерархических бизнес-структурах Индустрии 4.0 // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2021. № 6 (132). С. 7-12.
8. *Жаринов И.О.* Экономическое управление бизнес-системами Индустрии 4.0 // Петербургский экономический журнал. 2021. № 3. С. 91-96.
9. *Мартынов Л.М.* Теория и методология управления организациями в информационно-коммуникационной среде: дисс. ... д-ра экон. наук. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов, 2003. 348 с.
10. *Швырков А.В., Боков С.И.* К вопросу об использовании аппарата искусственных нейронных сетей для оценки и прогнозирования финансовой устойчивости предприятий оборонно-промышленного комплекса // Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. 2021. № 3 (118). С. 13-20.
11. *Шуплецов А.Ф., Косякова В.В.* Развитие хозяйствующих субъектов промышленности в условиях цифровой экономики с учетом специфики нематериальных активов // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2020. № 4 (42). С. 79-86.
12. *Грон Д.* Методы идентификации систем. М.: Мир, 1979. 302 с.
13. *Моисеев Н.Н.* Математические задачи системного анализа. М.: Наука, 1981. 488 с.
14. *Курочкин С.А.* Методология проектирования информационно-измерительных систем тренажеров подвижных наземных объектов: автореф. дис. ... д-ра техн. наук. Тула: Тульский государственный университет, 2007. 40 с.
15. *Scheer A.-W.* ARIS – business process frameworks. Berlin-Heidelberg: Springer-Verlag, 1999. 186 p.
16. *McCulloch W.S.* A heterarchy of values determined by the topology of nervous nets // Bulletin of mathematical biophysics. 1945. № 7. P. 89-93.
17. *Searle J.* Minds, brains, and programs // Behavioral and brain sciences. 1980. Vol. 3. № 3. P. 417-424.
18. *Koestler A.* The Ghost in the machine. London: Arkana, 1989. 406 p.

Курышева С.В., Батырова Д.К.

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ В ЭКОНОМИКЕ

Аннотация. В статье рассматривается проблема развития методологии прогнозирования социально-экономических процессов на примере динамики численности занятых в экономике России. Целью исследования является выявление статистико-математических приёмов изучения траектории движения уровня занятых в экономике и развитие на этой основе методов прогнозирования. Для достижения цели авторами раскрыты возможные пути учёта отдельных компонент временного ряда и предложены способы построения прогнозов. Проведенный анализ дает возможным утверждать, что одним из методов, позволяющих строить краткосрочные прогнозы социально-экономических процессов, является авторегрессионное моделирование. Рекомендовано сделать акцент на изучении оценки качества моделей как на соответствие модели определённым тестам, так и на улучшение модели с помощью информационных критериев. В настоящее время цифровизация экономики способствует развитию методов прогнозирования и повышению компетенции работников для гармоничного существования в условиях цифровизации. Расчеты произведены в ППП «Gretl».

Ключевые слова. Временной ряд, тренды, моделирование, авторегрессионные модели, авторегрессионные процессы, автокорреляционная функция, тестовая статистика, информационные критерии.

Kuryshva S.V., Batyrova D.K.

FORECASTING OF SOCIO-ECONOMIC PHENOMENA IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION IN THE ECONOMY

Abstract. The article is focused on the problem of the modern approach to the methodology development of forecasting socio-economic processes with the example of the dynamics of the number of employed in the Russian economy. The purpose of the study is to identify various statistical and mathematical techniques for studying the trajectory of the level of the employed in the economy and on this basis the development of forecasting methods. To achieve this goal, the authors have revealed possible ways of accounting for individual components of the time series and proposed methods of modern forecasting. The analysis suggests that one of the methods that allows to build short-term forecasts of socio-economic processes is autoregressive modeling. To solve this problem, it is proposed to use the Gretl. It is recommended to focus on the study of the evaluation of the quality of models, both on the compliance of the model with certain tests, and on the improvement of the model using information criteria. Currently, the digitalization of the economy contributes to the development of forecasting methods and the improvement of the competence of employees for a harmonious existence in the conditions of digitalization.

Keywords. Time series, trends, modeling, autoregressive models, autoregressive processes, autocorrelation function, test statistics, information criteria.

ГРНТИ 06.52.13

EDN PRKOEJ

© Курышева С.В., Батырова Д.К., 2022

Светлана Владимировна Курышева – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры статистики и эконометрики Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Дарья Кирилловна Батырова – кандидат экономических наук, доцент кафедры статистики и эконометрики Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Контактные данные для связи с авторами (Батырова Д.К.): Санкт-Петербург, пр. Наставников, д. 29 (Russia, St. Petersburg, Nastavnikov av., 29). Тел.: 8 (950) 007-69-21. E-mail: batyrova.d@unecon.ru.

Статья поступила в редакцию 04.06.2022.

Введение

Цифровизация экономики приводит к трансформации моделей для прогнозирования социально-экономических явлений. Перспективная их оценка необходима для обоснования критериев выбора стратегии развития экономики страны в целом, региона, отдельных секторов, отраслей и компаний. Прогнозирование предполагает широкий спектр информации о социально-экономических процессах. Наиболее часто используемым источником данных для прогнозирования в разных сферах жизни являются временные ряды, позволяющие выявлять и описывать в виде моделей закономерность изменения явления во времени и строить прогнозы в целях управления качеством и сертификацией продукции, маркетинговыми исследованиями, развития менеджмента и решения других экономических проблем.

Материалы и методы

Динамика большинства экономических показателей характеризуются тенденцией и случайными колебаниями, поэтому естественна количественная оценка закономерности развития явления в виде уравнения тренда, то есть трендовой модели. Предполагая сохранение закономерности изменения явления во времени, то есть инерционность процессов, трендовая модель распространяет на будущее тенденцию, которая была характерна в предпрогнозном периоде. При правильном выборе математической функции результаты краткосрочного прогнозирования по уравнению тренда могут быть достаточно надежными. Например, динамика численности занятых в Российской Федерации за 2010-2017 гг. (млн чел.) [2] характеризуется уравнением тренда в виде степенной функции:

$$Y = 70,00 t^{0,0163},$$

где Y – численность занятых в Российской Федерации (млн чел.); t – фактор времени, принимающий значения: 1, 2, 3, ..., 8.

Качество модели, прежде всего, оценивается коэффициентом детерминации, который составил: $R^2 = 0,9354$. Это значит, что уравнение тренда описывает 93,54% вариации численности занятых в Российской Федерации за рассматриваемый период, демонстрируя достаточно хорошее качество модели. Все параметры модели и сама модель статистически значимы, что позволяет предположить возможность получения для прогноза на следующий год приемлемого результата. Точечный прогноз на 2018 г. составил 72,55 млн чел., а фактически в 2018 г. было занято 72,32 млн чел. [2], следовательно, ошибка прогноза составила 0,3%.

Результаты прогноза зависят от выбранной математической функции для описания тенденции. Желательно, чтобы параметры уравнения тренда могли быть экономически проинтерпретированы. В линейной, экспоненциальной или равносильной ей показательной кривой параметр b трактуется как средний абсолютный прирост исследуемого показателя Y в единицу времени для линейного тренда и как темп роста показателя в среднем за рассматриваемый период для экспоненциального тренда. Однако, анализ динамики многих макроэкономических показателей не укладывается в эти функции. В рассматриваемом примере на основе динамики численности занятых практически тот же результат даёт уравнение тренда в виде логарифмической кривой:

$$Y = 1,164 \ln(t) + 69,994, \quad R^2 = 0,9356.$$

Однако, предпочтение следует отдать степенной функции, поскольку по её параметрам можно определить базисный и среднегодовой коэффициенты роста ($8^{0,0163} = 1,0345$ и $1,0345^{0,1429} = 1,00485$), то есть за рассматриваемый период численность занятых в Российской Федерации выросла на 3,45%, а ежегодный прирост составлял в среднем 0,485%.

Использование полиномиальных трендов обычно означает перемену направлений в тенденции, что часто осложняет прогнозирование, ибо нельзя точно предсказать, на сколько это изменение будет действовать в перспективе, то есть за рамками исследуемого временного промежутка. Известно, что увеличение степени полинома позволяет получить модель, обладающую большей точностью (возрастает коэффициент детерминации). Однако, даже при статистической значимости параметров нет уверенности, что в среднесрочной и тем более долгосрочной перспективе данная функция продолжит своё действие.

Трендовые модели предполагают эволюционное развитие исследуемого показателя, что может не соответствовать действительности в будущем в условиях структурных сдвигов в экономике (например, изменения в законодательстве, условиях труда, возможностях ведения бизнеса). В такой ситуации трендовые прогнозы не реальны. Для прогнозирования по временным рядам необходимо учитывать не

только тенденцию, но и другие компоненты динамического ряда: периодические и случайные колебания. Этой цели не может служить информация по годам, необходимы данные за ряд лет по месяцам или по кварталам. Соответственно меняются подходы к прогнозированию.

В настоящее время для прогнозирования по временным рядам широко используются разные виды авторегрессионных моделей. Авторегрессия представляет собой линейную регрессию, в которой последующие уровни временного ряда рассматриваются как функция предыдущих во времени наблюдений. Например, объём реализации текущего месяца рассматривается как функция реализации в предыдущие месяцы. Для прогнозирования на следующий период используются значения предыдущих данных. Поскольку изучается динамика одного исследуемого признака без учёта факторов, влияющих на него, модель принято называть авторегрессионной. Она имеет вид:

$$y_t = a_0 + a_1 y_{t-1} + a_2 y_{t-2} + \dots + a_p y_{t-p} + e_t,$$

где y_t – фактические уровни динамического ряда в момент времени t ; y_{t-1} – фактические уровни динамического ряда в момент времени $t-1$ (сдвинутые на один временной такт); y_{t-2} – фактические уровни динамического ряда в момент времени $t-2$ (сдвинутые на два временных шага); y_{t-p} – фактические уровни динамического ряда в момент времени $t-p$ (сдвинутые на p временных шага).

В зависимости от того, сколько предыдущих значений временного ряда включено в модель, авторегрессионный процесс может быть разного порядка [1]. В представленной формуле показан процесс авторегрессии порядка p , что обычно обозначается как $AR(p)$. Модель авторегрессии первого порядка $AR(1)$ применима только в случае чёткой линейной тенденции в ряду динамики. Если таковой нет, то необходимо изучать автокорреляционную функцию, чтобы найти величину лага для модели авторегрессии. Чем больше лагов включено в модель, тем выше вероятность получить с точки зрения прогноза плохой результат: параметры при некоторых лагах могут быть статистически не значимыми, а оставив в модели лишь статистически значимый лаг, мы получим низкий коэффициент детерминации, что препятствует построению прогноза [3]. Результаты могут быть улучшены, если обратиться к модели авторегрессионного процесса со скользящими средними в остатках – $ARMA$:

$$y_t = a_0 + a_1 y_{t-1} + a_2 y_{t-2} + \dots + a_p y_{t-p} + e_t - \theta_1 E_{t-1} - \theta_2 E_{t-2} - \dots - \theta_q E_{t-q}.$$

В формуле соединены $AR(p)$ и $MA(q)$. Однако, модели $ARMA$ предполагают наличие стационарного ряда, что не характерно для социально-экономических процессов. В экономике большинство динамических рядов включает тенденцию, нередко имеют место также периодические колебания и, стало быть, эти ряды не являются стационарными. Вместе с тем, они достаточно легко могут быть приведены к стационарному виду путём расчёта разностей уровней временного ряда разного порядка. В этом случае применяется авторегрессионная интегрированная модель скользящего среднего – $ARIMA$. Применение авторегрессионных моделей базируется сегодня на использовании подхода Дж. Бокса и Г. Дженкинса, разработанного в 1970 г. для анализа временных рядов [3].

Наиболее сложно определить порядок авторегрессии (p), интегрирования (d) и скользящего среднего (q). На стадии идентификации модели рекомендуется изучать поведение автокорреляционной и частной автокорреляционной функций. Одной из причин нестационарности временных рядов может выступать не только наличие в них тренда, но и присутствие сезонных колебаний. Для прогнозирования сезонных временных рядов в настоящее время разработано множество подходов. Одним из них является сезонная $ARIMA$, называемая часто $SARIMA$. Эта модель определяется семью параметрами.

В сезонных временных рядах наблюдения, разделенные интервалом S , по направленности схожи. Сезонная компонента модели имеет такую же структуру, как и несезонная: в неё могут входить авторегрессионная составляющая AR_s , сезонная скользящая средняя MA_s , а также порядок сезонной разности D . В целом этапы работы при прогнозировании по модели $SARIMA$ те же, что и при использовании модели $ARIMA$: идентификация (установление параметров p, d, q и P, D, Q), оценивание коэффициентов модели, проверка модели на адекватность. В компьютерных программах используется термин сезонная $ARIMA$. При определении порядка сезонного дифференцирования обычно учитывается порядок несезонной разности так, чтобы их сумма не превышала 2.

Результаты

Рассмотрим построение модели $SARIMA$ на примере динамики численности занятых. По данным выборочных обследований рабочей силы, численность занятых в возрасте 15–72 лет по субъектам Российской Федерации в среднем за три месяца представлена на рисунке 1. График динамики численности

занятых показал, что рассматриваемый временной ряд не является стационарным: имеется как нелинейная тенденция, так и некоторые сезонные колебания. Чтобы исключить тренд, предполагая его нелинейным, используем вторые разности ($d = 2$). Затем исключим сезонность, наличие которой имело место: уровни ряда повышались в июне-июле и снижались в январе-феврале. Поскольку рассматриваются квартальные данные, то интервал $s = 4$. Сезонная разность – это разница между наблюдением за данный месяц (квартал) в отчетном году и соответствующим наблюдением за такой же период в предыдущем году.

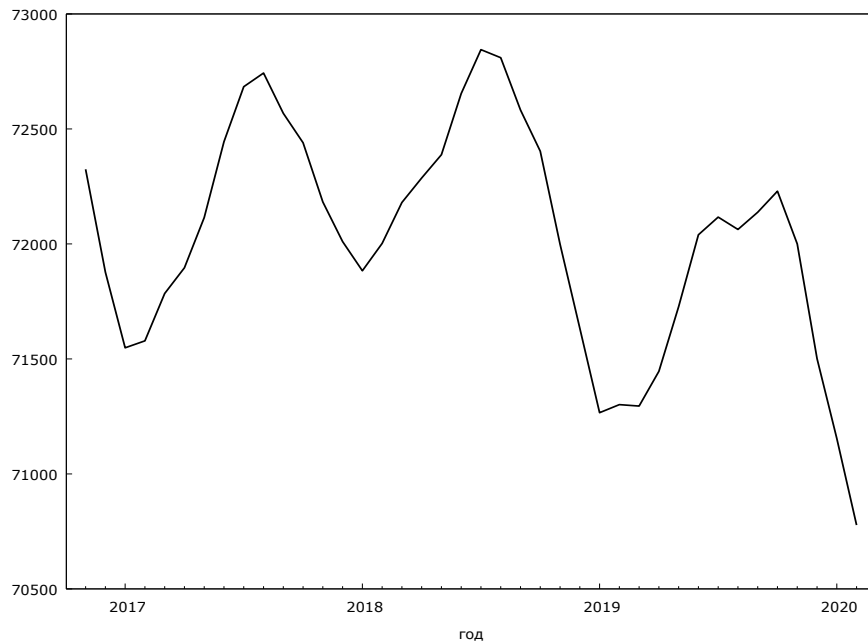

Рис. 1. Численность занятых в возрасте 15–72 лет по субъектам Российской Федерации, в среднем за три месяца (период: ноябрь 2016 – февраль 2020) [8]

Анализ ACF показал наличие существенных значений коэффициентов автокорреляции с лагами 1 и 2, то есть авторегрессия явно присутствует, хотя и имеет некоторое затухание. $PACF$ наблюдает пиковые значения также при лаге 1 и 2. Ввиду малого объема наблюдений автокорреляционные функции определены не более восьмого порядка: отличными от нуля, значимыми можно считать лишь показатели автокорреляции при лагах 1 и 2, что и показывают представленные на рисунке 2 графики ACF и $PACF$.

После перебора различных видов моделей класса сезонная $ARIMA$ была выбрана модель вида: $SARIMA(1\ 2\ 0) \times (1\ 0\ 0)_4$. В ней рассматривается авторегрессионная компонента $AR(p = 1)$; дифференцирование $I(d = 2)$; скользящее среднее $Ma(q = 0)$; сезонные компоненты: авторегрессия порядка $P = 1$; дифференцирование порядка $D = 0$; скользящее среднее порядка $Q = 0$ с лагом 4. Оценка коэффициентов модели проводилась при помощи $X-12-ARIMA$; использован точный метод максимального правдоподобия. При учете авторегрессионных процессов для построения модели число наблюдений уменьшено: использовано 39 наблюдений. Результаты модели $SARIMA(1\ 2\ 0) \times (1\ 0\ 0)_4$ для численности занятых, тыс. чел. по Российской Федерации представлены в таблице 1.

Модель, найденная при использовании ППП *Gretl*, показывает наличие авторегрессии порядка 1 (ϕ_1) и авторегрессии порядка 1 для сезонной компоненты (Φ_1). Результаты модели показали очень малую вероятность ошибки – значительно ниже 5%. Следовательно, параметры модели статистически значимы. Для выбора наилучшей модели использованы информационные критерии Акаике (AIC), байесовский критерий Шварца (BIC) и Хеннана-Куинна (HQ), значения которых для рассматриваемой модели были наименьшими. Стандартное отклонение характеризует стандартную ошибку модели: 144,4 тыс. чел., то есть 0,2% от среднего уровня, что отразилось на средней ошибке аппроксимации 0,17%. Это предполагает возможность прогнозной оценки численности занятых по данной модели.

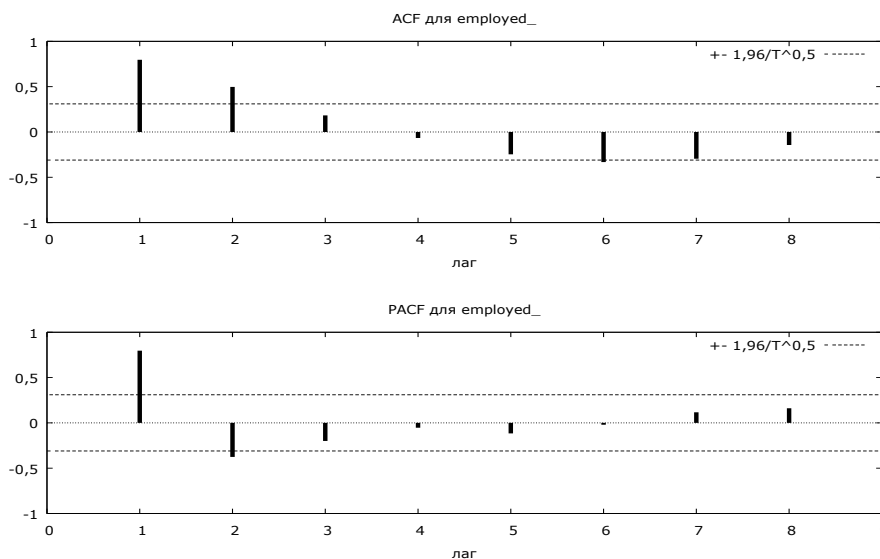

Рис. 2. Коррелограмма исследуемого ряда численности занятых [8]

Таблица 1

SARIMA (1 2 0) x (1 0 0)₄ для численности занятых, млн чел.

	Коэффициент	Ст. ошибка	z	p-значение	
	<i>phi</i> _1	0,42	0,14	3,02	0,0026 ***
	<i>Phi</i> _1	0,55	0,15	3,79	0,0002 ***
Среднее зав. перемен	1,86	Ст. откл. зав. перемен	170,03		
Среднее инноваций	-6,27	Ст. откл. инноваций	144,44		
Лог. правдоподобие	-243,73	Крит. Акаике	493,46		
Крит. Шварца	498,37	Крит. Хеннана-Куинна	495,21		

Однако следует убедиться в адекватности модели. С этой целью изучается с помощью тестов автокорреляция в остатках до четвертого порядка, наличие нормального распределения ошибок и отсутствие ARCH-процессов порядка 4. По результатам проведенных тестов были получены результаты, приведенные в таблице 2.

Таблица 2

Результаты проведенных тестов по модели SARIMA (1 2 0) x (1 0 0)₄

Проведенные тесты	Нуль гипотеза	(Chi-квадрат)	p-значение	Результат
LM-тест	Автокорреляция отсутствует	1,152	0,561	Автокорреляция отсутствует
Тест на нормальное распределение ошибок	Ошибки распределены по нормальному закону	2,191	0,332	Ошибки имеют нормальное распределение
Тест на наличие ARCH-процессов порядка 4	ARCH-процессы отсутствуют	3,91	0,423	Отсутствие ARCH-процессов, дисперсия остатков постоянна

Коррелограмма остатков показывает как для парной, так и для частной автокорреляционных функций несущественность коэффициентов автокорреляции для всех лагов (см. рисунок 3). Проведённое тестирование результатов модели и коррелограмма остатков подтверждают, что модель адекватна и пригодна для прогнозирования. Точный прогноз на февраль 2020 г. показал численность занятых

в экономике России 70851,2 тыс. чел. Фактические данные: 70777,6 тыс. чел. [8], то есть ошибка прогноза 0,1%. График оценки прогнозных значений приведен на рисунке 4.

Интервальный прогноз учитывает стандартную ошибку: 145,9, и при вероятности 0,95 интервал прогноза составил: 70565,2–71137,1 тыс. чел. Таким образом, применение модели *SARIMA* показывает достаточно близкие результаты прогноза к фактическим данным.

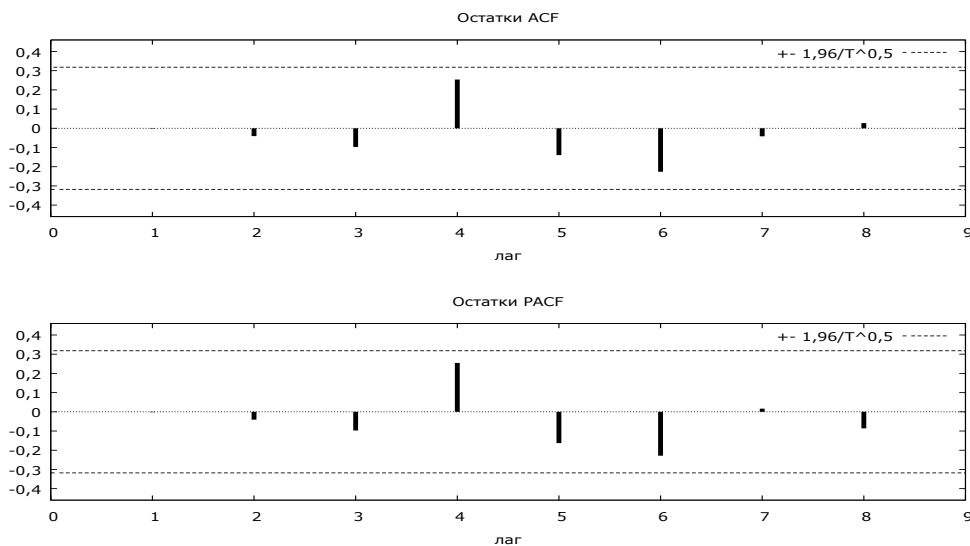

Рис. 3. Коррелограмма остатков

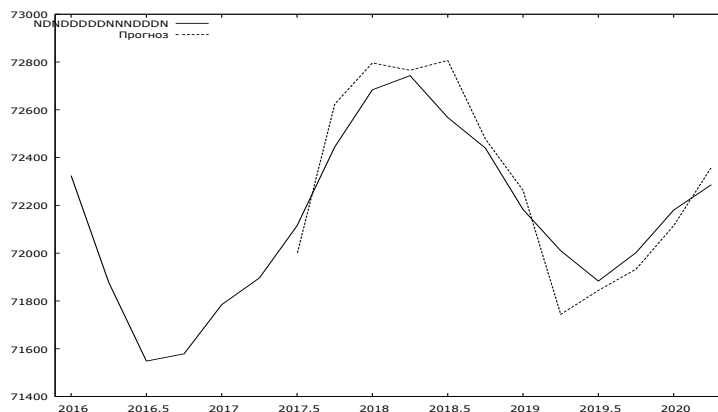

Рис. 4. График прогнозных значений численности занятых, тыс. чел.

Заключение

Использование авторегрессионных моделей для краткосрочных прогнозов возможно при условии сохранения на период прогноза выявленной тенденции, сезонных колебаний и случайных ошибок. Стоит учитывать, что при поступлении в прогнозном периоде новой информации параметры модели могут меняться, что требует корректировки модели: необходим пересмотр вида модели и пересчет её параметров. Для уточнения вида *SARIMA*-моделей коррекция параметров может быть произведена с помощью информационных критериев [5].

Модели класса *ARIMA* могут использоваться не только как самостоятельные модели при прогнозировании социально-экономических явлений, но и как инструмент корректировки других моделей по временным рядам. В этом случае *ARIMA* применяется к остаткам модели, рассматриваемой исследователем [7]. Например, строится полиномиальный тренд с высоким значением коэффициента детерминации, но остатки оказались не стационарны. Остатки можно смоделировать с помощью *ARIMA*, а прогноз

представить суммарно как трендовый прогноз + *ARIMA* прогноз остатков. Аналогично можно корректировать и модель регрессии, построенную по временным рядам, то есть к остаткам от регрессии применяется *ARIMA*-модель. Также для оценки сезонного фактора при прогнозировании возможно использование моделей с фиктивными переменными, но они не всегда дают удовлетворительные результаты ввиду статистической незначимости параметров при фиктивных переменных. Тогда измерение влияния сезонной компоненты возможно, если включить сезонность в модель регрессии как количественно измеримый фактор [2].

Возможности широкого использования статистико-математических методов для прогнозирования социально-экономических явлений и, прежде всего, исследования тенденций возрастают в условиях цифровизации экономики. Цифровизация экономики предполагает широкое использование компьютерных программных продуктов и новых технологий. Требуется знание и умение работать с большими массивами данных, что позволит компаниям совершенствовать качество моделей и прогнозирование основных показателей своей работы, а также оптимизировать производственные процессы, повысить при этом конкурентоспособность бизнеса.

Внедрение цифровых технологий потребует существенных изменений в компетенциях персонала предприятий: вырастет потребность в кадрах по использованию искусственного интеллекта, анализу больших данных, применению робототехники. В настоящее время отмечается существенная нехватка трудовых ресурсов с необходимыми цифровыми компетенциями [4]. Особенно востребованными будут специалисты, выполняющие задачи по разработке методологии в области анализа больших массивов данных и построения моделей для реальных прогнозов развития бизнеса.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Айвазян С.А., Фантаццини Д. Эконометрика-2: продвинутый курс с приложениями в финансах. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2014. 944 с.
2. Батырова Д.К. Статистическая оценка перспектив налоговых поступлений в бюджет России: дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2020. 234 с.
3. Бокс Дж., Дженкинс Г.М. Анализ временных рядов. Прогноз и управление. М.: Мир, 1974.
4. Головкин М.В., Плотников В.А. Цифровые тренды и трудовые ресурсы: анализ взаимосвязей // Ученые записки Международного банковского института. 2022. № 1 (39). С. 91-102.
5. Канторович Г.Г. Анализ временных рядов. М.: Экономический журнал ВШЭ, 2003. 129 с.
6. Носко В.П. Эконометрика. Кн. 1. Ч. 1, 2. М.: Дело, 2011. 672 с.
7. Прогнозирование с помощью моделей *ARIMA* / В кн.: Дубрава Т.А. Статистические методы прогнозирования. М.: ЮНИТИ, 2003. С. 178-184.
8. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: rosstat.gov.ru/storage/mediabank/trud2_15-72.xls (дата обращения 10.05.2022).

ПРОБЛЕМАТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ИНСТРУМЕНТОВ ЦИФРОВОГО ПРОДВИЖЕНИЯ УСЛУГ ВЪЕЗДНОГО ТУРИЗМА В РОССИИ

Аннотация. В статье изучается динамика применения цифровых инструментов для продвижения и реализации продуктов и услуг российскими организациями. Гипотеза исследования базируется на вероятной эффективности параллельного использования инструментов цифрового продвижения применительно к услугам въездного туризма. Результаты исследования позволяют сделать вывод об актуальности методических разработок, нацеленных на отлаживание алгоритмов отбора и оценки эффективности инструментов цифрового продвижения в зависимости от контекста их применения.

Ключевые слова. Цифровое продвижение, Интернет-продвижение, Интернет-реклама, электронная коммерция, инструменты цифрового продвижения.

Kostryukova O.N., Ozimina L.A.

THE PROBLEMATICS OF APPLYING DIGITAL PROMOTION TOOLS FOR INBOUND TOURISM SERVICES OF RUSSIA

Abstract. The article examines the popularity and dynamics of the use of digital tools for the promotion and sale of products and services by Russian organizations. The hypothesis of the study is based on the problem of the effective parallel use of digital promotion tools applied to inbound tourism services. The results of the study show the need for methodological developments aimed at adjusting proper algorithms of selection and effectiveness evaluation for digital promotion tools depending on the context which these tools are applied to.

Keywords. Digital promotion, Internet promotion, Internet advertising, e-commerce, digital promotion tools.

Введение

За последние 20 лет цифровизация охватила практически все отрасли мировой экономики. Активно развивающиеся цифровые методы и инструменты продолжают глубже проникать во все существующие бизнес-процессы. Одной из наиболее успешно развивающихся областей применения цифровых технологий является продвижение продуктов и услуг различного характера и назначения. Ввиду большого разнообразия современных инструментов цифрового продвижения особого внимания требует вопрос о том, какие именно инструменты использовать в конкретной ситуации, как сделать их параллельное использование максимально эффективным и как отслеживать эту эффективность своевременно и всесторонне. Целью настоящей статьи является изучить проблематику выбора методов цифрового продвижения применительно к услугам въездного туризма России.

ГРНТИ 06.71.57

EDN PRXGLD

© Кострюкова О.Н., Озими́на Л.А., 2022

Оксана Николаевна Кострюкова – кандидат экономических наук, доцент, декан факультета сервиса, туризма и гостеприимства, заведующая кафедрой сервисной и конгрессно-выставочной деятельности Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Любовь Анатольевна Озими́на – аспирант, ассистент кафедры сервисной и конгрессно-выставочной деятельности Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Контактные данные для связи с авторами (Озими́на Л.А.): 191023, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 30-32 (Russia, St. Petersburg, Griboedov canal emb., 30-32). E-mail: ozimina.lyubov@gmail.com.

Статья поступила в редакцию 06.06.2022.

Методология статьи базируется на первичных и вторичных методах исследования. Изучение вторичных данных, таких как динамика интернет-продаж за рубеж, уровень использования интернета российскими организациями, объем рынка онлайн-рекламы и др., предоставило возможность актуализировать масштабы применения российскими организациями цифровых инструментов для продвижения и реализации продуктов и услуг. Изучение первичных данных осуществлялось посредством экспертного анкетирования, в рамках которого представителями целевой аудитории была представлена актуальная информация по специально сформулированным вопросам. Данный метод является особенно удобным для исследования каких-либо новых или низко-популярных для изучения аспектов в той или иной области знаний.

Динамика развития электронной коммерции и цифрового продвижения в России

Для оценки масштабов использования российскими организациями цифровых технологий в бизнесе, в частности в таком его аспекте, как продвижение продуктов и услуг, обратимся к данным статистических организаций и консалтинговых компаний. Прежде всего, важно подчеркнуть, что население России в целом очень активно пользуется как мобильным, так и стационарным интернетом, что закономерно является толчком для цифровизации бизнес процессов.

Согласно данным международного союза электросвязи, к 2020 году 89% российских пользователей обладали интернетом поколения 4G, который позволяет осуществлять передачу данных со скоростью до 1 Гбит/с для абонентов с низкой скоростью движения и до 100 Мбит/с для абонентов с высокой скоростью движения (например, в транспорте). При этом 72% населения сельских местностей и 83% городских жителей также пользовались домашним интернетом. Так, среднемесячный фиксированный стационарный интернет-трафик на одну домашнюю подписку составил 151 947 мегабит, а на мобильную подписку – 12 877 мегабит [8; 10].

Рассматривая динамику развития использования сети интернет в России, можно фиксировать уверенный и долгосрочный рост количества интернет-пользователей: согласно данным Всемирного банка, с 2010 до 2020 гг. процент населения, пользующегося интернетом, вырос на 36% [11]. Данный показатель гармонично перекликается с динамикой роста онлайн-торговли в России. Доля населения, совершающего покупки онлайн не реже одного раза в год увеличилась за период с 2013 по 2021 гг. с 10% до 52,4%. Аудитория интернет-торговли в 2021 году составила 70 млн человек, а число заказов – 2,6 млрд, что в 2,5 раза выше числа заказов, наблюдаемого в 2020 году. При этом стоит отметить, что доля покупок, сделанных с мобильных устройств, постоянно растет. Если в 2016 году менее 10% покупок совершались с мобильных устройств, то в 2021 году данный показатель превысил 60%. Совершая покупки с использованием мобильных устройств, люди чаще пользуются приложениями магазинов, а не их сайтами [5].

Официальные статистические данные России также демонстрируют уверенное перемещение российской торговли в онлайн среду, чему способствовало расширение возможностей ведения предпринимательской деятельности с использованием сети интернет и различные макроэкономические факторы, в частности пандемия Covid-19. По итогам 2020 года более 40% организаций размещали заказы на товары и услуги в сети интернет. Примерно 25% организаций получали заказы на выполняемые услуги или выпускаемые заказы через сеть интернет [1].

Учитывая пандемический фактор, способствующий развитию интернет-торговли после 2020 года, можно предполагать, что данные показатели покажут значительный рост по результатам 2021 и 2022 годов, так как пандемия Covid-19 стала одним из самых сильных толчков развития российской электронной коммерции, как в национальном, так и в международном масштабе. Например, согласно данным, предоставленным Ассоциацией компаний интернет-торговли (АКИТ), в 2021 году на российские трансграничные интернет-продажи пришлось около 478,6 млрд руб., что на 9% больше, чем в 2020 году. Всего по итогам года доля электронной коммерции составила 9,2% в общем объеме розничных продаж [2].

По данным другого источника, уровень электронных продаж России вырос более чем на четверть. Международное аналитическое агентство eMarketer в 2021 году присвоило России 3-е место в пятерке самых быстрорастущих рынков электронной коммерции, куда также включены Индия, Бразилия, Аргентина и Мексика. Согласно данным агентства, рост электронных продаж в России составил более 26% по сравнению с 2020 годом [9].

На фоне роста в России национальной и международной электронной коммерции вполне закономерно видеть активное развитие маркетинговой деятельности в целом и, в частности, в аспекте цифрового продвижения. В 2021 году общий рынок рекламы в России составил 578 млрд руб, что на 22% выше показателя 2020 года. Согласно данным Ассоциации коммуникационных агентств России (АКАР), объем рынка рекламы в 2021 году стал самым высоким за период с 2008 года. При этом рынок интернет-рекламы составляет более половины рекламного рынка в России, демонстрируя в последние годы стабильный рост: в 2021 году объем рынка интернет-рекламы России составил 313,8 млрд рублей. Рост рынка в 2021 году составил 24% по отношению к 2020 году и 29% по отношению к 2019 году. Также растет и доля рынка интернет-рекламы в общем объеме рекламного рынка: с 49% в 2019 году до 54% в 2021 году [6].

Некоторые эксперты ожидают, что 2022 году, на фоне ухода крупных зарубежных рекламодателей, объем рекламного рынка сократится на 40-60%. В Dentsu Russia отмечают, что локальные рекламодатели продолжают рекламироваться: для них сложившаяся ситуация предоставляет возможность нарастить долю рынка, пользуясь паузой в коммуникации со стороны иностранных игроков. Представители Media Direction Group ожидают, что в перспективе на рынке рекламы в России можно ожидать прихода новых рекламодателей из Китая, Индии, других стран Азиатского региона, а также появления «локализованных» брендов, которые будут создаваться компаниями, косвенно связанными с международными холдингами. Такая смена вектора может дать сильный толчок к быстрой переориентации и масштабированию отрасли интернет-рекламы в России [7].

Проблематика применения инструментов цифрового продвижения в России

Активное развитие электронной торговли закономерно находит отражение в методах цифрового продвижения продуктов и услуг. В условиях динамичного развития данной области одной из актуальных проблем является отлаживание процессов цифрового продвижения в условиях широкого многообразия доступных инструментов. Одним из аспектов такой проблемы выступает вопрос правильного выбора и комбинации этих инструментов в зависимости от ситуации применения, что непосредственно влияет на качество результатов кампаний по продвижению.

Для проверки данной гипотезы было проведено анкетирование, целью которого являлось подтверждение актуальности методических разработок в области алгоритмов отбора конкретных инструментов цифрового продвижения в зависимости от контекста их применения. Областью исследования выступила деятельность российских предприятий, оказывающих услуги въездного туризма с акцентом на индивидуальный туристский сервис. Для анкетирования была сформирована экспресс-выборка из 17 организаций. Респондентами выступали представители данных организаций, частично или полностью отвечающие за процессы цифрового продвижения услуг в компании.

Анкетирование включало два блока. В рамках первого блока стояла задача определить актуальность использования цифрового функционала в разрезе 12-ти цифровых каналов продвижения без детальной категоризации по доступным в рамках каждого канала методам и инструментам [4]: «Насколько активно Вы используете представленные цифровые каналы и / или методы для продвижения услуг Вашей организации?». Были рассмотрены следующие каналы / методы:

- #1: системы интернет-поиска (например, поисковая реклама в интернет-браузерах, SEO и др.);
- #2: сайты партнеров Вашей или смежной сферы деятельности (например, размещение рекламного баннера на сайте отеля-партнера и др.);
- #3: отраслевые сайты-агрегаторы (например, Tripster, Level-Travel и др.);
- #4: социальные сети (например, закупка рекламы в тематических группах, таргетированная реклама и др.);
- #5: видеохостинги (например, ведение собственного канала, платная реклама на платформе видеохостинга и др.);
- #6: рекламные сети модели CPM/CPC/CPA (например, myTarget, Taboola и др.);
- #7: e-mail маркетинг (например, использование специализированных сервисов, таких как SendPulse, Getresponse и др.);
- #8: интернет-справочники организаций (например, сайты агрегаторы отраслевых и общих тематик);
- #9: мобильные приложения (например, разработка собственного приложения, CPM/CPC реклама в чужих мобильных приложениях и др.);

#10: системы мгновенных обменов сообщений (например, рассылка в WhatsApp, разработка Telegram-ботов и др.);

#11: продвижение в сети Wi-Fi (например, при подключении пользователя к Wi-Fi в кафе, метрополитене и др.);

#12: сотовая связь (например, авто-прозвон, USSD запросы и др.).

Алгоритм обработки результатов анкетирования включал пять шагов:

- экспертная оценка по шкале от 1 до 6, где оценка «6» означает наиболее высокий положительный результат;
- определение веса, присвоенного экспертом каждому пункту относительно общего веса полной совокупности по всем пунктам;
- определение индекса значимости каждого пункта относительно совокупной оценки всех экспертов по всем пунктам;
- нормировка показателей в единый диапазон [0; 100];
- итоговая разбивка пунктов по трем категориям на основании установленных шкал, где: [65; 100] – высокая актуальность / частота использования каналов / методов цифрового продвижения; [30; 65) – средняя актуальность / частота использования каналов / методов цифрового продвижения; [0; 30) – низкая актуальность / частота использования каналов / методов цифрового продвижения.

Обработанные результаты первого блока анкетирования представлены в таблице 1. Для лучшей наглядности, пункты с высокими и средними показателями выделены заливкой.

Таблица 1

Результаты анкетирования, Блок № 1

Канал / методы	#1	#2	#3	#4	#5	#6	#7	#8	#9	#10	#11	#12
Актуальность	выс	низк	низк	выс	низк	низк	средн	низк	низк	средн	низк	низк

К наиболее популярным каналам и методам цифрового продвижения опрошенные респонденты относят в первую очередь системы интернет-поиска (#1) и социальные сети (#4), где значение актуальности и частоты использования находится в диапазоне от 65% до 100%. E-mail маркетинг (#7) и системы мгновенных обменов сообщениями (#10) составили следующие по популярности позиции, располагаясь в диапазоне от 30% до 64%. Оставшиеся пункты располагаются в диапазоне от 0% до 22%, играя в системе цифрового продвижения опрошенных организаций второстепенную роль на фоне более привычных и популярных инструментов, которые для большинства современных рекламодателей более привычны, и на которые ложится основная нагрузка по привлечению покупателей через цифровые каналы.

В рамках второго этапа анкетирования стояла задача подтвердить или опровергнуть предположение об актуальности разработок в области алгоритмов отбора инструментов цифрового продвижения в зависимости от ситуации их применения. В каждом вопросе оценка присваивалась отдельным элементам коммуникационного микса, на который было предложено опираться как на одну из базовых концепций теоретических основ продвижения [3].

Элементы коммуникационного микса включают следующее: реклама; стимулирование сбыта; связи с общественностью; прямой маркетинг; личные продажи. Здесь каждому респонденту также было предложено проставить оценку по шкале от 1 до 6, где оценка «6» означает наиболее высокий результат. Оценки проставлялись по каждому элементу коммуникационного микса в следующих вопросах:

#1: при возникновении сложности с выбором инструментов цифрового продвижения насколько часто Вы опираетесь на какие-либо научные методики и алгоритмы (представленные в научных статьях, исследованиях и т.п.)?

#2: при возникновении сложности с выбором инструментов цифрового продвижения насколько часто Вы опираетесь на опыт специалистов в Вашей или смежных индустриях?

#3: насколько часто Вы обращаетесь к внешним специалистам для ведения Ваших кампаний по цифровому продвижению и/или разработки методик и алгоритмов по эффективному выбору и использованию методов цифрового продвижения Ваших услуг?

#4: насколько часто Вы самостоятельно разрабатываете методики и алгоритмы по выбору методов цифрового продвижения?

#5: насколько часто возникают сложности с выбором канала цифрового продвижения при запуске новой кампании? (Канал цифрового продвижения – ресурс, через который осуществляется коммуникация между продавцом и целевой аудиторией посредством цифровых носителей информации (например, web-сайт, социальная сеть, мессенджер и др.).)

#6: насколько часто возникают сложности с выбором метода цифрового продвижения при запуске новой кампании (например, контентный SEO, контекстная реклама)? (Метод цифрового продвижения – способ формирования и передачи информации между продавцом и целевой аудиторией посредством цифровых носителей информации (например, таргетированная реклама, e-mail рассылка и др.).)

#7: насколько успешно, по Вашему мнению, научный алгоритм выбора каналов и методов цифрового продвижения мог бы улучшить показатели Ваших кампаний?

Для обработки результатов второго блока анкетирования был применен такой же алгоритм оценки и математической обработки результатов, как и для первого блока. Оценка была произведена относительно указанных элементов коммуникационного микса. Разбивка по трем категориям происходила также на основании установленных ранее шкал. Обработанные результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2

Результаты анкетирования, Блок № 2

Пункт	Реклама	Стимулирование сбыта	Связи с общественностью	Прямой маркетинг	Личные продажи
#1	выс	средн	низк	выс	средн
#2	выс	низк	низк	низк	средн
#3	выс	низк	низк	средн	средн
#4	низк	низк	средн	низк	выс
#5	выс	средн	низк	низк	низк
#6	выс	низк	низк	низк	низк
#7	выс	низк	низк	средн	низк

По результатам анкетирования актуальность разработки решений в области выбора и оценки эффективности инструментов цифрового продвижения услуг въездного туризма России сконцентрирована наибольшим образом в коммуникационном элементе «Реклама», где высокое значение представлено в каждом изучаемом пункте за исключением пункта #4, который отражает частоту самостоятельной разработки методик и алгоритмов цифрового продвижения услуг организации, при том как этот пункт представляет высокую актуальность в аспекте личных продаж. Наименьший вес актуальности отражен в коммуникационном элементе «Связи с общественностью», где нормированное весовое значение почти по всем пунктам составляет менее 30%, кроме пункта #1, который отражает актуальность обращения к существующим научным методикам и алгоритмам.

Заключение

В статье изучена динамика применения инструментов цифрового продвижения российскими организациями, а также обозначена проблематика параллельного использования этих инструментов при их большом многообразии и разнородной природе функционирования. Было определено, что Россия активно развивается в области реализации и продвижения продуктов и услуг через цифровые каналы коммуникации. Об этом свидетельствует активный интернет-трафик российских пользователей как мобильного, так и стационарного формата, а также более чем двукратный рост интернет-заказов за последние два года при значительном перевесе покупок с использованием мобильных устройств.

По данным различных источников, рост рынка интернет-торговли в России в 2021 году варьируется от 9% до 26% по отношению к предыдущему году. Динамика электронной коммерции закономерно отражается на объемах рынка российской интернет-рекламы, рост которого в 2021 году составил 24% по отношению к 2020 году, а удельный вес интернет-рекламы в общем объеме рекламного рынка в 2021 году достиг 54%. При этом вероятность географической переориентации рынка в текущих реалиях может послужить толчком к новому витку развития отрасли интернет-рекламы.

Посредством экспертных оценок была актуализирована проблематика отлаживания системы цифрового продвижения туристских услуг в условиях широкого многообразия доступных в этой области инструментов. Результаты анкетирования позволяют сделать вывод об актуальности методических разработок в области алгоритмов отбора конкретных инструментов цифрового продвижения в зависимости от контекста их применения.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Мониторинг развития информационного общества в Российской Федерации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/statistics/infocommunity> (дата обращения 04.06.2022).
2. Объем интернет-торговли в 2021 году составил 3,6 трлн рублей. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/5217077> (дата обращения 03.06.2022).
3. *Озимица Л.А., Кострюкова О.Н.* Цифровая трансформация мирового туризма: теоретический аспект цифрового продвижения // Вестник национальной академии туризма. 2019. № 3 (51). С. 24-27.
4. *Озимица Л.А.* Цифровые каналы и методы продвижение комплексных туристских услуг // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2019. № 2 (116). С. 146-151.
5. Развитие онлайн-торговли в России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://yandex.ru/company/researches/2021/ecomdash> (дата обращения 03.06.2021).
6. Реклама опасается прогнозов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/5259345> (дата обращения 03.06.2022).
7. Рекламный рынок России в 2022 году сокращается из-за геополитической ситуации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/media/articles/2022/03/16/913842-spetsoperatsii-ukraine-reklamnoi> (дата обращения 02.06.2022).
8. 4G Сети. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://iot.ru/wiki/4g> (дата обращения 01.06.2022).
9. Digital Advertising Trends Report. Smaato, Inc, 2021. 10 p.
10. Digital Development Dashboard. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Dashboards/Pages/Digital-Development.aspx> (дата обращения 02.06.2022).
11. Individuals using the Internet (% of population) – Russian Federation. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://data.worldbank.org/indicator/IT.NET.USER.ZS?end=2020&locations=RU&start=1990&view=chart> (дата обращения 01.06.2022).

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ ПЕРСОНИФИЦИРОВАННОГО ПОДХОДА К УПРАВЛЕНИЮ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РАБОТНИКОВ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Аннотация. *Статья посвящена теоретическому обоснованию и эмпирическому исследованию влияния персонализированного подхода к управлению на эффективность деятельности работников производственных предприятий: рабочих, операторов, руководителей и специалистов. Повышение производительности и эффективности труда особенно актуально на фоне сокращения численности экономически активного населения в России. По данным Организации экономического сотрудничества и развития, производительность 1 чел.-часа работы в России за 2020 год составляет 33 доллара США, в Германии – 76, в Соединенных Штатах Америки – 80, во Франции – 79 долларов США. Несмотря на повышение производительности труда в России за последние 25 лет, ее уровень остается значительно ниже, чем в экономически развитых странах. Одним из главных резервов роста производительности и эффективности труда является планомерное систематическое совершенствование трудовой деятельности работников производственных предприятий. Однако на практике собственники и руководители российских предприятий сталкиваются с проблемами низкой вовлеченности работников, несогласованности и отсутствия интереса работников к повышению эффективности своей деятельности. В работе на основе анализа имеющихся подходов в отечественной и зарубежной литературе теоретически обоснованы и представлены результаты эмпирического исследования влияния персонализированного подхода к управлению на эффективность деятельности персонала.*

Ключевые слова. *Персонализированное управление работниками, персонализированный подход к управлению работниками, влияние персонализированного подхода на эффективность деятельности работников.*

Nikolaev N.A.

INVESTIGATION OF THE INFLUENCE OF A PERSONALIZED APPROACH TO MANAGEMENT ON THE EFFICIENCY OF EMPLOYEES OF INDUSTRIAL ENTERPRISES

Abstract. *The article is devoted to the theoretical substantiation and empirical study of the influence of a personalized approach to management on the efficiency of the work of employees of industrial enterprises: assemblers, welders, managers and specialists. Increasing productivity and labor efficiency is especially important against the background of a reduction in the economically active population in Russia. According to the Organization for Economic Cooperation and Development, the productivity of 1 man-hour of work in Russia for 2020 is 33 USD, in Germany 76 USD, in the United States of America 80 USD, in France 79 USD. Despite the increase in labor productivity in Russia over the past 25 years, its level remains significantly lower than in economically developed countries. One of the main reserves for the growth of productivity and labor efficiency at Russian enterprises is its systematic improvement of the labor activity of employees of manufacturing enterprises. However, in practice, the owners and managers of Russian enterprises face the problems of low involvement of employees, inconsistency and lack of interest of employees in improving the efficiency of their activities.*

ГРНТИ 06.77.02

EDN RMMMSP

© Николаев Н.А., 2022

Николай Алексеевич Николаев – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики труда и управления персоналом Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург).

Контактные данные для связи с автором: 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, 62/45 (Russia, Yekaterinburg, 8 March / Narodnaya Volya str., 62/45). Тел.: +7 902 273 4896. E-mail: wagner83@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 20.05.2022.

Based on the analysis of existing approaches in domestic and foreign literature, the paper theoretically substantiates and presents the results of an empirical study of the influence of a personalized approach to management based on values, interests of employees on the effectiveness of personnel activities.

Keywords. *Personalized employee management, personalized approach to employee management, the impact of a personalized approach on the efficiency of employees.*

Введение

Конкуренция закономерно стимулирует собственников и руководителей организаций искать способы получения и сохранения устойчивых конкурентных преимуществ. Повышение конкурентоспособности производимых товаров, услуг требует от руководителей формирования, сохранения и развития высоко мотивированного, квалифицированного и продуктивного персонала, организации деятельности, направленной на систематическое повышение эффективности бизнес-процессов и трудовой деятельности отдельных работников. Вместе с тем, подходы к управлению персоналом исторически и стихийно сложившиеся на российских предприятиях, не позволяют решить проблему формирования персонала, инициативно, систематически занимающегося повышением эффективности бизнес-процессов, производственных процессов и собственной трудовой деятельности.

Создание рабочих групп, направленных на совершенствование деятельности организации, премирование за рационализаторские предложения, наделение персонала правами собственности, программы участия работников в распределении прибыли без индивидуального подхода к конкретным работникам на основе их персональных ценностей, интересов, мотивов труда не позволяет полноценно раскрыть трудовой потенциал каждого человека, использовать его для повышения эффективности деятельности организации, роста собственного благосостояния и удовлетворенности трудом. На наш взгляд, необходим персонифицированный подход, основанный на управлении индивидуальными ценностями, интересами, мотивами труда работников, согласовании целей, задач повышения эффективности деятельности с учетом профессиональных, личностных качеств, социально-психологических особенностей сотрудников.

В научно-методической литературе представлено множество трудов, посвященных различным аспектам персонифицированного управления работниками: отбора, введения в должность, обучения, мотивации и стимулирования, нормирования труда. Однако в результате изучения современной научной и зарубежной литературы нам не удалось обнаружить исследований влияния персонифицированного подхода к управлению на эффективность деятельности работников производственных предприятий. Отсутствуют исследования, раскрывающие механизм влияния персонифицированного подхода к управлению на эффективность деятельности работников, а также эмпирическое подтверждение или опровержение этого влияния.

Это определяет актуальность задачи теоретического и эмпирического исследования влияния персонифицированного подхода на эффективность деятельности работников производственных предприятий. Цель работы – эмпирическое исследование влияния персонифицированного подхода к управлению на эффективность деятельности работников производственных предприятий. Объект исследования – управление эффективностью деятельности работников производственных предприятий. Предмет исследования – управление эффективностью деятельности работников производственных предприятий на основе персонифицированного подхода. Гипотеза исследования – применение персонифицированного подхода к управлению закономерно приводит к повышению эффективности деятельности работников производственных предприятий.

Теоретическая основа исследования

Для определения научно-практической актуальности исследования нами был проведен анализ соответствия содержания работ, представленных в современных публикациях, целям нашего исследования. Так, вопросам персонифицированной мотивации и стимулирования персонала посвящены труды Кошелевой М.Д. [1], Парфенова А.Г. [2], Andrew O.C., Sofian S. [3]. Вместе с тем, в представленных работах отсутствуют исследования влияния использования персонифицированного подхода на эффективность труда работников, не раскрывается механизм влияния персонифицированного стимулирования работников на формирование мотивации к систематическому повышению эффективности деятельности работников и бизнес-процессов. Пробелом в знаниях остаются методы оценки уровня мотивации к повышению эффективности деятельности персонала, бизнес-процессов и организации в целом.

Проблемам персонифицированного управления ценностями, культурой работников посвящены труды Басаева Б.Б., Фиапшева А.Б., Фиапшевой А.А. [4], Белкина В.Н. [5], однако в изученных работах нам не удалось обнаружить методов оценки соответствия ценностей, интересов работников целям организации систематического повышения эффективности деятельности персонала. Новые методы персонифицированного управления удовлетворенностью работников рассматриваются в работах Пономаревой О.Я. [6], Вае К.В. [7], Lawler E.E., Porter L.W. [8], Petty M.M., McGee G.W., Cavender J.W. [9]. Анализ этих работ позволил определить, что в настоящий момент отсутствуют методы планирования, согласования и оценки удовлетворенности интересов работников за счет реализации планов совершенствования деятельности персонала и организации.

Персонифицированное управление социально-трудовыми отношениями работодателя и работников, использование персональных трудовых договоров и психологических контрактов рассматривается в трудах Немовой А.Ю. [10], Неустровой Я.Р. [11], Полещук М.Н. [12], Самсоновой Л.Г. [13] и других авторов. Вместе с тем, нам не удалось обнаружить работ, раскрывающих механизм влияния персонифицированного управления социально-трудовыми отношениями работодателя и работников на эффективность деятельности персонала. Анализ современных отечественных и зарубежных работ позволяет нам сделать вывод, что исследование влияния персонифицированного подхода к управлению на эффективность деятельности работников производственных предприятий является актуальной научно-практической задачей.

Теоретическое обоснование влияния персонифицированного подхода к управлению на эффективность деятельности работников

Под персонифицированным подходом к управлению нами понимается воздействие руководителя (или иного субъекта управления) на работника (объект управления) на основе его индивидуальных ценностей, интересов, профессиональных и личностных особенностей для систематического повышения эффективности деятельности. Управление эффективностью деятельности работников рассматривается нами в соответствии со следующей схемой:

1. Декомпозиция деятельности предприятия на бизнес-процессы, производственные и трудовые процессы. Выбор процесса для повышения эффективности.
 2. Определение и согласование целей, интересов работников в отношении целей.
 3. Декомпозиция целей на задачи, согласование задач, алгоритмов, ресурсов, необходимых для их решения, зон ответственности и полномочий.
 4. Управление трудовой деятельностью работников, включающее функции: мотивации и стимулирования, планирования, организации и координации, контроля.
 5. Оценка результатов труда, вознаграждение и управление удовлетворенностью работников.
- Рассмотрим далее эти элементы более детально.

На этапе декомпозиции деятельности предприятия на бизнес-процессы, производственные и трудовые процессы проводится выбор процесса для повышения эффективности. В соответствии с целями, стратегией развития предприятия руководители и специалисты предприятия, ответственные за проектирование бизнес-процессов, проводят декомпозицию деятельности предприятия на основные, вспомогательные и управленческие бизнес-процессы. Выбираются ключевые, с точки зрения достижения целей и обеспечения конкурентоспособности предприятия, бизнес-процессы. Например, процессы экскавации и перемещения горной массы для угледобывающих предприятий, процессы сборки, монтажа и пуско-наладки для производственных предприятий и т.д.

На этапе определения и согласования целей, интересов работников в отношении целей повышения эффективности деятельности, проводится опрос и выбор работников для участия в совершенствовании деятельности. Критерием отбора работников для участия являются персональные интересы или мотивы к повышению эффективности, интересы к внедрению методов научной организации труда, систем автоматизации, нового оборудования, повышению квалификации, саморазвитию и иные интересы, направленные на совершенствование собственной трудовой деятельности и деятельности подразделения или организации в целом.

Персонифицированное взаимодействие между руководителем и работниками позволяет согласовать интересы, отношение работника к целям повышения эффективности. В ходе согласования руководитель может предложить стимулы, наиболее полноценно удовлетворяющие ключевые интересы работников. В результате персонифицированного согласования интересов, стимулов, повышается доля работников, у которых формируется мотивация к достижению целей организации. Таким образом, пер-

сонифицированный подход к управлению повышает понимание, согласованность интересов между руководителем и работником и, как следствие, это позволяет наиболее точно определить систему стимулов, формирующих необходимый уровень мотивации работников к достижению целей повышения эффективности деятельности.

На этапе декомпозиции целей на задачи, согласования задач, алгоритмов, ресурсов, необходимых для их решения, зон ответственности и полномочий выполняется следующее. Для достижения цели руководитель совместно с wybranными работниками проводят ее декомпозицию на составляющие задачи, определяет алгоритмы их решения, количество и качество трудовых, финансовых и материальных ресурсов, зоны ответственности и полномочий. Схема к определению и согласованию ключевых характеристик продуктивного сотрудничества представлена на рисунке 1.

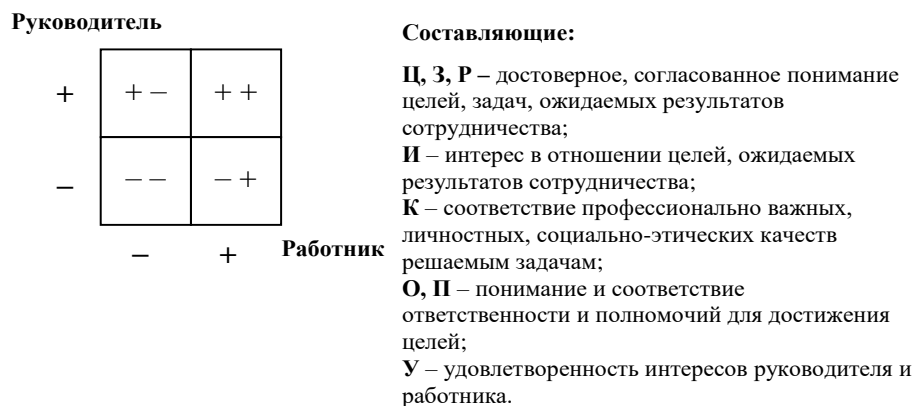
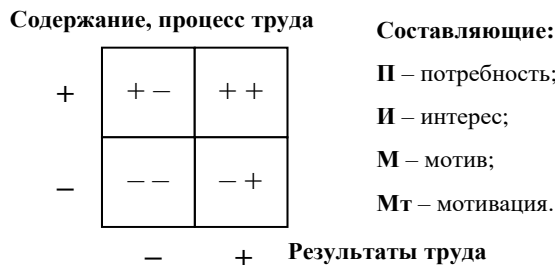

Рис. 1. Схема к определению и согласованию характеристик сотрудничества, направленного на повышение эффективности деятельности работников

Наибольшая результативность, удовлетворенность сотрудничеством будет достигаться, когда характеристики находятся в правом верхнем квадранте: сотрудники имеют достоверное, согласованное понимание, интерес к достижению целей, понимают ожидаемые результаты, профессиональные и личностные качества соответствуют трудовым функциям, решаемым задачам.

Следующий этап – управление трудовой деятельностью работников, включающее функции: мотивации и стимулирования, планирования, организации и координации, контроля. При использовании персонифицированного подхода руководитель определяет преобладающие интересы работника, актуализируя которые он может сформировать у него целенаправленную, устойчивую мотивацию, предлагает соответствующие им стимулы и условия труда. Потребности, интересы, мотивы работников можно разделить на два основных вида: обусловленные процессом, содержанием труда и стимулами за результаты труда (см. рисунок 2).

+ у работника сильная, устойчивая потребность, интерес, мотив, мотивация к труду или получению стимулов за результаты труда;

- у работника слабая, неустойчивая потребность, интерес, мотив, мотивации к труду или получению стимулов за результаты труда.

Рис. 2. Схема к оценке потребностей, интересов, мотивов, мотивации труда работника

Наиболее высокая и устойчивая мотивация к труду будет наблюдаться, когда работник высоко мотивирован как содержанием труда, так и получением стимулов за его результаты. Работники данного типа мотивации увлеченно трудятся над решением поставленных задач и достижением целей, получение материальных и нематериальных стимулов за результаты труда является сильным мотивом и необходимым условием труда. Персонализированный подход к планированию труда предполагает индивидуальное согласование целей, задач, алгоритмов их решения, сроков, зоны полномочий и ответственности. Планы корректируются с учетом способностей и возможностей работника. Согласование плана предполагает внутреннее согласие работника, а значит – соотнесение предлагаемого плана с возможностями. Поэтому повышается вероятность своевременного и качественного выполнения плана.

Заключительный этап – оценка результатов труда, вознаграждение и управление удовлетворенностью работников. Персонализированная оценка результатов труда заключается в сравнении их с нормативными, принятыми на предприятии, но с учетом индивидуальных профессиональных и личностных особенностей работника, а также сложившихся условий, которые влияют на эффективность его деятельности. Это позволяет достичь большей объективности и справедливости оценки, а также выработать персональные мероприятия по повышению эффективности деятельности работника.

Персонализированное определение факторов удовлетворенности посредством анкетирования или опроса в ходе собеседования позволяет обоснованно разрабатывать, согласовывать и осуществлять управленческие воздействия, направленные на повышение индивидуальной удовлетворенности трудом в организации. Повышение удовлетворенности при использовании гибкой системы управления подтверждается исследованиями многих отечественных и зарубежных ученых [6, 7]. Раскрытие сущности персонализированного подхода теоретически обосновывает гипотезу о том, что применение персонализированного подхода повышает вероятность достижения целей повышения эффективности деятельности работника.

Эмпирическое исследование влияния персонализированного подхода на эффективность деятельности работников

С целью эмпирического подтверждения исследуемой зависимости нами было проведено исследование влияния показателя персонализации на результативность управления и эффективность деятельности работников. Показатель персонализации управления рассчитывается по формуле:

$$P_{\text{перс.упр.}} = \sum (P_{\text{перс.кач.упр.}i} \times P_{\text{перс.кол.упр.}i}) / N,$$

где $P_{\text{перс.кач.упр.}i}$ – показатель качественной характеристики персонализации по i -й функции управления; $P_{\text{перс.кол.упр.}i}$ – показатель количественной характеристики персонализации по i -й функции управления; N – количество функций управления, оцениваемых в рамках управленческой деятельности руководителя.

Критерием оценки результативности является степень достижения целей управления работником, выраженных в качественных или количественных показателях:

$$P_{\text{уп.перс.}} = N_{\text{факт.}} / N_{\text{цел.}},$$

где $N_{\text{факт.}}$ – фактические характеристики управления деятельностью работника (мотивация, производительность труда и т.д.), ед.; $N_{\text{цел.}}$ – характеристики управления деятельностью работника, принимаемые в качестве цели, ед.

Исследование проводилось с использованием методов математической статистики путем сравнительного анализа показателей персонализации и результативности управления работниками. Отбор работников проводился с помощью метода «гнездовой выборки», согласно которому отбирались все работники малых предприятий, а также все работники исследуемых подразделений крупных предприятий. В исследовании приняли участие 287 работников трех малых и двух крупных предприятий Свердловской, Челябинской областей, Красноярского края (см. рис. 3).

Установлено, что повышение уровня персонализации линейно приводит к росту результативности управления работниками. Установленная зависимость носит статистический характер. Теоретический и практический интерес представляет также рассмотрение зависимости результативности и эффективности деятельности работников при переходе к персонализированному управлению в соответствии с разработанной концепцией. Показатель результативности деятельности работника рассчитывается по формуле:

$$RT = RT_{\text{факт.}} / RT_{\text{цел.}},$$

где $RT_{\text{факт.}}$ – фактические результаты деятельности работника (степень достижения результата) за определенный период трудовой деятельности (день, неделя, месяц); $RT_{\text{цел.}}$ – целевые результаты деятельности работника, определенные и согласованные с руководителем на определенный период трудовой деятельности с учетом квалификации, условий, режима труда работника и других прогнозных факторов.

Под эффективностью деятельности работника мы понимаем отношение результатов к затратам на их достижение. В качестве результатов деятельности принимается потребительская ценность результатов труда работника. А в качестве затрат – затраты живого и овеществленного труда для получения результатов. Эффективность деятельности работника выражается формулой:

$$\mathcal{E}_{\text{перс.цел.}} = \sum \text{ЦРТ} / (\mathcal{Z}_{\text{ж.труд.}} + \mathcal{Z}_{\text{ов.труд.}}),$$

где $\sum \text{ЦРТ}$ – суммарная потребительская ценность результатов деятельности работника (благ), выраженная в денежной форме, руб., она определяется рыночным путем в соответствии с теорией предельной полезности; $\mathcal{Z}_{\text{ж.труд.}}$ – затраты живого труда на создание потребительской ценности, чел.-ч. или в денежном выражении цены рабочей силы, руб.; $\mathcal{Z}_{\text{ов.труд.}}$ – затраты овеществленного труда на создание потребительской ценности, руб., затраты овеществленного труда включают в себя все затраты на средства производства: орудия и предметы труда (затраты на материалы, электроэнергию, амортизацию основных средств и т.д.).

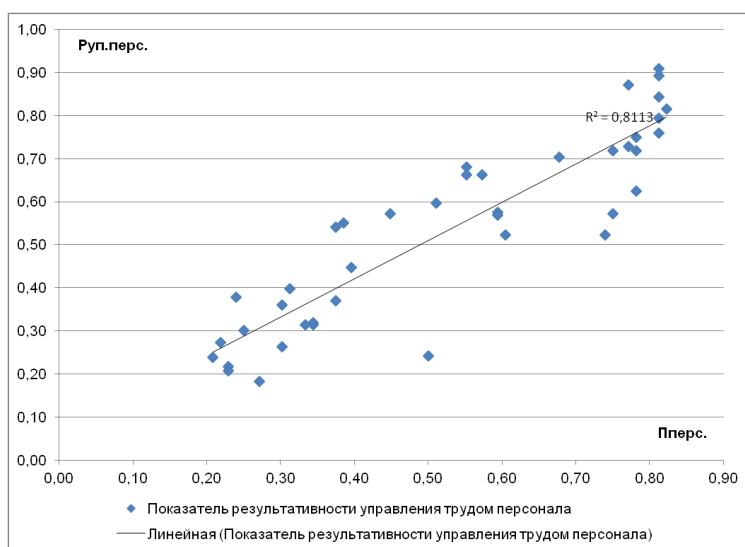

Рис. 3. Зависимость результативности от уровня персонализации управления работниками

В исследовании приняли участие следующие категории работников: руководители и специалисты предприятий, подразделений. Рабочие и операторы: монтажники, сварщики, кладовщики, грузчики и продавцы. Показатели эффективности и результативности деятельности работников до и в результате использования персонализированного подхода к управлению представлены на рисунках 4, 5.

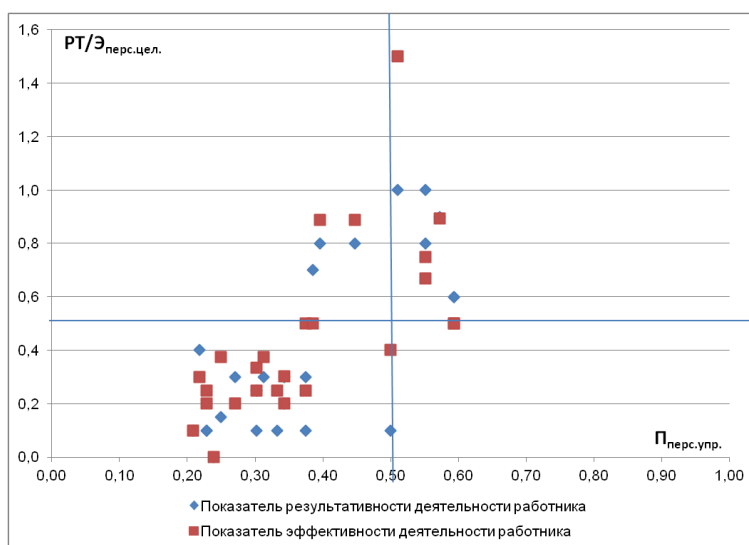

Рис. 4. Показатели эффективности и результативности деятельности работников до перехода к концепции персонализированного управления

Применение персонифицированного подхода к управлению позволило повысить эффективность деятельности преобладающего большинства работников. Теоретически это объясняется тем, что персонифицированный выбор работников, оценка соответствия профессиональных и личностных качества целям и задачам, выполняемым трудовым функциям, а также мотивация и стимулирование, планирование, организация, контроль деятельности, вознаграждение за достигнутые результаты приводит к повышению результативности и эффективности их деятельности. На наш взгляд, установленные эмпирические зависимости являются проявлением закономерности влияния персонифицированного подхода на повышение эффективности деятельности работников.

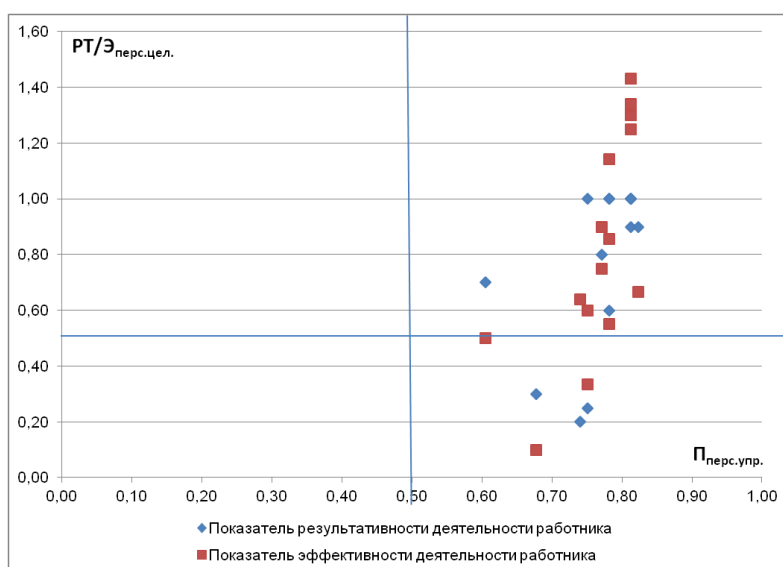

Рис. 5. Показатели эффективности и результативности деятельности работников при переходе к концепции персонифицированного управления

Заключение

Проведенные теоретические и эмпирические исследования позволяют сделать вывод, что переход к концепции персонифицированного управления на основе индивидуальных интересов, профессиональных и личностных особенностей работников закономерно повышает результативность управления и эффективность деятельности персонала. Апробация разработанных положений на малых и крупных предприятиях позволила значительно повысить показатели результативности управления и эффективности деятельности работников. Перспективным направлением дальнейших исследований представляется разработка методов совершенствования системы управления персоналом для применения персонифицированного подхода в основных функциях управления работниками: отбор, обучение, социальное развитие, управление корпоративной культурой и других.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Кошелева М.Д. Индивидуальный подход к работнику в системе мотивации персонала // Наука на рубеже тысячелетий. 2019. № 12. С. 77-82.
2. Парфенов А.Г. Индивидуальный подход к мотивации персонала в условиях кризисных явлений в экономике // Экономика и региональное управление: сборник статей международной научно-практической конференции, Брянск, 06–07 декабря 2017 года. Брянск: Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, 2017. С. 780-784.
3. Andrew O.C., Sofian S. Индивидуальные факторы и результаты работы по вовлечению сотрудников // Социальные и поведенческие науки. 2012. № 40. С. 498-508.
4. Басаев Б.Б., Фиатишев А.Б., Фиатишева А.А. Корпоративная культура и ее развитие в аспекте согласования организационных и индивидуальных ценностей // Известия Горского государственного аграрного университета. 2015. Т. 52. № 3. С. 217-224.

5. *Белкин В.Н.* Теория человеческого капитала предприятия. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2012. 400 с.
6. *Пономарева О.Я., Зверева С.Ф., Карпова Н.И.* Управление удовлетворенностью трудом сотрудников посредством гибкой системы стимулирования // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2018. № 10. С. 56-63.
7. *Вае К.В.* Различное влияние индивидуальной и групповой оплаты труда на удовлетворенность сотрудников: роль воспринимаемой справедливости оценок эффективности // Обзор государственного управления. 2021. С. 1-19.
8. *Lawler E.E., Porter L.W.* Влияние производительности на удовлетворенность работой // Производственные отношения. 1967. Том 7.
9. *Petty M.M., McGee G.W., Cavender J.W.* Метаанализ взаимосвязи между индивидуальной удовлетворенностью работой и индивидуальной производительностью // Обзор Академии менеджмента. 1984. № 9 (4). С. 712-721.
10. *Немова А.Ю., Шорохова А.И.* Психологический контракт как метод мотивации персонала и психологическая основа взаимоотношений между работником и работодателем // Теория и практика управления: ответы на вызовы цифровой экономики: материалы X международной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых, Москва, 06 декабря 2019 года. М.: Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, 2019. С. 282-284.
11. *Неустроева Я.Р.* Организация индивидуального планирования развития работников и внедрение принципов КРІ для качественного управления персоналом // Экономическая наука сегодня: теория и практика: сборник материалов VIII международной научно-практической конференции, Чебоксары, 29 декабря 2017 года. Чебоксары: Интерактив плюс, 2017. С. 122-123.
12. *Полещук М.Н.* Управление социально-трудовыми отношениями инновационных групп угледобывающего предприятия: автореферат дис. ... канд. экон. наук. Челябинск, 2009. 24 с.
13. *Самсонова Л.Г.* Организация индивидуального планирования работников и внедрение принципов КРІ для качественной работы управления персоналом // Актуальные направления научных исследований: перспективы развития: сборник материалов IV международной научно-практической конференции, Чебоксары, 10 декабря 2017 года. Чебоксары: Интерактив плюс, 2017. С. 247-248.
14. *Zhang Y., Ding X.* Исследование взаимосвязи между персонализированным соглашением и эффективностью работы // Международный симпозиум по социальным наукам и управленческим инновациям (SSMI 2018). Atlantis Press, 2019. С. 475-480.

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ВЫПОЛНЕНИЯ ЛОГИСТИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ МАРКЕТПЛЕЙСОВ

Аннотация. В статье описаны основные логистические операции маркетплейсов, показана схема движения материальных потоков, определены основные группы показателей эффективности выполнения логистических операций на примере маркетплейса Ozon.

Ключевые слова. Логистика, маркетплейс, логистическая инфраструктура, логистическая операция, фулфилмент.

Loktionova E. V.

EFFICIENCY OF LOGISTICS OPERATIONS OF MARKETPLACES

Abstract. The article describes the main logistics operations of marketplaces, shows the flow pattern of material flows, identifies the main groups of performance indicators of logistics operations on the example of the Ozon marketplace.

Keywords. Logistics, marketplace, logistics infrastructure, logistics operation, fulfillment.

Введение

Пандемия и связанные с ней ограничения, развитие мобильного интернета, распространение и популяризация мобильных приложений, с одной стороны, снижение покупательской способности – с другой, способствовали росту онлайн-продаж. Активно развивается срочная доставка, а также различные виды плановой доставки точно в срок. В таких условиях маркетплейсы неизбежно начали процесс интенсивного развития. Маркетплейсы – это электронные торговые ряды, на которых происходит взаимодействие продавца и покупателя, как правило, физического лица [3, с. 39]. Таким образом, основной сегмент в котором маркетплейсы развиты больше всего – B2C.

Информационная система маркетплейса устроена таким образом, что позволяет пройти весь цикл заключения сделки (поиск и выбор товаров, оформление заказа, оплата и т.д.) на одном сайте или в приложении, не переходя на другие ресурсы. Маркетплейс как система состоит из двух основных подсистем: информационной и логистической [2, с. 113]. Рассмотрим в данной статье логистическую подсистему маркетплейса (основные субъекты, операции и показатели эффективности работы) на примере маркетплейса Ozon.

Логистические операции маркетплейса

Основными субъектами маркетплейса являются: поставщик (селлер) – коммерческая организация, индивидуальный предприниматель или самозанятый гражданин РФ, поставляющие товар, находящийся в их собственности, для продажи на маркетплейсе; маркетплейс – владелец агрегатора информации о товарах, на котором размещаются адресованные покупателям предложения о заключении договора

ГРНТИ 06.81.55

EDN RQHNMV

© Локтионова Е.В., 2022

Елена Викторовна Локтионова – кандидат экономических наук, доцент кафедры логистики и управления цепями поставок Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Контактные данные для связи с автором: 191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21 (Russia, St. Petersburg, Sadovaya str., 21). Тел.: 8 (812) 500-43-03. E-mail: loktionova13@gmail.com.

Статья поступила в редакцию 22.07.2022.

купли-продажи товаров, принадлежащих поставщику; покупатели – физические лица, приобретающие товары поставщика на сайте или в приложении маркетплейса; сторонние организации, участвующие в процессе перемещения товарного потока от поставщика через маркетплейс к конечному покупателю (постаматы, курьерские службы и т.д.) [4, с. 37].

С точки зрения организации логистических процессов, маркетплейсы, в частности Ozon, работают с поставщиками тремя способами:

- RealFBS (real fulfillment by seller) – поставщик маркетплейса полностью самостоятельно выполняет все логистические операции (хранение товаров, сборка заказа, упаковка и маркировка, доставка покупателям). Такая система работает только в границах одного города и редко используется поставщиками;
- FBS (fulfillment by seller) – поставщик выполняет часть логистических операций (хранение товаров, сборка заказа, упаковка, маркировка и доставка до пункта прима заказов). Остальные логистические операции (доставка заказа до покупателя, работа с возвратами и т.д.) выполняются маркетплейсом;
- FBO (fulfillment by Ozon) – маркетплейс берет на себя выполнение всех логистических операций по хранению товаров, сборке заказов и доставке их до покупателей, выступая при этом как фулфилмент-центр [3, с. 19].

Распределение логистических операций по субъектам в зависимости от системы работы представлено в таблице. Схема движения материального потока через маркетплейс при работе по системам FBS и FBO представлена на рис. 1.

Таблица

Основные логистические операции в зависимости от выполняющих их субъектов

Логистические операции	RealFBS	FBS	FBO
хранение товаров	поставщик	поставщик	маркетплейс
управление запасами	поставщик	поставщик	поставщик
упаковка и маркировка товара	поставщик	поставщик	поставщик
обработка и сборка заказа	поставщик	поставщик	маркетплейс
упаковка и маркировка заказов	поставщик	поставщик	маркетплейс
доставка заказа до покупателя	поставщик	маркетплейс	маркетплейс
прием возвратов от покупателей	маркетплейс	маркетплейс	маркетплейс

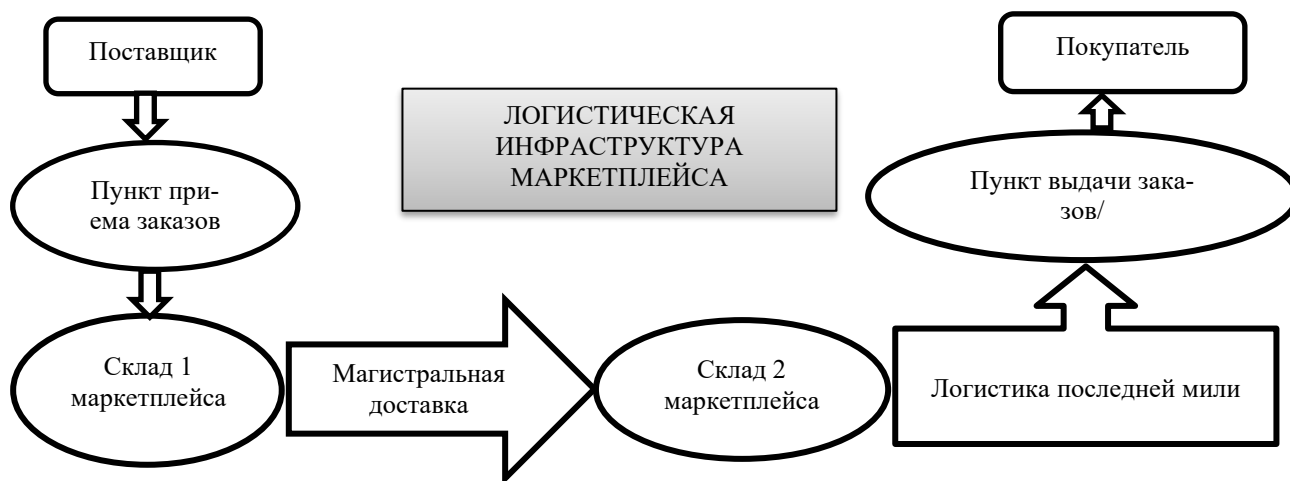

Рис. 1. Движение материального потока через логистическую инфраструктуру маркетплейса

Основные логистические операции маркетплейса выполняются на складе: приемка товаров по количеству и качеству; сортировка; адресное хранение (на основе штрих-кодирования); сборка / комплектация заказов; дополнительная упаковка заказов; передача в доставку. Также важной логистической операцией является перемещение заказов как между складами маркетплейса (магистральная доставка), так и до покупателя на пункты выдачи или через курьеров («логистика последней мили»).

Оценка эффективности выполнения логистических операций маркетплейса

Оценивать эффективность выполнения той или иной логистической операции или их совокупности следует по двум ключевым параметрам: временному (скорость выполнения операции) и стоимостному (затраты на выполнение операции).

Основной показатель эффективного выполнения всех логистических операций маркетплейса – это быстрое и своевременное перемещение материального потока (заказов) от поставщика до покупателя. Общее время на выполнение всех логистических операций складывается из следующих временных отрезков:

- время отгрузки заказа поставщиком (Promised Shipment Date – PSD поставщика) на пункт приема или сортировочный центр маркетплейса (при работе по системе FBS). Этот временной интервал полностью зависит от поставщика, но, если происходит опоздание, это подрывает репутацию маркетплейса, поэтому есть определенные ограничения (до 12 часов на сборку заказа на Ozon), после которых начисляются штрафы за каждый час просрочки;
- время обработки заказа на складе маркетплейса (Promised Shipment Date – PSD склада) – это временной период, в течение которого заказ должен быть собран, упакован, промаркирован и передан для дальнейшей доставки. В среднем этот период имеет ограничение 12-24 час;
- время доставки заказа до покупателя, которое зависит от расстояния от склада до покупателя и состоит из перемещения заказа между складами маркетплейса (магистральная доставка) и между складом и конечным покупателем («логистика последней мили»). В среднем, на магистральную доставку между складами маркетплейса Ozon уходит не более 36 часов, на логистику последней мили – не более 12 часов. Это достигается развитием логистической инфраструктуры во всех регионах присутствия маркетплейса.

Таким образом, общее время от момента оформления заказа покупателем до момента получения им заказа (Promised Delivery Date – PDD) складывается из составляющих, графически представленных на рисунке 2.

Рис. 2. Общее время на выполнение всех логистических операций по доставке товара покупателю

Поскольку с точки зрения покупателя обещанная дата доставки (PDD) зависит полностью от маркетплейса, то четкое выполнение всех запланированных временных интервалов обязательно. Особенно трудно контролировать операции, проводимые поставщиками, поэтому в случае, если поставщик не привозит вовремя более 12% заказов, его блокируют. Таким образом маркетплейс снижает риски невыполнения PDD и отсеивает недобросовестных поставщиков. Дополнительно можно разделить выполнение укрупненных логистических операций на более мелкие и задать им временные параметры выполнения, что и делается на конкретных рабочих местах.

Вторая составляющая оценки эффективности – это оценка стоимости выполнения логистических операций. Так, целесообразно ввести некоторые стоимостные показатели для каждого этапа перемещения материального потока. Рассмотрим это на примере магистральной перевозки. Основными показателями эффективности магистральной перевозки маркетплейса Ozon являются:

- время планового прибытия, погрузки и убытия транспортного средства. Этот показатель предполагает постоянный мониторинг и четкое выполнение плана-графика погрузочно-разгрузочных работ. Целевой показатель – не более 5% опозданий;

- стоимость перевозки одного заказа между складами маркетплейса (Cost Per Point – CPP) Целевой показатель варьируется в зависимости от дальности перевозок и составляет от 2 до 10 руб.

Рассчитывается показатель CPP по следующей формуле:

$$CPP = \frac{\text{Стоимость рейса}}{\text{Количество заказов в рейсе}}$$

Так, в настоящее время по данным компании Ozon, этот показатель для магистральных перевозок по Санкт-Петербургу составляет 3,3 руб. при нормативном значении в 2 руб., что говорит о неэффективном выполнении логистической операции по перевозке заказов. Данная проблема может быть решена несколькими способами:

- пересмотром парка собственных транспортных средств, увеличением доли крупнотоннажного транспорта, вместимостью 33 паллеты;
- пересмотром тарифов на перевозку сторонними транспортными организациями: переход с оплаты тарифов FTL (оплата полной стоимости рейса вне зависимости от загрузки автомобиля) на LTL (оплата за перевозимый объем при неполной загрузке автомобиля);
- пересмотром маршрутов движения транспортных средств между местами погрузки-выгрузки (замена веерных маршрутов кольцевыми);
- пересмотром принципов загрузки транспортных средств (загрузка паллет не менее 1,8 метра по 2 штуки в ряд, предотвращение разваливания паллет в процессе перевозки и т.д.), что направлено на повышения коэффициента «утилизации» (заполненности) транспортного средства.

Коэффициент «утилизации» транспортного средства также относится к показателям эффективности перевозки и рассчитывается по следующей формуле:

$$\text{Утилизация ТС} = \frac{\text{объем 1 паллеты} \times \text{кол-во паллет}}{\text{объем транспортного средства}}$$

В идеале этот коэффициент должен стремиться к 100%, но на практике это невозможно, поэтому за целевое значение принимают диапазон 70-100%. Аналогичным образом маркетплейс может разработать целевые временные, стоимостные или объемные показатели для каждого этапа выполняемых логистических операций.

Заключение

Деятельность маркетплейсов связана с ежедневным перемещением большого количества материальных ценностей и выполнением логистических операций. Доставка товаров до покупателя в заявленные сроки и постоянное сокращение сроков доставки – основное конкурентное преимущество маркетплейса в настоящее время. При этом важно, чтобы логистические операции выполнялись не только быстро, но и с оптимальными затратами. Для этого целесообразно заранее разрабатывать нормативы (временные и стоимостные), отражающие целевые значения выполняемых логистических операций на каждом этапе их выполнения.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. *Виноградов А.Б.* Проблемы и особенности логистической поддержки деятельности маркетплейсов // Логистика и управление цепями поставок. 2019. № 5 (94). С. 3-10.
2. *Дюкова О.М.* Эволюционное развитие логистики электронной торговли: от интернет-магазинов к маркетплейсам // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 3 (135). С. 111-115.
3. Логистика электронной торговли / А.В. Парфенов, И.М. Шаповалова, О.М. Дюкова, Е.В. Локтионова. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2020. 68 с.
4. *Локтионова Е.В.* Логистика последней мили: уроки воздействия пандемии // Логистика: форсайт-исследования, профессия, практика: материалы II национальной научно-образовательной конференции. 2021. С. 36-40.
5. *Мешкова Е.Д., Тинькова Е.В.* Выход на маркетплейсы как современный тренд в сфере розничной торговли // Проблемы развития современного общества: сборник научных статей 7-й всероссийской национальной научно-практической конференции. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2022. С. 21-25.
6. *Михайлюк М.В.* Магистральная логистика и интернет-логистика: реконфигурация цепей поставок в условиях роста онлайн-ритейла // Учет и статистика. 2016. № 4 (44). С. 131-137.
7. *Соболь М.* Ozon увеличил оборот по итогам 9 месяцев 2021 года на 123%. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2021/11/16/896113-ozon-uvelichil-oborot-po-itogam-9-mesyatsev-2021-g-na-123> (дата обращения 11.07.2022).

Марков А.А., Краснова Г.В., Марков А.А.

**СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ В УСЛОВИЯХ
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОТИВОБОРСТВ**

Аннотация. В статье рассматриваются основные факторы, повлиявшие на становление и трансформацию современного социума, его социализацию как общность, претерпевающие качественные изменения в условиях происходящих геополитических конфликтов. Важным представляется анализ военно-политического, экономического и информационного факторов, как наиболее сказывающихся на социальной приспособленности к возникающим проблемам функционирования в подобных императивах нынешней геополитики.

Ключевые слова. Социальная адаптация, геополитика, военно-политический фактор, экономический фактор, информационный фактор, санкционный режим, производство, когнитивная сущность, информационные ресурсы, национальное достоинство.

Markov A.A., Krasnova G.V., Markov A.A.

SOCIAL ADAPTATION IN CONDITIONS OF GEOPOLITICAL BATTLEGROUND

Abstract. The article discusses the main factors that influenced the formation and transformation of modern society, its socialization as a community, undergoing qualitative changes in the context of ongoing geopolitical conflicts. It is important to analyze the military-political, economic and information factors, as the most affecting social adaptation to the emerging problems of functioning in such imperatives of the current geopolitics.

Keywords. Social adaptation, geopolitics, military-political factor, economic factor, information factor, sanctions regime, production, cognitive essence, information resources, national dignity.

Введение

Человеческая цивилизация вступила в неопределённую по срокам турбулентность геополитических потрясений, характеризующихся не только традиционными конфликтами геополитических акторов – США, России, Китая, но и появлением субъектов континентального и регионального уровней, активно и не считаясь с интересами ведущих геополитических сил реализующих собственные цели (например, Турция, начавшая военную операцию в апреле 2022 г. на территории Ирака по уничтожению Рабочей

ГРНТИ 81.93.29

EDN RSVITU

© Марков А.А., Краснова Г.В., Марков А.А., 2022

Александр Анатольевич Марков – доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой международных отношений, медиалогии, политологии и истории Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Галина Владимировна Краснова – старший преподаватель кафедры международных отношений, медиалогии, политологии и истории Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Алексей Александрович Марков – ассистент кафедры международных отношений, медиалогии, политологии и истории Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Контактные данные для связи с авторами (Марков А.А.): 191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21 (Russia, St. Petersburg, Sadovaya str., 21). Тел.: +7 921 967-15-97. E-mail: mark08@list.ru.

Статья поступила в редакцию 27.06.2022.

партии Курдистана) или восстающих против диктата тех же сил (например, сильнее социальные волнения в Пакистане против вмешательства США по отстранению от власти премьер-министра Имран Хана). Разумеется, на вышеупомянутую турбулентность влияют и ведущие геополитические державы – специальная военная операция России на Украине, связанный с этим беспрецедентный санкционный нажим на Россию западного мира, военно-политическое давление Китая на Тайвань, обозначившийся постепенный отход ряда государств от использования доллара в качестве резервной валюты... То есть человечество находится на некоем тектоническом изломе, движение и последствия которого невозможно представить, насколько они могут быть непредсказуемыми и тяжелыми.

Все это оказывает огромное воздействие на человеческую общность в целом, на социумы всех стран, включая и Россию, так как трансформируются привычные ценности и установки, ломаются стереотипные представления об окружающей действительности, детерминируются межнациональные, внутринациональные и даже межгрупповые и межличностные отношения и связи. Отсюда возникает необходимость анализа деформации и реформации социальной адаптации всех субъектов современной жизнедеятельности на макро- и микроуровнях. Исследование этой проблемы и является целью настоящей статьи, в которой будут рассмотрены три важнейших, на взгляд авторов, фактора, способных кардинально влиять на проблематику социальной адаптации – военно-политический, экономический и информационный.

Военно-политический фактор

Современная геополитика особенно выражена доминантой военно-политического состояния субъекта, претендующего на значимость своей роли в актуальных вопросах и проблемах цивилизации. Защита и продвижение собственных национальных интересов тесно увязываются с возможностями данного субъекта по демонстрации военной мощи как свидетельства реального влияния как на общемировые, так и региональные процессы с целью достижения поставленных целей, зачастую аккумулирующихся в понятии – национальная безопасность. В современных исследованиях, анализирующих рейтинг влияния государства в мире, нередко выдвигается альтернатива первенствующей позиции такого рейтинга – военная или экономическая. Нам представляется, что преимущественной выглядит именно военная составляющая такого рейтинга.

Безусловно, экономика является существенным показателем общего имиджа геополитического субъекта (например, в состав G7 входят США, Германия, Италия, Япония и т.д., обладающие высокой позицией по экономической шкале, но ни одна из них, кроме США, не обладает и такой же высокой военной мощью, а значит, в случае потенциального военного конфликта, не способна защитить себя самостоятельно. Та же Северная Корея, экономически не сравнимая с Японией, превосходит ее в военном оснащении и, при гипотетическом столкновении этих двух государств, наверняка одержит победу), однако именно показатель военной силы в итоге определяет реальный статус государства в мировой иерархии. Скажем, Китайская Народная Республика уже в начале текущего века превратилась в страну с наиболее интенсивно развивающейся экономикой, и в последние годы догнала и уже превосходит по многим показателям казавшуюся незыблемым лидером экономику США. Но даже в таковых условиях Китай не считали серьезным геополитическим игроком. Осознание сего мировым общественным мнением пришло лишь с появлением у Китая предельно высококачественных и могущественных вооруженных сил.

С другой стороны, заметно постепенное, но неуклонное ослабление роли в геополитике стран Евросоюза, да и самого Евросоюза в целом, имеющего достаточно еще сильную экономическую составляющую, но в военном отношении (если не считать так называемого «американского оборонительного зонтика») уступающего другим геополитическим конкурентам – России, США и Китаю, которые все чаще не рассматривают Евросоюз как равного себе участника геополитической стратегии. Россия в данном формате играет особую роль.

Исторически наша страна несет в себе миссию народа-воина. Начиная с Древней Руси до сегодняшнего дня в нашем прошлом не отыскать 20-30-летнего периода мирного существования. На протяжении веков Россия либо отстаивала свою независимость (войны с Польшей, Ливонией, Швецией, Турцией, наполеоновской Францией, гитлеровской Германией и т.д.), либо оказывала военную помощь другим государствам (только за последние 70 лет – Корея, Вьетнам, Алжир, Афганистан, Сирия...). Когда в

2008 году Президент Российской Федерации В. Путин в Мюнхене заявил о завершении эры однополярного мира, тем самым возвращая Россию в геополитику, стало очевидно, что такая позиция нуждается в подтверждении не только и не столько в экономическом плане, сколько в военном. Именно широко-масштабное, технологически сверхсовременное перевооружение и оснащение Вооруженных сил страны превратило ее затем в грозную политическую единицу, не считаться с которой уже никто не может.

Именно мощь российской армии и флота стала основой возвращения Крыма в состав России (если бы мы были сильны только экономически, такого сделать было бы нельзя), и ни одно государство мира, включая и блок НАТО, не осмелилось ответить на это военным конфликтом с нами. Это же можно утверждать и по специальной военной операции на Украине, где действия противников данной операции свелись только к экономическим санкциям, информационной войне и поставкам вооружения украинскому режиму. А последняя, в определенной степени политически оправданная демонстративная акция с испытаниями ракеты «Сармат», практически совсем свела на нет вероятность прямого боестолкновения Западного мира с Россией, сразу на много пунктов поднявшая общий военно-политический престиж страны в геополитическом раскладе.

Каким же образом рассмотренный выше военно-политический фактор оказал влияние на социальную адаптацию внутри страны? Общество, подверженное трансформации при качественном изменении внутренней и внешней политики государства, формируемой на основе военно-политической стратегии, воспринимает и усваивает, прежде всего, когнитивные изменения или искажения, то есть моделирует новую систему собственного функционирования на основе внедряемой в сознание переоценки стереотипных представлений предыдущего бытия.

С одной стороны, как считают некоторые исследователи, например Н.В. Гоффе и Г.А. Монусова, когнитивные искажения могут приводить к аберрации восприятия, неточности суждений, нелогичным интерпретациям или к иррациональности в поведении [1]. С другой стороны, когнитивность увязывает изменения действительности в появлении новых стереотипов, нового мышления, нового форматирования образа существования. Военно-политический фактор в этом играет и негативную роль – при осознании уменьшения значимости своего государства на внешнеполитической арене, на взаимоотношениях с соседями, на состоянии защищенности и зависимости от вероятного диктата более могущественных субъектов и т.д. возникают социальная дискретность, ущемленность своих прав и возможностей самовыражения, в итоге приводящие к снижению социального статуса общества в целом и адаптации к такому статусу индивидуумов данного общества.

Но военно-политический фактор и позитивную роль в социальной адаптации – при осознании усиления могущества своего государства, способного жестко и эффективно противостоять любым внешним вызовам и угрозам, более того, способного заявлять и реализовывать свои доминанты геополитического уровня. Именно это и демонстрирует современная Россия, в 2008 году смело заявившая о ломке однополярного мира, в 2021 году предельно четко объявившая о так называемых красных линиях собственной безопасности (чему по инерции мышления мало кто поверил в западном сообществе), в феврале 2022 года подтвердив эту позицию специальной военной операцией на Украине. Итогом этого стали и очевидные изменения в социальной адаптации российского социума – повысились его патриотизм, духовность, единение нации, произошел крах так называемой либеральной оппозиции, переосмысление статуса своей страны уже не как всего лишь «мировой бензоколонки» (что так настойчиво внедрялось в общественное сознание извне, да и изнутри тоже, последние двадцать лет), а как могущественного геополитического центра. Кстати, и потому призванные внести раскол в российское сообщество санкции коллективного Запада на деле привели к общественной консолидации, что опять-таки является следствием происходящей ныне качественной социальной адаптации.

Экономический фактор

Экономическое развитие, безусловно, имеет важное влияние на социальную адаптацию, социальную стратификацию в функционировании любого общества. Оно обеспечивает социальное благополучие, уменьшает пропорции социальной амбивалентности и пр. Многие десятилетия эталоном такого экономического развития были страны западного мира во главе с США. России отводилась достаточно односторонняя роль сырьевого придатка, с чем, скажем честно, мы мирились на всех уровнях – от государственного управления до обывательского прозябания, достаточно долго, начиная с 70-х годов прошлого

века. Отсюда, даже при появлении новой капиталистической России после 1991 года, выстроенной по либеральным лекалам, считалось, что Россия способна достичь некоего экономического благополучия не собственным выстраиванием отечественной экономики, а лишь при содействии зарубежных инвестиций, которые привнесут с собой современные технологии, методики, механизмы, надлежащий менеджмент и пр.

Только в 2014 году пришло осознание ошибочности такой политики, когда после воссоединения с Крымом Россия подверглась первой волне экономических санкций. Зависимость российского рынка от иностранного экспорта стала болезненным прозрением практиковавшейся экономической модели. Выводы были сделаны правильные – полагаться стоит только на самих себя. Как-то вдруг стало очевидным, что Россия – самодостаточная страна, обладающая всеми необходимыми ресурсами для производства любой продукции.

Мы здесь выделяем три вида экономики – товарную, финансовую и виртуальную. Первая – это производство непосредственно товара – нефти, газа, удобрений, тракторов, зерна, бытовой техники и т.д. И примером такой экономики как раз и является Россия (также – Китай), ибо львиная доля экономического продукта у нее – товарная. Вторая – финансовая экономика, где основной продукт – деньги. Флагманом такой экономики являются США, именно доллар составляет важнейшую часть экспорта этой страны. Третья – это выделяющаяся на общем фоне индустрия образовательных, туристических и иных услуг, IT-производство и пр. Это – Западная Европа, ряд стран Азии. Конечно, многие государства сочетают в своей деятельности все три вида экономического производства, но именно один из них и определяет приоритеты и возможности.

Понимание этого определяет цели участников экономической деятельности от национального до глобального. В современном интернациональном разделении труда отчетливо прослеживаются транснациональные приоритеты. Так, В.А. Семенов и П.В. Трубников еще десять лет назад характеризовали особенности экономики в растущей ее двойственности: «По мере развития международного разделения труда обобществление производства приобретает интернациональный характер. Природа его действительности двойственна и противоречива. Она обусловлена двойственностью процесса производства: с одной стороны мы имеем дело с единством процесса труда, с другой – с процессом возрастания стоимости. С одной стороны интернационализация производительных сил на основе углубления международного разделения труда, с другой стороны она выступает как интернационализация отношений эксплуатации» [3].

Например, пришедшие в России инвесторы, по большей части, не столько делились с нами передовыми технологиями, сколько активно использовали их самостоятельно, а также эксплуатировали российские ресурсы (сырьевые, трудовые) для получения собственных доходов. Оставляя в России часть полученных доходов в виде налогов и других отчислений, значительную долю полученной прибыли они перечисляли в головные офисы, находившиеся за пределами нашей страны. Только один факт: второй крупнейший в Европе производитель нефти и газа – нефтегазовая компания из Норвегии Equinor – за два месяца уже лишилась 1,08 млрд долларов в связи с выходом из совместных с РФ предприятий. Компания работала в стране на протяжении 30 последних лет. У нее был контракт о сотрудничестве с «Роснефтью», в рамках которого разрабатывались месторождения в Восточной Сибири [6].

Таким образом, вторично после 2014 года мы осознали необходимость расчета только на свои производительные силы, достаточность которых при наличии всех необходимых ресурсов позволит стране наращивать свой экономический потенциал вне зависимости от геополитических факторов и откровенной враждебности, прежде всего, стран западного сообщества, стремящихся разрушить отечественную экономику. Каким образом экономический фактор в настоящее время оказывает влияние на социальную адаптацию?

Прежде всего, мы наблюдаем трансформацию общественного сознания в ликвидации стереотипа преимуществ западной экономики. И отсюда – переосмысление своей роли в национальных экономических процессах. Формируется, пока нельзя утверждать, что устойчивое, но несомненно – последовательное и эволюционное понимание самостоятельного качественного труда, хозяйского отношения к производству, присущие этому – рачительность, деловая хватка, изобретательность, технологическая мобильность и пр., где стержневым является расчет на себя, на свои силы, без всякого ожидания подачек извне. При очевидной поддержке системы государственного управления это уже дает результат в резком росте малого и среднего бизнеса, в развитии российских корпораций и т.д. Например, только с

уходом из России известной фирмы «Макдональдс», в Санкт-Петербурге в среднем на 30% увеличились доходы отечественных аналогов – «Теремок», «Коржов» и др. [4].

Фактически необходимость личностного активного приобщения к труду, где индивидуум выступает как непосредственный создатель отечественного экономического продукта, а не наемный рабочий иностранного производителя, предполагает рост заинтересованности в своей деятельности, и этим самым возрастает его социальная значимость, когнитивное ощущение сопричастности к судьбе своей страны. Наконец, это сказывается на национальном достоинстве, феномен которого, увы, долгое время в нашей стране не учитывался.

Информационный фактор

Об особенностях функционирования национального и мирового социумов в условиях постиндустриальной эры мы уже писали в ряде работ. В частности, утверждая [2, с. 7-8]:

«Существование любого социума сегодня нельзя представить без взаимодействия со средствами массовой коммуникации, посредством которых в значительной степени осуществляется спрос и потребление всевозможных коммуникативных отношений, характеризующих человечество. Аккумулируя в себе технические и творческие достижения мировой цивилизации, средства массовой коммуникации фактически представляют абсолютный феномен духовного совершенствования общества, его морально-этическую и нравственную оболочки, которые в той или иной степени отражают и формируют... В условиях, когда в мире доминирует рыночная прагматическая модель морали, информация также превратилась в товар. Причем товар – один из наиболее прибыльных и выгодных. Поэтому коммерциализация средств массовой коммуникации является естественным процессом, все менее подчиняющемуся государственному регулированию... Весомую роль средства массовой коммуникации приобретают в обществе, переживающем эпоху социально-экономических потрясений. Именно в подобные периоды средства массовой коммуникации способны нести в себе положительный заряд (отражение идей объединения, национального единства и согласия, создание в общественном сознании чувства уверенности и т.д.) и отрицательный (идеи разложения и разрушения, создание в общественном сознании чувства неуверенности, страха перед грядущим и т.д.)».

Влияние информационных ресурсов, технологий, контентов в наше время на общественное мнение и сознание представляет собой такой фактор качественного воздействия на социумы и индивидуумы, который вполне равен, а то где-то и превосходит как военно-политический, так и экономический. Именно он позволяет наиболее оперативно изменять социальную адаптацию субъекта, быстро формируя в обществе соответствующие потребности, пристрастия, оценки, фетиши, мировоззрение, поведение и т.п., при этом трансформируя духовные, нравственные, идеологические, исторические и пр. форматы мышления и интеллекта.

Например, в феврале 2022 года (до начала осуществления Россией специальной военной операции на Украине) население Финляндии, желающее вступления этой страны в НАТО, составляло 28%. Два месяца активной информационной обработки с созданием образа России как агрессора, врага цивилизации и пр., привели к быстрому росту этого показателя – до 76% [5]. Информационное сопровождение событий в связи с убийством афроамериканца Флойда полицейскими в США с эскалацией этого случая как примера межрасового конфликта достаточно скоро привело как к созданию ВЛМ, к оппозиционности, погромам, к искаженному восприятию своей истории (например, сносы памятников виднейшим деятелям этого государства) и, как итог, к формированию межрасовой конфликтности уже в действительности.

Зомбирование психической и когнитивной сущности человека, растворение его субъективного «я» в массе однообразного и воинствующего оценочного отношения к действительности, изменение его социальных ориентиров и ценностей в угоду информационным посылам и установкам, это – сегодняшняя реальность. Так, восьми лет, по сути, хватило украинской власти, чтобы при активном содействии масс-медиа создать в этой стране практически нацистскую идеологию с культами фашистских пособников Бандеры, Шухевича и пр., при этом сознательно выдергивая свою страну из восточнославянского единства. Социальная адаптация граждан этой страны детерминировалась весьма скоро как на приверженцев такой идеологии, так и на запуганных ее воздействием.

Вышесказанное дает понимание эффективности информационного фактора как действенного и эффективного механизма воздействия на личность и общество. Мы наблюдаем поразительный феномен

экслюзивного и инклюзивного восприятия субъектами информационного воздействия, оказывающий влияние и на политические, и на экономические процессы, по сути, программируя в этих субъектах заданные целевые установки, даже если они и несут в дальнейшем негативные последствия (например, информационно подготовленная санкционная политика коллективного Запада против России, в целом поддерживаемая общественным мнением многих западных государств).

Вместе с тем, достаточно продуманная, пусть и не везде оптимальная, информационная политика российской стороны в нынешних условиях успешно сказывается на общероссийском общественном понимании сложившихся реалий после 24 февраля 2022 года. К этому следует отнести не только активное вещание на центральных телеканалах, в ежедневном формате обсуждение текущих событий (как о ходе специальной военной операции, так и реакции на нее остального мира с необходимым анализом военных, политических, экономических и социальных проблем, тенденций и перспектив статуса России), но и информационного блокирования оппозиционных вещателей на территории страны. Это позволило изменить вектор отношения общества к происходящему, актуализировать такие понятия как патриотизм, национальное достоинство, сплоченность нации. Тем самым – формировать надлежащую социальную адаптацию в условиях существующей кризисной ситуации.

Выводы

Социальная адаптация представляет собой сложный процесс в активной или пассивной (эволюционной) динамике приспособленности субъекта (индивидуума, социальной группы, общества) к трансформациям его привычного функционирования к новым формам жизнедеятельности. Из всех уровней традиционной адаптации, скажем, биологической или физиологической, именно социальная адаптация является важнейшим показателем устойчивой репродуктивности государственного устройства и управления, определяющим общественную готовность (или неготовность) следовать соответственно государственному устройству и управлению. Особенно явление социальной адаптации актуально в условиях кризисных ситуаций, в том числе и в связи геополитическими противоборствами.

В такой ситуации явно или предельно обнажаются возможности и потребности социума, его предпочтения и стадии приспособленности к возникающим реалиям. Проанализированные выше факторы, влияющие на такую социальную приспособленность, а в перспективе закладывающие качественно новые условия новых общественных отношений (военно-политические, экономические и информационные) во многом определяют типы и характер перспективы социального обустройства государства.

Россия, как ни одна из геополитических держав, испытала в своей истории немало социальных потрясений. Только в XX веке ее народы в активном режиме пережили три революции и две мировые войны, не говоря уже о непрекращающемся реформировании различных институтов, направлений и сфер жизнедеятельности. Именно такая социальная адаптация, которая станет основой долговременной социальной стабильности, и нужна сегодня российской нации. В этом мы видим залог успешного функционирования России. И вынесенные в основу данной статьи факторы, влияющие на социальную адаптацию, должны оказывать активное и позитивное содействие во всех процессах российской внутренней и внешней политики

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Гоффе Н.В., Монусова Г.А. Аберрации восприятия социальных реалий: политические последствия // Мировая экономика и международные отношения. 2019. № 8. С. 91-101.
2. Марков А.А., Быстрянец С.Б., Краснова Г.В. Информационное общество. Информационная безопасность. Информационные войны. СПб: Изд-во СПбГЭУ, 2019. 124 с.
3. Семенов В.А., Трубников П.В. Феномен мирового хозяйства: политэкономический аспект // Теория и практика общественного развития. 2012. № 11. С. 91-101.
4. Без McDonalds: как изменится рынок фастфуда. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://trends.rbc.ru/trends/social/6257d8399a794791fa87c4f3> (дата обращения 19.05.2022).
5. Долгая дорога в НАТО: каким будет присоединение Швеции и Финляндии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/dolgaya-doroga-v-nato-kakim-budet> (дата обращения 25.05.2022).
6. Норвежская Equinor оценила потери после ухода с российского рынка в миллиард долларов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://riafan.ru/23164100-norvezhskaya_equinor_otsenila_poteri_ (дата обращения 05.05.2022).

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКАЯ ТЕОЛОГИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ, СОСТОЯНИЕ, ОПЫТ ПРАВОСЛАВНОЙ РЕФЛЕКСИИ

Аннотация. XX век был насыщен сменами политических и социальных режимов как на территории России, так и на других континентах. В 1970-х гг. в католических странах Латинской Америки в условиях значительного экономического расслоения общества и экономических проблем, с одной стороны, и либерализации церковной жизни, с другой стороны, сформировалась своеобразная концепция, получившая названия «теологии освобождения», или «либеральной теологии». Несмотря на развитие из недр католицизма, некоторые положения вызвали критику Ватикана как с богословской, так и с практической точек зрения. В сегодняшней России мы наблюдаем ухудшение отношений со странами западного мира и трансформацию капиталистической системы экономики, сформировавшейся на рубеже веков. В статье рассмотрены основные постулаты и критика теологии освобождения, анализ ее соотношения с классической христианской и отдельно – именно православной доктриной. Дополнительно в этом контексте рассмотрен проект документа «Экономика в условиях глобализации. Православный этический взгляд», разработанный Межсоборным присутствием Русской православной церкви и призванный формализовать реакцию на социально-экономические вызовы современности.

Ключевые слова. Латинская Америка, теология освобождения, либеральная теология, рыночная экономика, социальная экономика, проблема бедности, распределение доходов, социально-экономическое расслоение общества, Межсоборное присутствие.

Tikhomirov D.V.

LATIN AMERICAN LIBERATION THEOLOGY: ECONOMIC CONDITIONS, CURRENT STATE AND ORTHODOX REFLECTION

Abstract. The 20th century was full of political and social changes, both in Russia and in other continents. The Catholic countries of Latin America in 1970th experienced significant economic stratification of society and economic problems on the one hand and liberalisation of the Church life on the other hand, therefore a specific socio-theological concept has been developed, which is known as Liberation Theology. Despite the fact it was developed within Catholicism, some provisions raised concerns and criticism from the Vatican side for both theological and practical issues. In today's Russia, we observe deterioration of relationships with the Western world and transformation of a purely capitalist economic system that took shape at the turn of the century. The article deals with the main postulates and criticism of the Liberation Theology, analysis of its relations with the Christian faith in general, and the Orthodox doctrine. Additionally, we considered the draft document "Economy in the context of globalisation. Orthodox Ethical View", developed by Inter-Council Presence of the Russian Orthodox Church and claimed to address the socio-economic challenges of our times.

Keywords. Latin America, liberation theology, market economy, social economy, poverty problem, socio-economic stratification of society, social efficiency, Inter-Council Presence.

ГРНТИ 02.41.11

EDN TEEZKU

© Тихомиров Д.В., 2022

Дмитрий Викторович Тихомиров – кандидат экономических наук, профессор департамента мировых финансов Финансового университета при Правительстве РФ, директор направления финансового моделирования ВЭБ.РФ, профессор НИУ «Высшая школа экономики» (г. Москва).

Контактные данные для связи с автором: 125993, Москва, Ленинградский пр., д. 49 (Russia, Moscow, Leningradsky av., 49). E-mail: DTikhomirov@bk.ru.

Статья поступила в редакцию 26.07.2022.

Введение и актуальность

Актуальность темы обусловлена, главным образом, двумя причинами: усилившимся геополитическим интересом к региону Латинской Америки в текущих условиях и специфическим опытом рефлексии на социально-экономические проблемы региона, известным под общим названием теологии освобождения, который может иметь для нас интерес.

В течение нескольких десятилетий – особенно после перехода России к рыночной экономике с 1991 г. – основным регионом сотрудничества по экономическим, финансовым, образовательным и множеству иных аспектов были страны Западной и Восточной Европы. Пиком благополучных отношений можно считать 2005-2007 гг., на которые пришлось наиболее активное развитие реального сектора экономики и фондового рынков, бум рынка слияний и поглощений с участием зарубежных инвесторов, проведение саммита G8 в Санкт-Петербурге в 2006 г., при этом новое видение места и роли России с учётом реалий и угроз однополярного подхода в мировой политике было сформулировано в выступлении Президента Российской Федерации В.В. Путина на Мюнхенской конференции по безопасности 10 февраля 2007 года (так называемая Мюнхенская речь).

Однако последовавший мировой финансовый и экономический кризис 2007-2008 гг., постепенное усиление государства в России и одновременная финансовая и информационная поддержка странами Запада оппозиционных настроений в нашей стране и недружественных настроений в соседних государствах (Грузия, Украина, страны Балтии) поэтапно усиливали напряженность. После вхождения Крыма в состав России в 2014 г. страны Запада и США вводили экономические санкции, открыто поддерживали раскольнические антироссийские группировки в Украине, а с начала 2022 г. отношения достигли наихудшего уровня со времен холодной войны с США. В зависимости от точки зрения конкретного автора, противоречия можно ограничивать только борьбой за ресурсы с учетом огромных природных ресурсов России, но можно трактовать и более широко – как борьбу консервативной и либеральной идеологий.

В этих условиях очевидный интерес приобретает активизация отношений с иными регионами. Одним из таких регионов являются страны Южной или Латинской Америки. Несмотря на удаленность и не столь значительное внимание в ежедневной информационной повестке, Россию и крупнейшие страны континента связывает много общего – от волн эмиграции из России в Аргентину, Бразилию, Парагвай со второй половины XIX века до инвестиций в нефтяные активы Венесуэлы.

При этом, несмотря на традиционную критику социально-экономического расслоения в России, положение в странах Латинской Америки является более острым. Экономическое и социальное расслоение в стране или регионе можно условно оценивать несколькими метриками, среди наиболее распространенных – отношение доходов 10% или 20% богатейшего населения соответственно к 10% или 20% беднейшего населения и индекс Джинни. В странах Латинской Америки ситуация выглядит одной из наиболее острых в мире: индекс Джинни в Бразилии и Колумбии в 2018 г. превышал 0,50 (по разным источникам, в предыдущие годы составлял от 0,54 до 0,57), в Мексике был равен 0,454, Аргентине – 0,414, Чили – 0,444, Перу – 0,428, Эквадоре – 0,454 (см.: <https://svspb.net/danmark/gini.php>).

По данным различных статей и общедоступных источников, индекс Джинни в России в последние 30 лет находился в районе 0,4 (только в 1992 г. составлял 0,289; в 1993 г. – уже 0,407, в 2019 г. – 0,412, в 2021 г. – 0,408) (см.: https://www.ng.ru/economics/2022-06-21/1_8466_sidejob.html), по данным иного источника – анализа НИУ ВШЭ [1] – индекс незначительно снижался с 0,415 в 2014 г. до 0,406 в 2020 г. При этом, по данным Люксембургского исследования доходов (LIS – Cross-National Data Center) [2], индекс Джинни в России существенно ниже, чем указанные значения, результаты федеральной статистики или данных Всемирного банка. Например, в 2018 г. он был равен 0,321 (сопоставимо со значениями в Великобритании, Германии, существенно ниже показателей в странах БРИКС, США).

В данной статье мы будем рассматривать не экономические, финансовые, торговые связи и отношения между Россией и странами континента, а духовно-этические основы взгляда на экономическую систему и экономические отношения с учетом общего и различий в сложившихся условиях. Интересно рассмотреть общее и различие в подходах теологии освобождения (по существу, это – направление католической мысли) и традиционных православных подходов к экономическим вопросам и этике экономических отношений. Сразу следует отметить, что теология освобождения не является чисто латиноамериканским феноменом и не бесспорно отвечает католическому миропониманию, а католичество в регионе имеет значительно более длительную историю и связано с присутствием начиная с XVI века.

Латинская Америка: родина теологии освобождения

Теология (богословие) освобождения (в исп. *Teología de la liberación*, в англ. *Liberation Theology*) – сложное социально-экономическое явление и направление мысли, возникшее во второй половине XX века в странах Латинской Америки. Основная идея – борьба с бедностью как источником греха, что включает широкий спектр вопросов – от возможности повышения образования до классовой борьбы в рамках марксистского подхода. Утверждается, что бедность противоречит божественному замыслу о человеке, не позволяет раскрывать таланты и реализовывать предназначение, унижает человеческое достоинство – что, по существу, уже является грехом, а также служит источником многих иных.

Предпосылками для формирования и развития концепции были факторы значительной бедности и социального расслоения в большинстве стран Латинской Америки – как среди коренных народов, так и среди иммигрантов различных волн, низкая грамотность и квалификация работников или неудовлетворительные условия жизни даже вполне образованных граждан, а далее – христианская рефлексия по вопросу возможных улучшений ситуации со стороны мыслящих кругов, в том числе католического духовенства. Практическими драйверами служили движения общин, студентов, рабочих, интеллектуалы-католики (деятельность так называемых низовых церковных общин, то есть групп верующих, добровольно принявших на себя заботу об образовании, здравоохранении, социальной защите в тех условиях, где деятельность государства оказывается недостаточной), а далее – либеральные реформы и в целом «повестка» Второго Ватиканского Собора 1962-1965 гг. В течение нескольких веков католицизм просто был привнесен на континент, начиная с этого времени формируется рефлексия о религии и вере «на угнетаемом континенте».

Сам термин получил распространение после выхода в 1971 г. работы перуанского католического доминиканского богослова Густаво Гутьерреса (род. 1928 г.) «Теология освобождения: перспективы». Помимо Гутьерреса наиболее известными представителями считаются бразильские богословы Леонардо Бофф (род. 1938 г.) и Уго Ассманн (1933-2008 гг.), аргентинский и мексиканский ученый, философ, историк и богослов Энрике Дуссель (род. 1934 г.); протестантский теолог Юрген Мольтманн (род. 1926 г.) также заложил базу для основных элементов теологии освобождения.

Приведем краткую характеристику социально-экономического состояния того времени. Л. Бофф и К. Бофф в книге «Как заниматься теологией освобождения» (1986 г.) приводят статистику бедственного положения людей во многих странах мира того времени, в т.ч.: 500 млн голодающего населения, 1,7 млрд человек с ожидаемой продолжительностью жизни ниже 60 лет, 1 млрд человек, проживающих в абсолютной бедности, 1,5 млрд человек без доступа к минимально необходимому медицинскому обслуживанию, 500 млн человек являлись безработными или недостаточно занятыми, при этом их доход составлял менее 150 долларов США; более 800 млн безграмотных и т.д. [3, р. 13]

На основе приведенной статистики авторы ставят диагноз обществу на разных уровнях: социально-экономическом, общегуманистическом, религиозном. В социально-экономическом плане они делают акцент на коллективном угнетении, исключении бедных слоев из нормальной общественной жизни, маргинализацию. В гуманистическом плане – на несправедливость и унижение человеческого достоинства. В религиозном плане – называют сложившуюся ситуацию социальным грехом, говорят о том, что ситуация противоречит предназначению человека.

Очевидно, что теология освобождения имеет разное преломление у различных авторов и некоторым образом эволюционировала за пятьдесят лет, однако можно выделить основные черты и идеи:

- христианское спасение связано со свободой и освобождением человека во многих аспектах: экономическом, политическом, социальном, идеологическом, для спасения необходимо человеческое достоинство в широком смысле. Подчеркивается необходимость свободного принятия веры и евангельской доктрины, причем необходимо сначала обеспечить достойные условия жизни (в том числе, общедоступное образование, здравоохранение и прочее), после чего приобщать к своей вере;
- комплекс более практических и социальных идей, основанных на понимании бедности как общественного греха, необходимость справедливости и защиты жертв, применительно к Латинской Америке – акцент на том, что положение большей части народа не соответствует божественному замыслу, откуда вытекает логичный переход к необходимости освобождения народа, уничтожения эксплуатации, произвола и элементам классовой борьбы;

- при этом необходимо не просто изменение внешних условий и «борьба с бедностью», но изменение духа общества с акцентом на солидарность вместо спекулятивного менталитета и духа наживы, создание «нового человека».

Идеи теологии освобождения также получили популярность и в высших политических кругах, например, президенты Венесуэлы Уго Чавес (1954-2013 гг.), президент Эквадора Рафаэль Корреа (род. 1963 г.) неоднократно заявляли о симпатиях движению, а президент Парагвая Фернандо Луго (род. 1951 г.) являлся бывшим католическим епископом самой бедной епархии страны Сан-Педро.

В 1968 году в Медельине (Колумбия) состоялась конференция Латиноамериканского епископального совета (CELAM), на которой был обозначен «преимущественный выбор» Церкви Латинской Америки «в пользу бедных», озвучен факт того, что Латинская Америка эксплуатируется промышленно развитыми капиталистическими странами как источник сырья для благоденствия «первого мира». Несмотря на тесную связь в истории возникновения и развития с католицизмом и конкретными католическими деятелями, в целом существует много противоречий и критики со стороны ведущих католических богословов и иерархов. Наибольшую критику вызывает близость к идеям марксизма, диалектического материализма, тенденции к объединению с революционными движениями.

Конструктивную критику радикальным элементам теологии освобождения уже с конца 1970-х гг. представляли Папа Иоанн Павел II, кардинал Йозеф Ратцингер (будущий Папа Бенедикт XVI). Так, папа Иоанн Павел II на открытии епископальной конференции Латинской Америки CELAM в Пуэбле (Мексика) в 1979 г. выражал озабоченность социальным и экономическим расслоением общества, заметил, что институт частной собственности «должен вести к более справедливому и равному распределению благ» и даже возможна экспроприация/перераспределение в целях общего блага, однако подчеркнул, что «представление Христа как политической фигуры, революционера, подрывного элемента из Назарета не вяжется с катехизисом Церкви».

Наиболее видимые противоречия с католическим устройством представляла активность т.н. «первичных церковных общин» (англ. Ecclesial Base Communities), в связи с чем папа Иоанн Павел II также впоследствии подверг критике поддержку классовой борьбы, замещение католической церковной иерархии системой выборов и проч. Подходы к социальной организации и опыт «первичных христианских общин» выглядели достаточно радикальными, в том числе это стало затрагивать и схему проповедей и суточных богослужений по инициативе прихожан-мирян, а не традиционной иерархии. Иоанн Павел II напомнил о своей абсолютной власти согласно каноническому устройству Католической церкви.

Кардинал Йозеф Ратцингер также был последовательным противником некоторых элементов теологии освобождения, в частности во время руководства Конгрегацией доктрины веры Ватикана. По указанию Иоанна Павла II он подготовил «Инструкцию по некоторым аспектам теологии освобождения». Ватикан дважды – в 1984 и 1986 гг. – осуждал склонность теологии освобождения к марксизму и насилию. Ратцингер в целом приветствовал течения в движении, отвергающие насилие и подчеркивающие ответственность христиан за бедных и угнетенных, при этом указывал, что «в этой идеологии был риск нанесения вреда вере и христианскому образу жизни, обусловленный некоторыми формами теологии освобождения, которая использовала идеи, позаимствованные из разных течений марксистской мысли», доминированием «ортопраксиса» (правильные дела) над ортодоксией (правильная вера).

Смещение акцента с духовных вопросов на практический уровень, на повышение уровня жизни бедных и классовую борьбу было одним из главных видимых недостатков концепции со стороны католических теологов. Большинство евангельских примеров показывают, что чудеса и помощь бедным, больным и иным страждущим происходили из любви к ним, при этом отсутствуют примеры механического уравнивания всех и достижения общего благоденствия на постоянной или долгосрочной основе. В 1983 г. Йозеф Ратцингер подготовил «десять наблюдений» аспектов теологии одного из основателей и лидеров теологии освобождения Густаво Гутьерреса. Основные недостатки, по мнению Й. Ратцингера, – это политическое толкование Библии и поддержка мирского мессианизма. Перечислим несколько основных моментов данной критики (приведено по: https://zavtra.ru/blogs/mozhet_li_teologiya_osvobodzheniya_stat_soyuznikom_rossijskoj_kontseptual_noj_vlasti):

- марксизм является тоталитарной концепцией, как в общем, так и в частности непримиримой с христианским откровением;

- насилие классовой борьбы является также насилием над любовью одних к другим и над единством всех во Христе;
- политизация положений веры и богословских суждений ведет к такому явному противоречию, когда человек, принадлежащий в силу своей добродетели к миру богатых, объявляется классовым врагом;
- новая герменевтика теологов освобождения ведет к новому, преимущественно политическому толкованию Священного Писания, к выборочности и произволу выбора мест из священных текстов, извращая радикальную новизну Нового Завета, освобождение от греха, источника всех зол;
- это есть также отказ от традиции как источника веры и недопустимое разделение на «Иисуса истории» и «Иисуса веры», происходящее за спиной церковного магистрата;
- классовое разделение оказывается и внутри церкви, что ведет к отрицанию её священной иерархической структуры, «разделяя мистическое тело Христа» на два течения – «официальное» и «народное».

В противоположность теологии освобождения подходы Папы Иоанна Павла II и Папы Бенедикта XVI иногда называют общим термином «теологии умиротворения».

Теология освобождения и православие: общее и противоречия

В конце XX – начале XXI вв. вопросы рефлексии о постулатах либеральной теологии в свете православия привлекали внимание ряда авторов «с обеих сторон», хотя данный интерес и нельзя назвать массовым. Среди основных авторов можно назвать доминиканского священника Амбросия Монг И-Рена (статья *Towards an Orthodox Theology of Liberation: An Examination of the Works of Nicolas Berdyaev*, 2013), священника Антиохийской православной церкви и профессора Филиппа ЛеМастера (статья *Latin American Liberation Theology and Eastern Orthodox Social Ethics: Is a Conversation Possible?* 2015), публицистические и научные статьи на популярных российских ресурсах (<https://www.pravmir.ru>, <https://bogoslov.ru>, <https://portal-slovo.ru> и др.) и в блогах на историко-богословские или социально-экономические темы.

Очевидно, что основной общей базой является христианский фундамент и этика. Несмотря на разные практики, подходы, по существу, сформированы на схожем корпусе книг Библии и особенно Нового Завета. Например, Леонардо Бофф указывает на наиболее ценные для теологии освобождения книги Библии, в том числе Исход (представлен подвиг политико-религиозного освобождения массы рабов, которая становится силой божественного Завета, народом Божиим), Пророки (обличение несправедливостей, права угнетаемых), Евангелие (акцент на личности и уникальном смысле деяний Иисуса Христа), Деяния апостолов (события и жизнь освобожденной и освобождающей христианской общины), Апокалипсис и иные источники (Маккавейские книги, книги Ездры и Неемии) (подробнее – см.: [4, с. 465]).

При прямом обращении к тексту Библии и особенно Нового Завета можно привести аргументы как в логике теологии освобождения, так и иных акцентов. Материальное благополучие было характерно скорее для ветхозаветного периода. «И сказал Господь [Моисею]: Я увидел страдание народа Моего в Египте и услышал вопль его от приставников его; Я знаю скорби его и иду избавить его от руки Египтян и вывести его из земли сей [и ввести его] в землю хорошую и пространную, где течет молоко и мед» (Исх 3:7–8).

В Новом Завете акцент делается на духовное измерение и не предполагает революционное переформатирование социального устройства. Цитаты если не всегда противоречат, то существенно дополняют и зачастую смещают акценты. Из наиболее известных: «Ибо нищих всегда имеете с собою и, когда захотите, можете им благотворить; а Меня не всегда имеете» (Мк. 14:7), «Трудно богатому войти в Царство Небесное; и еще говорю вам: удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие <...> человеку это невозможно, Богу же все возможно» (Мф. 19:23-24), «Не Моисей, дал вам хлеб с неба, а Отец Мой дает вам истинный хлеб с небес; ибо хлеб Божий есть Тот, Который сходит с небес и дает жизнь миру» (Ин: 6:32-32) и др.

Рассмотрим ответы по ключевым вопросам экономической и социальной этики со стороны представителей либеральной теологии и православия:

- рефлексия о божественном замысле и промысле о бедных.

Не следует упрощать «борьбу с бедностью» в либеральной теологии и забывать о том, что ее основатели и идеологи были католическими мыслителями и достаточно глубоко и хорошо знали как евангельский дискурс, так и сложности социального устройства. Например, еще в 1968 г. на упомянутой конференции Латиноамериканского епископального совета в Медельине (Колумбия) был принят документ, разграничивающий три вида бедности, в том числе: материальную бедность (недостаток средств для обеспечения приемлемого уровня жизни), духовную бедность (понимаемую как готовность совершать волю Божию) и солидарность с бедными (протест против сложившейся системы).

При этом Густаво Гутьеррес особенно подчеркивал, что латиноамериканская бедность прямо противоречит евангельскому пониманию, и, по его мнению, Церковь должна [5, с. 465]: обличать несправедливую материальную бедность как «возмутительное состояние»; проповедовать духовную нищету, которая предполагает по-детски открытые и доверительные отношения с Богом; добровольно принимать на себя материальную нищету в знак социального протеста и солидарности с наиболее угнетёнными слоями населения. Леонардо Бофф рассуждал о Марии: «Она думает не о Себе, а о других. Только тот может быть освободителем, кто освободится от себя самого и поставит свою жизнь на служение другим, как Мария, Иисус и Иосиф» [там же]. Таким образом, акт «любящей солидарности» с бедными, сущностный протест против бедности. «Бедность и нищета рождены обществом, а не природой или Промыслом. Они есть следствие того, как организовано общество» [6, с. 251].

Православное и в целом христианское отношение к бедности выглядит более сложным. Безусловно испытывая жалость и сострадание к угнетаемым, осуждая воровство и незаконное присвоение благ, многие мыслители и святые отцы не осуждали само расслоение по материальному признаку как таковое. Например, еще в 387 г. в беседе к антиохийскому народу архиепископ Константинопольский свт. Иоанн Златоуст говорит: «Вы смущаетесь, видя на земле богатых и бедных, и пользуетесь случаем обвинять Бога в несправедливости. Я же напротив говорю, что неравенство между нами по состоянию есть одно из доказательств Его Промышления. Не будь бедных – и у вас не было бы ни матросов, ни лоцманов, ни рабочих, ни кузнецов, ни хлебников. Кто стал бы заниматься каким-нибудь механическим ремеслом? Все было бы смятением и беспорядком. Бедность есть великая наставница людей: она побуждает и принуждает их к работе и к занятию ремеслами. Если бы мы все были богачами, мы все заснули бы в лености; домостроительство мира поколебалось бы и общество не могло бы существовать» (цит. по: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/ob_Anne). Принимая во внимание аскетичность жизни свт. Иоанна, невозможно обвинить его в наличии какой-либо личной выгоды от сложившегося положения.

Можно найти сотни поучительных цитат как о необходимости сострадания и помощи бедным, так и о духовной пользе бедности. И все же на протяжении XIX-XXI вв. о недостатке внимания к этому говорили отечественные исследователи. Например, Н.В. Сомин указывает, что «православие в [дореволюционной] России занималось лишь воспитанием душ, приготовлением их к Царствию Небесному; социальная же сфера оставалась в тисках безблагодатного, по сути дела, ветхозаветного социального строя, вмещавшего крепостничество, эксплуатацию, резкое социальное неравенство, деление на «господ и рабов», что, конечно, абсолютно не совместимо со статусом православной империи. И чем дальше развивался русский проект, тем эти недостатки становились все более очевидными как для верхов, так и для низов» [7];

- действенная реакция на бедность и социальную несправедливость.

Как было отмечено, сторонники теологии освобождения выступали и выступают за существенную перестройку социальных, экономических, политических систем в целях улучшения положения бедных и наименее защищенных слоев. Гутьеррес пишет: «Теология освобождения не ограничивается размышлениями об окружающем мире, а стремится стать моментом процесса, способствующего его преобразованию» [8, р. 40].

Православный подход (в принципе, как и католический, не затронутый идеями либеральной теологии, особенно до либеральных реформ Второго Ватиканского Собора) на протяжении всей истории и в разных регионах присутствия предполагал помощь нуждающимся в условиях конкретной общественно-экономической формации и без рассуждений о смене системы и реформ общественных институтов, а еще больший акцент делался на принятие условий существования и на духовную жизнь вне существенной зависимости от внешних условий.

В XX веке одна из наиболее ярких личностей православного мира и российской эмиграции в Париже св. Мария (Скобцова) писала: «Я знаю, что нет ничего лицемернее, чем отказ от борьбы за сносное матерьяльное существование обездоленных под предлогом, что перед вечностью их матерьяльные беды ничего не значат. Я думаю, что человек может отказываться от любых из своих прав, но абсолютно не смеет отказываться от прав своего ближнего» [9, с. 138]. Мать Мария была участницей французского Сопротивления, тем не менее, основной акцент делала на свои ежедневные усилия помощи беднейшим слоям, посещая опийные притоны, портовые кабаки, утешала, пробуждала человеческое в людях из наименее защищенных социально-экономических слоев;

- отношение к марксизму.

Если по указанным выше аспектам позиции имеют зачастую общую базу, а явные противоречия наблюдаются только при чрезмерной примитивизации, то в отношении к марксизму линия разграничения прослеживается четко. Конечно, атеистический и материалистический подход явно отвергался представителями либеральной теологии. Тем не менее акценты на социальное и экономическое расслоение, необходимость самореализации человека, классовую борьбу сближает ее с марксистскими подходами.

В результате – попытки использовать марксистские концепции для проведения анализа общества, вопрос «имеет ли революция также теологическое значение» (Ричард Шолл, 1919-2002 гг.), развитие социалистического течения внутри христианства и сочетание марксизма и социально-христианского учения (Гутьеррес) и т.д. Подробнее – см. раздел «Марксизм как принцип» в упомянутой выше статье А.М. Хамидулина «Латиноамериканская теология освобождения как социальная теология».

Православные церкви и народы, значительно пострадавшие от коммунистических режимов XX века, построенных в существенной степени на марксистской идеологии, негативно относятся к марксистским концепциям. Естественно, негатив вызывает не критика западноевропейской буржуазной, индивидуалистской культуры, а конкретное воплощение в политической, социальной, экономической жизни стран;

- понимание роли Евхаристии в адекватном ответе на проблемы бедности.

Гутьеррес подчеркивал, что Евхаристия и евхаристическое единение Бога и человека является путем действием в отсутствие реальной нетерпимости к эксплуатации, мотивации человека к улучшению социальной среды и т.д. Более радикальные случаи, как, например, ограничение евхаристического общения в связи с установками теологии освобождения (например, совершение Евхаристии только среди тех, кто участвовал в вооруженной борьбе против армии колумбийского государства лидером колумбийского партизанского отряда священником Камило Торресом) не являются распространенными и не получили значимого отражения в общедоступных источниках.

Теологии освобождения особенно свойственно понимание Евхаристии не как «духовного индивидуального акта», а в контексте единения с иными людьми и воплощения обращения к Богу о благословении мира. Конечно, это верная общехристианская интуиция, которая напрямую вытекает из двухтысячелетней практики и которой можно найти множество подтверждений, однако не в такой заостренной на социально-экономических отношениях форме.

Православный взгляд на экономику и экономическую этику: опыт России

В первой части статьи были рассмотрены предпосылки и причины возникновения теологии освобождения, противоречия с католической доктриной, общее и различия с православным подходом к проблеме. В данной части дополнительно рассмотрим рефлексию на социально-экономическую проблематику с позиции Русской православной церкви, основываясь на рассмотрении проекта документа Межсоборного присутствия «Экономика в условиях глобализации. Православный этический взгляд» (см.: <https://msobor.ru/document/43>).

Сразу отметим ограниченность подхода, поскольку документ до сих пор не был завершен и официально принят, а также в силу того, что мы не рассматриваем детально опыт иных поместных Церквей (Константинопольской, Александрийской, Антиохийской и т.д.). Например, известно, что на соборе десяти автокефальных Православных Церквей на о. Крит в 2016 году данные вопросы не были частью повестки обсуждения. В то же время данная проблематика была затронута в Послании предстоятелей православных церквей от 12 октября 2008 года, в т.ч. пункт 8 послания гласил: «Пропасть между богатыми и бедными драматически разрастается вследствие экономического кризиса, который является ре-

результатом извращенной экономической деятельности, лишенной человеческого измерения и не служащей подлинным потребностям человечества, а также погони финансистов за наживой, часто приобретающей маниакальный характер. Жизнеспособна лишь такая экономика, которая сочетает эффективность со справедливостью и общественной солидарностью» (цит. по: <http://www.patriarchia.ru/db/text/473056.html>).

Прежде чем перейти к содержательной части документа, необходимо сказать несколько слов об институте Межсоборного присутствия. Межсоборное присутствие является совещательным органом, действующим высшей церковной власти Русской православной церкви в подготовке решений, касающихся наиболее важных вопросов внутренней жизни и внешней деятельности Русской православной церкви. Межсоборное присутствие задумывалось как механизм общецерковного обсуждения вопросов, поставленных на заседаниях Поместного собора.

В течение 2009-2020 гг. Межсоборным присутствием был разработан ряд документов, в том числе значимых для общественной жизни населения, не принадлежащего к православной вере. Среди наиболее важных можно выделить документ «Об участии верных в Евхаристии» (2015 г.), «Пассия как элемент богослужения Русской Православной Церкви» (2019 г.), в значительной степени проработки находится документ «О благословении православных христиан на исполнение воинского долга» (2020 г.) и др. В то же время некоторые документы могут в течение длительного периода (несколько лет) находиться в процессе доработки – например: «Профессии, совместимые и несовместимые со священством» (опубликован 25 января 2017 г.), рассматриваемый в данной статье проект документа «Экономика в условиях глобализации. Православный этический взгляд» (направлялся в епархии 23 мая 2016 г.) и др.

Несмотря на значительное внимание Межсоборному присутствию и прогресс в части процедур, состава комиссий и качества ряда документов, можно выделить недостатки всего процесса: незначительная осведомленность мирян-профессионалов о работе Межсоборного присутствия и соответственно их низкая активность в формировании документов, в ряде случаев – недостаточный уровень дискуссией в общедоступных средствах обмена информацией и проч.

Итак, рассматриваемый в данной контексте проект документа был опубликован на сайте Межсоборного присутствия еще в 2015 г. и собрал несколько обширных критических отзывов, однако так и не был существенно переработан и завершён до настоящего времени. В проекте документа даются общие подходы к пониманию глобализации, необходимость преодоления неравенства, рачительного использования земных богатств, равноправного международного сотрудничества и проч. В тексте документа приводится цитата из указанного выше Послания предстоятелей православных церквей от 2008 года: «Жизнеспособна лишь такая экономика, которая сочетает эффективность со справедливостью и общественной солидарностью».

Среди недостатков мирового экономического устройства отмечены несправедливое распределение благ между странами, значительное социальное расслоение внутри отдельных государств: «Если в первые десятилетия после Второй Мировой Войны разница в уровне жизни между богатыми и бедными, по крайней мере в развитых странах, сокращалась, то теперь статистика демонстрирует обратную тенденцию. Сильные ... всё более пренебрегают интересами слабых – как в отношении социальной защиты не способных к труду детей и стариков, так и в отношении достойного вознаграждения трудоспособных работников. Увеличение имущественного расслоения содействует умножению грехов, поскольку провоцирует похоть плоти на одном полюсе, зависть и гнев – на другом». «Алчность теневых властителей глобальной экономики ведёт к тому, что тончайший слой «избранных» становится всё богаче и одновременно всё больше освобождается от ответственности за благополучие тех, чьим трудом эти богатства созданы».

Соглашаясь с общим критическим посылом, хотелось бы рекомендовать продумать более конкретные идеи или рекомендации по изменению ситуации. Например, можно поспорить с тезисом об «алчности теневых властителей», поскольку даже вполне прозрачные бизнес-структуры и крупнейшие публичные компании могут получать сверхприбыли за счет грамотно выстроенной и зачастую спекулятивной и переоцененной деятельности (чрезмерно раздутые финансовая сфера, сфера консалтинга в определенных сегментах, индустрия развлечений и проч.).

Тем более, что столь важный вопрос о справедливом распределении экономических ресурсов и доходов от ресурсов уже был затронут в концептуальном документе более высокого уровня «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви от 2008 г.». Так, в подразделе XVI.3 раздела XVI.

Международные отношения. Проблемы глобализации и секуляризма указано: «Церковь ставит вопрос о всестороннем контроле за транснациональными корпорациями и за процессами, происходящими в финансовом секторе экономики. Такой контроль, целью которого должно стать подчинение любой предпринимательской и финансовой деятельности интересам человека и народа, должен осуществляться через использование всех механизмов, доступных обществу и государству» (цит. по: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html>).

Как было указано в начале статьи, традиционно для измерения социально-экономического расслоения в обществе используют известные коэффициенты и данные статистики, например, рассмотренные сравнения по индексу Джинни. Однако данные коэффициенты не всегда можно интуитивно осознать и тем более выработать конкретные рекомендации для улучшения ситуации. В целях повышения конкретики можно рассмотреть выборку крупнейших компаний России и внимательно посмотреть на абсолютные показатели компаний. Картину соотношения коммерческого успеха и социального эффекта можно продемонстрировать на примере несложных статистических данных – распределения доходов крупнейших компаний, используя данные официально публикуемой консолидированной отчетности, сгруппированные в таблице.

Таблица

Избранная финансовая информация по крупнейшим 20 компаниям

Компания	Выручка, 2019, млрд руб.	Прибыль (ЕБИТДА), 2017-2019, млрд руб.	Инвестиции, 2017-2019, млрд руб.	Дивиденды, 2018-2019, млрд руб.	Налоги, 2019, млрд руб.	Денежные средства и эквиваленты, 1П 2021, млрд руб.
НК «Роснефть»	8 676	5 173	2 760	612	2 858	1 298
ПАО «Газпром»	7 660	6 161	4 821	760	1 766	1 443
НК «ЛУКОЙЛ»	7 841	3 197	1 413	477	1 079	563
ПАО «Газпром нефть»	2 485	1 704	1 195	348	676	345
ПАО «Сургутнефтегаз»	1 571	1 356	471	81	740	1 531
ПАО «Магнит»	1 369	323	186	74	29	129
ПАО «Россети»	1 010	829	668	15	28	122
ПАО «Транснефть»	1 064	1 340	846	78	83	413
ПАО «Интер РАО»	1 032	325	83	38	24	287
НК «Татнефть»	955	849	280	422	366	141
ПАО "ЭН+ ГРУП"	151	430	138	0	1	300
ПАО АНК «Башнефть»	855	486	179	79	238	8
Группа НЛМК	653	563	148	440	33	64
ПАО НОВАТЭК	863	678	275	80	180	114
АФК «Система»	657	708	354	30	32	201
ГМК Норникель	878	1 148	301	484	120	56
Аэрофлот	678	253	48	37	-	94
ПАО «Северсталь»	505	518	157	324	34	57
ПАО «ММК»	468	394	153	138	16	79 (2020 г.)
ПАО «МТС»	476	624	268	154	18	133 (2020 г.)
Итого	39 847	21 888	11 983	4 659	8 321	7 378

Источник: анализ автора на основе данных системы Рейтерс и финансовой отчетности компаний.

С этой целью было выбрано только 20 крупнейших компаний, по общему размеру выручки с учетом возможных межгрупповых оборотов, формировавших порядка трети ВВП России в 2019 г., который по

данным Росстата составил 110 трлн руб. (см.: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/81201>). (2020 г. выглядит недостаточно репрезентативным с учетом эффекта локдаунов 2019-2020 гг., данные за 2021 г. не полностью доступны на момент написания статьи, однако эти ограничения никак не меняют общую картину обзора.) В анализе автор использовал данные информационной системы Рейтерс и финансовую отчетность, публикуемую на сайтах указанных компаний.

Наиболее интересным в контексте статьи выглядит сравнение общей прибыли (ЕВITDA – прибыль до расходов по процентам, налогу на прибыль и амортизации) с инвестициями, дивидендами и уплаченными налогами за два/три года обзора. В целом, превышение инвестиций и налогов над дивидендами выглядит положительным фактом, однако все равно обращает на себя внимание как общая значительная сумма дивидендов (4,7 трлн руб.), так и превышение уплаченных дивидендов над инвестициями или общей суммой расхода по налогам по некоторым компаниям. Например, ГМК «Норникель» за данный трехлетний период инвестировала в развитие порядка 300 млрд руб., уплатила налог на прибыль в 2019 г. на сумму 120 млрд руб. (сумма остальных налогов менее существенна), при этом распределила дивиденды акционерам за два года на сумму почти 500 млрд руб. Расширение выборки до 500 крупнейших компаний показывает, что более 50 из 500 компаний сумма дивидендов 2020 г. оказалась больше, чем сумма их инвестиций в развитие и поддержание активов.

В связи с этим особенно интересно сравнение отдельных социальных или иных общественно-значимых проектов, размеров благотворительных фондов и т.п. с прибылью или дивидендами крупного бизнеса. Например (см.: <http://government.ru/news/44168>), общий объем средств федерального бюджета на строительство школ в России в 2021–2024 гг. составляет 234,7 млрд руб. (то есть менее суммы дивидендов некоторых отдельных компаний), общий бюджет главного храма Вооруженных сил Российской Федерации составлял порядка 6 млрд руб. (затраты сопоставимы с суммой дивидендов некоторых крупных компаний за 1-2 недели их деятельности), годовой объем средств фондов Милосердие.ру или фонда В. Потанина составляют порядка 0,1 и 1,8 млрд руб. (см.: <https://www.miloserdie.ru/news/fondpotanina-potratil-bolee-18-mlrd-rublej-na-podderzhku-soczialnyh-proektov-v-2021-godu>) соответственно, то есть выглядят незначительными с учетом прибыли и дивидендных доходов акционеров крупного бизнеса.

В п. 2 документа также подчеркивается важность достойного уровня оплаты труда. «Сильные не имеют морального права пользоваться своими преимуществами за счёт слабых, но напротив – обязаны заботиться о тех, кто обездолен. Люди, работающие по найму, должны получать достойное вознаграждение. Поскольку они совместно с работодателями участвуют в создании общественных благ, то уровень жизни работодателя никак не может расти быстрее уровня жизни работников». Для понимания того, насколько несправедливо занижен уровень оплаты труда в той или иной компании достаточно сравнить расходы на фонд оплаты труда в финансовой отчетности с показателями коммерческого успеха компании (операционной или чистой прибылью, уплачиваемыми акционерам дивидендами, рыночной стоимостью капитала компании и т.д.).

На взгляд автора было бы полезно проработать конкретные меры и, пусть в общих чертах, указать механизмы регулирования в целях повышения социальной и бюджетной ответственности бизнеса перед обществом.

Недостаточно проработанным выглядит раздел 3 «жизнь взаимы». Действительно, в христианском корпусе сформировано негативное отношение к механизму кредита, однако это справедливо затрагивало преимущественно личные финансы, подчеркивалась рискованность кредита с учетом возможных сложных жизненных ситуаций, недопустимость обогащения за счет предоставления средств нуждающимся и т.п.

Архиепископ, церковный писатель и богослов свт. Василий Великий (330-379) писал (цит. по: <https://predanie.ru/book/219971-vasilii-velikiy-o-bogatstve-i-bednosti-sobstvennosti-i-dengah>): «Крайне бесчеловечно, когда один, имея нужду в необходимом, просит заем, чтобы поддержать жизнь, другому не довольствоваться возвращением данного заем, но придумывать, как извлечь для себя из несчастий убогого доход и обогащение». А также: «Никакого нет стыда быть бедным, для чего же навлекаем на себя позор, входя в долги? Никто не лечит раны раною, не врачует зла злом, и бедности не поправишь платою роста. Ты богат? Не занимай. Ты беден? Также не занимай. Если имеешь у себя достаток, то нет тебе нужды в долгах. А если ничего не имеешь у себя, то нечем будет тебе заплатить долг. Не предавай

жизнь свою на позднее раскаяние, чтобы тебе не почитать счастливыми тех дней, в которые ты не платил еще роста».

В то же время необходимо учитывать, что механизм кредита в современных условиях по существу является финансовым рычагом для бизнеса при реализации новых проектов, модернизации производства, а также в личных финансах при умеренном уровне заимствований в условиях роста цен на необходимый актив. Таким образом, более конструктивной в документе выглядела бы не просто или не только критика идеи кредита, а напоминание о необходимости критического отношения к потребности в условиях навязчивой атмосферы общества потребления, осмотрительного отношения к уровню долга и стоимости долга, анализа рисков и возможных негативных сценариев развития событий и проч. – опять же это применимо как в корпоративных, так и в личных финансах.

Справедливыми выглядят следующие пункты проекта документа, в которых отмечены: негативные стороны миграционных потоков (п. 4), возрастание нагрузки от деятельности человека на окружающую среду (п. 5), коммерциализация культурной жизни (п. 6) и др. Тем не менее здесь также была бы полезна конкретизация возможных усилий как регулирующих органов, так и бизнес-сообщества и отдельных граждан. Например, в части экологических вопросов можно напоминать о необходимости ответственного ведения деятельности бизнесом любого уровня, детальной экспертизы новых проектов на предмет возможных ущербов окружающей среде, бережного отношения к природе всех граждан, стимулирования волонтерских движений по очищению среды от физического и информационного мусора и проч и проч.

Текущая ситуация и перспективы

В статье рассмотрены основные предпосылки и постулаты теологии освобождения, возникшей в странах Латинской Америки во второй половине XX века в ответ на социально-экономические проблемы, накопившиеся в регионе, и в условиях либерализации католической жизни и мысли этого периода. Несмотря на то, что направление возникло в католической среде, оно получило неоднозначную оценку со стороны Римско-католической церкви.

В настоящее время острая фаза споров отчасти пройдена, однако вопросы экономической этики и духовных проблем современного капиталистического общества периодически волнуют как зарубежных, так и отечественных авторов. Так, в статье рассмотрены некоторые подходы Русской православной церкви, которые еще не полностью сформулированы в корпусе доступных документов.

В 2022 г. руководство Межсоборного присутствия вернулось к проекту документа 2015 года «Экономика в условиях глобализации. Православный этический взгляд»: 21 июня 2022 г. в Москве прошел круглый стол со схожим названием «Экономика и глобализация: православный этический взгляд» (см.: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5939019.html>). Были высказаны опасения по поводу негативных явлений глобализации и текущих международных конфликтов, необходимости «разработки реалистичных механизмов построения отвечающего требованиям времени институционального и технологического порядка», затронуты текущие проблемы коррупции и невысокого среднего уровня оплаты труда в России и проч. Тем не менее большинство тезисов участников еще выглядят недостаточно конкретными и требуют продолжения работы над документом.

Следует отметить, что рассмотренный в статье документ собрал ряд критических замечаний и комментариев на официальном сайте Межсоборного присутствия, некоторые из которых весьма обширны и глубоки по содержанию – например, это отзывы Русского экономического общества им. С.Ф. Шарипова и прот. Всеволода Чаплина от 2016 г. В данной статье не представилось возможным повторить и детально разобрать данные тезисы, однако их критический анализ и учет в проекте документа, а также рассмотрение новых замечаний и дополнений могут послужить темой отдельного обзора.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Мониторинг социально-экономического положения и социального самочувствия населения. Апрель 2021 / под ред. Л.Н. Овчаровой. М.: НИУ ВШЭ, 2021.
2. *Мареева С.В., Слободенюк Е.Д.* Неравенство в России на фоне других стран: доходы, богатство, возможности. Аналитический доклад. М.: НИУ ВШЭ, 2021.
3. *Boff L., Boff C.* Como Fazer Teologia da Libertac, ao. Petropolis. 1986. 141 p.

4. *Выжнанов И.*, прот. Теология освобождения в Римско-Католической Церкви: история движения, часть 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://portal-slovo.ru/theology/44804.php> (дата обращения 11.06.2022).
5. *Хамидулин А.М.* Латиноамериканская теология освобождения как социальная теология // Труды Нижегородской духовной семинарии. 2018. С. 459-473.
6. *Бофф Л.* Социальная экология: бедность и нищета // Экоотеология: голос севера и юга. М., 1997, с. 282-294.
7. *Сомин Н.* Православный социализм как русская идея. М., 2015. 544 с.
8. *Gutierrez G.* Teologia de liberacion. Salamanca, 1985.
9. *Мать Мария.* Стихотворения, поэмы, мистерии, воспоминания об аресте и лагере в Равенсбрюк. Париж, 1947. 166 с.
10. *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. СПб.: Изд-во Азбука, 2016. 224 с.
11. *Бердяев Н.А.* Смысл истории. СПб.: Изд-во Азбука, 2017. 256 с.
12. *Бердяев Н.А.* О рабстве и свободе человека. М.: Изд-во Директ-Медиа, 2008. 332 с.
13. *Великанов П.*, прот. Опыт интернет-обсуждения документов Межсоборного присутствия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://bogoslov.ru/article/2413716> (дата обращения 11.06.2022).
14. *Крылов П.В.* Теология освобождения в Латинской Америке: социальные идеалы и политическая практика // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. Теория, практика, методология. М., 2015. С. 6-18.
15. *Blake L.* John Chrysostom on Almsgiving and the Use of Money // Harvard Theological Review. 1994. № 87 (1).
16. *Bouteneff P.* Liberation: challenges to modern orthodox theology from the contextual theologies // Union Seminary Quarterly Review. 2012. № 3-4.
17. *Clément O.* Orthodox Reflections on 'Liberation Theology // St. Vladimir's Theological Quarterly. 1985. № 29 (1).
18. *Gutierrez G.* A Theology of Liberation. Maryknoll, NY: Orbis Books, 1973. 265 p.
19. *Hayes S.* Orthodoxy and liberation theology // Journal of Theology for Southern Africa. 1990. № 73.
20. *LeMasters Ph.* Latin American Liberation Theology and Eastern Orthodox Social Ethics: Is a Conversation Possible? // Water Wheel. 2015. November. P. 11-15.
21. *Moltmann J.* Theology of Hope. New York: Harper & Row, Publishers, 1967. 344 p.
22. *Mong Ih-Ren A.* Towards an Orthodox Theology of Liberation: An Examination of the Works of Nicolas Berdyaev // International Journal of Orthodox Theology 2013. № 4 (2). P. 43-74.
23. *Negrov A.* An overview of liberation theology in orthodox Russia. HTS 61(1&2). 2009. PP.327-345.

ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА КАК АНТЕЦЕДЕНТ УСПЕШНОЙ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация. В статье цифровая культура представлена в ее фрактальной конфигурации. Дана характеристика ключевых задач распространения цифровой культуры на макроуровне, в деловой среде и для отдельно взятой организации – от распространения цифровой грамотности, цифровой концептуализации организационной культуры до формирования культуры технологического предпринимательства.

Ключевые слова. Цифровая трансформация, цифровая культура, цифровая грамотность, организация знаний, ценности.

Rastova Yu.I., Salimyanova I.G., Rastov M.A.

DIGITAL CULTURE AS ANTECEDENT OF SUCCESSFUL DIGITAL TRANSFORMATION OF ORGANIZATION

Abstract. In the article, digital culture is presented in its fractal configuration. The key tasks of spreading digital culture at the macro level, in the business environment and for a single organization are described – from the spread of digital literacy, digital conceptualization of organizational culture to the formation of a culture of technological entrepreneurship.

Keywords. Digital transformation, digital culture, digital literacy, knowledge organization, values.

Введение

В современном мире цифровая трансформация стала основной движущей силой Индустрии 4.0. Цифровая трансформация как одна из национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 года предусматривает достижение цифровой зрелости ключевых отраслей экономики и социальной сферы. Цифровая трансформация – внедрение цифровых инструментов исполнения процессов создания, планирования, проектирования, развертывания и эксплуатации в традиционных секторах экономики, сопровождающееся значительным улучшением их характеристик и результатов. Все процессы меняются в силу изменения способов сбора (IoT, Big Data), передачи и хранения (5G, квантовые технологии, облака, блокчейн), анализа данных и принятия решений (искусственный интеллект и нейротехнологии).

Все увереннее можно утверждать, что сегодня добавленная стоимость создается преимущественно за счет использования сквозных цифровых технологий (искусственный интеллект, робототехника,

ГРНТИ 06.56.21

EDN TFFAJI

© Растова Ю.И., Салимьянова И.Г., Растов М.А., 2022

Юлия Ивановна Растова – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры менеджмента и инноваций им. Г.А. Краюхина Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Индира Гаязовна Салимьянова – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры менеджмента и инноваций им. Г.А. Краюхина Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Мирон Аркадьевич Растов – кандидат экономических наук, младший научный сотрудник лаборатории комплексного исследования пространственного развития регионов Института проблем региональной экономики РАН.

Контактные данные для связи с авторами (Растова Ю.И.): 191023, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, 30-32 (Russia, St. Petersburg, Griboedov canal emb., 30-32). E-mail: rastova.yu@unecop.ru.

Статья поступила в редакцию 12.07.2022.

большие данные, системы распределенного реестра, квантовые технологии, новые производственные технологии, промышленный интернет, беспроводная связь, виртуальная и дополненная реальность). Применение бизнес-аналитики (BI) и аналитики больших данных (BDA) в традиционных процессах принятия решений повышают производительность и прибыльность компаний на 5–6% по сравнению с их конкурентами [18]. Компании, использующие предписывающие, основанные на аналитике алгоритмы машинного обучения, увеличивают свои доходы более чем на 15% [22].

Среди специалистов не вызывает дискуссии утверждение, согласно которому организационная культура является фактором, который в итоге определяет эффективность, с которой компания внедряет цифровые технологии, а недостаточное внимание организаций к культуре – одна из наиболее часто упоминаемых причин неудачи цифровых преобразований [23]. В исследовательском сообществе происходит цифровая концептуализация организационной культуры. И здесь возникает опасность представления цифровой культуры как результата оцифровки организационной культуры конкретной компании, или только как организационной культуры в условиях цифровой экономики. Очевидно, что цифровая культура – категория более высокого порядка, описывающая как минимум процессы и результаты оцифровки культуры человечества, то есть форм и способов человеческого самовыражения и самопознания, накопления навыков и умений не только в профессиональной деятельности, но и во все большем числе социальных процессов.

Более того, понятие «цифровая культура» не может сводиться к оцифровке, то есть процессу преобразование аналоговых данных в битовые строки (строки из 1 и 0). Важно, чтобы эти цифровые объекты с помощью телекоммуникационных сетей, компьютерной техники, приложений и платформ превращались в цифровые ресурсы для преобразования практики создания социальных и/или экономической ценностей [20]. Не случайно, специалисты подчеркивают, что «в отличие от других способов инновации, цифровизация основывается на одновременном развитии широкого спектра технологий» [5]. Термин «цифровая культура» (Digital Culture) предложил философ Чарли Гир в 2002 г. [6]. Однако и сегодня остается потребность в объединяющем объяснении существенных свойств цифровой культуры.

Материалы и методы

Цифровая культура наряду с лидерством менеджеров, вовлеченностью персонала, цифровыми ресурсами и процессами образует необходимую среду успешной цифровой трансформации организации [11]. Изоморфизм этих условий на макроуровне, в деловом окружении и в самой организации позволяет говорить о предфрактальной размерности среды цифровой трансформации организации. Как пример, лидерство на макроуровне реализуется посредством национальной программы цифровизации экономики, создания нормативной базы, развития цифровых технологий и информационной инфраструктуры, внимания к информационной безопасности, распространения искусственного интеллекта, подготовки кадров для цифровой экономики.

Лидерство в деловой среде демонстрируют: лидирующие исследовательские центры (ЛИЦ), кооперирующиеся с промышленными партнерами (Самарский государственный медицинский университет; Сколтех; «Глобалинформсервис»; Национальный исследовательский университет ИТМО; Международный центр квантовой оптики и квантовых технологий; Национальный исследовательский университет «МИЭТ»; Университет «Иннополис»); операторы разработки дорожных карт федеральных проектов развития и распространения сквозных цифровых технологий; компании-лидеры по разработке продуктов, сервисов и платформенных решений на базе «сквозных» цифровых технологий; якорные компании, внедряющие отечественную продукцию радиоэлектронной промышленности, с их «ключевыми поставщиками» отечественной электроники.

Лидерство в организации как фактор среды цифровой трансформации – это личное участие топ-менеджмента в планировании, распределении обязанностей и полномочий, постоянное совершенствование и оптимизация процедур выработки, принятия, развертывания и поддержания решений, систематическом измерении и анализе результативности и эффективности, в рамках проектов цифровой трансформации, прямые контакты с заинтересованными сторонами, вовлечение персонала. Ресурсы цифровой трансформации на макроуровне определяются охватом домашних хозяйств подключением к широкополосным сетям, средней скоростью соединения IPv4 и передачи данных, охватом территории сетями 4G, объемом радиочастотного спектра, доступного для использования радиоэлектронными средствами 5G/IMT-2020, наличием единой сети электросвязи с волоконно-оптическими линиями подключения.

Для деловой среды важно подключение к сетям передачи данных, обеспечивающим достаточную информационную безопасность, включая квантовые сети, а также распространение технологии создания и исполнения децентрализованных приложений и смарт-контрактов, технологий обеспечения целостности и непротиворечивости данных (консенсус), бесшовность взаимодействия. Ключевым ресурсом цифровой трансформации на уровне организации является комплекс технологий и построенных на их основе цифровых продуктов, обеспечивающих вычислительные, телекоммуникационные и сетевые мощности и работающих на цифровой основе. Исследования цифровой культуры должны, по нашему мнению, разворачиваться в такой же логике, то есть следует рассматривать это явление на макроуровне, как атрибут бизнес-среды и как характеристику самой организации.

Результаты и их обсуждение

Когда речь идет о «макроуровне» цифровой культуры, задачей государства является разрушение стереотипа, согласно которому «новые поколения имеют новый подход к устройствам и развили квази-врожденные навыки, которые предлагают компаниям большой потенциал при выходе на рынок труда» [19]. Действительно, поколение Z демонстрирует значительный опыт пользования электронными сервисами и услугами (стриминговыми сервисами, чат-ботами, видеоиграми, криптовалютами, онлайн-банкингом, кэшбэк-сервисами), а также относительно большую осведомленность о цифровых технологиях (искусственный интеллект, цифровые двойники, блокчейн и др.) [4].

Однако, если встать на достаточно распространённую позицию, согласно которой, встраивание поисковых систем, алгоритмов и баз данных в различные социальные и культурные практики формирует не только особые коммуникативные действия, но и способы осмысления окружающего нас социального мира, заставляя думать, усваивать информацию и действовать в логике архивирования, упорядочивания, фильтрации и поиска, то следует согласиться с выводом, что цифровая культура есть не что иное как организация знаний [16]. Таким образом, следует вести речь не о неких квази-врожденных способностях, а о необходимости дополнения минимального порога стандартов грамотности, таких как чтение, письмо и счет, четвертым набором когнитивных цифровых навыков, а далее – последовательное их развитие в системе высшего и среднего профессионального образования, позволяющих развивать способы критического мышления с распознаванием того, какой информации не хватает, поиск ее, ее фактическое обнаружение и, наконец, обработка найденной информации с использованием цифровых ресурсов [17; 19].

Следует сказать, что в образовании уже сегодня формируются навыки работы с цифровыми библиотечными средами и виртуальными платформами, кросс-рецензирования, цифровой визуализации, работы с инструментами командного редактирования и т.д. Однако далеко не во всех случаях требования к знаниям, умениям и навыкам, общекультурным, универсальным, общепрофессиональным и профессиональным компетенциям предусматривают овладение цифровыми технологиями в области проектирования, администрирования и тестирования, с учетом развития навыков кодирования, включая командную работу с использованием цифровых средств, работу с системами контроля версий и рецензирования, работу с неструктурированными данными и виртуальной реальностью, машинное обучение [7; 12; 14]. При этом в фокусе внимания государства должно быть решение проблем цифрового разрыва – выравнивания условий доступа к информационным технологиям; надежности работы ИКТ и качества связи на больших территориях; полезности результатов использования Интернета и ИКТ в разных хозяйственных системах [24; 3].

Рассматриваемый стереотип оказывает существенное негативное влияние на принимаемые менеджментом организаций решения [8; 9]. Так, по результатам опроса 700 представителей российских компаний из 27 отраслей, проведенного в 2020 году консалтинговой компанией KMDA, 30% опрошенных руководителей намерены в качестве способа решения вопросов с нехваткой цифровых кадров и компетенций просто заменить «недостаточно компетентных сотрудников новыми с рынка», 34% намерены привлекать внешних консультантов [15]. Безусловно, феномен восприимчивости нового поколения к цифровым ресурсам нельзя игнорировать, но его признание должно открывать иной путь – обратное наставничество, когда руководители и рабочие действуют в паре с более молодыми сотрудниками и получают от них наставничество по темам, связанным с цифровой трансформацией. Цель обратного наставничества состоит в том, чтобы заполнить цифровой разрыв за счет вклада разных поколений, поощряя передачу ценностей, идей, ожиданий и навыков между менеджерами и молодыми талантами [19].

Как утверждают специалисты, именно ценности нового поколения определяют требования его представителей к бизнес-процессам, организации личного пространства, общению и стилю жизни. Они считают «необходимым условием для существования свободу, честность и реалистичность среды, при этом взаимодействовать с поколением Z нужно с элементами игры и в довольно высоком темпе. Представители интернет-поколения предпочитают практичность и замотивированы на результат, при этом они готовы к коллаборации и стремятся к достижению общей выгоды. Процесс развития представителей поколения Z характеризуется изменчивостью интересов, разносторонностью и внутренним страхом упустить возможности» [2, с. 278]. Причем, эти ценности сформированы в результате понимания «механики» видео-игр: формата on-demand, принципа gameplay loop, возможности управления динамикой, взаимодействия через среду (опосредованный кооператив), встраивания маргиналии, формирования цифрового следа и т.д.

Менеджмент же компании должен определить атрибуты существующей организационной культуры, а затем действовать в направлении уменьшения или устранения тех культурных атрибутов, которые препятствуют процессу цифровой трансформации или замедляют его, и, напротив, устанавливать организационные культурные атрибуты, поддерживающие реализацию соответствующей стратегии [21]. В частности, быстрые изменения и лидерство, по мнению специалистов, являются важнейшими культурными ценностями цифрового предприятия [1]. Причем даже при нехватке ресурсов или наличии других приоритетов руководство должно уделять внимание пусть локальным цифровым инициативам в рамках отдельных проектов, функций, подразделений или каналов, осуществление которых в любом случае способствует формированию характерных для цифровой культуры ценностей.

При этом цифровые цели и нормы, распределенные между бизнес-подразделениями, сами должны стать ценностями для новой организационной культуры. Причем «цифровые технологии облегчают лидерам формирование общих ценностей, позволяя им делиться ценностями со всеми членами организации с помощью простого электронного письма или публикации в социальных сетях. Из-за повышенной видимости коммуникации влиятельные лица могут более эффективно распространять свои ценности и побуждать других разделять их» [20].

Существенную функциональную нагрузку имеет определение цифровой культуры как способа организации взаимодействия с внешними стейкхолдерами, и в первую очередь с клиентами и всеми участниками создания цепочек ценности. Очевидно, существенным свойством цифровой культуры должна быть цифровая конгруэнтность, иначе близкая степень цифровой зрелости деловых партнеров и наличие у них совместной цифровой повестки за счет создания современных экосистем на базе облачных и мультисервисных программно-технических платформ, архитектурной модели Индустрии 4.0 (Reference Architectural Model Industry 4.0, RAMI 4.0) [13, с. 233]. В этом контексте актуальной исследовательской задачей является уточнение концепции и разработка методики оценки цифровой зрелости, причем не только и не столько конкурентов, как имеющихся, так и потенциальных партнеров. При этом руководство организации должно быть уверено, что все подразделения, команды и сотрудники действуют строго в соответствии с требованиями информационной безопасности.

Распространение цифровой культуры в деловой среде предполагает формирование новой культуры технического предпринимательства посредством создания и взаимодействия критической массы стартапов, профессиональных инвесторов, знакомых с «умным» финансированием, эффективной экосистемы поддержки. Доверие между участниками должно обеспечить возможность масштабирования полученных результатов через банки инновационных предложений [10].

Заключение

Подводя итог, можно сделать вывод, что распространение цифровой культуры в обществе, деловой среде и в среде организации имеет основополагающее значение для успешной цифровой трансформации бизнеса. Рассмотренные ключевые компоненты цифровой культуры современной организации, как представляется, должны быть инкорпорированы в содержание теории менеджмента, ее научный аппарат и инструментарий.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Санкт-Петербургского государственного экономического университета, протокол заседания Научно-технического совета от 12 мая 2022 год № 6.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Ананьин В.И., Зимин К.В., Лугачев М.И., Гимранов Р.Д., Скрипкин К.Г. Цифровое предприятие: трансформация в новую реальность // Бизнес-информатика. 2018. № 2 (44). С. 45-54.
2. Лapidус Л.В., Гостилович А.О., Омарова Ш.А. Особенности проникновения цифровых технологий в жизнь поколения Z: ценности, поведенческие паттерны и потребительские привычки интернет-поколения // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 83. С. 212-228.
3. Лapidус Л.В., Леонтьева Л.С., Гостилович А.О. Минимальная цифровая корзина российских регионов для трансформации промышленности // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. № 77. С. 212-228.
4. Лapidус Л.В., Сорокина Л.А., Гостилович А.О. Осведомленность поколения Z о технологиях цифровой трансформации бизнеса в условиях технологического сдвига // Ars Administrandi. 2020. Т. 12, № 4. С. 618-638.
5. Максимцев И.А., Костин К.Б., Березовская А.А. Цифровая трансформация международных корпораций: повышение профессиональной квалификации // Вопросы инновационной экономики. 2022. Т. 12, № 1. С. 689-704.
6. Менеджмент / под ред. А.Г. Бездудной. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2021. 258 с.
7. Михайлова Е.Г., Шехонин А.А., Елисеева О.В., Егорова О.Б. «Цифровая культура» в университете ИТМО // Современное образование: содержание, технологии, качество. 2019. Т. 1. С. 20-23.
8. Плотников В.А. Трансформация трудовых ресурсов в цифровой экономике // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2022. № 3. С. 196-199.
9. Плотников В.А., Нгуен В.Л. Последствия цифровизации для современного социума // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2022. № 1. С. 212-215.
10. Растов М.А. Банк инновационных предложений как инструмент коммерциализации научных и научно-технических результатов // Вестник ИНЖЭКОНа. Серия: Экономика. 2014. № 7 (74). С. 93-95.
11. Салимьянова И.Г., Погорельцев А.С. Формирование инновационной среды предприятий // Материалы VIII межд. науч.-практ. конф. «Современный менеджмент: проблемы и перспективы». СПб., 2013. С. 138-143.
12. Салимьянова И.Г., Степаненко Д.А. Инновационное развитие науки и высшего образования в условиях цифровой экономики // Вестник экономики, права и социологии. 2021. Т. 2. № 4. С. 87-91.
13. Тельнов Ю.Ф. Развитие архитектур цифровых предприятий // Научные труды Вольного экономического общества России. 2021. Т. 230. № 4. С. 230-235.
14. Тельнов Ю.Ф., Гаспарян М.С., Филюк М.А. Вопросы проектирования эффективных образовательных программ по направлению «Прикладная информатика» в условиях инновационного развития // Открытое образование. 2020. Т. 24. № 4. С. 13-21.
15. Цифровая трансформация в России – 2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [https://komanda-a.pro > projects > dtr_2020](https://komanda-a.pro/projects/dtr_2020) (дата обращения 06.07.2022).
16. Andersen J. Genre, Organized Knowledge, and Communicative Action in Digital Culture // The Organization of Knowledge (Studies in Information, Vol. 12). Emerald Publishing Limited, Bingley, 2017. P. 1-16.
17. Árpád R. Digitális kultúra – A digitalizált és a digitális platformon létrejött kultúra // Az információs társadalom. 2007. P. 182-201.
18. Bohanec M., Borštnar M.K., Robnik-Šikonja M. Explaining machine learning models in sales predictions // Expert Systems with Applications. 2017. Vol. 71. P. 416-428.
19. Brunetti F., Matt D.T., Bonfanti A., De Longhi A., Pedrini G., Orzes G. Digital transformation challenges: strategies emerging from a multi-stakeholder approach // The TQM Journal. 2020. Vol. 32 (4). P. 697-724.
20. Grover V., Tseng S.-L., Pu W. A theoretical perspective on organizational culture and digitalization // Information & Management. 2022. Vol. 59, Issue 4. P. 103639.
21. Harper G.R., Utley D.R. Organizational Culture and Successful Information Technology Implementation // Engineering Management Journal. 2001. № 13 (2). P. 11-15.
22. Kawas B., Squillante M.S., Subramanian D., Varshney K.R. Prescriptive analytics for allocating sales teams to opportunities // In Data Mining Workshops (ICDMW), IEEE 13th International Conference. 2013. P. 211-218.
23. Martínez-Carrea E., Cegarra-Navarro Ja.G., Alfonso-Ruiz F.Ja. Digital technologies and firm performance: The role of digital organizational culture // Technological Forecasting and Social Change. 2020. Vol. 154. P. 119962.
24. Miller V. Understanding digital culture. Sage, 2020. 333 p.

Сметанина Т.В.

ЖИЗНЕННЫЕ ЦИКЛЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ И ИХ ВЗАИМОСВЯЗЬ С СОЦИАЛЬНЫМ ПЛАНИРОВАНИЕМ И ПРОЕКТИРОВАНИЕМ В УСЛОВИЯХ МЕНЯЮЩЕЙСЯ РЕАЛЬНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена выявлению общих подходов к классификации этапов жизненных циклов социально-экономических систем. Оценивается взаимосвязь жизненных циклов с социальным планированием и проектированием в условиях изменения среды существования индивидов, организаций, отраслей и суверенных территорий. Устанавливается связь изменений с размерами социально-экономических систем и длительностью их жизненных циклов. Определяется роль пассионарных личностей и культурно-исторических типов в развитии этих перемен. Определяется значимость качественного управления и следования стандартам корпоративного управления в условиях социальных изменений. Даются рекомендации по учету данных явлений при осуществлении социального планирования и проектирования.

Ключевые слова. Индивид, организация, суверенная территория, отрасль, культурно-исторические типы, пассионарная личность, корпоративные стандарты, качественное управление, социальные изменения, жизненные этапы.

Smetanina T.V.

LIFE CYCLES OF SOCIO-ECONOMIC SYSTEMS AND THEIR INTERRELATION WITH SOCIAL PLANNING AND DESIGN IN THE CONDITIONS OF A CHANGING REALITY

Abstract. The article is devoted to the identification of general approaches to the classification of the stages of the life cycles of socio-economic systems. The interrelation of life cycles with social planning and design in the conditions of changing environment of existence of individuals, organizations, industries and sovereign territories is assessed. The relationship of changes with the size of socio-economic systems and the duration of their life cycles is established. The role of passionate personalities and cultural-historical types in the development of these changes is determined. The importance of quality management and adherence to corporate governance standards in the context of social changes is determined. Recommendations are given for taking these phenomena into account in the implementation of social planning and design.

Keywords. Individual, organization, sovereign territory, industry, cultural and historical types, passionate personality, corporate standards, quality management, social changes, life stage.

Введение

Жизненные циклы являются основой развития. Любая социально-экономическая система имеет свой жизненный цикл. Жизненные циклы по сути объединяют деятельность социально-экономических систем (таблица 1). В основу нашего исследования мы положили элементы скалярной цепочки, являющейся основой иерархии теории проникновения международных стандартов менеджмента качества: индивид –

ГРНТИ 04.21.51

EDN UBEBQY

© Сметанина Т.В., 2022

Татьяна Владимировна Сметанина – кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного, муниципального и социального управления Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург).

Контактные данные для связи с автором: 198516, г. Санкт-Петербург, Петергоф, бул. Разведчика, 14/1 (Russia, St. Petersburg, Razvedchika str., 14/1). Тел.: 8 (921) 964-41-24. E-mail: smetdipdok@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 01.07.2022.

организация – отрасль – суверенная территория [5]. Эти элементы имеют идентичные циклы развития. Цикл проявляется в длительности его течения, последовательности его реализации, значении ключевых показателей, характеризующих состояние социально-экономической системы (например, доходы, имидж, социальная ответственность, степень интеграции в социальную реальность и т.п.) [6, 7, 8].

Таблица 1

Жизненные циклы социально-экономических систем скалярной цепочки

Жизненный цикл	Индивид	Организация	Отрасль	Суверенная территория
Зарождение	+	+	+	+
Рост	+	+	+	+
Зрелость	+	+	+	+
Спад	+	+	+	+

Рассматривая влияние внешней среды, а также особенности общественного развития элементов скалярной цепочки, мы сформулировали основные рекомендации по социальному планированию и проектированию в условиях нестабильной реальности.

Культурно-исторические типы цивилизационного развития

Культурно-исторические типы развития важны для всех участников скалярной цепочки. Цивилизация представляет собой главную форму развития социально-экономических систем. Находясь на определённом этапе исторического развития, организации имеют особенности существования, так как культурно-исторический тип предопределяет индивидуальное выражение происходящего для каждого человека. Данилевский Н.Я. [3] в своей теории отделяет народ от человека. Именно личность предопределяет особенности каждого этапа жизненного цикла. В скалярной цепочке основу составляет индивид. Он входит в состав организации, отрасли и суверенной территории, как минимальная по размеру единица. Характеристика этого индивида, который в общем-то представляет человека, определяет особенности функционирования прочих элементов этой иерархии. Основу культурно-исторического типа определяет «дух», «природа народа» [3].

Если эти составляющие заимствуются, то происходит преобразование народов. Конечно, опираясь на учение Данилевского Н.Я., невозможно однозначно определить особенности текущей ситуации, связанной с цивилизационными изменениями. В том числе, пересекающиеся с явлением глобализации. Однако, понять, что индивид, принадлежащий к определённому культурно-историческому типу, будет по-другому реагировать на правила поведения, установленные международным сообществом, легко. Это – бесспорный факт, который опровергнуть сложно. Данилевский Н.Я. полагал, что ни один из народов не может представлять высшую точку мирового развития человечества. По этой причине утверждать, что процессы глобализации выявят превалирующий культурно-исторический тип, нельзя.

В теории проникновения международных стандартов менеджмента мы выявили факторы, влияющие на существование элементов скалярной цепочки. Это предопределяет индивидуальное применение установленных требований. К факторам относятся географические, демографические и исторические. Как раз они и лежат в основе сложения культурно-исторических типов цивилизационного развития. В результате мы можем сделать вывод о качественном отличии этапов жизненного цикла элементов скалярной цепочки, принадлежащим к разным культурно-историческим типам.

Рассматривая интеграционные процессы, которые происходят многие годы, в отношении взаимодействия славянской (русской) цивилизации и западной, в том числе в виде интеграции международных стандартов менеджмента качества, можно сделать вывод о том, что правила, установленные стандартами, медленно адаптируются в деятельности организаций. Однако, есть особенности этой адаптации. Опять же, опираясь на учение Данилевского Н.Я., можно отметить, что славянская (русская) цивилизация придёт на смену угасающей западной цивилизации [3]. Это мы на текущий момент времени наблюдаем. По словам Данилевского Н.Я., причиной этого служит то, что славянская (русская) цивилизация не является агрессивной, и общественный элемент преобладает над индивидуальным.

Основой развития славянской цивилизации является православие. Данилевский Н.Я. поддерживал объективность закона развития всех социальных систем, поэтому его выводы, сделанные им в XIX веке, остаются актуальными и в веке XXI.

Качественное управление на различных этапах развития социальных объектов

Любая система может существовать только тогда, когда она имеет качественное управление. Трактовка качественного управления определяет менеджмент качества, который не может быть успешно осуществлён без качественного управления как такового. В системе, которая представляет собой взаимодействие управляющих и управляемых элементов, входящих и исходящих ресурсов, правил существования, качественное управление играет преваляющую роль. Входящие в состав скалярной цепочки элементы имеют разную структуру системы. В результате качественное управление будет в этих системах иметь различные характеристики. По-разному можно рассматривать качественное управление у индивида, организации, отрасли и суверенной территории.

Рассматривая основные функции управления – прогнозирование, планирование, организация, мотивация, координация и контроль, – можно предопределить их разницу по сути процессов, происходящих в разных элементах скалярной цепочки. У индивида это один диапазон происходящих событий, на уровне суверенной территории – это совсем другой подход и диапазон. Опять же, системы, входящие в состав суверенной цепочки, как мы отметили ранее, имеют одинаковые этапы жизненного цикла. Но суть этих этапов также различается, опираясь на функции, которые выполняет управление на каждой из стадий развития рассматриваемого элемента.

У индивида это требования в большей степени к самоорганизации, самоменеджменту, у организации – нахождение эффективного управляющего элемента, у отрасли – поиск эффективного управляющего центра, у суверенной территории – способность выстраивания сложной системы управления, опирающейся на стратегические предпосылки развития территории.

Этапы цивилизационного развития, исходя из понятий социологии Гумилева

Пассионарная теория этногенеза Гумилева [1] классифицирует индивидов по типам: пассионарии, гармоничные индивиды и субпассионарии. Все эти типы участвуют в процессах преобразования социальной общности. Пассионарии являются двигателями прогресса, обладают особой энергией, которая позволяет им двигаться вперёд и увлекать в своём движении других индивидов. Этапы жизненного цикла Л. Гумилев описал так: подъём, акматическая фаза, надлом, инерционная фаза, обструкция, фаза регенерации, реликтовая фаза (таблица 2).

Таблица 2

Сопоставление жизненных циклов развития элементов скалярной цепочки в сопоставлении с этапами жизненного цикла по Л. Гумилёву

Жизненный цикл	Этапы жизненного цикла по Л. Гумилёву	Индивид	Организация	Отрасль	Суверенная территория
Зарождение	Подъём	+	+	+	+
Рост	Акматическая фаза	+	+	+	+
Зрелость	Надлом, инерционная фаза	+	+	+	+
Спад	Обструкция, фаза регенерации и реликтовая фаза	+	+	+	+

Этапы жизненного цикла Л. Гумилёва показывают, как пассионарные личности осуществляют развитие элементов скалярной цепочки. От этапа к этапу происходит преобразование социальных объектов – элементов скалярной цепочки – в качественно новое состояние. При этом все элементы цепочки проходят эти стадии, так как основу их устройства представляет собой индивид – наименьший из элементов, входящих в их состав.

Современный этап развития, цифровизация общества, глобальное проникновение правил в деятельность социальных объектов

Современный этап развития цивилизации относится к постиндустриальному этапу. Он характеризуется цифровизацией, проникновением цифровых технологий во все сферы деятельности. Социальные изменения в обществе проходят в последнее время тектонически. Они оказывают влияние на все процессы, происходящие в общественном сознании. Информационная и цифровая составляющие этого общественного изменения занимают одну из ведущих позиций. Субъективный закон теории организации –

закон информированности и упорядоченности, влияет на процессы, происходящие в обществе и в общественном сознании. Однако субъективность этого закона предопределяет возможные конфликтные ситуации в развитии социальных объектов.

По словам Осипова Г.В., при средней продолжительности активной жизни человека, индивида в 62 года [4], можно выделить количество изменений, приходящихся на его жизненный цикл. В результате информационного и цифрового развития количество изменений резко увеличивается. Начиная с конца XX века, наблюдая процессы, происходящие в обществе в начале XXI века, можно отметить, что частота этих изменений возрастает. В результате этих изменений происходит рост потребности в ресурсах, что неминуемо приводит к конфликтам и кризисам.

Сопоставляя изменения с этапами жизненного цикла элементов скалярной цепочки, можно прийти к выводу о том, что длительность этих этапов меняется. Чем больше изменений, тем меньше длительность этапа жизненного цикла и тем меньше время существования элемента в том виде, к которому мы привыкли. Социальные изменения, происходящие в среде нахождения элементов скалярной цепочки, отражаются на изменении стратификации, структуре общества, коммуникации, общественном настроении и т.п. Особое внимание в этой связи необходимо уделить корпоративному управлению, которое напрямую связано с качественным управлением внутри элементов скалярной цепочки.

Новая реальность, представляющая глобальное развитие

Корпоративное управление (КУ) и новые стандарты КУ [2] предопределяют развитие элементов скалярной цепочки. В настоящее время на этапе глобализации происходит изменение подходов к управлению. Происходит смешивание корпоративного управления. Новые организационные структуры, ТНК в том числе, начинают по-новому работать с корпоративным управлением. Большое значение приобретают стейкхолдеры, которые оказывают влияние на указанные процессы. Опять же, цифровизация общества, введение в управление новых технологий, приводит к тому, что разные модели КУ начинают проникать одна в другую.

Например, шведская модель управления проникает в российскую модель (пример – действия ИКЕА на российском рынке). Что может затормозить процессы интеграции стандартов КУ? Это – экономическая составляющая и принадлежность элемента скалярной цепочки к определённому культурно-историческому типу. Культурно-исторический тип будет предопределять особенность развития управления внутри системы. Кроме того, социальные изменения можно связать и с инновационной составляющей в развитии элементов скалярной цепочки.

Качественное управление – связь с законом самосохранения социальных систем, правила, которые необходимы для объективного развития систем на всех этапах жизненного цикла

Качественное управление внутри элементов скалярной цепочки связано с законом самосохранения социально-экономических систем. Чем лучше оно организовано, тем устойчивее развитие внутри системы. Данный закон основан на взаимосвязи запаса прочности системы с уровнем её самосохранения. В таблице 3 представлена взаимосвязь между этими определениями. Диапазоны, в которые встраивается устойчивое развитие социально-экономических систем на этапах развития, представлены в таблице 4.

Таблица 3

Сопоставление понятий теории организации, определяющей устойчивость развития социально-экономических систем, и безубыточности

Теория организации	Теория безубыточности	Пояснения
$УР = (У - Л) / У \times 100\%$, где УР – уровень самосохранения; У – энергия удержания; Л – энергия ликвидации	$ЗП = (ВырНет - ВырПред) / ВырНет \times 100\%$, где ЗП – запас прочности системы; ВырНет – выручка чистая; ВырПред – выручка предельная, обеспечивающая покрытие постоянных издержек при соответствующем уровне рентабельности продаж системы (организации)	Энергия удержания эквивалентна ВыручкеНетто, уровень самосохранения эквивалентен запасу прочности, энергия ликвидации эквивалентна предельной выручке

Для определения взаимосвязи частоты изменения социально-экономических систем в условиях меняющейся реальности обратимся к социологическому опросу. В опросе приняло участие 40 индивидов, 20 предприятий, 3 министерства и 2 экспертных сообщества. Рассматривались социально-экономические системы, осуществляющие свою деятельность на территории России. В процессе опроса были заданы вопросы, касающиеся частоты изменений, происходящих в системе управления социально-экономических организаций. В результате этого опроса мы получили результаты, представленные в табл. 5 и на рис. 1.

Мы видим, что изменения происходят в большей степени на уровне индивидов. Наименьшие по размеру элементы скалярной цепочки подвергаются наибольшему влиянию среды, в которую они погружены. Переломными этапами в развитии являются 2000, 2008, 2014, 2019 гг. Это связано с изменением системы управления в России, экономическими кризисами, социальными конфликтами и социальными кризисами, обусловленными пандемией. Сопоставляя динамику изменений с этапами жизненного цикла социально-экономических систем, можно сделать вывод о сокращении в эти переломные этапы числа элементов скалярной цепочки, обусловленные повышенной бифуркацией данных систем в эти периоды времени. На рисунке 2 представлена динамика сокращения численности представленных социально-экономических систем.

Таблица 4

Примеры диапазонов, в пределах которых организации характеризуются состояниями сохранности в зависимости от этапа жизненного цикла

Уровень	Диапазон, %	Комментарии
1	(-1000) – (-100)	Организацию следует немедленно ликвидировать
2	(-40) – (-10)	Для старых организаций уточнить циклы подъема и спада (т.е. имелись ли прецеденты). Общая тенденция – принятие решения о ликвидации или реорганизации. Для новых организаций – либо ликвидация, либо подключение новых источников удержания
3	0	Для старых организаций – это сигнал к принятию радикальных решений. Для новых организаций – это обычная ситуация борьбы за выживание
4	10 – 20	Нормальная ситуация в условиях рынка
5	100 – 200	Благоприятствующая ситуация в условиях рынка
6	300 – 400	Организация находится в искусственно льготных условиях. Так долго продолжаться не может, и за этим последует неминуемый кризис
7	500 – 1000	Организацию следует немедленно ликвидировать

Таблица 5

Число изменений в системе управления социально-экономической системой

Период времени	Индивид	Организация	Отрасль	Суверенная территория
2000-2008 гг.	8	4	3	2
2008-2014 гг.	12	5	4	3
2015-2021 гг.	17	7	5	5

Если взять за основу период с 2000 по 2008 гг., то можно увидеть, что изменения растут во всех элементах скалярной цепочки в большей степени к последнему этапу с 2015 по 2021 гг. Большой волатильностью обладают организации, которые имеют наименьший жизненный цикл функционирования и развития. В данном случае мы имеем дело с циклическими социальными изменениями, происходящими в обществе.

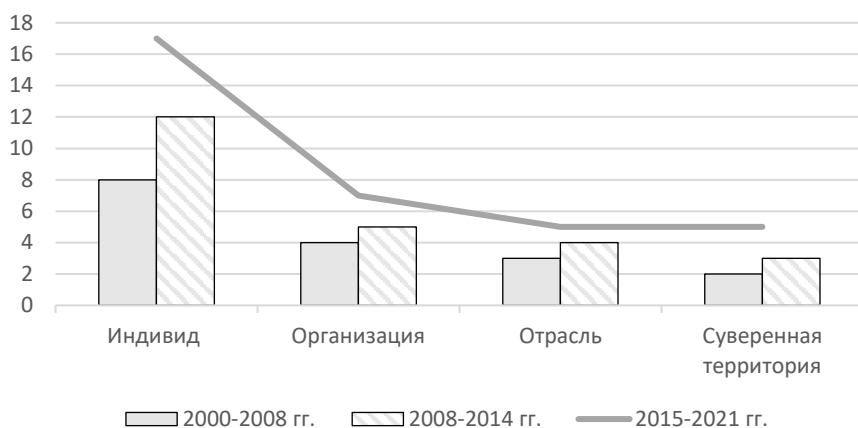

Рис. 1. Динамика изменений, происходящих на уровне элементов скалярной цепочки за период с 2000 по 2021 гг. на территории России

Выводы

В результате проведенного исследования мы пришли к рекомендациям по социальному планированию и проектированию социально-экономических систем в условиях меняющейся реальности:

- существует соответствие в определении этапов жизненных циклов для индивидов, организаций, отраслей и суверенных территорий;
- культурно-исторические типы цивилизационного развития дают возможность уйти от проникновения глобализации в этапы жизненных циклов на уровне суверенных территорий;
- этапы жизненного цикла социально-экономических систем, участвующих в скалярной цепочке, рассматриваемой нами в теории проникновения международных стандартов менеджмента качества, предопределены наличием пассионарных личностей в их составе;
- новая реальность накладывает новые требования к качественному управлению внутри социально-экономических систем;
- объективные законы теории организации предопределяют смену жизненных циклов социально-экономических систем;
- социальные изменения предопределены изменениями, происходящими в среде, в которую погружены социально-экономические системы;
- число изменений зависит от длительности жизненного цикла рассматриваемой социально-экономической системы и размера социально-экономической системы.

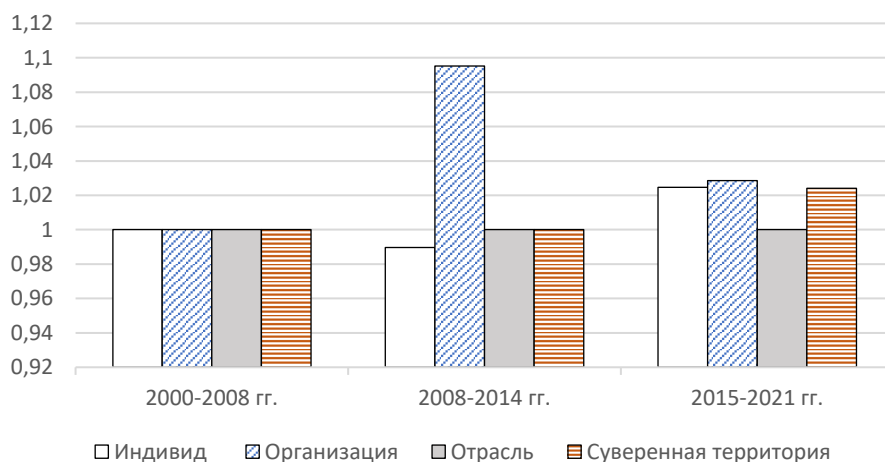

Рис. 2. Динамика изменения численности социально-экономических систем (по данным Росстата и Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства)

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. СПб.: Кристалл, 2001.
2. Дементьева А.Г. Гармонизация систем корпоративного управления в условиях глобализации // Менеджмент сегодня. 2012. № 1. С. 28-43.
3. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Институт русской цивилизации, 2008. 816 с.
4. Осипов В. Г. Социология. Основы общей теории. М.: Норма, 2003. 912 с.
5. Сметанина Т.В. Основы теории проникновения международных стандартов менеджмента в российскую экономику // Вестник КРСУ. 2011. Т. 11, № 2. С. 150-164.
6. Сметанина Т.В., Жикина О.В., Соболева М.Г. Взаимосвязь понятий инновации, цикличности и стандартизации // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского Института Бизнеса. 2016. № 4 (37). С. 75-81.
7. Сметанина Т.В., Лашкова И.А. Значение жизненных циклов систем в теории проникновения стандартов менеджмента // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского Института Бизнеса. 2016. № 2 (35). С. 101-106.
8. Сметанина Т.В., Соболева М.Г. Элементы инновационного развития организации по стадиям ее жизненного цикла // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского Института Бизнеса. 2017. № 2 (39). С. 187-191.

Остякова-Почежерская Г.А.

РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. Автор исследует речевое воздействие в рамках коммуникативной компетенции в широком и узком смысле, его цели, способы и методы. Дана характеристика стратегий суггестивного речевого акта. Рассмотрены стратегии позитивной и негативной вежливости в директивных актах речевого воздействия с маркерами речевого воздействия в художественных произведениях А.П. Чехова и Ги де Мопассана, а также речевые акты в комментариях на французских сайтах.

Ключевые слова. Коммуникативная компетенция, речевое воздействие, цели, способы, методы, доказывание, убеждение, внушение, аргументация, манипуляция, речевой акт.

Ostyakova-Potchesherskaya G.A.

SPEECH IMPACT AS AN OBJECT OF RESEARCH

Abstract. The author explores the speech act in the framework of communicative competence of broad and narrow sense, its goals, methods. The characteristic of the strategies of suggestive speech act is given. The strategies of positive and negative politeness in directive acts of speech influence with speech act markers in the works of A.P. Chekhov and Guy de Maupassant as well as speech acts in comments on French websites are considered.

Keywords. Communicative competence, speech influence, goals, methods, methods, proving, persuasion, suggestion, argumentation, manipulation, speech act.

Введение

В данной статье речевое воздействие (РВ) рассматривается в рамках коммуникативной компетенции, основывающейся на аутентичном речевом поведении, которое, в свою очередь, опирается и на фразеологию. Тема фразеологии ранее рассматривалась с позиции коммуникативной компетенции [9]. «С 1980-х годов наметилась тенденция рассматривать речевое воздействие в устной и письменной формах, что является богатным материалом для изучения в рамках теорий речевых актов [20].

Обзор литературы

В 1990-х годах и в начале нашего века практические аспекты РВ стали активно разрабатываться в такой области, как коммуникация, теориями которой занимались Блакар Р.М., Леонтьев А.А., Безменова Н.А., Баранов А.Н., Паршин П.Б., Зимняя И.А., Иссерс О.С., Тарасов Е.Ф. Позднее круг исследователей расширился (Надеина Т.М., Федорова Л.Л., Шелестюк Е.В.) [20].

И.А. Стернин дает следующее определение РВ. «Речевое воздействие – это наука о выборе подходящего ... способа речевого воздействия на личность в конкретной коммуникативной ситуации»

ГРНТИ 16.31.02

EDN UFXTCY

© Остякова-Почежерская Г.А., 2022

Галина Алексеевна Остякова-Почежерская – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры иностранных языков Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулева.

Контактные данные для связи с автором: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 8 (Russia, St. Petersburg, emb. Makarova, 8). Тел.: 8 921 953 77 07. E-mail: g.ostyakova@yandex.ru.

Статья поступила в редакцию 15.04.2022.

[15, с. 61]. Е.В. Шелестюк определила дефиниции РВ как передачу информации адресату адресантом в устной или письменной форме [20]. Е.Ф. Тарасов рассматривает РВ как императивное требование и координативные отношения [16]. По мнению П.Б. Паршина, РВ – воздействие на индивидуальное и/или коллективное сознание и поведение [11].

Под речевым воздействием О.С. Иссерс понимает «речевое общение, взятое в аспекте его целенаправленности, мотивационной обусловленности» [5, с. 21]. «Речевое воздействие – социальное воздействие на говорящего в процессе общения» [17, с. 46]. Л.Л. Федорова считает, что РВ сопоставляется с коммуникативным действием, когда объектом РВ выступает адресат, а объектом коммуникативного действия – само сообщение [17].

Термин «речевое воздействие» восходит к понятию перлокуции, введенному Дж. Остином [8]. В отличие от перлокуции Дж. Остина, Л.Л. Федорова определяет РВ как рассчитанный эффект, то есть она ориентируется на коммуникативное намерение говорящего. Нельзя не затронуть классификацию иллокутивных глаголов Дж. Остина, Дж. Серля, а также упомянуть одну из последних классификаций, близких к традиционным, принадлежащих К. Баху и Р. Харнишу [22]. Не остается в стороне система иллокутивных актов Б. Фрейзера, в которой нашли свое отражение речевые акты власти [22].

В классической системе Серля-Вандервекена акт осуществления власти совпадает с ассертивами, декларативами и комиссивами [14]. И.А. Стернин указывает на способы, в частности убеждение [15, с. 60-61]. Убеждение осуществляется преимущественно с опорой на сознание, путём логики, доказательств, обоснований, интерпретаций [12, с. 611]. Следует отметить, что в убеждении наряду с логикой обязательно используются и эмоции, эмоциональное давление при фактическом навязывании собеседнику своего мнения [13, с. 59]. Именно сочетание рационального и эмоционального в структуре убеждения позволяет влиять на поведение человека, на его волю [12]. Аргументация как вид направленного речевого воздействия нацелена на оправдание или опровержение какого-либо мнения и убеждение адресата принять определенную точку зрения [7].

По мнению В.З. Демьянкова, аргументация обладает большей воздейственной силой, нежели обычные сообщения, суждения, а также доказательства и обоснования [3, с. 35]. О.С. Иссерс и И.А. Стернин полагают, что внушение основано на эмоциях [15, 25]. Говоря о намеренном речевом воздействии, И.В. Карасик утверждает, что РВ может осуществляться посредством: авторитета, законной власти носителя институционально более высокого статуса; манипуляции (то есть маскируемой власти) [6]. Концепция А.Н. Баранова согласуется со взглядами Р. Блакара, понимающего процесс речевого общения, в частности речевого воздействия, как осуществление власти [1]. По мнению Р. Лакоффа, лишь в том случае дискурс следует считать нерсуазивным, когда он неравноправный, то есть когда попытка воздействия осознанно осуществляется одним из коммуникантов [23, с. 28].

По рассуждению Е.Ф. Тарасова, быть субъектом РВ – это значит регулировать деятельность своего собеседника [16]. Как утверждает Р.М. Блакар, хорошо известно и не раз научно обосновано, что в любом акте речевого общения коммуниканты преследуют определенные неречевые цели, которые в конечном счете регулируют деятельность собеседника [1]. В любом речевом общении коммуниканты пытаются достичь определенных неречевых целей [20, с. 30]. Цели речевого воздействия, по мнению Е.В. Шелестюк, «могут носить манипулятивный и неманипулятивный характер» [20, с. 33]. Способ речевого воздействия Е.В. Шелестюк определяет как совокупность приёмов или операций практической деятельности, относя к ним убеждение и внушение (суггестию) [20, с. 11].

Термин «суггестия» используется многими авторами (например, С. Ю. Головиным, И. Ю. Черепановой) как синоним термина «внушение» [2, 18]. Убеждение – воздействие на сознание личности через обращение к ее собственному критическому суждению [2, 10]. Манипулятивные приемы убеждения предполагают внедрение в психику реципиента(-ов) идей, целей, оценок, искажающих объективную картину мира и имеющих следствием односторонний выигрыш субъекта РВ [20, с. 16]. И.А. Стернин определяет речевое воздействие в контрасте с манипулированием [15]. Манипулирование – это воздействие на человека с целью побудить его сообщить информацию, совершить поступок, изменить свое поведение бессознательно или вопреки его собственному мнению, намерению [15].

В. Сергеечева понимает манипуляцию как «воздействие, при котором знание потребностей, мотиваций другого лица эксплуатируется в негативном плане» [13, с. 19]. Внушение – воздействие на подсознание, эмоции и чувства человека, косвенно обеспечивающее воздействие на его ум, волю, поведе-

ние [2, 10, 18]. Внушение достигается языковыми и невербальными средствами [20]. Помимо убеждения и внушения, Е.В. Шелестюк к способам РВ относит побуждение (волеизъявление) – внешнее стимулирование реципиента прямым воздействием на его волю (приказ, призыв, принуждение и уговаривание) [20].

К способам РВ, по мнению ряда исследователей, относятся также *заражение* (Е.Ф. Тарасов, В.Н. Панкратов, М.Р. Желтухина) и *подражание* [4, 10]. Заражение – процесс передачи эмоционального состояния от одного индивида к другому. Подражание – следование некоему примеру. В. Сергеечева к способам РВ относит речевой аспект воспитания [13].

Результаты исследования: художественная литература

В рамках рассмотрения РВ на основе суггестивного речевого акта мы приводим характеристику его стратегий (таблица 1). Примеры речевых актов изъятые методом свободной выборки из произведения Ги де Мопассана «Монт-Ориоль». Для оценки стратегии были использованы следующие критерии: (1) побуждение поверить, принять на веру без обдумывания, основано на авторитете собеседника и на эмоциональном давлении; (2) скрытое, замаскированное, косвенное, характеризуется неосознанностью, незаметностью, произвольностью его усвоения; (3) организованный вид коммуникации, формируемый при помощи основных (вербальных) и вспомогательных (невербальных) средств; (4) компонент обычного человеческого общения; (5) воздействие на подсознание, эмоции и чувства человека, ум, волю, поведение.

Таблица 1

Характеристика стратегий суггестивного речевого акта

Речевой акт	1	2	3	4	5
Très bien, Docteur, très bien, ou, du moins, pas mal.		+			
Ma fille est arrivée ce matin, et je désire vous entretenir à son sujet tout d'abord...		+			
Moi, je n'ai confiance qu'en vous.					+
Oh! Père, où as-tu découvert ce fossile ? Mais il a tout à fait l'air d'un chand d'habits... Oh! ... c'est bien de toi, cela, de déterrer un médecin d'avant la Révolution! ... Oh! Qu'il est drôle... et sale... ah oui... sale... vrai, je crois qu'il a taché mon porte-plume...					+
Entrez, Docteur.					
Avez-vous quelque chose à ajouter, Madame?			+		
Non, rien du tout, Monsieur.		+			
Alors, je vous prierai de vouloir bien enlever votre robe de voyage et votre corset ; et de passer un simple peignoir blanc, tout blanc.				+	
Mon Dieu, Madame, c'est bien simple. On était convaincu autrefois que toutes les maladies venaient d'un vice du sang ou d'un vice organique...					+
Il suffit d'un gonflement de l'estomac pour faire croire à une maladie du cœur qui, gêné dans ses mouvements, devient violent, irrégulier, même intermittent parfois.					+
Rien d'inquiétant, rien d'anormal, sauf une légère, très légère déviation qu'une trentaine de bains acidulés guériront.	+				
Oh! Ils t'amuseront. Mais, allons les voir.		+			
Monsieur Séminoï, voici ma sœur, Mme Andermatt, qui désire un abonnement de douze bains.			+		
Veuillez me relire le nom de ma sœur?		+			
Viens dans le parc. C'est plus frais.	+				
Vous savez, mon cher Comte, que vous aurez tantôt un spectacle des plus intéressants.		+			
C'est une des plus belles curiosités naturelles du pays.	+				
Paul, Paul, viens donc avec moi, je vais te montrer deux jolies filles!					+
Voulez-vous mon bras, madame.				+	
... je vous propose d'acheter cette pièce de terre et toutes celles qui l'entourent.	+				

Полученные результаты: «1» – 4 речевых акта, «2» – 6, «3» – 2, «4» – 2, «5» – 5. Самое большое количество суггестивных речевых актов является скрытым, замаскированным, косвенным. Самое малое количество – организованный вид коммуникации и обычное общение.

Далее были рассмотрены стратегии позитивной и негативной вежливости с наличием маркеров РВ, что отражено в таблицах 2 и 3. Затем был проведен анализ речевого воздействия стратегий позитивной и негативной вежливости в директивных речевых актах на материале литературных произведений А.П. Чехова Ги де Мопассана) с маркерами РВ (1 – социальное воздействие, 2 – волеизъявление, 3 – разъяснение, 4 – информирование, 5 – оценочное РВ, 6 – эмоциональное РВ, 7 – бехабетивное РВ), показавший результаты, приведенные в таблице 4.

Таблица 2

Стратегии позитивной и негативной вежливости в директивных актах речевого воздействия с маркерами РВ в художественных произведениях А.П. Чехова

Стратегия позитивной вежливости	Маркер	Стратегия негативной вежливости	Маркер
Дмитрий Ионыч, я очень вам благодарна за честь, я вас уважаю, но... (с. 198)	1	Э-э-э.. господа, как мне не тяжело, но я должен предупредить вас, что в этом лесу охота воспрещается (с. 57)	4
Пожалуйста, господа, в дом (с. 169)	2	Ты, баба, не понимаешь, а это понимать надо (с. 9)	3
Вы не можете себе представить, как я рад вас видеть, господа (с. 169)	6	Вы, доктор, не хотите ухаживать за мной ... (с. 201)	7
Ладно, прощайте, бабуля (с. 249)	1	Ты слышишь, Змей Горыныч? (с. 26)	1
Пожалуйста кушать! (с. 32)	7		
Спасибо за ваши добрые слова и дела (с. 90)	1		
Может чаю хотите? (с. 98)	7		
Прощайте... Извините (с. 65)	7		
В таком случае очень жалею, что напрасно обеспокоил...Честь имею кланяться (с. 68)	1		
Батюшка! Павел Иванович! Вашескорodie! Благодаретель! (с. 21)	6		
Милый, который теперь час будет? (с. 26)	7		
Если тебе не нравится, chère, то пусть не подают (с. 32)	2		
Такие-то дела, дорогой мой (с. 130)	3		
Дорогой мой! То, что веками добывали наши предки не сегодня, завтра будет поругано (с. 130)	3		
Саша, дорогой мой... а ведь вы больны (с. 251)	4		
Родная моя, голубушка (с. 250)	6		
Ах, милая Надя (с. 242)	6		
Родная моя, голубушка (с. 250)	6		
Дорогая, милая моя, прекрасная (с. 243)	6		
Вот что, моя милая. Садись и выслушай (с. 40)	2		
Ах, милая Надя... если бы вы послушались меня (с. 242)	2		
Прощай, милый Саша (с. 254)	7		
Милый мой, метрдотель... Ты просто очарователен (с. 96)	6		
Прощайте. Извините (с. 65)	6		
Простите, Николай Сергеевич, но я не могу более оставаться в вашем доме (с. 34)	2		
Извините, что, не будучи знаком, осмеливаюсь беспокоить вас (с. 61)	7		
Pardon. Я не могу (с. 33)	2		
Извините, я должна отказать вам (с. 64)	2		
Извините меня, но было бы несправедливо (с. 64)	3		
Прощайте, Егор Власыч... (с. 9)	7		
Ты, Дымов, умный, благородный человек (с. 95)	6		
Здравствуй, как поживаете? (с. 145)	7		

Окончание табл. 2

Стратегия позитивной вежливости	Маркер	Стратегия негативной вежливости	Маркер
Ну, как ты тут поживаешь? (с. 173)	7		
Здравствуйте, пожалуйста (с. 190)	7		
Как вы живете? (с. 202)	7		
Как же вы поживаете? (с. 202)	7		
Бонжурте (с. 201)	7		
Какой ты у меня славненький, какой ты у меня хорошенький! (с. 210)	5		
Ах ты, цыпка, баловница (с. 189)	5		
Позвольте пожелать вам спокойной ночи (с. 177)	7		
Деточка моя, и уродился же ты такой умненький, такой беленький (с. 216)	5		

Таблица 3

Стратегии позитивной и негативной вежливости с маркерами РВ в директивных речевых актах речевого воздействия (на материале литературных произведений Ги де Мопассана)

Стратегия позитивной вежливости	Маркер	Стратегия негативной вежливости	Маркер
Qu'est-ce que Monsieur désire ensuite ? (p. 71)	4	Monsieur de Bridioie, vous serez privé de dessert pendant un mois! (p. 238)	2
Excusez-moi, madame, de vous examiner ainsi, mais il me semble que je vous connais depuis longtemps (p. 249)	7		
Monsieur Paul veut-il de la tisane ou du Champagne? (p. 165)	4		
Tenez, Monsieur, c'est mon fils, chef de bureau a la mairie... (p. 262)	7		
Entrez, Monsieur, vous êtes chez vous (p. 200)	2		
Vous sentez-vous indisposée, Madame? (p. 236)	7		
Si je puis quelque chose pour vous, Madame?	7		
Madame..., madame..., madame, qu'avez-vous? (p. 237)	7		
Je vais vous aider, Madame (p. 237)	2		
Que voulez-vous, monsieur, c'est l'usage (p. 152)	4		
Mais oui, ma bonne Julie (p. 14)	6		
Qu'est-ce que vous voulez? (p. 74)	7		
Voulez-vous rentré? (p. 203)	2		
Je vous aime beaucoup; je vous aime plus que personne (p. 206)	6		
Bonjour... vous v'nez donc toujours ici? (p. 312)	7		
Vous êtes jeune, vive, aventureuse... (p. 294)	5		
Je vous parle en ami, en ami sérieux (p. 294)	7		
Mais non, ma chère amie (p. 27)	7		
Mais ... ma chère amie... (p. 28)	7		
Mais, ma chère amie, nous t'attendions (p. 31)	7		
Ma chère amie...(p. 36)	7		
Tu n'as rien mangé, mon chéri? (p. 30)	4		
Vous êtes tout à fait injuste, ma chère amie (p. 31)	7		
Ma chère amie, comme je viens de renvoyer Julie... (p. 36)	3		
Il faut bien savoir dissimulez, ma chère (p. 39)	3		
Il ne s'agit pas de dissimulation, mon cher (p. 39)	3		
Ecoute, chérie, jure-moi de ne jamais répéter ce que je vais t'avouer! (p. 133)	3		
Oh! ma chérie, surtout ne le dis a personne, jure-le moi encore... (p. 138)	2		

Окончание табл. 3

Стратегия позитивной вежливости	Маркер	Стратегия негативной вежливости	Маркер
Dis-le, ma chérie; entre nous, qu'est-ce que ça fait? (p. 162)	3		
Mais oui, ma chérie (p. 162)	7		
Dis-le, ma chérie... (p. 162)	7		
Quoi donc, ma chérie? (p. 166)	4		
Oh! mon chéri, comme je t'aime! (p. 170)	6		
Que voulez-vous, chère dame, je n'y peux rien (p. 195)	1		
Remettez-vous, chère dame (p. 196)	3		
Vous comprenez, mon cher que je ne peux pas vivre de l'air et du temps (p. 206)	3		
Non, ma chère amie, je dis seulement que ce M. Burel a été presque inconvenant auprès de vous (p. 293)	3		
Mon cher ami, soyez franc (p. 293)	2		
Ma chère amie, toutes ces plaisanteries sont absolument déplacées (p. 293)	2		
Ma chère amie, je ne suis point jaloux, mais j'ai peur de vous voir vous compromettre (p. 294)	3		
Voyons, ma chère, parlons sérieusement (p. 296)	5		

Таблица 4

PВ	Стратегия позитивной вежливости. Произведения А.П. Чехова / Ги де Мопассана	Стратегия негативной вежливости. Произведения А.П. Чехова / Ги де Мопассана
Социальное воздействие	4/1	1/2
Волеизъявление	7/4	0/0
Разъяснение	3/8	1/0
Информирование	1/5	1/0
Оценочное PВ	3/2	0/0
Эмоциональное PВ	9/15	0/0

Исследование показало, что эмоциональное PВ в стратегии позитивной вежливости занимает первую позицию из шести. Социальное воздействие в стратегии негативной вежливости выражено почти в одинаковой степени. Насколько нам известно, никто ранее не рассматривал речевые акты в комментариях, тем более где адресатами и адресантами выступают носители французского языка, поэтому мы решили исследовать речевые акты (комментарии) постов французских сайтов, подобранные методом свободной выборки носителем языка.

Можно бесконечно изучать теории коммуникации (на чем настаивают некоторые ученые), но без чтения художественной литературы невозможно наладить общение, приносящее удовольствие и счастье. Источники СМИ, Интернет, электронная почта обеспечивают использование аутентичных текстов и аутентичных документов для создания хороших отношений, приносящие счастье. Интернет, включая социальные сети, также является хорошим подспорьем. Ранее исследователи изучали процесс интернет-обучения с точки зрения формирования социального капитала. Использование социальных сетей способствует укреплению существующих связей, а также созданию новых контактов.

Понятие «социальный капитал» являлось результатом детальной проработки в основном за рубежом, но в настоящее время эта идея привлекает внимание российских исследователей. Сегодня существует множество представлений о социальном капитале и пользе социальных сетей. Некоторые авторы описывают социализацию через социальные сети. Но пока никто не затрагивал тему счастья, связанного с использованием социальных сетей. Как это возможно? В процессе киберсоциализации адресаты получают непроизвольную мотивацию. При ответе виртуальному «другу» они

используют фразеологические выражения, идиомы, следуя типичным для носителя языка вежливым формам.

Результаты исследования: социальные сети

Социальные сети указывают один из путей развития языковых навыков. Соотношения иллюзорного и фантастического мира делают виртуальный мир привлекательным. Участник виртуального мира хочет общаться на иностранном языке, подражая корреспонденту, и сам впитывает письменную культуру представителей культуры этого языка. Социальные сети дополняют чтение (аутентичной) художественной литературы в создании счастливого человека в современном обществе.

В настоящее время вряд ли найдется человек, особенно в молодом поколении, кто бы не оценил по достоинству возможности электронной коммуникации, характеризующиеся неофициальным или полуофициальным общением в социальных сетях, где многое представляется привлекательным, в частности – анонимность коммуникации (при желании), адресанты и адресаты не имеют (как правило) достоверной информации и, следовательно, вольны в выборе средств выражения. Несмотря на неограниченную свободу, в социальных сетях наблюдаются правила этикета и демонстрируется вежливость. Коммуниканты имеют в своем «арсенале» широкий диапазон средств передачи эмоций. Они мгновенно откликаются на сообщения, направленные на формирование первого впечатления, и не только. Особенно в тех случаях, когда текст сопровождается картинкой. Из такого невербального средства, как картинка, адресаты черпают информацию об адресанте, его привычках, вкусах, предпочтениях. Вербальным путем получают информацию при анализе высказывания адресантов и адресатов.

Далее рассмотрим речевые акты РВ в комментариях личного поста и на французских сайтах. Выборка материала с французских сайтов была сделана носителем языка.

1. Речевые акты (РА) № 1 (рисунок 1).

Рис. 1

Было рассмотрено 34 РА. Как показали результаты, в основном адресаты соглашаются, констатируют: константивы – 11, экспозитивы – 5. Мы приводим по одному примеру: *Faut-il encore en avoir les moyens / Нужно для этого иметь средства. C'est ça / Это так.* Имеется 1 реквестив: *Parlez en, aux Migrants... / Скажите об этом мигрантам...* И два квестива: *... allez loinnn ... tres loinnn.et puis? / отправиться далеко... очень далеко и потом?/ ...et si on n'aime pas les voyages ? / а если нет любви к путешествиям?* 3 экспрессива: *Et je rajouterais ... commencez le plus tôt possible! / Я добавляю ... начинайте как можно раньше! / Tellement ma façon de voir les choses! / Такой мой способ многое увидеть! / Si je pouvais j'aimerais encore revoir la France, pourquoi pas! / Если бы я снова мог увидеть Францию, почему нет!*

2. Речевые акты № 2 (рисунок 2).

DIMANCHE 17 JUILLET 2022: Le COUVENT DES ANNONCIADES CÉLESTES À JOINVILLE. Et le CHÂTEAU DE CHARMES EN L'ANGLE s'unissent pour vous offrir deux concerts qui résonnent dans des lieux d'exception du Vallage.

Рис. 2

Было рассмотрено 11 РА. Данные речевые акты являются комментариями адресатов, знакомых очно или заочно. Поэтому один их адресатов высказывает догадку, что музыкальное представление в замке состоится по поводу дня рождения адресанта: «*Quel anniversaire ... Ou presque / Какой день рождения ... Или почти*» – экспрессив. Помимо восторга адресат попросил: «*Tu feras la bise à ... de ma part / Поцелуй за меня*» – реквизив. Адресант лаконично отвечает по-английски: ... *yes* – промиссив. Другой адресат: «*Magnifique programme dans des lieux de rêve! / Великолленная программа в месте, о котором можно только мечтать*» – экспрессив. Этому восторженному адресату вторит следующий: «*Magnifique / Чудесно*». Речевой акт в экспрессиве с наличием аппелятива: «*Belle réception, chers amis. Ce sera Versailles en l'Angle. Bon dimanche déjà*».

3. Речевые акты № 3 (рисунок 3).

ATTENTE. Bureau de vote de Charmes en l'angle ouvert de 08:00 à 19:00 et nous sommes 4 à assurer la permanence en binôme, tout ça pour 13 électeurs dont dont seulement la moitié se rendra aux urnes, mais tenus à rester ouverts 11 heures de rang. La journée sera longue.

Рис. 3

Было рассмотрено 57 РА. Большой отклик у адресатов вызвал призыв в день выборов: идти на выборы. Уделялось внимание не столько выборам, хотя и было указано процентное отношение голосов: Macron 28% Le Pen 24% (констатив), сколько ходу события: ни шатко, ни валко – избирателей только 13. Избирательный участок небольшой, но четверо из них дежурят, что называется «от звонка до звонка»: ... *tout ça pour 13 électeurs dont seulement la moitié se rendra aux urnes, mais tenus à rester ouverts 11 heures de rang. La journée sera longue* (констатив). На это РВ парижане отвечают: «*Dans le 12e, deux heures de queue sur le trottoir cet après-midi dans les deux écoles!*» (экспрессив). Один из адресатов предлагает уйти с избирательного участка: «*Vous n'avez pas pu convaincre vos concitoyens de voter tous avant midi et fini la corvée*» (констатив). Мэр не согласен, так как существуют правила работы избирательного участка: «*Même si tous les électeurs ont voté il n'est pas permis de fermer avant 19h!!!*» (констатив). Но адресат не согласен, считая, что это не логично: «*... en effet ce n'est pas logique ...*» (констатив).

Вероятно, в силу запрета агитации, адресантом использована в качестве невербального средства картинка, на которой изображена отдыхающая девушка. Тем самым адресант хотел сказать: «Оторвитесь от отдыха, сходите на выборы». В данной группе РА большое количество экспрессивов. Самое малое количество составляют аппелятивы в силу того, что имена были удалены, что соответствует этике написания статьи. В комментариях адресатов аппелятивы составляют 97 процентов, 6 – квестив, 1 – промиссив. Примерно одинаковое количество составляют экспозитивы и констативы.

4. Речевые акты № 4 (рисунок 4).

Имидж – (image) слово английское, в переводе означает образ, изображение, впечатление. И.А. Стернин относит имидж к одному из факторов речевого воздействия. По его словам, имидж – это образ, выбираемый человеком и используемый им для достижения своих целей. Исходя из этого, необходимо уметь формировать свой имидж – уметь преподнести себя в любой момент с помощью определенных средств [15].

Без сомнения, персонаж (рис. 4) вызывает симпатию, но надо сказать, что не у всех, один из адресатов критикует его: «*Tristounettes les chaussettes*». На это он получает вполне вразумительный ответ: «*... pour une fois que je suis sobre de A à Z ...*» Ему вторит другой адресат: «*Très sincèrement, cher ..., vous ne vous sentiriez pas mieux en jean et tee-shirt?*» И получает вразумительный ответ, в котором адресант не стесняясь своего возраста, отвечает: «*Non ..., ça ne me gêne pas. Et puis après un certain âge un Tshirt met en exergue toutes les faiblesses du torse*». Другие комментарии наполнены положительными эмоциями, связанными с невербальным РВ. Довольно много экспрессивов. Наряду с ними имеются и квестивы. Констативы занимают достойное место.

Рис. 4

Анализ показал, что в личных постах РА (под влиянием РВ) выражены более богато, здесь нет повторов, их характеризует лексическая и грамматическая насыщенность. Возможно, это можно объяснить прослойкой общества, к которой относятся адресант и адресаты, их образованностью, желанием красиво преподнести себя в кругу друзей и единомышленников. Это – группа адресатов, входящих в общество, в которое не всем открыта дверь. Они знакомы очно или заочно, обращаются друг к другу по имени и фамилии. Их комментарии всегда позитивны, порой шутивы, абсолютно лишены агрессии, наполнены дружелюбием, от них исходят приятные эмоции и поднимается настроение, хочется написать. Это и есть проявление РВ. В комментариях почти отсутствуют смайлики, так характерные для сайтов, открытых для всех, откуда мы изъяли комментарии адресатов, послужившие для нас единицей анализа: *Panorama de la Littérature Française et Francophone, Mots & Vie, Pensées Positives, Vie des Mots – Pensées* и др.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. *Блакар Р.М.* Язык как инструмент социальной власти (теоретико-эмпирические исследования языка и его использование в социальном контексте) // *Язык и моделирование социального взаимодействия: Переводы.* М.: Прогресс. 1987. С. 88-125.
2. *Головин С.Ю.* Словарь психолога-практика. Минск: Харвест, 2001. 975 с.
3. *Демьянков В.З.* Эффективность аргументации как речевого воздействия // *Проблемы эффективности речевой коммуникации.* М.: ИНИОН, 1989. С. 13-40.
4. *Желтухина М.Р.* Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2004. 44 с.
5. *Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: ЛЕНАНД, 2015.
6. *Карасик В.И.* Язык социального статуса. М.: Ин-т языкознания; Волгоград: Перемена, 1992. 329 с.
7. *Куницына Е.Ю.* Оценка и ценности в структуре аргументации // *Вестник ИГЛУ. Сер. Лингвистика.* 2005. № 9. С. 92-108.
8. *Остин Дж.* Как производить действия при помощи слов. Смысл и сенсibiliи. М.: Идея-Пресс, 1999. 629 с.
9. *Остякова-Почезжерская Г.А.* Особенности формирования фразеологизмов в коммуникативной компетенции // *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета.* 2022. № 2 (134). С. 112-118.
10. *Панкратов В.Н.* Защита от психологического манипулирования: практическое руководство. М.: Психотерапия, 2008. 206 с.
11. *Паришин П.Б.* Речевое воздействие: основные сферы и разновидности // *Рекламный текст: семиотика и лингвистика.* М.: Издательский дом Гребенникова, 2000. 270 с.
12. *Репина Е.А.* Политический текст: психолингвистический анализ воздействия на электорат: монография. М.: ИНФРА-М, 2012.
13. *Сергеечева В.* Приемы убеждения. Стратегия и тактика общения. СПб.: Питер, 2002. 183 с.
14. *Серль Дж.Р.* Основные понятия исчисления речевых актов // *Новое в зарубежной лингвистике.* М., 1986. Вып. 18. С. 232-245.
15. *Стернин И.А.* Введение в речевое воздействие. Воронеж: Истоки, 2001. 252 с.
16. *Тарасов Е.Ф.* Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. М.: Наука, 1990. 135 с.
17. *Федорова Л.Л.* Типология речевого воздействия и его место в коммуникативной культуре // *Вопросы языкознания.* 1991. № 6. С. 46-50.
18. *Черепанова И.Ю.* Текст как фактор изменения установки личности (лингвистические аспекты суггестии): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 1992. 21 с.
19. *Чехов А.П.* Рассказы. М.: Гослитиздат худ. литературы, 1953. 354 с.
20. *Шелестюк Е.В.* Речевое воздействие: онтология и методология исследования: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2009. 42 с.
21. *Шелестюк Е.В.* Речевое воздействие: онтология и методология исследования: монография. М.: Флинта, 2014. 344 с.
22. *Bach K., Harnish R.M.* Linguistic communication and speech acts. The Massachusetts Institute of Technology, 1979.
23. *Guy de Maupassant.* Monsieur Parent. Paris: Société d'édition littéraires et artistiques, 1903. 319 p.
24. *Guy de Maupassant.* Mont – Oriol. Moscou, 1968. 267 p.

Васильченко Е.Е.

**ПРОБЛЕМЫ ПРОМЫШЛЕННОЙ ИНТЕГРАЦИИ В УСЛОВИЯХ
МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЕАЭС**

***Аннотация.** Ключевым условием диверсификации национальной экономической системы и формирования инновационной экономики выступает модернизация (технологическое перевооружение) и инновационное развитие промышленных комплексов, расширение внутреннего рынка и развитие региональных интеграционных процессов в промышленном секторе экономики. Эти вопросы рассмотрены на примере евразийских интеграционных процессов, направленных на расширение и углубление промышленной кооперации.*

***Ключевые слова.** Модернизация, интеграционные процессы, промышленная интеграция, экономическая система, ЕАЭС.*

Vasilchenko E.E.

**PROBLEMS OF INDUSTRIAL INTEGRATION IN THE CONDITIONS
OF MODERNIZATION OF THE ECONOMIC SYSTEM OF THE EAEU**

***Abstract.** The key condition for the diversification of the national economic system and the formation of an innovative economy is modernization (technological re-equipment) and innovative development of industrial complexes, expansion of the domestic market and the development of regional integration processes in the industrial sector of the economy. In turn, Eurasian integration processes aimed at expanding and deepening industrial cooperation.*

***Keywords.** Modernization, integration processes, industrial integration, economic system, EAEU.*

Введение

Согласно ст. 92 Договора о ЕАЭС, сотрудничество государств-членов ЕАЭС в промышленной сфере относится к наднациональной компетенции ЕАЭС и выступает одним из ключевых (магистральных) направлений процесса евразийской региональной интеграции, практическая реализация которого регламентирована рядом международных документов [4, 6]. В настоящее время на наднациональном уровне урегулированы отдельные направления сотрудничества в сфере технологической модернизации [2, 5] и цифровой трансформации [1, 3] промышленных отраслей экономики.

Смена приоритета евразийской политики с либерализации [8] на развитие тесного межгосударственного промышленного сотрудничества [9] произошла в период 2015-2017 годов, а уже в 2018 году (год председательства России в ЕАЭС) были сформулированы ключевые задачи научно-технического (инновационного) развития, а также углубления сотрудничества в промышленных секторах экономики:

ГРНТИ 06.52.13

EDN UISRPT

© Васильченко Е.Е., 2022

Евгений Евгеньевич Васильченко – аспирант кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Контактные данные для связи с автором: 198335, Санкт-Петербург, ул. Маршала Казакова, 72 (Russia, St. Petersburg, Marshal Kazakov str., 72). Тел.: +7 911-112-44-23. E-mail: vasilchenko2010b@rambler.ru.

Статья поступила в редакцию 25.05.2022.

расширение на региональном уровне промышленной кооперации; реализация крупных совместных проектов; развитие совместных предприятий посредством различных механизмов финансовой поддержки Евразийского банка развития (ЕАБР) и Евразийского фонда стабилизации и развития (ЕФСР).

В период российского председательства в ЕАЭС (2018 год) национальные приоритеты социально-экономического и промышленного развития России были гармонично перенесены на наднациональный евразийский уровень. В настоящее время в Евразийском экономическом пространстве для углубления тесного промышленного сотрудничества и промышленной кооперации хозяйствующих субъектов государств-членов ЕАЭС необходимая база уже сформирована: ведется активная работа по формированию и развитию общего рынка, существенно уменьшены барьеры для перемещения в рамках ЕАЭС промышленной продукции, с целью стабильного функционирования общего внутреннего рынка определен перечень приоритетной (чувствительной) продукции, развиваются механизмы стимулирования промышленной кооперации между хозяйствующими субъектами в различных секторах экономики и т.д.

На максимизацию эффективности промышленного сотрудничества в ключевых секторах (отраслях) экономики направлено выделение секторальных (отраслевых) приоритетов. Так, ввиду установившегося вектора на инновационное развитие экономики в качестве приоритетных выделены высокотехнологичные и среднетехнологичные отрасли (в частности, авиакосмическая отрасль, двигателестроение, станкостроение, автомобилестроение, производство электрооборудования, радиоэлектроника, микробиологическая и медицинская промышленность и т.д.). Эффективность принятых мер в области промышленной интеграции подтверждается, в частности, положительной динамикой ряда показателей.

Динамика объема и структуры промышленного производства в государствах-членах ЕАЭС

Проанализируем динамику объема и структуру промышленного производства в государствах-членах ЕАЭС по основным секторам экономики на основе данных официальной статистики ЕАЭС. Ввиду различия масштабов национальных экономических систем по объемам промышленного производства, для более качественного сравнения, считаем необходимым сгруппировать анализируемые экономики по категориям – малые, средние и большие экономические системы.

Так, по объемам промышленного производства масштаб экономик Армении и Кыргызстана по сравнению с остальными государствами-членами ЕАЭС невелик, вследствие чего условно отнесем их к группе «малые экономические системы». До 2015 года (то есть до образования ЕАЭС) объемы промышленного производства Кыргызстана превышали аналогичный показатель Армении и снижались. Согласно официальной статистике, объемы промышленного производства Армении и Кыргызстана сравнялись в 2015 году и начали синхронный рост, причем темпы роста промышленного производства Армении (154,97%) превышали темпы роста промышленного производства Кыргызстана (144,86%).

Оценивая структуру промышленного производства, стоит отметить, что данный рост был обусловлен увеличением объемов производства как в добывающей (в 2019 году в сравнении с 2015 годом темп роста объемов производства добывающей промышленности Армении составил 160,74%, а Кыргызстана – 227,89%), так и в обрабатывающей промышленности (в 2019 году в сравнении с 2015 годом темп роста объемов производства обрабатывающей промышленности Армении составил 172,56%, а Кыргызстана – 147,51%).

Национальные экономики Беларуси и Казахстана условно относятся к группе «средние экономические системы». Динамика изменения объемов промышленного производства данных государств-членов ЕАЭС также схожа – снижение в 2015 году и поступательный рост в последующие годы, однако темпы роста здесь сравнительно ниже, чем у Армении и Кыргызстана. Так, за период с 2015 по 2019 годы темп роста объемов промышленного производства Беларуси составил 121,94% (в добывающей промышленности – 115,57% и обрабатывающей промышленности – 122,80%), тогда как темп роста промышленного производства Казахстана – 114,10% (в добывающей промышленности – 123,14% и обрабатывающей промышленности – 112,33%).

В сравнении с остальными государствами-членами ЕАЭС, экономика России по масштабам промышленного производства является наиболее крупной, вследствие чего именно динамика объемов промышленного производства России оказывает максимальное влияние на изменение совокупных объемов промышленного производства в Евразийском экономическом пространстве в целом. В свою очередь,

векторы динамики объемов промышленного производства России аналогичны остальным государствам-членами ЕАЭС: снижение в 2015 году и поступательный рост в последующие годы. Темп роста объемов промышленного производства Российской Федерации за период с 2015 по 2019 годы составил 139,82%, при этом темп роста производства в отраслях добывающей промышленности превышал аналогичный показатель в обрабатывающей промышленности (149,39% против 136,85%).

В целом по ЕАЭС темп роста объемов промышленного производства за 2015-2019 годы составил 137,19%, в частности, по добывающей промышленности – 145,40% и по обрабатывающей промышленности – 135,04%. Различие темпов роста объемов промышленного производства государств-членов ЕАЭС помимо масштабов экономической системы обусловлено также и структурой промышленности. Наглядно структура промышленного производства государств-членов ЕАЭС за 2019 год представлена на рисунке 1.

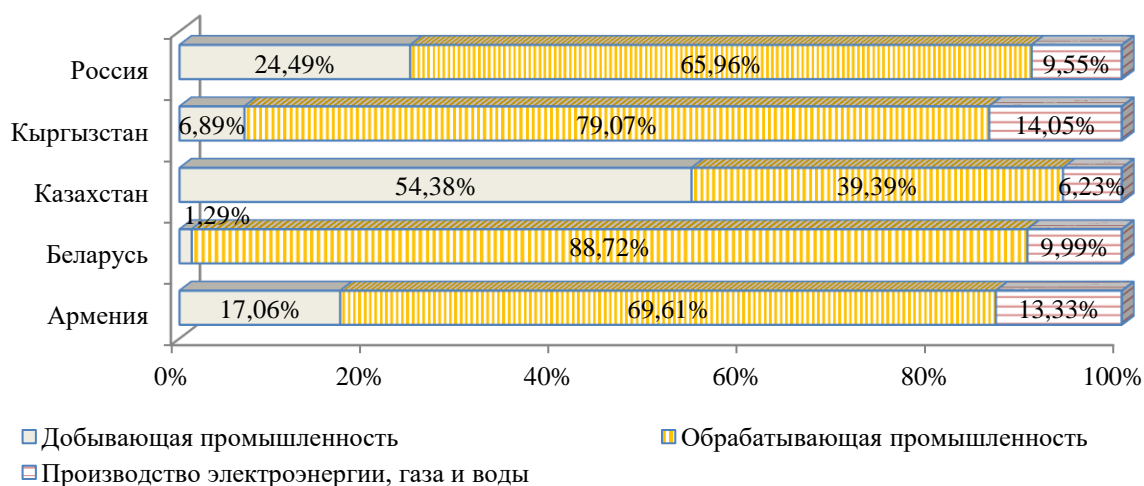

Рис. 1. Структура промышленного производства государств-членов ЕАЭС за 2019 год, %

Анализируя структуру промышленного производства государств-членов ЕАЭС, приходим к выводу, что у четырех государств-членов ЕАЭС основным сектором является обрабатывающая промышленность (на долю обрабатывающей промышленности в общем объеме промышленного производства в Беларуси приходится 88,72%, в России – 79,07%, в Армении – 69,61% и в Кыргызстане – 65,96%), и только в Казахстане основным выступает сектор добывающей промышленности, на долю которой приходится 54,38%.

Таким образом, приходим к выводу, что в основе реального сектора экономики ЕАЭС лежат обрабатывающие отрасли промышленности, причем в отраслевом разрезе большинство видов производственной деятельности демонстрируют положительную динамику, что образует достаточно благоприятные условия для модернизации экономических систем и формирования в Евразийском экономическом пространстве инновационной экономики.

Также в большинстве своем положительную динамику показывает изменение индексов промышленного производства государств-членов ЕАЭС за 2011-2019 года, что представлено на рисунке 2. Так, согласно представленным данным, наибольшие темпы промышленного развития за последние годы показывают малые экономические системы, из чего можно сделать вывод, что максимальный синергетический эффект от евразийских интеграционных процессов приобрели сравнительно небольшие экономики Армении и Кыргызстана. Промышленный рост, но только в меньших масштабах, показали также средние экономики Беларуси и Казахстана, а также сравнительно крупная национальная экономическая система России.

Использование промышленного потенциала в государствах-членах ЕАЭС

При этом, недостаточную степень реализации промышленного потенциала отражают показатели уровня использования производственной мощности при производстве отдельных видов промышленной продукции в странах ЕАЭС:

- в Республике Беларусь в 2019 году в легкой промышленности производственные мощности используются только на 60-70%, в пищевой промышленности – на 60-70%, а в высокотехнологичных отраслях всего на 30-50% (например, тракторостроение и станкостроение – 50,3%, автомобилестроение – 33,4%). Несмотря на то, что в последние годы отмечается рост использования производственных мощностей в наукоемких отраслях, до настоящего времени промышленный потенциал в данной сфере реализуется недостаточно;
- в Республике Казахстан использование производственных мощностей в большинстве промышленных отраслей (за исключением добывающей и нефтеперерабатывающей промышленности, производстве азотных удобрений и чугуна) находится на сравнительно низком уровне: в пищевой и легкой промышленности производственные мощности использовались всего на 30-50%, в автомобилестроении – на 35,7%, в тракторостроении – всего на 15,3%;
- в Российской Федерации недостаточный уровень использования производственных мощностей отмечается в наукоемких и высокотехнологичных отраслях: 55-75% в производстве бытовой техники, 48-56% – в автомобилестроении, критически низкий уровень использования производственных мощностей наблюдается в станкостроении (по состоянию на 2019 год всего 23,4%) и тракторостроении (18,7%).

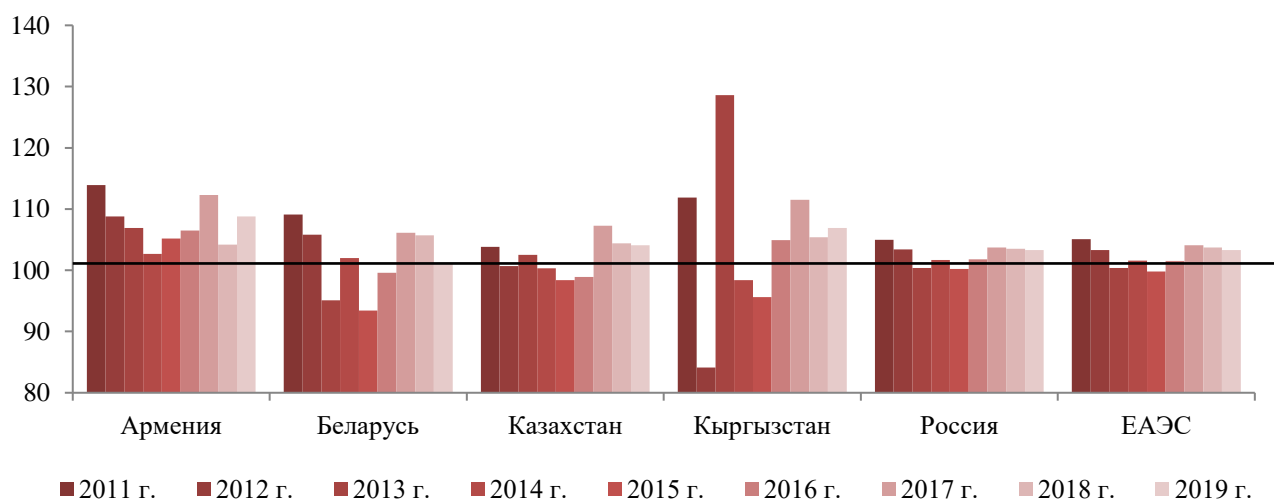

Рис. 2. Динамика индексов промышленного производства государств-членов ЕАЭС за 2011-2019 гг.

Таким образом, приходим к выводу, что промышленный потенциал государств-членов ЕАЭС реализован не полностью, что обусловлено низким уровнем использования производственных мощностей в первую очередь в высокотехнологичных и наукоемких отраслях. В качестве причин такого положения дел можно назвать следующие: устаревшая, требующая технической и технологической модернизации производственная инфраструктура, не позволяющая производить конкурентоспособную на рынке продукцию; низкий уровень спроса на отечественные технически сложные товары при высоком уровне предложения импортной продукции; недостаточный уровень реализации в производстве научно-технического и инновационного потенциала.

Заключение

В современных условиях на пути формирования новой, единой Евразийской промышленной политики существует ряд общесистемных барьеров и рисков:

- отсутствие скоординированного подхода государств-членов ЕАЭС к реагированию на внешние ограничительные меры;
- недостаточная загрузка производственных мощностей хозяйствующих субъектов в наукоемких и высокотехнологичных промышленных отраслях экономики, в частности, автомобилестроения, тракторостроения, станкостроения и т.д., что вызвано недостаточным уровнем спроса на продукцию предприятий ЕАЭС как на внутреннем, так и на внешнем рынках;

- высокий уровень зависимости ряда наукоемких и высокотехнологичных отраслей экономики от импортного оборудования, деталей и комплектующих;
- неготовность промышленных хозяйствующих субъектов (физически и морально устаревшая инфраструктура, нехватка высококвалифицированных кадров и т.д.) к структурным изменениям в процессе формирования новых бизнес-моделей и перехода к новой научно-технологической парадигме;
- недостаточная развитость интегрированной Евразийской транспортно-логистической системы и промышленной кооперации в рамках ЕАЭС.

Преодоление данных барьеров евразийской промышленной интеграции требует синхронизации усилий всех заинтересованных субъектов как на национальном уровне (государство, промышленные союзы и ассоциации, хозяйствующие субъекты, научно-исследовательские и образовательные организации и т.д.), так и на наднациональном уровне ЕАЭС.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.10.2017 № 12 «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года».
2. Решение Евразийского межправительственного совета от 30.04.2019 № 2 (ред. от 20.08.2021) «О реализации проекта «Евразийская сеть промышленной кооперации, субконтрактации и трансфера технологий».
3. Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 14.07.2021 № 63 «О реализации проекта «Цифровое техническое регулирование в рамках Евразийского экономического союза».
4. Решение № 5 Евразийского межправительственного совета «Об Основных направлениях промышленного сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза до 2025 года» (Принято в г. Казани 30.04.2021).
5. Рекомендация Коллегии Евразийской экономической комиссии от 28.02.2017 № 5 «О перечне приоритетных направлений сотрудничества государств-членов Евразийского экономического союза в целях ускорения технологической модернизации и повышения инновационной активности организаций государств-членов с учетом прикладных и фундаментальных исследований, проводимых государствами-членами».
6. Рекомендация Совета Евразийской экономической комиссии от 03.03.2017 № 2 «О перечне взаимовыгодных направлений кооперационного сотрудничества государств - членов Евразийского экономического союза с учетом целесообразности финансирования соответствующих проектов Евразийским банком развития».
7. Евразийский экономический союз в цифрах: статистический ежегодник. М.: Евразийская экономическая комиссия, 2016. 412 с.
8. Обращение Президента Беларуси Александра Лукашенко к главам государств – членов Евразийского экономического союза (1 января 2015 г.).
9. Обращение Президента Кыргызской Республики А.Ш. Атамбаева к главам государств-членов Евразийского экономического союза (1 февраля 2017 г.).

Ильина А.А.

УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ИМПЕРАТИВЫ ПРОЦЕССОВ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ В СФЕРЕ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. В статье анализируются современные управленческие механизмы процессов институционализации в сфере науки и образования. На основе сущности институтов выявлено преобладание смешанного механизма управления современных процессов институционализации сфер науки и образования, подчеркнута роль институтов в сфере науки и образования как важнейших составляющих процесса интеллектуализации экономики. Заявленной рекомендацией к исследованию выступает развитие региональных научно-образовательных консорциумов в качестве современной формы поддержки институтов сферы науки и образования.

Ключевые слова. Наука и образование, институты, механизмы управления, институционализация, интеллектуализация экономики, консорциумы.

Irina A.A.

MANAGERIAL IMPERATIVES OF INSTITUTIONALIZATION PROCESSES IN THE FIELD OF SCIENCE AND EDUCATION

Abstract. The article analyzes modern managerial mechanisms of institutionalization processes in the field of science and education. On the basis the institutions essence, the mixed management mechanism predominance of modern processes of institutionalization in the science and education sphere is revealed, the role of institutions in the field of science and education as the most important components of the economy intellectualization process is emphasized. The stated recommendation for the study is the development of regional scientific and educational consortiums as a modern form of support for institutions in the field of science and education.

Keywords. Science and education, institutions, management mechanisms, institutionalization, economy intellectualization, consortiums.

Введение

Современная инновационная экономика – это результат генезиса управленческих социальных механизмов и упорядочивания экономических процессов. Управленческие императивы, заложенные в системе хозяйствования, характеризуются сегодня разнонаправленными и, в то же время, взаимосвязанными друг с другом механизмами, требующие более подробного рассмотрения [14, с. 8]:

- стихийный саморегулируемый или конкурентно-рыночный, подвергающий режим хозяйствования определенным рискам и предоставляющий возможности на основе свободной конкуренции одновременно;
- сознательно-регулируемый или государственно-централизованный, характеризующийся применением легитимных инструментов и созданием институтов для распределения общественных благ.

ГРНТИ 06.39.02

EDN UZYIWS

© Ильина А.А., 2022

Анастасия Алексеевна Ильина – аспирантка кафедры экономики инновационного развития факультета государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Контактные данные для связи с автором: 119991, Москва, Ломоносовский пр., 27 (Russia, Moscow, Lomonosovskiy av., 27). Тел.: 8 (915) 254-78-03. E-mail: anastasiya.ilyina1207@gmail.com.

Статья поступила в редакцию 06.06.2022.

В стихийной, самопроизвольной среде общество может функционировать и реализовывать человеческий потенциал посредством массового объединения, формирования кооперации, производства, свободного обмена и потребления товаров и услуг. Конкуренция как детерминант технической, экономической и социально-организационной оценки произведенных благ мотивирует экономические субъекты производить доступные товары и услуги, тем самым уравнивая спрос и предложение.

Обзор литературы

Сознательное воздействие на движение социальных процессов в инновационной экономике – это совокупность методов обеспечения экономической свободы за счет административно-правового инструментария, государственного «консультирования» по вопросам функционирования рыночного пространства, а также проведения социальной политики и наделения населения материальными и духовными благами, инвестирования в сферу науки и образования для достижения приоритетных национальных целей научно-технологического развития и соответствия мировому уровню.

Проведение активной государственной экономической политики целесообразно и в кризисный период, путем воздействия на циклическое воспроизводство и повышение величины эффективного спроса [3]. Однако принципы классического либерализма утверждают обратное – принимаемые меры, рассчитанные на борьбу с кризисом на долгосрочной основе, могут привести к дестабилизации, инфляции, изменению адресности государственной помощи и снижению эффективности государственных программ для экономических субъектов, подверженных кризисным условиям [1].

Взгляды приоритетов экономического развития Ф.А. фон Хайека представляются нам особенно актуальными в условиях быстрой трансформации экономических систем. Сознательное или централизованное хозяйственное планирование организуется в лице определенного органа экономической системы, реализуется за счет создания соответствующих институтов, функционирующих на основе созданного плана. Но при конкурентных условиях свободные рынки аналогичным образом, только посредством децентрализованного планирования, объединяют индивидуумов (производителей и потребителей) при обмене знаниями для выработки решения о необходимости производить те или иные общественные блага с учетом личных предпочтений, отвечающих вызовам современности [2, с. 519-530].

Методика исследования

Теоретическая и информационно-эмпирическая основы исследования – научные публикации отечественных и зарубежных авторов в рамках рассматриваемой проблемы институционализации современной экономики, статистические документы и информационные Интернет-ресурсы. В качестве теоретических методов исследования используются анализ, синтез, обобщение, конкретизация. Используемые эмпирические методы – описание, наблюдение, сравнение, измерение.

Природа современных институтов

Характерная для современной смешанной экономики цикличность экономических кризисов подразумевает государственное регулирование в тех сферах, где экономические субъекты не в состоянии участвовать в распределении доходов в результате конкуренции. Науку и образование принято считать отраслями социальной сферы, где превалирующее влияние и наибольший объем инструментов регулирования имеет государственный сектор. А переход к программно-целевому принципу управления вызвал необходимость у государственного сектора реализовывать целевые экономические программы, формируемые в соответствии с возникающими или обостряющимися социально-экономическими проблемами народнохозяйственного масштаба и значения, решение которых требует концентрации или привлечения ресурсов [10, с. 73].

Однако мировые тенденции на сегодняшний день доказывают, что именно предпринимательский сектор координирует инновационную среду, помогает быстрее адаптироваться участникам инновационной экономики под рыночные условия и больше заинтересован в отдаче от научно-технологических результатов, что очевидно и на примере России (см. рис.) [12].

Для объяснения данного феномена предлагается обратиться к природе современных институтов. Институты – определяющий компонент структуры экономических стимулов, которая формируется в результате определения общественных экономических позиций, объяснения окружающей среды, согласно Д. Норту [13, с. 122]. Фундаментальной переменной, задающей верхнюю границу человеческого

благополучия, является рост объемов знания. Кроме того, институциональные изменения представляют собой структурные изменения, вносимые людьми во взаимодействия друг с другом с целью достижения определенных результатов [там же].

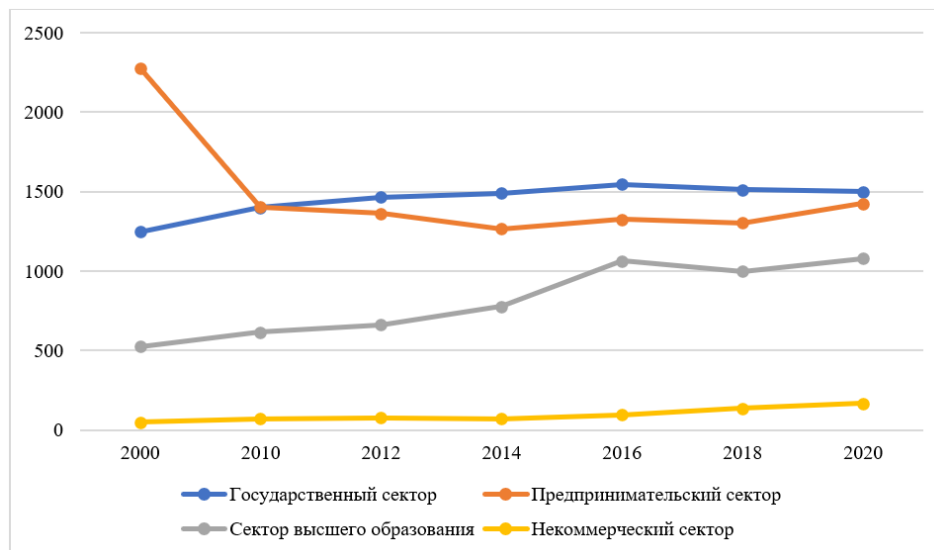

Рис. Число организаций, выполнявших научные исследования и разработки в Российской Федерации

Институты определяются российским институциональным экономистом, доктором экономических наук, профессором, деканом экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова А.А. Аузаном совокупностью, состоящей из правила (нормы) или нескольких правил и внешнего механизма принуждения индивидов к исполнению этого правила [6, с. 23]. Сущность институтов на протяжении всей экономической истории выражается в результате человеческой кооперации, цель которой – решение вопросов социального благополучия методом информационного обмена, концентрации и применения необходимых для этого ресурсов и на основе закрепленных норм поведения субъектов в экономической среде.

Так как институты социальной сферы (наука, образование, медицина, культура, спорт) ориентированы на обеспечение непрерывной поддержки человеческого капитала, логично предположить, что социально-экономический прогресс напрямую зависит от инвестиций в образовательную деятельность, охрану общественного здоровья, информационную мобильность, творческие человеческие компетенции. Упор на гуманизации труда, трансформация производственных процессов, специфика социального развития и привлечение некоммерческого сектора, которые привели к становлению социально-ориентированной экономики сегодняшнего дня, закрепляют новые общественные идеалы и ценности, где осуществляется поиск баланса между производством и потреблением общественных благ.

Конфликт между общественным производством и потреблением в процессе мировой социально-экономической трансформации (принцип взаимоисключаемости) затрагивает доктор социологических наук, профессор Л.В. Логинова: институты социальной сферы подчинены законам экономической эффективности, а результат функциональности организаций социальной сферы определяется их вкладом в производство общественных благ, представляющих собой непосредственные инвестиции в человеческий капитал [9, с. 35-47]. Однако и в данном случае можно заметить основное противоречие – государственная и частная формы хозяйствования в смешанной экономике обостряют проблему социальной справедливости в контексте предоставления базовых гарантий, гражданских прав, и – что особенно актуально – качества предоставляемых благ.

Основные результаты и их обсуждение

Государство как центральный институциональный субъект социальной сферы в современной российской экономике не способно (в силу временного лага и административных проволочек) досконально

исследовать проблему социально-экономического благополучия. Со стороны государственного сектора, олицетворяющего сознательно-регулируемый механизм, можно заметить инерционный характер институциональной сущности:

- поддержка институтов осуществляется опосредованно, т.е. на основании неформальных объединений людей, нуждающихся в установлении прочного механизма административного управления. Исключения составляют крупные структуры, имеющие привилегии в аспекте финансирования, административных льгот, ресурсной поддержки;
- нормативно-правовое поле относительно институтов национальной экономики зачастую имеет довольно жесткие рамки – невыполнение контрактных условий или снижение показателей результативности по утвержденным программам влечет за собой штрафные санкции;
- формирование новых институциональных связей не всегда обосновано их целесообразностью, исходя из перспектив социально-экономического развития;
- часть институтов с формой бюджетных организаций не имеет полноценного выхода на коммерческих заказчиков в силу слабой инновационной активности;
- пониженная кадровая мобильность и технологический потенциал институтов, располагающихся в отдаленных от крупных городов регионах;
- отсутствие методологической базы систематического институционального мониторинга, который бы предполагал проведение на регулярной основе качественных и количественных исследований, отражающих точки зрения представителей всех сторон, затрагиваемых последствиями проводимых реформ, – акторов системы высшего образования [7, с. 15-23];
- целенаправленное внедрение цифровых технологий, что усложняет передачу имплицитных знаний, контроль и обратную связь при обучении, увеличивает ожидаемые затраты на образовательную и управленческую деятельность и повышает зависимость от надежности информационно-коммуникационных технологий [4, с. 83].

Однако и слепое следование законам рыночного хозяйства без внимания государственно-централизованного механизма способствует возникновению новых рисков. Так, естественная природа механизма саморегулирования дифференцирует институты социальной сферы по признаку ресурсной оснащенности и возможности принимать участие в производстве и предоставлении общественных благ, разделяя эти институты на «сильные» и «слабые» в результате динамичного рыночного механизма.

Возрастающая интеллектуализация экономики констатирует факт необходимости дополнительной поддержки институтов науки и образования. Реформирование системы высшего образования, усиление давления институциональных ловушек, дефицит финансирования и новые вызовы цифровизации акцентируют внимание на комплементарности форм взаимодействия институтов сфер науки и образования. Сотрудничество научно-образовательных субъектов формирует новую инновационную среду, в которой объединяются участники современной экономики, делятся знаниями и информацией, апробируют новые инструменты управления.

Управленческие механизмы в сфере науки и образования синтезируют имеющиеся тенденции и превращаются в новый императив смешанного механизма институционализации современной экономики в зависимости от институциональной среды (система, характеризующая диверсификацию методов получения знаний и информации), институциональных форм (стратегические партнерства, альянсы на базе определенных организаций или автономные высокотехнологичные комплексы), институциональных барьеров (лоббирование интересов), инкрементных или дискретных институциональных изменений.

Выводы

Таким образом, институты социальной сферы в современной инновационной экономике представляются важнейшим экономическим ресурсом для существенного научно-образовательного обогащения и укрепления потенциала в сфере инновационных технологий. Многосторонний процесс адаптации к происходящим технологическим изменениям не может осуществляться без применения соответствующих институциональных, административных, технологических механизмов повышения интеллектуализации сферы науки и образования.

На взгляд автора, подобные процессы, ввиду сокращения инновационных циклов продолжающийся региональный дисбаланс в научно-технологическом развитии, миграция интеллектуальных ресурсов,

несвоевременное принятие запросов или игнорирование необходимости модернизации имеющихся у субъектов материальных и нематериальных активов, недостаточный научно-исследовательский задел могут спровоцировать снижение инновационной активности и усилить меры, к примеру, по оптимизации, реорганизации или вовсе ликвидации институтов сферы науки и образования, что вынуждает акцентировать внимание на межсекторном сотрудничестве в сфере науки и образования.

Модель взаимодействия науки и образования в настоящее время рассматривается в виде преобразования исследовательских учреждений в структурные подразделения образовательных организаций высшего образования, тем не менее, данное решение в научной литературе не приветствуется из-за вероятности перераспределения потоков финансирования и резкого снижения реальной исследовательской активности [5, с. 83-93], с чем невозможно не согласиться. В данном случае, результаты кооперационных связей сфер науки и образования могут быть достигнуты посредством пролонгирования идеи создания региональных научно-образовательных консорциумов.

Одним из масштабных проектов по созданию подобных институтов является проект «Вернадский» [11]. Методология практической реализации деятельности консорциумов по своей сути свидетельствует об инновационном характере процессов институционализации: партнерами могут стать университеты, негосударственные образовательные организации, коммерческие компании, научно-исследовательские учреждения; члены консорциума могут сохранять собственную административную структуру или входить долями друг к другу [8, с. 736].

В качестве рекомендации следует отметить проведение дополнительного SWOT-анализа функционирующих институтов науки и образования с точки зрения самих субъектов, выявление институциональных взаимосвязей и их эффективности, результатов воздействия управленческих механизмов, региональных специфик процессов институционализации. Данные рекомендации планируются автором к рассмотрению в дальнейшем, на основе изучения актуальных мировых трендов.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. *Hayek F.A.* The Pure Theory of Capital. The Ludwig von Mises Institute Auburn, Alabama, 2009. 455 p.
2. *Hayek F.A.* The Use of Knowledge in Society // The American Economic Review. 1945. Vol. 35, Issue 4. P. 519-530.
3. *Keynes J.M.* The General Theory of Employment Interest and Money. Martino Fine Books, 2011. 416 p.
4. *Maskaev A.A.* Institutions of higher education and science as a factor of economic development // Journal of Economic Regulation. 2021. Vol. 12. № 3. P. 83.
5. *Абрамова М.А.* Наука + образование = (≠) образование + наука // Respublica Literaria. 2020. Т. 1. № 1. С. 83-93.
6. *Аузан А.А.* Институциональная экономика: новая институциональная экономическая теория. М.: ИНФРА-М, 2006. 416 с.
7. *Вольчик В.В., Корытцев М.А., Маслюкова Е.В.* Институты и идеология менеджизма в сфере высшего образования и науки // Управленец. 2019. Т. 10. № 6. С. 15-23.
8. *Искаков И.Ж.* Научно-образовательный Консорциум в подготовке кадров для евразийской интеграции // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник / Институт научной информации по общественным наукам РАН. М., 2019. С. 736-739.
9. *Логинова Л.В.* Институты социальной сферы экономики: проблемы функционирования // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2010. Т. 4. № 4. С. 35-47.
10. *Лукьяненко З.Б., Югова Н.В.* Программно-целевой метод в государственном управлении бюджетной сферой // Ars Administrandi. 2014. № 2. С. 73.
11. Официальный сайт Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Проект «Вернадский». Концепция создания региональных научно-образовательных консорциумов «Вернадский». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.msu.ru/projects/proekt-vernadskiy> (дата обращения 28.05.2022).
12. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Наука, инновации и технологии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (дата обращения 28.05.2022).
13. Понимание процесса экономических изменений. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 122 с.
14. Управленческая экономика. М.: ИД «ФОРУМ»: ИНФРА-М, 2020. 208 с.

ФОРМИРОВАНИЕ УМНОГО ЛОКАЛЬНОГО РЫНКА ПРОДОВОЛЬСТВИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. В статье рассматривается влияние использования ИКТ-концепций на развитие локальных продовольственных рынков, в части получения, обработки и интерпретации больших баз данных. Приводится описание технологий «смайт-маркет» и методики проведения кластерного анализа. Автор, предлагая использование технологии кластерного анализа на практике, проводит исследование, рассматривая – каким образом применение этой технологии влияет на результат хозяйственной деятельности субъекта локального продовольственного рынка.

Ключевые слова. Информатизация локальных продовольственных рынков, концепция «смайт-маркет», обработка больших данных, технология кластерного анализа.

Lavshenko S.P.

FORMATION OF A SMART LOCAL FOOD MARKET USING INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES

Abstract. The article examines the impact of the use of ICT concepts on the development of local food markets, in terms of obtaining, processing and interpreting large databases. The description of smart-market technologies and methods of cluster analysis is given. The author, proposing the use of cluster analysis technology in practice, conducts research considering how the use of this technology affects the result of the economic activity of the subject of the local food market.

Keywords. Informatization of local food markets, the concept of "smart market", big data processing, cluster analysis technology.

Введение

Информатизация региональной экономики связана с глобальными трансформациями мирового развития, основанными на интенсивном развитии информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Промышленная революция превратила аграрную экономику в индустриальную, а развитие технологических платформ в промышленном производстве, в том числе и с помощью ИКТ, превратило индустриальную экономику в постиндустриальную, в которой социально-экономическая модель использует информацию как полноценный экономический ресурс.

В подтверждение этого факта можно вспомнить определение информационных технологий (ИТ). В самом базовом понимании ИТ – это технологии переработки информации, а точнее данных, в том числе и касающихся экономических процессов. Региональная экономика в этом смысле не исключение,

ГРНТИ 06.61.33

EDN VDKGDK

© Лавщенко С.П., 2022

Светлана Петровна Лавщенко – аспирант кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург)/

Контактные данные для связи с автором: 622911, Свердловская область, Пригородный район, Николо-Павловское с., Совхозная ул., д. 59 (Russia, Prigorodny district, Nikolo-Pavlovskoye village, Sovkhoznaia str., 59). Тел.: +7 922 218-78-64. E-mail: lavshenko@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 22.07.2022.

поскольку с внедрением ИТ существенно изменяются и основные ее постулаты, определяющие функционирование и развитие региональных экономических систем и подсистем. Региональная экономика становится частью национальной экономики, где начинают доминировать знания субъектов и нематериальное производство. Понятия «цифровая экономика», «экономика знаний», «информационное общество» и их аналоги становятся синонимичными и формируют новый этап развития региональной экономики, меняя прежнюю индустриальную парадигму на информационную и цифровую [1; 2].

Вопросами цифровизации экономики занимались многие отечественные и зарубежные ученые. В работах Бабкина А.В., Бодрунова С.Д., Добрынина А.П., Липатова С.И. и др. рассматриваются общие подходы к информатизации и цифровизации экономики в современных условиях [1; 2; 5; 6; 8; 10]. Некоторые аспекты информатизации локальных рынков можно изучить в работах [7; 9]. Концепция «Smart» индустрии и экономики в целом освещена в исследованиях [13; 14]. Однако исследований, связанных с конкретным применением информационных технологий в рамках локальных рынков продовольствия и переходом их в категорию «Smart» недостаточно, поэтому наше исследование актуально и своевременно. Цель этой статьи – показать применение конкретных информационных технологий для оптимизации бизнес-процессов на локальных рынках продовольствия, которые позволяют их трансформировать в категорию Smart market.

Роль ИКТ в формировании концепции Smart market / умный локальный рынок продовольствия

Информатизация локальных рынков основана на четырех «китах» современного развития ИКТ: технологии больших данных, подразумевающие использование интеллектуальных алгоритмов и обработку данных «на лету»; социальные сети, как источник клиентского трафика, и ускорение процессов обратной связи; мобильные технологии, как возможность получать данные различного характера независимо от геопозиции и временных факторов; облачные технологии, как инструментальные средства, позволяющие существенно снизить затраты на покупку и разработку программного обеспечения, используемого в сервисной модели региональной экономики.

Сочетание всех 4 направлений позволяет существенно удешевить все бизнес-процессы, связанные с обработкой и хранением данных, точнее адаптировать продукты и услуги к потребностям каждого конкретного клиента (кастомизация) и поставлять товары и услуги тогда и туда, где они необходимы. Кастомизация и главное – ее приемлемая стоимость – являются одной из ключевых тенденций развития локальных рынков. Это развитие происходит в направлении концепции «Smart market».

В качестве ядра этой концепции выступает пул технологий, объединенных общим названием «Smart» (умный). Появление этой концепции связано появлением новой промышленной революции «Индустрия 4.0» (новая индустриализация). Философия Индустрия 4.0 (Industry 4.0) впервые была представлена в Германии в 2011 году и символизирует инициацию четвертой промышленной революции [13; 14]. В качестве базовых технологий концепции «Индустрия 4.0» определяются: роботизация, блокчейн, моделирование и прогнозирование, большие данные и продвинутая аналитика, интернет вещей (IoT), кибербезопасность, облачные вычисления и хранение данных, горизонтальная и вертикальная интеграция, дополненная реальность, дополненное производство, непрерывная 3D-печать.

Характерными чертами концепции «Smart» являются: максимальная автоматизация и интеллектуализация всех бизнес-процессов на локальных рынках, и она тесно связана с такими инновациями как умный (цифровой) город; умная (цифровая) дорога и умный (цифровой) транспорт; умный дом и умные товары. Эта концепция предполагает формирование единого взаимосвязанного комплекса вычислительных ресурсов и физических процессов как на отдельном предприятии, так и в отрасли, регионе, занятых в реализации последовательных переделов в цепочках создания ценности и включенных в единый контур управления сквозными бизнес-процессами и обмена данными, их интеллектуального анализа и построения умных систем поддержки принятия решений в «режиме онлайн».

Одной из конкретных интеллектуальных технологий, позволяющих осуществить трансформацию локальных рынков продовольствия к формату «Smart market» является технология кластерного анализа данных. Кластеризация (или кластерный анализ) – это разбиение множества объектов на группы, называемые кластерами. Внутри каждой группы должны оказаться «похожие» объекты, а объекты разных группы должны быть как можно более отличны [11]. Главное отличие кластеризации от классификации состоит в том, что перечень групп четко не задан и определяется в процессе работы алгоритма.

Применение кластерного анализа в общем виде сводится к следующим этапам [12]: отбор выборки объектов для кластеризации; определение множества переменных, по которым будут оцениваться объекты в выборке, а при необходимости – нормализация значений переменных; вычисление значений меры сходства между объектами; применение метода кластерного анализа для создания групп сходных объектов (кластеров); представление результатов анализа. После получения и анализа результатов возможна корректировка выбранной метрики и метода кластеризации до получения оптимального по тому или иному критерию результата.

Для начала важно понять и научиться определять степень «похожести» объектов. Необходимо составить вектор характеристик для каждого объекта. Как правило, это набор числовых значений, которые получены, например, путем опроса респондентов. Можно выделить две основные классификации алгоритмов кластеризации: иерархические и плоские. Иерархические алгоритмы, также называемые алгоритмами таксономии, строят не одно разбиение выборки на непересекающиеся кластеры, а систему вложенных разбиений. Таким образом на выходе получается дерево кластеров, корнем которого является вся выборка, а листьями – наиболее мелкие кластеры. Плоские алгоритмы строят одно разбиение объектов на кластеры.

С развитием информационно-коммуникационных технологий методы интеллектуального анализа данных стали доступны не только крупным компаниям и организациям, но и всем участникам локального рынка продовольствия, включая несетевые магазины продуктов. Определенное масштабирование таких исследований среди агентов локального рынка продовольствия приведет к тому, что локальный рынок продовольствия постепенно будет трансформироваться в категорию Smart market.

Кластерный анализ потребителей молочной продукции локальных продовольственных рынков

Проведение различных исследований, связанных с опросами респондентов, на локальных продовольственных рынках является практически нормой для крупного бизнеса; малый и средний бизнес такого рода исследования практически не проводят в силу их дороговизны и неумения обработать результаты таких исследований должным образом – с использованием современных технологий интеллектуального анализа данных. Развитие и доступность ИКТ на современном этапе позволяет решить эту проблему и для малого, и для среднего бизнеса. Во многих научных исследованиях авторы заявляют о том, что современные ИКТ и цифровые технологии оптимизируют различные бизнес-процессы, но в таких исследованиях нет ответа на вопросы: Каким образом это происходит, и сколько это стоит?

В рамках нашей работы ставится задача – продемонстрировать реальную эффективность таких исследований на локальных продовольственных рынках, изучив предпочтения потребителей относительно молочной продукции, как основного и конкурентоспособного продукта на локальных продовольственных рынках.

Одной из задач сегментации потребителей молочной продукции может быть классификация потребителей по потребностям. Такая сегментация в дальнейшем может помочь выявить, какие бренды молочной продукции более популярны среди представителей разных сегментов, а также то, каким образом можно было бы изменить закупки молочной продукции у поставщика для удовлетворения потребностей каждого сегмента локального продовольственного рынка. С точки зрения экономической сущности процесса и результата, сегменты должны быть интерпретируемыми, измеримыми и достаточно большими.

Для получения такого результата была составлена анкета и представлена респондентам в двух формах: электронной (Google-форма) и бумажной. В течение 2 недель потенциальные респонденты заполняли анкеты. Всего было собрано 543 анкеты, из них в электронном виде 381, остальные – в бумажном виде. Набор данных содержит оценки степени согласия респондентов с высказываниями, отражающими цель потребления молочной продукции. Всего каждый респондент выставлял оценки по 11 высказываниям (от 1 – низкая степень до 5 – высокая степень):

V1: Я употребляю молочные продукты, потому что это полезно;

V2: Я употребляю молочные продукты, чтобы чувствовать себя комфортнее;

V3: Я употребляю молочные продукты по совету врача;

V4: Я употребляю молочные продукты, так эта продукция – источник белка;

V5: Я употребляю молочные продукты, как заменитель других более дорогих продуктов животного происхождения;

V6: Я употребляю молочные продукты, когда мне хочется чего-нибудь вкусного;

V7: Употребление молочных продуктов – это тренд современной культуры потребления полезных продуктов;

V8: Я употребляю молочные продукты, так как считаю, что они имеют натуральный состав;

V9: Я употребляю молочные продукты, так как их рекомендуют в рекламе;

V10: Я употребляю молочные продукты так как это делают большинство членов моей семьи;

V11: Я не употребляю молочные продукты, так как они ухудшают мое самочувствие.

В результате первоначального этапа исследования был отобран 381 ответ респондента. Эти данные были импортированы в Open Source систему интеллектуального анализа данных RStudio и с помощью встроенных инструментов и библиотек был проведен кластерный анализ данных (рис. 1-3). В результате применения алгоритмов были выявлены 4 кластера (см. рис. 2 и рис. 3).

	V1	V2	V3	V4	V5	V6	V7	V8	V9	V10	V11
1	4	5	5	5	3	3	3	3	3	3	3
2	5	4	5	5	3	3	3	3	3	3	3
3	5	5	4	5	3	3	3	3	3	3	3
4	5	4	5	5	3	3	3	3	3	3	3
5	4	5	5	5	3	3	3	3	3	3	3
6	5	4	5	5	3	3	3	3	3	3	3
7	5	5	4	5	3	3	3	3	3	3	3
8	5	4	5	5	3	3	3	3	3	3	3

Рис. 1. Исходные данные опроса респондентов

Рис. 2. Результаты кластерного анализа данных опроса респондентов с помощью алгоритма иерархического кластерного анализа

При этом полученные результаты можно интерпретировать следующим образом:

- в первую группу (кластер) вошли покупатели молочной продукции, которые употребляют молочную продукцию осознанно для того, чтобы получать достаточное количество белка и экономить при этом денежные средства. Они предпочитают вкусную молочную продукцию, употребляют ее много и часто;
- во вторую группу (кластер) вошли покупатели молочной продукции, употребляющие ее в оздоровительных целях, однако покупают они ее не так часто;

- в третью группу (кластер) вошли покупатели молочной продукции, покупающие ее из-за вкусовых особенностей. К этой же группе можно отнести любителей трендов в потреблении молочной продукции;
- в четвертую группу (кластер) вошли покупатели молочной продукции, которым эта продукция не нравится, они равнодушны ко вкусу и употребляют ее «за компанию» время от времени.

Программное средство также позволяет просмотреть и другие характеристики потребителей по кодам их в выборке, если они оставили свои данные в результате заполнения анкеты. Результаты анализа позволяют магазину продуктов изменить конфигурацию полок молочной продукции и представить ее в разных форматах для каждой группы потребителей. Например, для первой группы может быть сделана большая упаковка, выставлены самые дорогие бренды и увеличена цена. Эти клиенты приносят больше всего прибыли. Для третьей группы могут быть представлены бренды с яркой упаковкой и низкой ценой. Для второй группы можно подготовить полку с продуктами (не только молочными), которые стимулируют здоровый образ жизни.

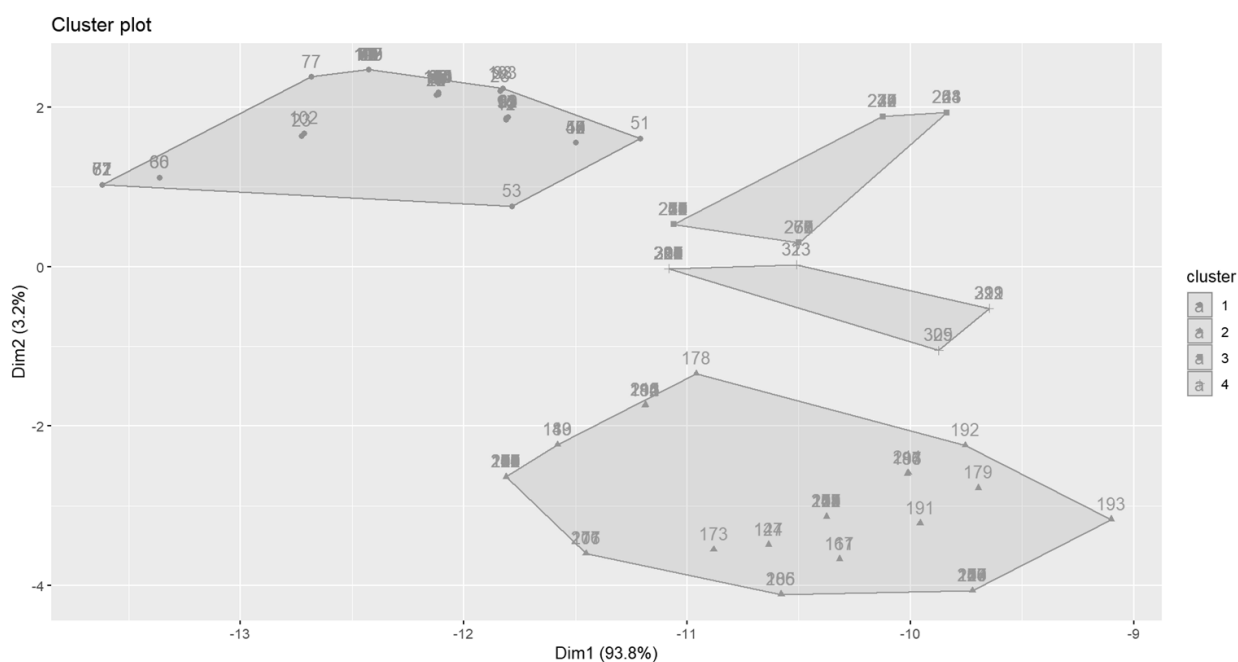

Рис. 3. Результаты кластерного анализа данных опроса респондентов с помощью плоского алгоритма кластерного анализа

Также в результате анализа были даны рекомендации по оптимизации закупки молочной продукции у различных поставщиков в соответствии с размерами кластеров. Общее увеличение выручки от продажи молочной продукции в течение первых двух месяцев после реализации на практике авторских предложений в одной из торговых точек составило 398 760 рублей, что превышает предыдущие показатели на 10%

Теперь перейдем к затратам. Применение информационных технологий действительно резко их снизило. На составление и печать анкеты было затрачено 2 674 рубля, поскольку большинство респондентов пользовалось электронной формой, доступ к которой осуществлялся по QR-коду. Написание скрипта, обработка данных и составление отчета заняли примерно 2 рабочих дня, при стоимости услуг аналитика 1000 рублей в час с учетом всех начислений было потрачено на оплату труда 23 346 рублей. Эта услуга была оказана на условиях аутсорсинга. Таким образом, валовая прибыль от реализации авторских рекомендаций составила 372 740 рублей.

Следует учесть, что разработанная технология универсальна относительно вида продукции и с небольшими модификациями может быть распространена на них. При этом затраты на аналитику будут снижены примерно в 2 раза в связи с тем, что будут тиражироваться готовые решения.

Выводы

Исследования такого рода на локальных рынках продовольствия практически единичны. Крупному бизнесу они, возможно, неинтересны, так как закупка продукции стандартизирована, а ее ассортимент изначально достаточно широк по своей номенклатуре. Однако представителям малого и среднего бизнеса это позволяет выдерживать конкурентную борьбу на локальных рынках продовольствия, представляя удобную для покупателя концепцию формирования полок молочной продукции в соответствии с их вкусами. Кроме этого, такой подход позволит опередить и конкурентов в сегменте малого и среднего бизнеса.

Таким образом, с одной стороны, информатизация оказывается тесно связанной с опережающим развитием локальных рынков и трансформацией их к концепции Smart-market, наблюдаемом начиная с последней четверти XX века и по настоящее время, а с другой – приводит к сокращению затрат, улучшению качества услуг и продуктов и увеличению рентабельности практически всех предприятий и организаций, присутствующих на локальных рынках. Масштабирование таких исследований, по мнению автора, приведет к качественному изменению расстановки сил на локальных продовольственных рынках.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. *Бабкин А.В., Буркальцева Д.Д., Костень Д.Г., Воробьев Ю.Н.* Формирование цифровой экономики в России: сущность, особенности, техническая нормализация, проблемы развития // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2017. № 3. С. 9-25.
2. *Бодрунов С.Д.* Нооиндустриальное производство: шаг к неэкономическому развитию // Экономическое возрождение России. 2018. № 1 (55). С. 5-15.
3. *Волкова А.А.* Стратегия развития предприятий сферы услуг // Новая парадигма науки об управлении в XXI веке и ее практическое приложение к проблемам Севера / Государственная полярная академия. СПб., 2016. С. 102-106.
4. *Грибанов Ю.И., Репин Н.В.* Перспективы IT-аутсорсинга в цифровой экономике. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.e-rej.ru/Articles/2018/Gribanov_Repin.pdf (дата обращения 20.06.2022).
5. *Добрынин А.П., Черных К.Ю., Куприяновский В.П., Куприяновский П.В., Синягов С.А.* Цифровая экономика – различные пути к эффективному применению технологий (BIM, PLM, CAD, IOT, Smart City, BIG DATA и другие) // International Journal of Open Information Technologies. 2016. № 1. С. 4-11.
6. *Куприяновский В.П., Синягов С.А., Липатов С.И., Намиот Д.Е., Воробьев А.О.* Цифровая экономика – «умный способ работать» // International Journal of Open Information Technologies. 2016. № 2. С. 26-33.
7. *Лысюк В.М., Серов А.О.* Локальные рынки в системе рыночной экономики // Экономический вестник Донбасса. 2016. № 3. С. 19-23.
8. *Назаров Д.М., Фитина Е.К.* Возможности Instagram как инструмента цифрового маркетинга // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2019. № 6 (120). С. 116-122.
9. *Пирогова О.Е., Сморгочкова Т.М.* Укрепление конкурентоспособности компаний сферы услуг на основе клиентоориентированного подхода // Перспективы науки. 2018. № 2 (101). С. 77-81.
10. *Плотников В.А.* Цифровизация производства: теоретическая сущность и перспективы развития в российской экономике // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 4 (112). С. 16-24.
11. *Anderberg M.* Cluster Analysis for Applications. Academic Press, 1973.
12. *Miyamoto S., Huynh V., Fujiwara S.* Methods for clustering categorical and mixed data: An overview and new algorithms / In: Integrated Uncertainty in Knowledge Modelling and Decision Making. 2018. P. 75–86.
13. *Pfohl H., Yahsi B., Kurnaz T.* The impact of Industry 4.0 on the supply chain // HICL – Conference proceedings. 2015. P. 31-58.
14. *Qin J., Liu Y., Grosvenor R.* A categorical framework of manufacturing for Industry 4.0 and beyond // Procedia CIRP. 2016. № 52. P. 173-178.

РАЗВИТИЕ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ МЕГАПОЛИСЕ

Аннотация. Исследование процесса и состояния сциентизации социальных практик жителей мегаполисов современной России необходимо продолжить на микроуровне взаимодействия социума (индивиды и малые социальные группы). В качестве основного метода изучения мнений участников на микроуровне выбрано полуструктурированное глубинное интервью, обращенное к жителям мегаполиса, считающим себя продвинутыми пользователями инноваций или инноваторами (квази-экспертное интервью). В основе такого определения выбран уровень владения современными технологиями в обыденной жизни. В качестве вспомогательного метода использовалась (в случае отказа от интервью по причине нехватки времени, территориальной удаленности) анкета с открытыми вопросами, сформированная на основе вышеупомянутого гайда и позволяющая получить необходимые ответы при минимальном отклонении от стандартов проведения массовых опросов.

Ключевые слова. Сциентизация, быт, инновации, пользователь, технологии, мегаполис, социальные практики, потребитель.

Lagutin Y.V.

DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL INNOVATIONS IN A MODERN METROPOLIS

Abstract. The study of the process and state of the social practices of residents of megacities of modern Russia should be continued at the micro-level of interaction of society (individuals and small social groups). As the main method of studying the opinions of participants at the micro level, a semi-structured in-depth interview was chosen, addressed primarily to the residents of the megapolis who consider themselves advanced users of innovations or innovators (quasi-expert interview). This definition is based on the level of proficiency in modern technologies in everyday life. As an auxiliary method, a questionnaire with open questions was used (in case of refusal of an interview due to lack of time, territorial remoteness), formed based on the above-mentioned guide and allowing to get the necessary answers with minimal deviation from the standards of conducting mass surveys.

Keywords. Scientization, everyday life, innovation, user, technology, megapolis, social practices, consumer.

Введение

В основе данной статьи – социологическое исследование, касающееся вопросов внедрения новых технологий в повседневную жизнь горожан. При этом, нами рассматривалась совокупность факторов, приведенных в таблице.

ГРНТИ 04.51.29

EDN WTDUQM

© Лагутин Ю.В., 2022

Юрий Викторович Лагутин – ассистент Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Контактные данные для связи с автором: 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23 (Russia, Nizhny Novgorod, Gagarina av., 23). E-mail: lagutinyury@gmail.com.

Статья поступила в редакцию 12.07.2022.

Метод формирования выборки – обращение к наиболее заинтересованной и вовлеченной аудитории тематических интернет-сайтов и форумов, сотрудникам научно-образовательных институтов, ИТ-стартапов, представителям технологических форсайт-сообществ. На основе предварительного поиска в социальных сетях «Facebook» и «ВКонтакте» был определен круг из 20 потенциальных респондентов, в разное время обозначивших свою позицию по рассматриваемой проблеме в публичном пространстве посредством научных публикаций, интервью и реплик в ходе дискуссий. После этого методом «снежного кома» были получены ответы еще от 12 респондентов.

Таблица

Факторы внедрения инноваций в повседневную жизнь, используемые в экспертных интервью

Фактор 1	Мобильные приложения	Фактор 7	Умный город
Фактор 2	Технологии во время пандемии	Фактор 8	Искусственный интеллект и будущее / Сайты
Фактор 3	Инновации и инноваторы	Фактор 9	Автоматизация труда / Современность
Фактор 4	Дети, родители и гаджеты	Фактор 10	Стартапы
Фактор 5	Управление / Люди и машины	Фактор 11	Молодежь и наука
Фактор 6	Роботы: международное сотрудничество и отечественная промышленность	Фактор 12	Развитие ИТ-инфраструктуры

После анализа и первичного отбора для контент-анализа было использовано 27 ответов, в которых представлено значительное разнообразие мнений, из которых с помощью содержательного анализа выявлены основные тенденции формирования отношения круга продвинутых пользователей и инноваторов к научным технологиям, вошедшим в обыденную жизнь жителя современного российского мегаполиса.

Состав передовых пользователей информационных технологий, мнения которых изучались, достаточно разнообразен и демонстрирует сочетание как профессиональной мотивации (связанной со спецификой выполняемой работы), так и социально-бытовой (взаимодействие с другими «продвинутыми» пользователями, включенность в сети обмена опытом и общения по поводу технологизации повседневной жизни в мегаполисе). Возраст респондентов колеблется вокруг трех точек притяжения: 18-24 года (получение высшего образования и период профессионального самоопределения), 27-30 лет (решение задач профессионального роста и формирования конкурентоспособных навыков, в том числе – в цифровой сфере), 37-42 года (передача опыта более молодым коллегам и студентам, демонстрация осознанного отношения к научно-технологическим инновациям).

Состав респондентов можно считать репрезентативным и удовлетворяющим целям, поставленным в исследовании, связанным с выявлением и анализом ключевых социокультурных факторов, способствующих и препятствующих эффективной сциентизации социальных практик в современном обществе.

Общее описание исследования

В качестве вводного вопроса была использована следующая фраза: «Пожалуйста, расскажите как можно подробнее о Вашем личном опыте использования инновационных технологий в повседневной жизни. В какой мере сциентизация затронула разные сферы Вашей жизни (работа, дом, транспорт, досуг, здоровье, семья)? Какие эмоции Вы испытываете в связи с этим, и какое у Вас сложилось отношение к такому процессу? Разделяют ли Ваше мнение Ваши друзья и близкие, Ваша семья?»

Анализ данных ответов продемонстрировал широкий диапазон высказываемых оценок и отношения к научно-технологическим инновациям в повседневной жизни. При этом преобладает общее позитивное восприятие изменений (19 ответов из 27) и даже восторженный энтузиазм (3 ответа из 27), взвешенно-осторожное отношение наряду с признанием удобства и простоты использования отметили 5 респондентов. Количество подробных развернутых ответов – 22 из 27, что позволяет говорить о высокой готовности респондентов к самоанализу собственного взаимодействия с высокотехнологичной средой и ее элементами.

Выгоды, получаемые от использования технологий в повседневном социальном взаимодействии и упоминаемые респондентами можно ранжировать следующим образом: удобство (21 ответ), экономия

времени (18 ответов), преодоление физических ограничений (9 ответов), минимизация взаимодействия с официальными инстанциями (6 ответов), минимизация усилий по решению повседневных проблем (5 ответов). Общий эмоциональный фон – позитивный (24 из 27 ответов), явного отторжения и глубоких стрессовых реакций респонденты не продемонстрировали.

Родственники и друзья, в том числе представители старших поколений в целом демонстрируют высокий уровень вовлеченности в использование научно-технологических инноваций в повседневной жизни, 16 из 27 респондентов отмечают собственную роль в этом процессе, 7 из 27 респондентов признают, что сами подвержены влиянию профессионального и личного круга общения.

Фактор / тенденция 1. Мобильные приложения

Анализировалось отношение респондентов к мобильным приложениям различных магазинов, покупкам из дома, оплате без кассы, проверке состояния товара в зале без консультанта, использованию дисконтных карт в приложении. Формулировка вопроса: «Как часто Вы пользуетесь этими возможностями, как они повлияли на Ваше повседневное потребление товаров и услуг? Что Вы могли бы сказать прогнозно о дальнейшем развитии этих технологий?»

Полученные ответы позволяют говорить о высоком уровне поддержки данной тенденции (25 из 27 респондентов высказали позитивную оценку упоминаемым технологиям). Жители больших городов, в значительной степени вовлеченные в онлайн-шоппинг, без труда, «бесшовно» перешли на использование различных платежных приложений, касс без кассира и онлайн-служб доставки продуктов питания и других товаров. В успехе данного направления технологизации социальных практик не последнюю роль сыграло удобство и ориентация на решение проблем пользователей, а также ограничения, связанные с распространением Covid-19 в 2020-2021 годах, которые в данном контексте можно назвать наиболее значимым драйвером развития описываемого тренда сциентизации быта.

При этом, 4 из 27 респондентов отмечают высокий уровень развития и проникновения в повседневное взаимодействия этих технологий в России (преимущественно в мегаполисах) по сравнению с другими странами и регионами: «По сравнению со всем миром в России очень быстро и хорошо развиваются подобные мобильные приложения упрощающие повседневную жизнь. Испытываю множество неудобств в других странах во время путешествий, потому что к хорошему быстро привыкаешь» (респондент 11). В отношении прогнозов развития данной технологии большая часть респондентов (21 из 27) высказывает уверенность в реализации оптимистичного сценария, особенно в связи с личными потребностями и целями личностного развития. Например: «Прогноз – это будет развиваться и набирать обороты. Безумно рада гулять и наслаждаться солнцем, пока домой везут муку и подсолнечное масло» (респондент 15).

При этом, один из респондентов в отношении будущего и частично настоящего демонстрирует явный алармизм, проецируя свое отношение к более простым процедурам покупки на общие тенденции развития культуры и общества: «Зачастую люди этим злоупотребляют, скроллинг (потеря концентрации), патологическое развитие вещиизма, деградация самостоятельного мышления» (респондент 18). В общем и целом, опрашиваемые «инноваторы» демонстрируют высокую вовлеченность в реализацию описанной тенденции, своим личным примером способствуя ее дальнейшему распространению.

Фактор / тенденция 2. Пандемия и инновационные технологии

Анализировались ограничения во время пандемии и то, как они показали новые стороны различных технологий – дистанционного образования, удаленной работы, общения без объятий, онлайн-покупки и доставки, реализации благотворительных инициатив в сети и офлайн. Формулировка вопроса: «Что Вы можете выделить в качестве самых ярких своих открытий в сфере использования инноваций в быту на протяжении всей истории ковида в России и в мире?»

Опыт пандемии в настоящий момент можно с полным правом рассматривать в качестве травмирующего и незавершенного события, что в значительной степени обусловило преобладание кратких и неполных ответов (16 из 27). Также наблюдались частичные повторы сказанного при ответе на предыдущие вопросы (8 из 27). Анализируя ответы респондентов, следует отметить амбивалентный характер оценочных суждений в отношении дистанционной учебы, дистанционной работы и удаленного взаимодействия с другими людьми. Подчеркивая несомненные преимущества от применения новых технологий: свободу выбора контента и экономию времени, часть ответов (5 из 27) содержат опасения по

поводу дефицита реального общения, отсутствия формирования устойчивых связей в процессе социального взаимодействия.

В отношении дистанционного обучения мнения разделились. Респондент 4 возглавляет оптимистов (13 из 27 ответов): «Если сравнивать его [дистанционное обучение] с учебой в ВУЗе, то онлайн образование приносит мне гораздо больше пользы. Во-первых, я могу сам выбирать курсы, учиться более целенаправленно. Во-вторых, я не привязан к графику работы образовательного учреждения, учеба более продуктивная, не зависит ни от кого, кроме меня и стабильного интернета. Считаю, что будущее именно за онлайн образованием». Респондент 3 выразил точку зрения скептиков (6 из 27 ответов): «На самом деле в сфере образования онлайн обучение – отдельная боль, как по мне – сейчас есть существенный разрыв в этом для плохо формализуемых сфер (например искусство, игра на музыкальных инструментах)».

Подводя итог, отметим, что поддержка данной тенденции проявляется не столь явно, прежде всего – ввиду ее вынужденного характера и относительно искусственной природы, хотя предпосылки описываемых ситуаций и сценариев формировались на протяжении достаточно длительного предшествующего периода.

Фактор / тенденция 3. Инновации и инноваторы

Исследовалась позиция и роль в отношении научно-технологических инноваций, внедряемых в повседневную жизнь российских мегаполисов. Новыми технологиями занимаются разработчики, используют их продвинутые и обычные пользователи, исследуют различные аналитики. Формулировка вопроса: «К кому Вы относите себя, и почему? В чем заключается Ваше участие в процессе сциентизации обыденных практик жизни человека в мегаполисе?»

24 из 27 респондентов смогли идентифицировать себя и свою роль в мире новых технологий, при этом большинство (16 человек) определили себя как «обычных пользователей». Впрочем, и здесь есть градация отношения к технологиям: от пассивной до проактивной: «Я отношу себя к обычному пользователю инновационных технологий, который ищет, анализирует, сообщает информацию с разных источников» (респондент 10). 3 респондента определили себя в качестве «продвинутых пользователей»: «Я считаю себя продвинутым пользователем, так как я люблю углубляться в суть. Моё участие в этом процессе заключается в упрощении своей жизни и пропаганде использования тех или иных технологий своей семье, чтобы и их жизнь была и становилась проще» (респондент 14). Наконец, 3 человека отнесли себя к разработчикам, еще 2 – к техноскептикам или «осторожным пользователям».

Полученные результаты позволяют глубже дифференцировать исследуемую группу «инноваторов» и сделать предварительный вывод об обратной корреляции роли в развитии научно-технологических инноваций и степени оптимизма в отношении их внедрения в повседневной жизни. При этом, позитивным моментом, несомненно, является преобладание в структуре социально-бытовых «инноваторов» обычных рядовых потребителей, а не профессионалов в сфере информационных технологий или представителей специализированных научных направлений.

Фактор / тенденция 4. Дети, родители и гаджеты

Анализировалась среда взаимодействия родителей, детей и гаджетов в повседневном режиме. Различные коммуникационные гаджеты очень быстро стали частью повседневной жизни и способны переформатировать устоявшиеся социальные практики, даже в рамках традиционного института семьи. Формулировка вопроса: «Пожалуйста, расскажите, какое место в Вашем времени, пространстве, общении занимают виртуальные сообщества и коммуникации? В какой степени Вы являетесь уверенным / продвинутым пользователем или инноватором и даже разработчиком различных гаджетов и связанных с ними технологий? Часто ли Вы встречаетесь с новинками в этой сфере, меняете технику, пробуете незнакомое ранее? Как эти технологии, по-Вашему, меняют родительско-детские отношения и общение детей между собой?»

Большинство респондентов (21 из 27) отметили невысокую частоту обновления устройств, 7 респондентов упомянули прежний опыт «гонки за модой», который в настоящий момент преодолен, что согласуется с общими тенденциями развития рынка потребительской высокотехнологичной электроники. Зависимость от электронных устройств и иные формы аддиктивного поведения признал у себя только один человек, еще 8 – определили данное расстройство у других людей. Главным аргументом для ограничения общения с техникой является потребность в живом общении: «Телефон занимает

очень важную роль в моей жизни, но при возможности общаться в реальной жизни, для меня это будет предпочтительнее интернет общения» (респондент 19).

Отношения родителей и детей – предельно дискуссионная тема в современном обществе, так как она затрагивает отношения поколений и столкновение на уровне ценностного восприятия мира и его элементов, в том числе – электронных устройств. Часть респондентов (12 из 27) отмечает неконфликтность использования гаджетов в семье, описывая при этом как родительский (2 человека), так и детский опыт (10 человек): «По поводу родительско-детских отношений тут всё очень индивидуально. У кого-то меняются эти отношения, у кого-то нет. Всё зависит, как мне кажется, от воспитания» (респондент 14).

Помимо возможностей, которые дают новые технологии, отмечаются и риски, связанные с неполной социализацией и недостатком живого общения. Например: «Использование гаджетов детьми имеет как положительные, так и отрицательные стороны. К положительным отношу умение находить информацию, доступность связи с близким. К отрицательным – увлечение играми, ослабление зрения, снижение потребности в живой коммуникации» (респондент 10). Помимо этого, важен и поколенческий аспект: «Проблема влияния технологий на детей преувеличена: по наблюдениям, дети и подростки чаще используют цифровые устройства как повод для общения, чем представители более старших поколений, где преобладает индивидуальный режим погружения в устройство, а не демонстрация экрана соседу или собеседнику» (респондент 7).

При этом 9 из 27 респондентов отмечают культурный сдвиг, в рамках которого младшее поколение учит старшее пользоваться техникой, а не наоборот, как было еще 30-35 лет назад. Отметим также, что влияние возраста на скорость (или, в данном случае, падение скорости) обновления технических устройств: смену приоритетов и более взвешенный взгляд, – продемонстрировали респонденты старше 25 лет.

Фактор / тенденция 5. Управление / Люди и машины

Исследовался вопрос взаимопроникновения мира людей и мира машин. Люди в настоящее время все теснее связывают себя с машинами, вплоть до киборгизации собственного тела и ума. Управление в такой ситуации решает вопросы равного доступа людей к технологиям и предотвращение нанесения вреда машиной человеку. Формулировка вопроса: «Что Вы можете сказать о настоящем и будущем взаимодействии людей и машин, человеко-машинных интерфейсах? Пожалуйста, расскажите, на каком уровне управления этими ресурсами и доступом Вы находитесь, имеете и используете ли возможности владения / употребления машин в своей обыденной жизни?»

При оценке личного опыта взаимодействия с роботизированными интерфейсами большинство респондентов отметили его почти полное отсутствие (18 из 27 респондентов). При этом перспективность данного направления развития инноваций по мнению большинства опрошенных (21 из 27) неоспорима, особенно если она будет связана с решением проблем маломобильных граждан или работой в опасных условиях.

В качестве главных сдерживающих факторов упоминаются этические проблемы, связанные со сбором и обработкой больших массивов персональных данных, а также с имплантацией отдельных механизированных органов живым людям. Среди респондентов скептические взгляды в той или иной форме высказали 12 человек: «С недоверием отношусь даже к приложениям, которые запрашивают доступ к слишком большому количеству персональных данных. К физическому внедрению отношусь крайне негативно на данном этапе, так как нет необходимого уровня доверия к производителям» (респондент 20). При этом вопросы этики применительно к использованию роботов по-прежнему важны: «Я вижу это как серьезное направление развития, которое связано с этическими аспектами, что в некоторой мере останавливают рост в этом направлении» (респондент 3).

Проблема цифрового неравенства и его широкое распространение не нашла подтверждения в ответах респондентов, что позволяет говорить, о недостаточной актуальности данной темы для рассматриваемой категории жителей мегаполисов.

Фактор / тенденция 6. Роботы: международное сотрудничество и отечественная промышленность

Анализировалась тема роботизации и возможной замены человека роботами, которая постоянно обсуждается в СМИ и на страницах научных публикаций. Формулировка вопроса: «Пожалуйста, изложите Ваше представление о развитии и распространении роботов, и есть ли в Вашей жизни взаимодействие с роботами?»

По итогам опроса реальное взаимодействие с роботами признают только 6 респондентов. Остальные участники не в полной мере представляют уровень проникновения робототехники (в аспекте автоматизации действий и частичной автономии от оператора), однако с большим энтузиазмом смотрят в будущее, связанное со взаимодействием людей и роботов, а также частичной заменой первых последними в отдельных сферах социального взаимодействия. В целом оценки опрошиваемых сбалансированные, содержащие как позитивные, так и негативные последствия дальнейшей роботизации: «Это не значит, что все люди потеряют работу. Потому что появятся рабочие места, где людям нужно будет обслуживать, ремонтировать роботизированную технику» (респондент 14), «В будущем роботы полностью заменят человеческий труд. Физический труд 100%. У этого будет как положительная, так и негативная сторона. Положительная – упрощение жизни, больше времени на отдых и гедонизм. Негативная – резкий скачок уровня безработицы, возможные бунты рабочего класса» (респондент 5).

Наибольший уровень технооптимизма при этом демонстрируют представители категорий разработчиков, ИТ-специалистов. В общем и целом указанная тенденция не нашла значительной поддержки среди опрошиваемых «инноваторов» ввиду своей фантастичности и отдаленности реализации с точки зрения временных перспектив.

Фактор / тенденция 7. Умный город

Обсуждалось внедрение современных технологий управления городской среды в мегаполисах, которое затрагивает практически каждого жителя. Инновации эти громко заявлены, но не всегда очевидны для потребителя. Формулировка вопроса: «Пожалуйста, расскажите, с какими элементами умной городской среды Вы лично взаимодействуете, и с какими – наиболее часто, постоянно, (не)удобно? Как эти технологии изменили Вашу городскую жизнь и какое отношение к ним сформировалось в Вашей семье?»

Противоречивые ответы были получены от респондентов по вопросам функционирования интегрированных информационных систем, отдельные элементы которых не всегда позволяют сформировать образ единого целого, работающего на благо людей. Большая часть респондентов, ответивших на данный вопрос (14 из 16), отметила элементы умного освещения, интеграцию транспортных приложений и карт, а также систему обеспечения безопасности на улицах и единый интерфейс взаимодействия с городскими службами. В качестве обобщающих высказываний можно привести следующие: «В основном это система автоматизированных городских служб и интегрированных решений типа приложений такси и каршеринга. Все остальное незаметно и почти не ощущается в повседневном режиме» (респондент 7), «Внедрение современных технологий управления городской среды в мегаполисах затрагивает практически каждого жителя. Инновации эти громко заявлены, но не всегда очевидны для потребителя» (респондент 2).

Таким образом, указанная тенденция достаточно фрагментарно опознается «инноваторами» и не позволяет говорить об осознанном восприятии в повседневном режиме феномена умного города.

Фактор / тенденция 8. Искусственный интеллект и будущее / Сайт

Анализировались технологии, использующие искусственный интеллект (ИИ), очень распространенные в настоящее время и обращенные на исследование / прогнозирование поведения человека, таргетирование рекламных предложений и управление мнением. Формулировка вопроса: «Пожалуйста, объясните, насколько Вы осведомлены об инновациях с ИИ вокруг Вас в обыденной жизни. Вместе с тем, размещение и сбор информации в сети Интернет становится обыденной операцией в жизни каждого. Насколько часто Вам приходится использовать интернет в повседневной жизни, и как ориентируются в этом представители Вашей семьи?»

Анализ полученных ответов с одной стороны показывает полную погруженность респондентов в использование интернета в повседневных практиках (20 из 20 давших ответы), а с другой лишь 4 человека осознают связь интернета с искусственным интеллектом и машинными алгоритмами, оптимизирующими поиск и взаимодействие с интернет-сайтами: «Осознаю, что ИИ собирает информацию о нас в интернете, на основе сбора данной информации выдаёт нам нужную рекламу / людей / музыку / развлекательный контент» (респондент 5). Впрочем, сама незаметность технологии воспринимается как преимущество: «Никогда не задумывалась, где именно присутствует ИИ в обыденной жизни, а раз я его не замечаю, значит работает он весьма успешно» (респондент 11).

При этом феномен таргетирования, подстройка под нужды пользователя многими признается в качестве удобной возможности. Например: «Гораздо приятнее, когда сайт-технологии фильтруют и подбирают сами контент для тебя, и тебе не приходится тратить на это лишние силы и время» (респондент

16). Один из респондентов отмечает и фактор риска проникновения технологий в содержание взаимодействия человека с интернет-пространством: «Интернетом пользуюсь часто, информацию и новости стараюсь проверять на достоверность в разных источниках, но управление мнением, дипфейки и прочее развивает недоверие к какой-либо информации в интернете. Таргетирование приводит к информативному вакууму, приходится следить за гигиеной» (респондент 18).

Таким образом, проблема искусственного интеллекта, точкой входа в которую способен стать обычный поиск в интернете, воспринимается в качестве таковой далеко не всеми респондентами, что говорит о недостаточно высоком уровне поддержки «инноваторами» данной тенденции.

Фактор / тенденция 9. Автоматизация труда / Современность

Изучалась автоматизация труда, которая становится частью практически любой работы, даже офисной (CRM, системы электронных документов и др.). Автоматизация в России пока еще не повсеместная, но развитие продолжается. Формулировка вопроса: «Пожалуйста, оцените степень автоматизации Вашего труда, и как Вы относитесь к этому процессу?»

Из 16 полученных ответов 9 содержат высокую оценку автоматизации, 6 – среднюю при общем положительном восприятии данной тенденции. В частности, показателен такой ответ: «На работе мои дела максимально автоматизированны, так как работа с людьми и в продажах требует высокой энергозатратности, поэтому я делегирую то, что может за меня сделать техника, и использую в работе программы, которые могут в разы упростить процесс моей работы» (респондент 23). Тем не менее, наблюдается и скепсис в отношении повсеместной автоматизации (впрочем, для педагогических работников творческий характер труда препятствием не является).

Таким образом, данная тенденция получила значительное отражение в ответах и оценках опрашиваемых, что позволяет говорить об актуальности рассматриваемых в этом разделе вопросов.

Фактор / тенденция 10. Стартапы

Рассматривается продуктовый взгляд на проекты и результаты своей работы, который все больше прививается и даже требуется в современном мире от работников и администраторов самых разных сфер жизни – в образовании, медицине, управлении, ИТ отрасли. Предложения новых технологий и продуктов в форме стартапов встречается в мегаполисах чаще, чем в малых городах или сельской глубинке. Формулировка вопроса: «Пожалуйста, расскажите, насколько понятие стартапа вошло в Вашу повседневность, Вашу работу и учебу, жизнь Вашей семьи?»

Тема стартапов и стартап-мышления воспринимается респондентами противоречиво. 10 ответов содержат отрицание любой связи с затрагиваемой темой. Например: «Понятие "стартап" никак не затронуло и не вошло в мою повседневную жизнь, работу и учебу» (респондент 25). Существует также рассмотрение любого бизнеса как стартапа: «О стартапах много говорят, но фактически тема аналогична развитию любого бизнеса. Отношусь к этому термину как к модному слову» (респондент 2). В целом, слово «стартап» у 5 респондентов перешло границы ИТ-бизнеса и распространяется на любые проекты в профессиональной сфере, а также на повседневную жизнь, работу, учебу.

Один из ответов частично дает ответ на вопрос, почему данная тенденция не так широко поддерживается участниками опроса: «Культура стартапов – явно «перегретая» тема, большинство разработок дублируют существующие или закрывают несуществующие потребности пользователей. Как способ вовлечь молодежь в предпринимательскую деятельность и инновационную сферу – не самый худший вариант на 1-2 года, почти без перспектив в дальнейшем. При этом немного тревожит распространение технократического мышления: есть некая закрытая каста инноваторов-стартаперов, которые направляют массы в нужную им сторону – это, естественно, не так» (респондент 7).

Подводя итог, отметим, что после своего пика на рубеже 2000-2010 годов данная тема постепенно сошла на нет вследствие ментальной усталости от круговорота инноваций и ИТ-бизнесменов, наперегонки стремящихся улучшить жизнь обычных людей.

Фактор / тенденция 11. Молодежь и наука

Исследовался процесс сциентизации социальных практик, который неизбежно затрагивает тему научных инноваций и участия молодежи в академической науке и внедрении новых технологий. Формулировка вопроса: «Пожалуйста, расскажите, участвуете ли Вы в академической деятельности, и что Вы думаете о роли молодежи в научной деятельности в современной России?»

Анализ ответов респондентов показал, что 8 из 27 опрошенных в той или иной форме вовлечены в академическую и/или научную деятельность в различных форматах, в 6 случаях указанная деятельность связана со взаимодействием с молодежью. Ответы на вторую часть вопроса продемонстрировали как небольшой скепсис в возможностях молодежи в самореализации посредством научной деятельности («Считаю, что у молодых людей нет мотивации для развития карьеры в науке в современной России. Недостаточная престижность отрасли в социуме, маленькое финансирование», респондент 20), так и уверенность в блестящем будущем как самих молодых ученых, так и науки в целом: «Молодежь играет действительно важную роль в научной деятельности, российская молодежь обладает большим научным потенциалом, что отражает высокое качество российского образования, особенно в сфере точных, естественных и фундаментальных наук» (респондент 1).

Важен и поколенческий аспект, пусть и воспринимаемый противоречиво (как фактор способствующий и препятствующий научной социализации молодежи). Например: «Сейчас молодых кадров в этих областях становится только больше, и это радует, потому что со сверстниками работать интереснее, тратишь меньше времени на споры со старшим поколением из-за разности мнений» (респондент 11). Показательно и следующее мнение, поднимающее вопрос баланса и гармонии в профессиональном развитии: «За молодежью, безусловно, будущее. Очевидно то, что молодежь активно продвигается в науке, технике. Думая об этом, всегда задумываюсь о балансе духовного и научно-технического. В стремительном росте научно-технических достижений особенно нужно сконцентрироваться на духовном развитии личности» (респондент 6).

Указанная тенденция, таким образом, не в полной мере поддержана «инноваторами» на уровне личного опыта, но демонстрирует высокий уровень социальной поддержки участия молодежи в научной деятельности.

Фактор / тенденция 12. Развитие ИТ инфраструктуры

Анализировалось проникновение новых технологий в повседневную жизнь, что неизбежно связано с развитием информационной инфраструктуры в виде развития ИТ-компаний, расширения доступа к сети Интернет и всевозможным ИТ-продуктам, предложение технологий в жизни людей всех возрастов от первых дней рождения до самых пожилых. Формулировка вопроса: «Пожалуйста, расскажите, как Вы видите этот процесс в Вашей жизни и повседневности Ваших близких, а также влияние его на Вашу работу / учебу?»

Анализ полученных ответов продемонстрировал значительную осведомленность о новых технологиях и их использовании в повседневной жизни, однако из 21 человека, давшего ответ на данный вопрос, лишь 3 респондента смогли дать описание конкретных сценариев внедрения научно-технологических инноваций в повседневную жизнь. Преобладали в основном высказывания: «Технологии наше всё, без них мы не сможем эволюционировать» (респондент 13), «Живые встречи станут во многом роскошью, которую все станут ценить сильнее» (респондент 15) и т.п. Несомненно, поколенческий аспект использования научно-технологических инноваций также играет роль, тем более в рамках рассматриваемой темы аспект вовлеченности домохозяйств, включающих представителей разных поколений весьма важен.

В целом, отношение к технологиям у большинства опрошенных сбалансированное и основанное на личных и профессиональных интересах: «Процесс, управляемый с моей стороны и не ориентированный на опережающее освоение передовых технологий, но быть в курсе новостей ИТ-компаний приходится» (респондент 7). Таким образом, анализ отношения респондентов к указанной тенденции показывает недостаточно четкое представление о конкретных сценариях внедрения достижений науки и техники в повседневную жизнь при общем позитивном восприятии этого процесса.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Адли М. Стресс в большом городе. М.: Moscow Urban Forum, 2019. 392 с.
2. Баценоква А.А. Трансформации публичной сферы как отражение процесса индивидуализации // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. № 25 (1). С. 130-144.
3. Вайсман Дж. Времени в обрез: ускорение жизни при цифровом капитализме. М.: Дело, 2019. 304 с.
4. Гринфилд А. Радикальные технологии: устройство повседневной жизни. М.: Дело, 2018. 424 с.

5. *Ильина И.Н., Овденко Е.Н.* Городское развитие в период пандемии COVID-19. Исследования по повестке форума «Сильные идеи для нового времени». М.: Агентство стратегических инициатив, 2020. 25 с.
6. *Лагутин Ю.В.* Историко-философский анализ сциентизации социальных практик в современном мегаполисе // *Социология*. 2019. № 5. С. 63-72.
7. *Прими красную таблетку: наука, философия и религия в «Матрице»*. М.: Ультра. Культура, 2003. 312 с.
8. *Смирнова И.Н.* «Живущие рядом»: соседские взаимоотношения в городском пространстве // *Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Естественные, общественные науки*. 2016. № 1. С. 56-63.
9. *Стилман Д., Стилман И.* Поколение Z на работе. Как его понять и найти с ним общий язык. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. 272 с.
10. *Шаев Ю.М.* Информационная избыточность и цифровой детокс в контексте онтологии коммуникации // *Гуманитарный вектор*. 2018. Т. 13. № 2. С. 23-28.

Мунасыпов А.М.

АДАПТАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ОПЫТА ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕН НА ГАЗ К ПРАКТИКЕ ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКИХ ЭКСПОРТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ ГАЗОВЫХ КОМПАНИЙ

Аннотация. Важным направлением повышения результативности внешнеэкономической деятельности ПАО «Газпром» является совершенствование процесса установления цен с учетом особенностей работы иностранных конкурирующих фирм. В статье исследуется вопрос улучшения ценообразования российской газовой компании на европейском газовом рынке. Предложены способ совершенствования ценовой политики газового предприятия РФ на базе интеграции зарубежного опыта формирования цен на газ и система мер, обеспечивающих равнодоходность экспорта при изменении модели ценообразования. Использование данной методики позволит российской организации повысить гибкость и эффективность ценовой политики с пролонгацией сотрудничества с потребителями без ущерба рентабельности и присутствию на газовом рынке ЕС.

Ключевые слова. Экспорт природного газа, экспортно-ориентированная газовая компания, ПАО «Газпром», газовый рынок ЕС, модель ценообразования с нефтяной индексацией, биржевая модель, международный опыт установления цен на газ, равнодоходность экспорта.

Munasypov A.M.

ADAPTATION THE INTERNATIONAL EXPERIENCE OF FORMING NATURAL GAS PRICES TO PRICING PRACTICE OF THE RUSSIAN EXPORT-ORIENTED GAS COMPANIES

Abstract. Pricing process improvement with taking in account the features of the foreign competing firms work is important direction of rising foreign economic activity effectiveness of the PJSC «Gazprom». In the article issue of pricing development of the Russian natural gas company at the European gas market is studied. The price policy improvement approach of the Russian gas enterprise based on integration the foreign natural gas pricing experience and the steps system providing the equal export profitability in changing pricing model have offered. Using these methods will allow the Russian organization to increase price policy flexibility and performance, to prolong cooperation with the consumers without losses of profitability and share at the EU gas market.

Keywords. Natural gas export, export-oriented gas company, PJSC «Gazprom», EU gas market, oil indexation pricing model, stock exchange pricing model, international experience of forming natural gas prices, equal export profitability.

Введение

Восстановление мировой экономики после снятия ограничений ввиду пандемии Covid-19 обозначило активизацию международной торговли энергетическими товарами. Экспорт энергоресурсов, в частности природного газа, по-прежнему является важнейшим источником дохода бюджета РФ. Российская

ГРНТИ 06.81.45

EDN WTRIO

© Мунасыпов А.М., 2022

Артур Мидхатович Мунасыпов – аспирант кафедры экономики и управления предприятиями и производственными комплексами Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Контактные данные для связи с автором: 191023, Санкт-Петербург, ул. Садовая, д. 21 (Russia, St. Petersburg, Sadovaya str., 21). E-mail: arthur.munasypov@gmail.com.

Статья поступила в редакцию 12.07.2022.

экспортно-ориентированная газовая компания ПАО «Газпром» в 2021 г. реализовала 227,9 м³ газа в страны дальнего зарубежья [3] – на ключевом экспортном сегменте предприятия. Это на 8,9 м³ или на 4,06% больше результата 2020 г. Однако, несмотря на положительную динамику роста продаж, в отношении рентабельной деятельности газовых фирм РФ наблюдаются и определенные риски.

В процессе последовательного развития и либерализации европейского энергетического рынка, важнейшего сектора сбыта продукции российского ТЭК, в 2009 г. был принят Третий энергетический пакет [24], в дальнейшем дополненный сетевыми кодексами, регулирующими область транспортировки и реализации газа посредством стационарной инфраструктуры. Данная группа документов задала целевую модель газового рынка ЕС, в основу которой положен перевод торговли газом на биржевую (спотовую) модель формирования цен. Биржевая модель призвана заменить ранее успешно использовавшуюся модель ценообразования на газ с индексацией по ценам на нефть.

ПАО «Газпром» в рамках экспортной деятельности на европейском направлении длительное время применяла способ установления цен с привязкой к нефтяным котировкам, и такой подход устраивал обе стороны. С момента выхода новой газовой директивы в Европе ускорился рост числа и объемов совершаемых сделок по физической и виртуальной покупке газа по спотовым ценам, проявилось значительное превышение биржевых газовых индексов ценами, рассчитываемыми ПАО «Газпром», более чем на 90 долл./тыс. м³ в отдельные периоды. Также отмечено усиление разногласий между Газпромом и клиентами, активно настаивавшими на пересмотре ценовых условий газовых контрактов и выражавшими желание заместить российский газ более доступными закупками по спотовым ценам у предприятий-конкурентов. В отдельные отрезки следование традиционному подходу к ценообразованию способствует и существенному сокращению прибыли холдинга при экспорте на рынке ЕС [2].

Газовая компания РФ предприняла ряд мер по разрешению противоречий в виде предоставления скидок и частичной интеграции биржевой компоненты в процесс формирования экспортных цен [1]. Однако, несмотря на данные шаги и сближение цен, импортеры продолжили поиск и замену поставщика газа [15, 17]. Подобная картина наблюдалась в период относительной стабильности глобальной экономики в 2009–2019 гг., в течение коронакризисных ограничений 2020 г. и в ситуации преодоления негативных последствий локдауна в 2021–2022 гг., несмотря на включение существенной спотовой составляющей в ценообразование, запуск собственной электронной торговой площадки и ряд рекордных объемов поставок ПАО «Газпром» в Европу. Это демонстрирует высокую вероятность снижения импорта российского газа европейскими покупателями при сохраняющихся различиях в подходах к генерированию цен участников торговых соглашений.

Помимо ценового дисбаланса, на поставки российского газа в страны ЕС негативное воздействие оказывают климатическая повестка, цифровизация мировой экономики, санкционное воздействие на РФ, обострение геополитической обстановки. Данные процессы дополнительно усиливают конкуренцию среди поставщиков газа и трейдеров, сближают цены и ограничивают возможности прибыльных экспортных операций ПАО «Газпром» и др. предприятий.

В сложившихся и перспективных условиях активно изменяющегося глобального нефтегазового кластера особенно востребованным является поиск средств повышения конкурентоспособности российского газа на европейском рынке. С учетом длительно сохраняющихся разногласий с потребителями в ценовом вопросе и др. факторов актуальным направлением роста привлекательности продукции ПАО «Газпром» видится улучшение ценообразования. Важным способом совершенствования ценовой политики представляется интеграция опыта зарубежных нефтегазовых фирм, эффективно адаптирующихся к изменениям требований регуляторов и потребителей, а также динамике международной торговли газом. Необходимы изучение особенностей деятельности и средств ценообразования иностранных организаций и оценка возможности использования их опыта в российской практике.

Цель исследования – анализ и внедрение международного опыта формирования цен в ценообразование газовой компании (ПАО «Газпром»). Объект изучения – финансово-экономические отношения на мировом нефтегазовом рынке. Предметом анализа является процесс определения цен на газ. Гипотеза научной работы заключается в предположении о высоком потенциале улучшения продуктивности ценообразования газовых фирм РФ на базе интеграции зарубежного опыта.

Научная новизна исследования состоит в приращении совокупного научного знания информацией о методике повышения эффективности формирования цен на газ. Элемент новизны проведенного исследования: на основе анализа тенденций развития мирового газового рынка, изучения дея-

тельности и особенностей ценообразования российских и иностранных газовых компаний и рассмотрения научных работ в данной предметной области предложен способ адаптации международного опыта ценообразования на газ в практику установления цен ПАО «Газпром». Подход состоит в переходе ценообразования на газ на биржевую индексацию цен в полном объеме, а также реализации системы мер, обеспечивающих равнодоходность экспорта при снижении спотовых индексов относительно гибридных цен с нефтяной привязкой. Использование предложенной методики может повысить конкурентоспособность российского газа на рынке ЕС и гарантировать продление сотрудничества с потребителями без снижения рентабельности продаж и ущерба потенциалу развития фирмы в условиях энергетического перехода, новой мобильности и цифровой трансформации. Результаты исследования также могут быть применены в дальнейшем изучении направлений улучшения работы российских предприятий ТЭК.

Краткий анализ литературы

В процессе исследования для достижения поставленной цели был рассмотрен российский и зарубежный опыт изучения анализируемой проблематики. Необходимость совершенствования процесса расчета цен газовых фирм РФ обоснована в [5, 6, 9, 12, 20]. Зарубежные ученые Дж. Стерн и Х. Роджерс пришли к выводу о последующем увеличении газового трейдинга в ЕС с использованием конкурентной биржевой модели ценообразования [23]. В работах [4, 7, 14] поддержан тезис о приоритетности направления улучшения положений экспортеров российского газа в страны Европы наращиванием биржевой компоненты в ценообразовании.

В исследовании [11] сделан вывод о том, что в условиях общего снижения потребления ископаемого топлива, санкционных ограничений российской экономики, геополитической напряженности и намерения ЕС отказаться от значительной части импорта газа из РФ уже к концу 2022 г. средством сглаживания противоречий между ПАО «Газпром» и европейскими клиентами, а также нахождения компромисса и гарантии продления взаимовыгодной кооперации сторон является оптимизация ценообразования. В статье [8] предложена методика совершенствования ценообразования российских газовых фирм на базе синтеза наиболее результативных моделей формирования цен.

Наличие публикаций по рассматриваемой теме и существующие ценовые решения в практике внешнеэкономической активности не позволяют в полной мере раскрыть потенциал конкурентоспособности российского газа. Поэтому требуется дальнейшее изучение и совершенствование ценообразования газовых фирм РФ с акцентом на привлечение более продолжительного и насыщенного зарубежного опыта формирования цен в динамичной среде международной торговли газом.

Методология исследования

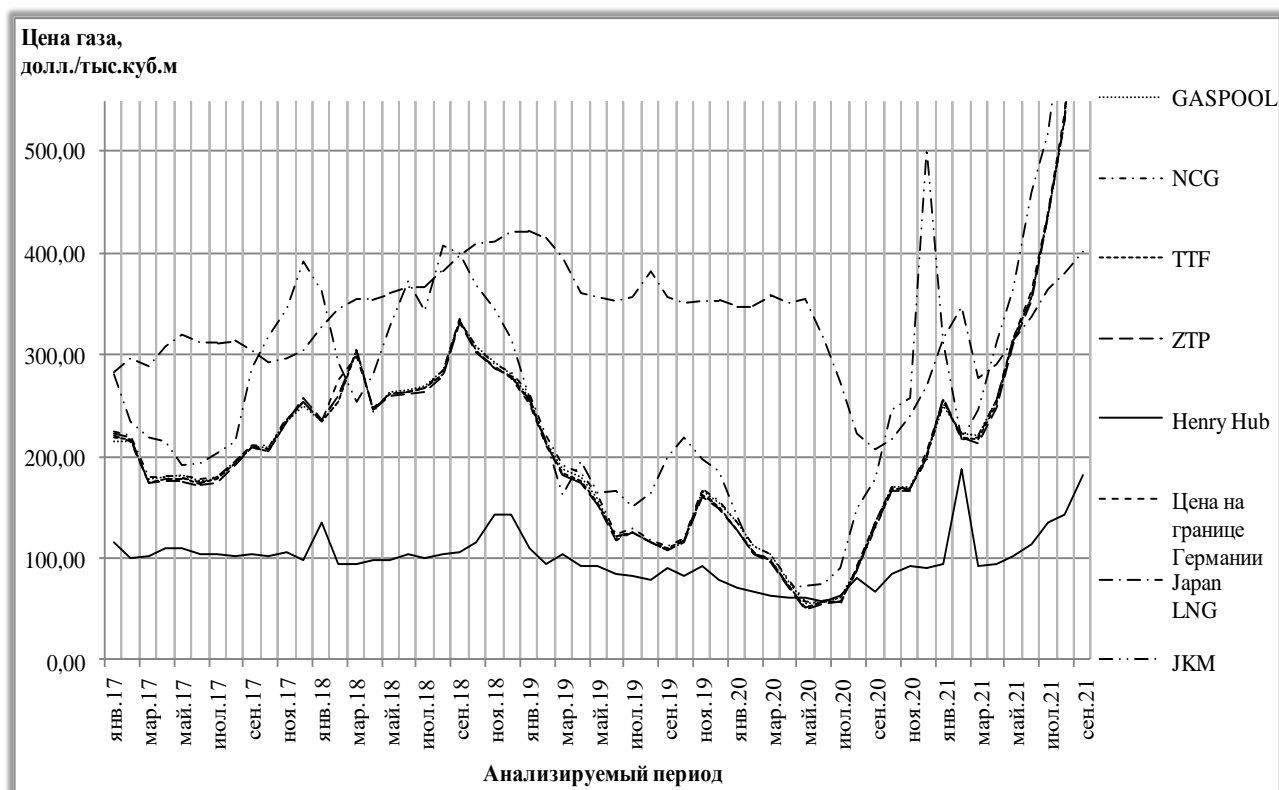
Работа направлена на анализ и реализацию возможностей повышения эффективности ценообразования газовых предприятий РФ с адаптацией опыта иностранных нефтегазовых компаний. В статье использованы общенаучные и специальные методы исследования. Применены электронные цифровые инструменты сбора, анализа данных и моделирования. Использованы информация мировой статистики о ценах на газ и сведения о доле моделей расчета цен на глобальном газовом рынке. В исследовании анализировалось соотношение цен на газ на отдельных сегментах, определяемых по различным методам ценообразования. Изучались особенности формирования цен иностранных газовых фирм. Рассматривались точки зрения российских и зарубежных авторов по данной теме.

По результатам изучения предложен способ повышения продуктивности ценообразования ПАО «Газпром» с адаптацией международного опыта установления цен на газ. Также предложена система шагов, обеспечивающих снижение риска недополучения прибыли при изменении ценообразования. На основе анализа динамики и соотношения цен проводилась симуляция экспорта ПАО «Газпром» при использовании разработанного подхода к ценообразованию. В завершение подведены итоги исследования, а также определены направления дальнейшей работы по рассматриваемой теме.

Результаты и их обсуждение

Анализ экспортной деятельности ПАО «Газпром», тенденций развития мирового газового рынка и научных публикаций российских и зарубежных ученых установил сохранение актуальности улучшения ценообразования газового предприятия РФ на европейском направлении. Исследование динамики цен на региональных газовых рынках показывает усиление конвергенции цен в отдельных рыночных обла-

стях. Это подтверждается графиком, приведенным на рисунке. Изучение соотношения цен, определяемых посредством различных моделей ценообразования, подтверждает дальнейший рост доли рыночных принципов формирования цен в мировой торговле. По информации Международного газового союза, по итогам 2020 г. 49,3% от глобального потребления газа было реализовано по спотовой модели генерирования цен [25].

Примечания: GASPOOL, NCG, TTF, ZTP, Henry Hub – региональные торговые хабы; Japan LNG – среднемесячная спотовая цена импортного СПГ в Японии; JKM – стандартизированный газовый индекс, охватывающий рыночную зону Японии и Кореи.

Рис. Динамика цен на различных сегментах глобального газового рынка (составлено автором по данным Trading Hub Europe, European Energy Exchange, Energy Information Administration, International Monetary Fund, World Bank, Platts)

Обобщение и систематизация проанализированной теоретико-методологической основы, трендов развития современной торговли газом и особенностей участия в ней российских предприятий позволяют сделать вывод, что для сохранения перспектив высокодоходной экспортной деятельности ПАО «Газпром» на европейском направлении эффективным решением представляется использование большей доли спотовых цен в ценовой политике. Степень биржевой привязки в долгосрочных контрактах и разовых сделках может иметь различную величину: 5%, 10%, 15% и т.д. Величина этого показателя зависит от требований регуляторов, покупателей, ценовой политики конкурентов и определяется на переговорах между участниками газовой торговли.

На современном этапе ценообразование российской фирмы уже включает высокую долю спотовой индексации цен. Согласно отчетным данным холдинга, в 2020 г. 87% газа, реализованного в страны дальнего зарубежья, непосредственно связаны с биржевыми котировками. Однако анализ кейсов продолжающегося даже в условиях пандемии отказа клиентов из Европы от российского газа в пользу более доступных и гибких в ценовом аспекте поставок конкурирующих организаций [15, 17] свидетельствует о недостаточности принятых мер. Иностранцы предприятия уже в течение продолжительного периода используют практически полную биржевую индексацию при продаже газа по долгосрочным контрактам и спотовым сделкам на рынке ЕС [19].

В связи с вышеизложенным в исследовании предложен новый способ улучшения ценообразования ПАО «Газпром». Подход заключается в переходе газовой компании на 100%-ную биржевую индексацию экспортных цен при реализации газа по долгосрочным договоренностям, краткосрочным транзакциям и в электронной торговле. Подобная смена модели ценообразования может гарантировать пролонгацию сотрудничества с импортерами российского газа, поскольку приведет методику формирования цен Газпрома в соответствие с текущими и перспективными нормами европейского энергетического рынка.

Изменение способа ценообразования запрашивает анализ последствий принятия данного управленческого решения. Исследование динамики и соотношения цен на газ, рассчитываемых по различным моделям ценообразования, демонстрирует периодическое продолжительное и значительное превышение ценами с нефтяной привязкой биржевых газовых индексов на рынке ЕС. При пересмотре условий контрактов на фоне недовольства потребителей ценовой дисбаланс уменьшился до 3 долл./тыс. м³ в отдельные интервалы. Однако разница в ценах присутствует и на текущем этапе с сильным сближением цен различных рыночных кластеров. Кроме того, биржевые цены подвержены более широкой дисперсии и значительной подвижности по сравнению с ценами, определяемыми по затратному методу и на базе нефтяной индексации.

Оценка возможности применения различных подходов к ценообразованию при продаже газа в ЕС свидетельствует о наибольшем риске при использовании биржевой модели расчета цен и указывает на высокую вероятность недополучения экспортного дохода по сравнению с продолжением применения цен с нефтяной индексацией [10], несмотря на отдельные периоды ценовых шоков, таких как проявившиеся с середины 2021 г. и в начале 2022 г., когда биржевые цены значительно превышали гибридные (среднегодовой уровень цен на европейских газовых хабах за 2021 г. на 76,52% выше аналогичного показателя гибридных цен с нефтепродуктовой привязкой). В связи с этим в исследовании была разработана система мер, обеспечивающих сохранение равнодоходности внешнеэкономической активности ПАО «Газпром» при смене модели ценообразования на биржевую. Данная система включает следующие компенсирующие шаги:

- увеличение продаж газа в натуральном выражении. Мера направлена на получение эквивалентного дохода при снижении ценовой ренты. В данном случае требуется учитывать последовательное сжатие емкости газового рынка ЕС вследствие активной политики стран ОЭСР по достижению углеродной нейтральности и устойчивому развитию;
- снижение затрат. Уровень себестоимости производства и реализации продукции непосредственно влияет на рентабельность внешнеэкономической деятельности газовой фирмы. Поставки российского газа в ЕС отличаются высокой полной себестоимостью, обусловленной затратностью получения газа на менее благоприятных для разработки месторождениях и большей протяженностью транспортных коридоров по сравнению с конкурентами из Норвегии и др. стран. Так, удельная полная себестоимость российского газа на границе ФРГ выросла с 1598,33 руб./тыс. м³ в 2005 г. до 6042,68 руб./тыс. м³ в 2021 г. Поэтому предлагается осуществлять последовательное сокращение расходов компании на основе интенсификации НИОКР по созданию, апробации, внедрению и коммерциализации новых технологических решений в сфере производства и транспортировки газа, особенно с учетом программ импортозамещения и инновационного развития российской экономики;
- проведение переговоров с Правительством РФ по дифференциации таможенной пошлины и налоговой нагрузки при продаже газа на европейском рынке. Согласно постановлению Правительства РФ от 19 августа 2003 г. № 507, ставка вывозной таможенной пошлины при экспорте сетевого газа составляет 30% от цены его реализации (таможенной стоимости). В ситуации сильного сближения биржевых цен такая нагрузка нивелирует значительную часть экспортного дохода и вызывает необходимость увеличивать ценовую ренту с продаж при постоянных объемах реализации, что может привести к прекращению сделок с потребителями. При сохранении цен на сопоставимом со среднерыночными спотовыми котировками уровне для повышения выручки потребовалось бы использовать меру дотационного ценообразования с поставкой значительных объемов газа по сниженным ценам, что противоречит естественной логике деятельности в сфере торговли невозобновляемыми энергоресурсами и коммерческим целям ПАО «Газпром». В связи с этим для получения желаемой рентабельности предприятию важно проведение переговоров по вопросу коррекции ставки экспорт-

ной пошлины. Также необходимо обсуждение с правительством вопроса замораживания либо снижения налога на прибыль и НДС на газ, планируемый к продаже в странах ЕС, поскольку НДС составляет значительную часть от полной себестоимости продукции ПАО «Газпром» (налог на добычу газа, экспортируемого из РФ в Германию, увеличился со 135 руб./тыс. м³ в 2005 г. до 1136 руб./тыс. м³ в 2021 г., ожидается дальнейшее плавающее повышение ставки). Компенсацию недополученных платежей в бюджет в данном случае целесообразно извлекать из дохода от реализации газа на более премиальных сегментах рынка АТР [13];

- оптимизация инвестиционной политики. В условиях современной климатической повестки [21], зеленого курса ЕС и декарбонизации [18, 22], ускоряющих снижение общего спроса на газ, имеющиеся стационарные газотранспортные мощности для поставки газа из РФ в Европу представляются достаточными с сохранением резерва для сценария резкого увеличения потребления и возможного в связи с этим повышения востребованности маршрутов. Суммарная годовая пропускная способность российских газопроводов в европейские страны без учета санкций, остановок на техническое обслуживание и ограничений в виде разрешения лишь 50%-ного использования инфраструктуры одним поставщиком равна 205 млрд м³ («Ямал – Европа» – 34 млрд м³, украинский коридор – 116 млрд м³, «Северный поток» – 55 млрд м³). Остается неопределенность с сертификацией и введением в эксплуатацию «Северного потока – 2» мощностью 55 млрд м³ в год, а также сохраняется возможность частичного задействования транспортных маршрутов в Турцию для доставки газа в европейские страны. При этом, по данным Международного энергетического агентства, в 2021 г. импорт газа в Европу из РФ составил 155 млрд м³ (140 млрд м³ трубопроводного газа и 15 млрд м³ в виде СПГ) при суммарном импорте ЕС 344,44 млрд м³ и общем потреблении 387,5 млрд м³. Поэтому актуально замещение строительства и использования новых стационарных транспортных коридоров с высокими CAPEX и OPEX развитием и применением средств для производства и доставки продукции в форме СПГ с расширением использования Северного морского пути, включая арендуемые танкеры, а также плавучие СПГ-заводы и регазификационные терминалы.

Комплекс предложенных мер позволяет снизить нижнюю границу инвестиционной цены, приемлемой для российского предприятия, оставаясь в зоне положительной рентабельности в ситуациях, аналогичных началу и середине 2020 г., когда среднерыночный уровень цен на европейских хабах фиксировался ниже значения безубыточности ПАО «Газпром» в 105 долл./тыс. м³ [16], а также создает задел финансовой прочности газовой фирмы для плавной адаптации финансово-экономической деятельности к предстоящим условиям дополнительного сближения биржевых цен и более интенсивного отказа мирового сообщества от использования газа.

Исследование динамики цен на газ выявило появление у организации РФ при использовании биржевых цен дополнительного варианта роста экспортного дохода. Как видно из рисунка, с середины 2021 г. международный газовый рынок подвергся резкому повышению цен на различных сегментах, особенно в секторе европейского энергетического рынка. В таких условиях ПАО «Газпром» при смене подхода к ценообразованию получает возможность увеличить выручку при торговле как сетевым газом по долгосрочным контрактам, так и посредством точечных поставок партий СПГ на наиболее доходные части рынка Европы. Выполненная имитация сценария экспорта газа в ЕС за 2021 г. по полностью биржевым ценам и сравнение деятельности компании при торговле по реальным гибридным ценам со спотовой составляющей и нефтяной привязкой в портфеле контрактов показала, что даже 5%-ный дисконт к биржевым газовым индексам позволяет повысить рентабельность продаж ПАО «Газпром» на 17,1% по сравнению с поставками по действующей схеме ценообразования.

При этом, в процессе моделирования использован реалистичный сценарий, согласно которому результат экспорта оценивался без изменения опций «take-or-pay» и «price cap», а также перемещения периода отбора газа на более выгодные для сторон отрезки и увеличения продаж российской фирмы по дополнительным транзакциям. Данное допущение свидетельствует о наличии резерва роста эффективности продаж посредством тонкой настройки ценовой стратегии.

Проведенное исследование показало, что совершенствование ценообразования на базе адаптации иностранного опыта в виде перехода на полностью биржевую индексацию устанавливаемых цен с комплексом предложенных мер по сохранению равнодоходности предоставит ПАО «Газпром» возможность разрешить ценовые противоречия с потребителями в ЕС, продлить экспортные соглашения и избежать снижения эффективности внешнеэкономической деятельности. Также новый подход позволяет

в отдельные периоды повысить экспортный доход без значительного наращивания физических объемов поставок и нагрузки на транспортную инфраструктуру с сохранением продукции для продажи на более премиальных сегментах.

Заключение

Восстановление мировой экономики и нефтегазового сектора от последствий пандемии Covid-19 создает новые варианты и вызовы для экспортной активности ПАО «Газпром». В течение длительного отрезка у компании РФ сохраняются ценовые разногласия с клиентами, вызванные различиями в подходах к ценообразованию. Подобные противоречия в комплексе с мерами глобального сообщества по реализации дорожных карт энергетического перехода, декарбонизации и развития новой мобильности, а также торговыми войнами, санкциями и возрастанием геополитической нестабильности усиливают риски и неопределенности для устойчивого и рентабельного экспорта на европейском энергетическом рынке.

Результативным средством нахождения компромисса с покупателями и пролонгации торговых соглашений является улучшение ценовой политики российского газового предприятия. Важным направлением реализации данной меры представляется адаптация международного опыта ценообразования в практику формирования экспортных цен РФ. Предложенный в работе способ интеграции опыта иностранных газовых компаний в ценообразование ПАО «Газпром», состоящий в переходе на полностью биржевую модель генерирования цен, а также разработанная система мер по сохранению равнодоходности экспорта обеспечат продление сотрудничества с европейскими потребителями на основе синхронизации ценовой политики предприятия с новыми нормами на либерализованном энергетическом рынке ЕС.

Симуляция действия созданных мер в текущих условиях международной торговли газом показала наличие потенциала увеличения доходности продаж ПАО «Газпром» на 17,1% по сравнению с используемой схемой ценообразования. Оценка предложенного подхода и компенсирующих шагов подтверждает их эффективность в различных сценариях и соотношениях цен. Адаптация зарубежного опыта установления цен позволит российской газовой компании пролонгировать соглашения с импортерами в Европе без снижения результативности коммерческой деятельности.

Перспективы дальнейших исследований

Последующая научная работа в анализируемой области должна быть ориентирована на формирование и анализ системы ценовых стратегий, гарантирующих оптимальные сочетания цен и объемов продаж газа, адекватных различным условиям целевых рынков. Также необходимо создание инновационных инструментов для управления ценообразованием, основанным на биржевой модели, и ценовым риском, обусловленным широкой дисперсией и значительной волатильностью спотовых индексов. Оптимизация ценовой политики, базирующейся на применении биржевых цен, с интеграцией результатов перспективных исследований может позволить российским газовым предприятиям поддерживать долгосрочную кооперацию с зарубежными покупателями и своевременно реагировать на активную динамику ценовой конъюнктуры. Это, по мнению автора, обеспечит сохранение желаемого уровня рентабельности внешнеэкономической деятельности ПАО «Газпром», дохода акционеров и инвесторов, а также высокие темпы экономического роста РФ.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. «Газпром» выходит из корзины нефтепродуктов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/2963025> (дата обращения 19.06.2022).
2. «Газпром» начал продавать газ в Европе на 20% дешевле рынка. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/09/06/2016/575973bc9a7947c723a9d3ae> (дата обращения 23.06.2022).
3. Годовой отчет ПАО «Газпром» за 2021 г. М., 2022. 158 с.
4. Еремин С.В. Рынки природного газа в условиях международной экономической интеграции: направления трансформации, ключевые факторы и вызовы: дис. ... д-ра экон. наук. М, 2018. 353 с.
5. Конопляник А.А. Газовый рынок в ожидании постреволюционной борьбы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.opes.ru/1465590.html> (дата обращения 16.06.2022).
6. Конопляник А.А. Газовый рынок Европы: однообразие или многообразие ценообразования? // Нефтегазовая вертикаль. 2013. № 15-16. С. 16-24.

7. Кулагин В.А., Мельникова С.И., Галкина А.А. и др. Перспективы российского газа на европейском рынке в контексте изменения рыночных условий, регуляторной среды и энергетической политики ЕС // Вестник международных организаций. 2016. Т. 11, № 1. С. 28–47.
8. Мунасыпов А.М. Инновационная система методов ценообразования экспортно-ориентированной газовой компании в конкурентной среде цифровой глобальной экономики // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2021. № 5 (131). С. 191–197.
9. Мунасыпов А.М. Отечественный и зарубежный опыт исследования механизма ценообразования // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2013. № 34 (172). С. 39–47.
10. Мунасыпов А.М. Оценка ценового риска во внешнеэкономической деятельности экспортно-ориентированной газовой компании // Газовая промышленность. 2016. № 3 (735). С. 51–55.
11. Мунасыпов А.М. Перспективы экспорта российского газа на рынке ФРГ в условиях преодоления последствий Covid-19, зеленого курса ЕС и цифровой трансформации // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 2 (134). С. 169–176.
12. Мунасыпов А.М. Проблемы развития и эффективного функционирования газовых компаний в посткризисный период // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2013. № 4 (114). С. 118–121.
13. Мунасыпов А.М., Ковальская Ю.В. Оптимизация налогообложения как составной элемент совершенствования механизма ценообразования экспортно-ориентированной газовой компании // Газовая промышленность. 2014. № 6 (707). С. 10–14.
14. Пономарев Д.А. Внешнеэкономические интересы России на рынках сжиженного природного газа: дис. ... канд. экон. наук. М., 2018. 183 с.
15. Турецкий истек. Как и почему «Газпром» теряет один из крупнейших рынков. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4476830> (дата обращения 18.06.2022).
16. Экспортная выручка «Газпрома» в январе рухнула на 40%. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2020/03/11/824983-viruchka-gazproma> (дата обращения 15.06.2022).
17. PGNiG на обочине: каковы последствия тяжбы с «Газпромом». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://iz.ru/1104435/sofia-smirnova/pgnig-na-obochine-kakovy-posledstviia-tiazhby-s-gazpromom> (дата обращения 28.06.2022).
18. A European green deal. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/european-green-deal_en (дата обращения 19.05.2022).
19. Adomaitis N. Norway challenges Russia with new gas pricing in Europe. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.reuters.com/article/2012/11/20/statoil-wintershall-idUSL5E8MK0W320121120> (дата обращения 17.01.2022).
20. Munasyrov A.M. Improvement of the mechanism of pricing as basis of effective financial policy of the export-oriented gas company // Research Journal of International Studies. 2013. № 6–2 (13), part 2. P. 66–68.
21. Paris agreement. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://unfccc.int/files/essential_background/convention/application/pdf/english_paris_agreement.pdf (дата обращения 26.02.2022).
22. Powering a climate-neutral economy: an EU strategy for energy system integration. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ec.europa.eu/energy/sites/ener/files/energy_system_integration_strategy.pdf (дата обращения 19.02.2022).
23. Stern J., Rogers H. The transition to hub-based gas pricing in continental Europe. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2011/03/NG49.pdf> (дата обращения 24.06.2022).
24. Third energy package. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ec.europa.eu/energy/gas_electricity/legislation/legislation_en.htm (дата обращения 17.06.2022).
1. Wholesale gas price survey 2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.igu.org/resources/global-wholesale-gas-price-survey-2021> (дата обращения 23.06.2022).

Цыбульский А.В.

ФАКТОРЫ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ ВИННОЙ ОТРАСЛИ НА МИРОВОМ РЫНКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются факторы, влияющие на конкурентоспособность национальных виноделов. Были изучены факторы конкурентоспособности на трех уровнях. Кроме того, были выявлены конкурентные преимущества производителей Старого и Нового света.

Ключевые слова. Мировая винодельческая отрасль, глобализация, конкурентоспособность, государственное регулирование виноделия, конкуренция.

Tsybulsky A.V.

FACTORS OF INCREASING THE COMPETITIVENESS OF WINE INDUSTRY PRODUCERS IN THE WORLD MARKET

Abstract. The article discusses the factors affecting the competitiveness of national winemakers. Factors of competitiveness at three levels were studied. In addition, the competitive advantages of manufacturers of the old and new world were identified.

Keywords. World wine industry, globalization, competitiveness government regulation of winemaking, competition.

Введение

В последние годы конкуренция на мировом рынке виноградных вин в условиях глобализации принимает всё более острый характер. В первую очередь это связано с ослаблением торговых барьеров между странами и превращением участников международных экономических отношений в жестких конкурентов за рынки сбыта. Рост взаимозависимости экономик всех стран мира и рост открытости во многом стирают границу между внутренним и внешним рынками. На мировом рынке занимать ведущее место может только тот, кто обеспечивает конкурентоспособность своих товаров на внутреннем рынке. Для России повышение конкурентоспособности национальных виноделов имеет большое значение, так как самообеспеченность России вином составляет 44.5%, остальную долю занимает импорт вина или материалов.

Существует множество определений конкурентоспособности в научной литературе. В зависимости от целей анализа и уровня объекта исследования могут быть использованы различные трактовки. Впервые это понятие появилось в работах Майкла Портера. Он считал, что национальная конкуренция – это «способность промышленности постоянно развиваться и вводить инновации. Это позволяет отечественным производителям создавать конкурентные преимущества, чтобы конкуренты не могли их догнать и перегнать» [1].

Для того, чтобы наиболее полно определить факторы повышения конкурентоспособности, в этой статье используется следующее определение конкурентоспособности: «Конкурентоспособность –

ГРНТИ 06.51.51

EDN XAWVGA

© Цыбульский А.В., 2022

Алексей Владимирович Цыбульский – аспирант кафедры мировой экономики и международных экономических отношений Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Контактные данные для связи с автором: 197082, Санкт-Петербург, Туристская ул., д. 38 (Russia, St. Petersburg, Turistskaya str., 38). Тел.: +7 952 350 09 09. E-mail: aleksejspb@yandex.ru.

Статья поступила в редакцию 22.06.2022.

это возможность системы устойчиво производить и продавать товары и услуги на конкретном рынке таким образом, что потребители предпочитают эту продукцию предложениям других конкурентов» [2].

Материалы и методы

Теории отраслевых рынков появились в ответ на потребность в создании теоретической базы для антимонопольного законодательства США. В настоящее время существует два основных направления изучения отраслевых рынков: Гарвардская и Чикагская школы. В методологическом отношении Гарвардская школа использует преимущественно эмпирические исследования для анализа поведения отдельных хозяйствующих субъектов и функционирования отраслевых рынков в целом. Чикагская школа применяет микроэкономический подход на базе оптимизационных моделей.

Таким образом, предметом исследования в рамках Гарвардской школы являются структурные взаимосвязи, характерные для того или иного отраслевого рынка, которые определяют поведение субъектов на рынке, а поведение субъектов рынка непосредственно влияет на результативность. Современным последователем Гарвардской школы является, например М. Портер, согласно которому отрасль является группой компаний, которые близки друг другу по каким-либо признакам [3]. Кроме того, Портер вводит определение отраслевого кластера. Это – группа географически соседствующих взаимосвязанных компаний (поставщики, производители и др.) и связанных с ними организаций, действующих в определенной сфере и взаимодополняющих друг друга.

Чикагское направление теории отраслевых рынков получило свое развитие в теории трансакционных издержек и теории квазиконкурентных рынков (У.Дж. Баумоль). В центре внимания последней теории лежит анализ причин появления монопольной власти. Особенностью современного этапа развития теории отраслевых рынков стала экстраполяция результатов исследования национальных рынков на исследование мировых рынков, а также рассмотрение глобализационных аспектов рыночной организации.

Конкурентоспособность национального винодельческого сектора можно рассматривать на трех различных уровнях: конкурентоспособность на уровне отдельных производителей, конкурентоспособность вина, произведенного в конкретной стране, и конкурентоспособность винодельческой отрасли страны. В основе оценки конкурентоспособности вина, произведенного в конкретной стране, лежат базовые конкурентные преимущества продукта. В виноделии к ним относятся: площади виноградных насаждений, климатические условия, характеристика почв, сорта выращиваемого винограда, доступность водных ресурсов, также на конкурентоспособность влияет наличие кластеров.

В некоторых странах, таких как США, цены на виноградники столь значительны что окупаемость виноградников достигает 30 лет. Более благоприятная для инвестиций ситуация с развитием виноградарства складывается в странах с либерализованным земельным рынком и умеренными ценами на землю, например, в Испании.

Также существуют различия в факторах, влияющих на конкурентоспособность вина в зависимости от того, к какому сегменту оно относится по качеству. Так, не вызывает сомнений, что страны с не самым подходящим климатом не смогут эффективно конкурировать в сегменте дешевых вин, так как они обладают слишком низкой добавленной стоимостью, и производитель не сможет выдержать конкуренцию со странами с более низкой себестоимостью выращивания винограда. В сегменте премиальных вин себестоимость производства вина занимает небольшую долю от его стоимости, и при грамотном продвижении вина на мировых рынках оно будет конкурентоспособным.

Производимое в мире вино можно условно разделить на пять сегментов по качеству. Премиальные вина можно разделить на категории ультра-премиум, премиум, сортовой премиум. Ординарные вина можно разделить на столовые вина в бутылках и вина в налив [4].

Также на конкурентоспособность вина значительно влияет использование признанных на мировом рынке сортов винограда. Несмотря на то, что существует множество культивируемых сортов, лишь шесть из них (Merlot, Cabernet Sauvignon, Pinot, Syrah, Chardonnay, Sauvignon) получили признание. И именно продукция, производимая с их помощью, имеет наибольшую долю потребления в мире. Еще более важно, что наиболее дорогие вина производятся именно из этих сортов винограда. Перечисленные сорта винограда составляли более половины посадок в странах Нового света в 2014 году [5]. Для сравнения, в 1997 г. этот показатель составлял лишь треть.

Безусловное влияние используемых сортов винограда на производителей вина в стране и конкурентоспособность на мировом рынке можно доказать на примере Чили и Аргентины. Так, в 1990-х годах

эти страны были практически не представлены на мировом рынке вина. Затем были предприняты усилия по созданию новых виноградников из саженцев высокого качества, привезенных из стран Старого света, в частности – из Франции.

После распространения этих сортов значительно увеличился объём экспорта вина. Так, в Аргентине объём экспорта увеличился на 238% в период с 2000 по 2014 гг., в Чили экспорт вырос на 170%. Кроме того, многие винные бренды этих стран стали цениться потребителями во всем мире. Конечно, на повышение конкурентоспособности виноделов этих стран повлияло не только применение признанных сортов винограда, но, безусловно, этот фактор оказал большое влияние. Среди других факторов, повлиявших на конкурентоспособность виноделов этих стран, можно назвать создание партнёрств с производителями из Старого света, которые использовали свой опыт в создании высококачественных сортов вин. Так, при посадке французских сортов винограда в рамках программ по развитию отрасли под каждый вид была подобрана местность, максимально отвечающая идеальным условиям его произрастания.

Еще одним важным фактом, влияющим на конкурентоспособность винодельческих компаний, является государственная поддержка. Она может быть осуществлена как в виде прямых государственных дотаций, так и косвенно. Мировая практика показывает, что косвенная поддержка наиболее эффективна, так как позволяет уменьшить влияние коррупции и в целом позволяет расходовать средства более эффективно. В качестве косвенной поддержки могут быть проведены маркетинговые мероприятия отечественных вин за рубежом, оказана поддержка винных ассоциаций, помощь в подготовке кадров, реформирование законодательства, лоббирование снижения пошлин у других стран. Также государство может способствовать появлению винных кластеров, что значительно повышает конкурентоспособность как отрасли виноделия, так и отдельных производителей.

Следующим фактором, определяющим качество и уровень конкурентоспособности продукта, являются климатические условия. Их мы рассматривать не будем, так как повлиять на них с целью повышения конкурентоспособности невозможно. Данный фактор можно отнести к базовым. Однако стоит заметить, что национальным производителям вина следует учитывать влияние климатических условий при выборе стратегии. Так, например, не следует использовать конкуренцию по цене, если производство винограда выше по себестоимости, чем в других странах. Но можно использовать уникальные климатические особенности своей территории для создания уникальных сортов вина и заниматься активным продвижением этих сортов на мировом рынке.

Природно-климатические характеристики региона объединяются в понятие «терруар». Терруар (фр. *terroir*) – территория выращивания винограда и других сельскохозяйственных культур, обладающая определенными постоянными на всей площади характеристиками климата, почвы, топографии и т.д. [6], оно является ключевым в виноделии. Терруар стал институциональной концепцией развития рынка вина. Регион выращивания винограда является ценным активом, приносящим доход, и его упоминание – это часть стратегии [7]. Страны Нового света в прошлом не использовали преимущества этого института, считая более важным сорт винограда, из которого производится вино. Такой подход является более понятным потребителю и упрощает идентификацию продукции.

Однако и новые участники международного рынка осознали достоинства подхода «*terroir*». В Чили была создана система «Наименование по происхождению», что сыграло важную роль в создании репутации чилийских сортов вина на мировом рынке. В Аргентине аналогичный закон был принят в 1999 г. [8] и применяется к трем регионам: Lujan de Cuyo, San Rafael и Rio Negro.

Одной из важнейших характеристик продукции, влияющей на ее конкурентоспособность, является имидж. Чтобы проиллюстрировать важность работы над имиджем национального вина, приведем несколько примеров национальной практики. Так, если сравнить процессы развития винной отрасли в Аргентине и Чили, то можно заметить, что Аргентина получила больше выгод от развития отрасли. В Аргентине посевные площади увеличились на 13% за период с 2000 по 2014 гг., а в Чили – на 21%, однако экспорт в Аргентине вырос на 238% по сравнению с 170% в Чили. Это связано с тем, что средняя цена экспортируемого вина Аргентиной значительно выше, чем в Чили. Такая разница цен обусловлена тем, что аргентинские производители выбрали сегмент более дорогих вин с высокой персонализацией, наращивая экспорт постепенно. Кроме того, аргентинские вина активно продвигались как высококачественные. В результате чилийские виноделы попали в «ловушку» качественных дешевых вин. То есть производители имеют большой потенциал наращивания цены на свою продукцию, и она не уступает

по качеству более дорогим винам, но продукция была неправильно позиционирована и недостаточно денег вкладывалось в создание собственных брендов.

Другим примером является ситуация в Испании, которая так же, как и Чили, попала в «ловушку» дешевого качественного вина. В 2014 г. цена литра испанского вина в налив составляла 0,4 евро, тогда как новозеландское стоило 2,48 евро, итальянское – 0,71 евро, французское – 1,24 евро [8]. Все это показывает, как важно правильное позиционирование и брендинг для конкурентоспособности производителей вина.

Для оценки конкурентоспособности национальных виноделов можно использовать различные подходы. Например, концепция «национального ромба» включает четыре группы факторов, взаимосвязанных между собой: стратегии фирм, их структура, уровень конкуренции; параметры спроса, т.е. емкость спроса, динамика его развития, дифференциация по видам продукции, требовательность покупателей; параметры факторов производства – материальные и нематериальные условия, необходимые для формирования конкурентного преимущества; наличие и уровень развития родственных и поддерживающих отраслей. Кроме того, в последние годы стала чрезвычайно важна роль правительств, политика которых непосредственно влияет на все факторы.

Важным фактором, влияющим на стратегию фирм, являются кластеры. Важность кластеров для конкурентоспособности национальных производителей ввел Портер. Во многих новых винодельческих странах именно кластеры сыграли важную роль в повышении конкурентоспособности страны на мировом рынке вина. Однако влиять на создание кластеров чрезвычайно сложно. Обычно они складываются десятки лет в ходе формирования рынка и в результате благоприятного стечения обстоятельств. Однако Портер, исследуя появление кластеров, смог выявить некоторые факторы, способствующие их созданию. Также он участвовал в разработке стратегии развития винной отрасли Португалии и результат был чрезвычайно значителен.

Таким образом, для повышения конкурентоспособности национального рынка вина, государствам следует способствовать формированию винных кластеров. Это можно сделать с помощью развития винных ассоциаций, способствования появлению научно-исследовательских институтов, подготовки кадров, углубления международного сотрудничества.

Далее рассмотрим стратегии, которые используют производители вина для повышения своей конкурентоспособности. Для того, чтобы быть конкурентоспособными, они должны обладать достаточным потенциалом, чтобы завоевывать новые рынки и удерживать свои конкурентные позиции на традиционных рынках. Составляющими элементами этого потенциала являются: степень контроля над поставщиками, проводимая стратегия роста, способность позиционировать свой продукт на конкурентных рынках, наличие достаточных финансовых и сырьевых ресурсов. Так, страны Нового света проводят активную политику «инвестирования в землю». К примеру, американской компании Constellation Brands принадлежит 6500 га виноградников, австралийским Vennoer Blass и Southcorp – 8300 га и 8400 га соответственно.

Чтобы обеспечить контроль за сбытом своей продукции и нарастить его объемы, компании либо интегрируют в свою организационную структуру сбытовые каналы, либо заключают договоры о сбыте своей продукции с другими компаниями отрасли напитков.

Важным параметром, характеризующим уровень конкуренции, является концентрация в отрасли. Так, в странах Нового света она значительно выше, чем в странах Старого света. Изучая функционирование винных компаний из разных стран, можно утверждать, что с увеличением размера компании ее рентабельность растет, и у нее значительно больше возможностей для выхода на международные рынки. Это является проблемой для стран Старого света, так как в них средний размер хозяйства гораздо меньше, однако наличие системы винных брокеров сглаживает эту проблему.

Еще одним аспектом стратегии фирм-производителей, влияющим на уровень конкурентоспособности, является система продвижения продукции. Подходы к ее организации у производителей стран Старого и Нового света заметно различаются. Виноделы из стран Нового света активно применяют современные инструменты маркетинга, брендинга, маркировки, гибкий подход к упаковке, креативное использование различных каналов дистрибуции, они ориентированы на потребителя и имеют высокую способность подстраиваться под изменения на рынке. Компании стран Старого света более инертны, винодельческая отрасль в этих государствах достаточно сильно зарегулирована и не позволяет им отступать от принятых стандартов.

Следующим фактором конкурентоспособности страны служит уровень развития внутреннего рынка данного вида товара. Конкурентоспособность виноделов Старого света в последние два десятилетия снизилась из-за уменьшения внутреннего потребления вина. Следовательно, для того чтобы повысить конкурентоспособность отрасли, необходимо стимулирование потребления вина среди населения своей страны. Это стимулирование можно обеспечить при помощи рекламы, снижении налогов на вино. Кроме того, вино может позиционироваться как более здоровый продукт и заменитель крепких спиртных напитков.

Влияние государственного регулирования в концепции «национального ромба» выносится как отдельный фактор, воздействующий на четыре основных. Объемы государственной поддержки в винодельческом секторе не поддаются точной оценке, так как в большинстве случаев эта информация не является общедоступной. Набор применяемых мер государственной политики может как облегчать, так и затруднять работу производителей вина на внешних рынках. Национальные рынки вина стран Нового света традиционно менее зарегулированы и слабо зависят от бюрократических факторов. В то же время, для французского виноделия характерны такие черты, как жесткость законодательства и небольшой средний размер винодельческого хозяйства, что ограничивает возможность изменения качества продукции в соответствии с предпочтениями массового потребителя и укрепления позиций национального вина на мировом рынке.

Результаты и обсуждение

Полученные в данном исследовании результаты дают возможность понять причины различий в структуре рынка и различных стратегиях повышения конкурентоспособности стран Старого и Нового света. Также на конкурентные стратегии оказали влияние исторические условия, определившие развитие рынка. Так во Франции исторические условия способствовали появлению большого количества виноделов, и в настоящее время использование успешного опыта других стран затруднено в связи с сильным влиянием традиций и исторически сложившегося уклада. Также эти условия способствовали ориентации на продукт высокого качества и появлению жестких критериев и стандартов, которым должно отвечать вино. Зачастую производители не могут реагировать на изменения спроса и создавать новые вина из-за строгих стандартов.

В других странах, таких как США и Австралия, исторические условия способствовали появлению лидеров, контролирующей значительную часть рынка. Так в США значительная доля рынка принадлежит 3 крупнейшим производителям. В этих странах существует исторически сложившаяся ориентация на создание стандартизированного продукта массового спроса, что, впрочем, не мешает создавать успешные высококачественные вина. Также существуют страны, где нет ярко выраженной спецификации рынка.

Кроме исторических условий, на рынки вина оказали огромное влияние поддержка и законы государства. Государственное регулирование и вмешательство в винную отрасль усложняет использование теоретических положений Чикагской школы анализа отраслевых рынков. Этот процесс происходит не только в странах, где исторически было сильно влияние государства, а также в странах, где государство давало рынку большую свободу. Так, в США, Австралии и в ряде стран Латинской Америки происходит ужесточение законодательных ограничений путем появления аналогов французских отраслевых стандартов.

Кроме того, процессы развития национальных винодельческих рынков в странах Нового света показали, что изменение базовых условий, выраженных в теориях гарвардской школы, значительно влияет на эффективность отрасли и отдельных виноделов, а также на структуру рынка в целом. Этот факт выходит за рамки чикагской школы анализа, согласно которой результативность влияет на структуру рынка, делая ее менее пригодной для анализа мирового рынка виноделия.

Заключение

Таким образом, в основе конкурентоспособности производителей вина лежат исходные условия виноградарства и виноделия (природно-климатические факторы), способность национальных виноделов завоевывать новые рынки, а также уровень национальной организации отрасли и степень ее поддержки со стороны государства.

Для того, чтобы повысить конкурентоспособность отрасли виноделия, необходимо учитывать опыт как стран Нового, так и Старого света. Так, необходимо соединять современные методики управления,

присущие компаниям из стран Нового света, с европейскими традициями производства вина. Кроме того, необходимо ослабить регулирование производителей в тех странах, где оно избыточно, но так, чтобы это не способствовало ухудшению качества. Государству следует способствовать продвижению национальных виноделов за рубежом, содействовать развитию отрасли и появлению кластеров. Производителям вина необходимо использовать опыт компаний Нового света в продвижении своей продукции и создании брендов, а опыт компаний Старого света – в создании качественных вин. Продвижение вина должно быть приоритетом для производителей, так как оно является чрезвычайно важным для этого рынка.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. *Портер М.* Конкурентная стратегия. Методика анализа отраслей и конкурентов. М: Альпина, 2010. 312 с.
2. Анализ основных факторов конкурентоспособности ведущих стран-производителей на мировом рынке вина. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://finance-credit.news/mirovaya-ekonomika-kniga/analiz-osnovnyih-faktorov-63297.html> (дата обращения 02.05.2022).
3. Концептуальный подход к исследованию мировых отраслевых рынков в условиях глобализации и регионализации и ведущие теоретические школы научного анализа. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://finance-credit.news/mirovaya-ekonomika-kniga/kontseptualnyi-podhod-issledovaniyu-mirovyih-63295.html> (дата обращения 13.06.2022).
4. *Farinelli F.* Quality Improvements and International Positioning of Chilean and Argentine Wines. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://academyofwinebusiness.com/wp-content/uploads/2014/07/TE05_Farinelli_Fulvia.pdf (дата обращения 06.03.2022).
5. Wine growing regions and their major varieties. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.napareserva.com/wine-growing-regions-and-their-major-varieties> (дата обращения 28.04.2022).
6. Terroir. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/terroir> (дата обращения 03.05.2022).
7. Perceived efficacy of sustainability strategies in the US, Italian, and Spanish wine industries. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/282161290_Perceived_efficacy_of_sustainability_strategies_in_the_US_Italian_and_Spanish_wine_industries (дата обращения 03.05.2022).
8. Is your French wine made in Spain? [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://english.elpais.com/elpais/2015/04/16/inenglish/1429189762_511844.html (дата обращения 03.05.2022).

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Наш журнал открыт для публикации по любому из направлений деятельности университета. Автором журнала может быть любой преподаватель, научный сотрудник, докторант, аспирант, соискатель, а также тот, кто сотрудничает с университетом в рамках научной или педагогической деятельности. Статьи студентов (уровни подготовки – бакалавриат, специалитет, магистратура), а также лиц без высшего образования, в том числе подготовленные в соавторстве, не рассматриваются и не публикуются. Обращаем Ваше внимание, что в действующий с 01.12.2015 г. Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, журнал включен по отраслям: 08.00.00 Экономические науки; 10.00.00 Филологические науки; 22.00.00 Социологические науки. Все представленные материалы в обязательном порядке рецензируются членами редакционной коллегии и привлекаемыми специалистами по направлениям науки.

ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

К рассмотрению принимаются только комплектные материалы, которые включают:

1. Статью, оформленную в соответствии с приведенными ниже требованиями. Используется только (!) книжная ориентация страниц. Также обязательно наличие оформленного по ГОСТ списка литературы (использованных при разработке статьи источников), в котором источники должны быть упорядочены по алфавиту (сначала – источники на русском языке, затем – на иностранных языках); на все включенные в список источники обязательно должны быть ссылки в тексте статьи; рекомендованное количество ссылок – не менее 5–7; не рекомендуется, чтобы в списке литературы количество ранее изданных работ авторов составляло более 10–15%. Недопустимо наличие в статье нередатируемых материалов (например, сканированных рисунков или формул). Статья должна быть снабжена кодом ГРНТИ (Государственный рубрикатор научно-технической информации). Статья должна быть снабжена заголовком (наименованием) на русском и английском языке;
2. Аннотацию статьи на русском и английском языке, объемом 400–500 знаков;
3. Ключевые слова, отражающие основные идеи статьи (5–8 слов и словосочетаний на русском и английском языке);
4. Сведения об авторе, включающие:
 - Ф.И.О. полностью на русском и английском языке;
 - учёная степень, учёное звание (при наличии);
 - должность и место работы / учебы (обязательно);
 - контактные данные для публикации в журнале на русском и английском языке (адрес с почтовым индексом, номер контактного телефона, e-mail);
 - контактные данные для переписки с редакцией (номер домашнего, мобильного и рабочего телефонов, e-mail, а также другую контактную информацию, по усмотрению автора – на русском языке), которые приводятся в сопроводительном письме.
5. Все материалы присылаются в редакцию по электронной почте: plotnikov.v@unesco.ru. Рекомендуется в названиях файлов использовать фамилию и инициалы автора, а в заголовке письма указывать, что в нем содержатся материалы статьи, предлагаемые для публикации в журнале «Известия СПбГЭУ».

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ ПО ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

1. Объём статьи (включая аннотацию, ключевые слова, сведения об авторах, список использованной литературы) для лиц с ученой степенью / званием – от 4 до 7 страниц, для лиц без ученой степени / звания – от 3 до 5 страниц.
2. Формат страницы А4, ориентация – книжная. Поля: верхнее 3,1 см, нижнее 2,9 см, левое 2,2 см, правое 1,7 см. Без колонтитулов, расстояние от края страницы до верхнего колонтитула 2 см, до нижнего – 1,27 см. Функция «Автоматическая расстановка переносов» должна быть отключена. Страницы не

нумеруются. Не допускается использование в тексте статьи автоматически нумерованных списков. Общие свойства абзацев для всего материала: без отступов до и после абзаца, межстрочный интервал – одинарный.

3. Все материалы статьи должны быть оформлены шрифтом Times New Roman.

4. На первой строке без абзацного отступа с выравниванием по правому краю, через запятую размещаются фамилии и инициалы соавторов (первая буква прописная, остальные строчные) на русском языке. В статье рекомендуется наличие не более чем 3–4 соавторов. Размер шрифта 11 пт, начертание обычное.

5. После пропуска пустой строки, без абзацного отступа, с выравниванием по центру размещается название статьи на русском языке. Размер шрифта 12 пт, начертание полужирное. В конце наименования делается сноска, в которой указаны сведения об авторах (см. далее).

6. После пропуска пустой строки, с абзацным отступом 0,6 см, с выравниванием по ширине размещается аннотация статьи на русском языке. Размер шрифта 11 пт, начертание наклонное. Сначала приводится слово «Аннотация» (дополнительное свойство шрифта – полужирный), затем, после точки – сам текст аннотации.

7. После пропуска пустой строки, с абзацным отступом 0,6 см, с выравниванием по ширине размещаются ключевые слова статьи на русском языке. Размер шрифта 11 пт, начертание наклонное. Сначала приводится словосочетание «Ключевые слова» (дополнительное свойство шрифта – полужирный), затем, после точки – сами ключевые слова (словосочетания), разделенные запятыми.

8. Две пустые строки.

9. Повторяется информация, указанная в пп. 4–7 на английском языке, с теми же правилами оформления. В англоязычном блоке вместо слова «Аннотация» указывается слово «Abstract», а вместо словосочетания «Ключевые слова» – «Keywords».

10. Две пустые строки.

11. Текст статьи оформляется на русском языке с абзацным отступом 0,6 см (самый первый абзац статьи – без абзацного отступа), с выравниванием по ширине. Размер шрифта 11 пт, начертание обычное. Не рекомендуется использование без крайней необходимости других типов шрифтов. При необходимости, в тексте статьи могут быть выделены разделы (например, «Введение», «Анализ литературы», «Методика исследования», «Основные результаты и их обсуждение» и т.п.). Если статья подготовлена при финансовой поддержке какого-либо фонда, выполнена в рамках государственного задания и т.д., то это указывается в последнем абзаце, завершающем статью (перед списком использованной литературы). Порядок оформления этого абзаца: отступ 0,6 см, выравнивание по ширине, размер шрифта 11 пт, начертание наклонное. В тексте могут приводиться рисунки и таблицы, которые размещаются непосредственно после их упоминания, либо на следующей странице. На все рисунки и таблицы должны быть ссылки. При необходимости в тексте статьи приводятся формулы. Статья оформляется без приложений.

12. По тексту статьи должны иметься ссылки на все позиции, приведенные в списке литературы. Ссылки по тексту оформляются в квадратных скобках, с указанием номера позиции в списке литературы. Например: [11]. Если ссылка идет на конкретную страницу (диапазон страниц), это указывается. Например: [2, с. 12] или [4, с. 8–9]. Если ссылка идет на несколько позиций списка литературы, то они перечисляются в общих квадратных скобках, по возрастанию номеров, с разделением точками с запятой. Например: [3, с. 78; 4; 8, с. 11–14; 10] (неправильно: [3], [5]). Если ссылка на литературу стоит в конце предложения, то оканчивающий предложение знак препинания ставится после закрывающей квадратной скобки (правильно: «... ряда авторов [7; 8].» неправильно: «... ряда авторов. [7; 8]»).

13. При необходимости в статье могут быть приведены постраничные ссылки, которые оформляются без абзацного отступа, с выравниванием по ширине. Размер шрифта 10 пт, начертание обычное. Не рекомендуется использование постраничных ссылок без особой необходимости.

14. Рисунки оформляются только в черно-белом варианте, рисунки должны быть представлены в виде (формате), позволяющем их редактирование при подготовке журнала к выпуску. Все рисунки должны быть пронумерованы, если рисунок в статье один, то он не нумеруется. В тексте статьи рисунки подписываются снизу, без абзацного отступа, с выравниванием по центру. Размер шрифта 10 пт, начертание обычное. В подписи сначала идет сокращение «Рис. X.» (где X – номер рисунка), наклонным шрифтом. Затем приводится наименование рисунка, без точки в конце. До и после наименования рисунка пропускается одна пустая строка, рисунок сверху от текста также отделяется одной пустой строкой.

15. Таблицы должны быть представлены в виде (формате), позволяющем их редактирование при подготовке журнала к выпуску. Все таблицы должны быть пронумерованы, если таблица в статье одна, то она не нумеруется. Размер шрифта таблиц 10 пт, начертание обычное. В тексте статьи таблицы подписываются сверху, без абзацного отступа. Таблица отделяется от текста сверху и снизу пустой строкой. Над таблицей с выравниванием по правому краю, размер шрифта 10 пт, начертание наклонное пишется: «Таблица Х» (где Х – номер таблицы). Затем приводится наименование таблицы, без точки в конце (выравнивание по центру без абзацного отступа, шрифт 10 пт, начертание полужирное).

16. Рекомендуется в таблицах и рисунках указывать источник информации.

17. Формулы оформляются с использованием встроенного средства оформления формул программы текстового редактора.

18. Список литературы оформляется в конце статьи. Сначала оформляется его заголовочная часть (выравнивание по центру, без абзацного отступа, шрифт 11 пт, начертание обычное): пустая строка; слово «ЛИТЕРАТУРА»; пустая строка. Затем в виде нумерованного списка приводится сам список литературы (шрифт 10 пт), выравнивание абзаца – по ширине.

19. Сведения об авторах приводятся в обязательной сноске внизу первой страницы. Они оформляются шрифтом 10 пт, начертание обычное; выравнивание абзаца – по ширине, без абзацного отступа.

Эти сведения содержат (каждая позиция с новой строки):

- код ГРНТИ статьи, который указывается без точки в конце. Например: «ГРНТИ 06.81.12»;
- авторский знак, затем через запятую фамилии и инициалы соавторов, затем год публикации. Например: «© Попович А.А., Янгелова Е.А., 2016»;
- сведения об авторах (каждый автор – с новой строки), включающие имя, фамилию, отчество и, после тире, ученую степень (при наличии), ученое звание (при наличии), наименование должности и организации (для высших учебных заведений и других организаций не рекомендуется использовать без крайней необходимости сокращенное обозначение организационно-правовой формы, например не рекомендуется использовать аббревиатуру «ФГБОУ ВО»), если из наименования организации неочевидно, в каком населенном пункте она находится, в скобках приводится название города. Например: «Николай Федорович Иванов – кандидат экономических наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента Южно-Сибирского института стратегического анализа (г. Темиртау)»;
- контактные данные для связи с автором. Если авторов несколько – указываются данные только одного из них, при этом в скобках указывается его фамилия и инициалы. Они включают адрес с почтовым индексом на русском и английском языке, контактный телефон и адрес электронной почты. Например: «Контактные данные для связи с авторами (Плотников В.А.): 191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21 (Russia, St. Petersburg, Sadovaya str., 21). Тел. 8 (812) 310-47-60. E-mail: plotnikov.v@unecon.ru».

Некомплектные статьи, статьи, оформленные не по установленным правилам и с неправильно оформленным списком литературы, НЕ ПРИНИМАЮТСЯ!

Более подробная информация представлена на сайте издания:

- <http://unecon.ru/zhurnal-izvestiya/trebovaniya-k-predstavlyaemym-/trebovaniya> и
- http://unecon.ru/sites/default/files/shablon_oformleniya_stati.docx.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛ

«ИЗВЕСТИЯ СПбГЭУ»

Периодичность выхода издания – 6 номеров в год.
Подписаться на журнал можно по каталогу агентства «Роспечать». Индексы 15395 и 37154.
Подписная цена журнала: 1950 руб. – на полугодие и 3900 руб. – на год.

Приобрести журнал за наличный расчет или оформить редакционную подписку можно по адресу:
191023, г. Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 30-32, литер А
редакция журнала «Известия СПбГЭУ»

Зам. главного редактора
Плотников Владимир Александрович

Контактный телефон: +7 (911) 949-13-21 (редакция)
E-mail: plotnikov.v@unecon.ru

Редакторы:
С.С. Алмаметова, Ю.А. Безуглая
Обложка художника *А.А. Сивакова*
Оригинал-макет *Ю.К. Трубкиной*

Подписано в печать 05.08.2022 г. Дата выхода в свет 05.08.2022 г.
Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 27,5. Уч.-изд. л. 27,5. Тираж 500 экз. Заказ 610.

Адрес редакции журнала «Известия СПбГЭУ»: 191023, г. Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 30-32, литер А.
Адрес издателя и типографии: 191023, г. Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 30-32, литер А
Отпечатано на полиграфической базе СПбГЭУ.
Цена номера – 650 руб.